

e-ISSN 2500-2856

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
2024

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ♦ № 1 ♦ 2024

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (47)
2024

Главный редакторакадемик АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдииков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленев**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:**

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – Ph.D. (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай), **А.С. Сагдуллаев** – академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Р.Х. Сулейманов** – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **М.М. Саидов** – доктор исторических наук, профессор (Самарканд, Узбекистан), **Ш.Б. Шайдуллаев** – доктор исторических наук, профессор (Термез, Узбекистан)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:**А.А. Чижевский** – кандидат исторических наук**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс ПП753,
 электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"
 Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2024

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2024

© Журнал «Поволжская археология», 2024

Издательство «Фэн»

Казань, Татарстан

Editor-in-Chief:

Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – Ph.D. (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. De-gryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China), **A. S. Sagdullaev** – Academician of the National Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **R. Kh. Suleymanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue

A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2024

© Mari State University, 2024

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2024

Содержание

*Кудашов А.С., Андреев К.М., Выборнов А.А. (Самара, Россия),
Алешинская А.С. (Москва, Россия), Васильева И.Н., Сомов А.В.,
Пантелеева Т.Ю. (Самара, Россия)*
Исследования нового памятника раннего неолита лесного
Среднего Поволжья Сокольный XVII 8

*Жульников А.М. (Петрозаводск, Россия), Аськеев И.В.,
Шаймуратова Д.Н., Монахов С.П. (Казань, Россия)*
Изображения рыб в наскальном творчестве древнего населения
Северной Европы 27

*Скаун Н.Н., Терехина В.В. (Санкт-Петербург, Россия),
Эредиа Х. (Гранада, Испания), Агаханова В.А. (Москва, Россия)*
Реконструкция технологии изготовления сланцевых ножей по
результатам изучения материалов памятников
древних и исторических эскимосов 47

Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. (Оренбург, Россия)
Хронология элитного кургана ямной культуры могильника
Болдырево IV в Оренбургской области по данным стратиграфии,
погребального обряда и радиоуглеродного датирования 69

Бруяко И.В. (Одесса, Украина)
Две киммерийские стелы из Северо-Западного Причерноморья 86

*Селин Д.В., Федорова З.А. (Новосибирск, Россия),
Чемякин Ю.П., Борзунов В.А. (Екатеринбург, Россия)*
Особенности обжига сосудов белоярской и калинкинской культур
на Барсовой Горе в Сургутском Приобье
(по данным термического анализа) 96

Новиков А.В. (Кострома, Россия)
Керамические комплексы поселения Водоба II
в контексте представлений о раннем железном веке Белозерья 110

Добровольский Л.С., Умиткалиев У.У. (Астана, Республика Казахстан)
Z-символика в трактовке семантики формы s-видных
и г-образных скифских псалиев восточноевропейской зоны 125

Разуваев Ю.Д. (Воронеж, Россия)
Керамическая посуда донских поселений городецкой культуры 139

*Саттаров Р.Р. (Казань, Россия), Красноперов А.А. (Ижевск, Россия),
Камалеев Э.В. (Уфа, Россия)*
Знаки на наконечниках стрел из памятников пьяноборской культуры 155

*Gursoy M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Baitanayev B.A.
(Almaty, Republic of Kazakhstan), Acar E. (Chorum, Republic of Turkey),
Sizdikov B.S., Sundetova A.N. (Turkestan, Republic of Kazakhstan)*
Paleoanthropological Analysis of Osteological Material
from the Myntobe Burial Ground 173

<i>Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. (Барнаул, Россия)</i>	
Клинковое оружие населения Алтая жужанского времени (по материалам комплекса Чобурак-I)	191
<i>Колонских А.Г. (Уфа, Россия), Саттаров Р.Р., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия)</i>	
Бустанаевский курганный могильник – новый памятник Эпохи великого переселения на северо-западе Башкортостана	203
<i>Овсянников В.В., Русланов Е.В., Хурмаев А.А. (Уфа, Россия)</i>	
Актуальные проблемы и перспективы изучения городищ караякуповской культуры	219
<i>Türk A. (Budapest, Hungary)</i>	
New Results and Ideas of the Archaeological Research on Early Hungarian History in the Eurasian Context	234
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

CONTENT

<i>Kudashov A.S., Andreev K.M., Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation), Aleshinskaya A.S. (Moscow, Russian Federation), Vasilieva I.N., Somov A.V., Panteleeva T.Yu. (Samara, Russian Federation)</i>	
Sokolny VII – a New Site of the Early Neolite of the Republic of Mari El	8
<i>Zhul'nikov A.M. (Petrozavodsk, Russian Federation), Askeyev I.V., Shaymuratova D.N., Monakhov S.P. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Images of Fish in the Rock Art of the Ancient Population of Northern Europe	27
<i>Skakun N.N., Terekhina V.V. (St. Petersburg, Russian Federation), Heredia J. (Granada, Spain), Agakhanova V.A. (Moscow, Russian Federation)</i>	
Reconstruction of the Technology for Manufacturing Slate Knives Based on the Results of Studying Materials from Sites of Ancient and Historical Eskimos	47
<i>Morgunova N.L., Faizullin A.A. (Orenburg, Russian Federation)</i>	
Chronology of an Elite Mound of the Yamnaya Culture Boldyrevo IV Burial Ground in the Orenburg Region According to Stratigraphy, Burial Rite and Radiocarbon Dating	69
<i>Bruyako I.V. (Odessa, Ukraine)</i>	
Two Cimmerian Steles from the North-West Black Sea Region	86
<i>Selin D.V., Fedorova Z.A. (Novosibirsk, Russian Federation), Chemyakin Yu.P., Borzunov V.A. (Yekaterinburg, Russian Federation)</i>	
Peculiarities of Firing Vessels of the Beloyar and Kalinkina Cultures on the Barsova Gora in the Surgut Ob River Region (according to thermal analysis)	96
<i>Novikov A.V. (Kostroma, Russian Federation)</i>	
Pottery Assemblages from Vodoba II Settlement in the Light of Ideas about the Early Iron Age in Lake Beloye Region	110
<i>Dobrovolskiy L.S., Umitkaliev U.U. (Astana, Republic of Kazakhstan)</i>	
Z-Symbols in the Interpretation of the Semantics of the Configuration of S- and Г-Shaped Scythian Cheek-Pieces of the Eastern European Zone	125
<i>Razuvaev Yu.D. (Voronezh, Russian Federation)</i>	
Ceramic Dishes Were from the Don Settlements of Gorodets Culture	139
<i>Sattarov R.R. (Kazan, Russian Federation), Krasnopeorov A.A. (Izhevsk, Russian Federation), Kamaleyev E.V. (Ufa, Russian Federation)</i>	
Marks on Arrowheads from Sites of the Piany Bor Culture	155
<i>Gursoy M. (Turkestan, Republic of Kazakhstan), Baitanayev B.A. (Almaty, Republic of Kazakhstan), Acar E. (Chorum, Republic of Turkey), Sizdikov B.S., Sundetova A.N. (Turkestan, Republic of Kazakhstan)</i>	
Paleoanthropological Analysis of Osteological Material from the Myntobe Burial Ground	173

<i>Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S. (Barnaul, Russian Federation)</i>	
Blade Weapons of Altai Population in Rouran Period (by the materials of the Choburak-I complex).....	191
<i>Kolonskikh A.G. (Ufa, Russian Federation), Sattarov R.R., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Bustanaevo Burial Mound – a New Great Migration Era Monument in the North-West of Bashkortostan.....	203
<i>Ovsyannikov V.V., Ruslanov E.V., Khurmaev A.A. (Ufa, Russian Federation)</i>	
Current Issues and Prospects of Study the Karayakupovo Culture Hillforts	219
<i>Türk A. (Budapest, Hungary)</i>	
New Results and Ideas of the Archaeological Research on Early Hungarian History in the Eurasian Context	234
List of Abbreviations.....	248
Submissions	250

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/pa2024.1.47.8.26>

ББК 63.4

ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОГО ПАМЯТНИКА РАННЕГО НЕОЛИТА ЛЕСНОГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ СОКОЛЬНЫЙ XVII¹

© 2024 г. А.С. Кудашов, К.М. Андреев, А.А. Выборнов, А.С. Алешинская,
И.Н. Васильева, А.В. Сомов, Т.Ю. Пантелеева

Статья посвящена итогам исследования в Республике Марий Эл стоянки Сокольный XVII. Представлена история изучения памятника. Дается природно-географическое описание территории стоянки. Приводятся сведения о стратиграфических напластованиях и распределении артефактов на площади раскопа. Вводятся в научный оборот результаты палинологического анализа культурного слоя. Керамическая коллекция состоит из 52 сосудов. Осуществлено изучение технологии изготовления керамики на основе историко-культурного подхода. Проводится анализ элементов и мотивов орнамента. Определяются категории найденных в ходе раскопок орудий, сделаны общие статистические подсчеты. Исходя из результатов исследования, предлагается несколько выводов. Комплекс находок с поселения типологически близок раннеоолитическим материалам Марийского Поволжья, в то же время фиксируются некоторые локальные особенности. Результаты технико-технологического анализа керамики свидетельствуют о наличии нескольких видов исходного пластического сырья, при определенном однообразии формовочной массы. В эпоху неолита поселение располагалось среди смешанных широколиственно-хвойных лесов с преобладанием сосны. Радиоуглеродные даты, в совокупности с типологическими сопоставлениями, помогают определить время существования памятника в рамках второй половины VI тыс. до н.э.

Ключевые слова: археология, Марийское Поволжье, поселение Сокольный XVII, ранний неолит, неорнаментированная и накольчатая группы керамика, каменные орудия труда и охоты, палинологический анализ почвы, историко-культурный подход, радиоуглеродное датирование.

Введение

Поселение Сокольный XVII открыто в 1985 году в ходе разведок В.В. Никитина в Звениговском районе Республики Марий Эл. Было выявлено шесть округлых впадин диаметром 10–12 м и глубиной 0,5–1 м. Западнее впадины № 1 заложен шурф 1×1 м. В нем обнаружены четыре кремневых отщепа, обушковая часть и заготовка тесла (Никитин, 2009, с. 89–90). В 1991 г. памятник осмотрен Т.Б. Никитиной, отмечено пять округлых впадин хорошей сохранности диаметром 10–13 м и глубиной до 0,7 м.

В августе 2022 г. археологической экспедицией СГСПУ проводились исследования поселения Сокольный

XVII. Общая изученная площадь составила 56 кв. м. Некоторые предварительные итоги опубликованы ранее в небольшой заметке (Кудашов и др., 2023). Памятник находится на краю надпойменной террасы (высота 9–10 м) левого берега р. Волги. У подножия – заболоченная старица (озеро Липовое). Поселение размером 77×26 м вытянуто вдоль края склона террасы (рис. 1: 1–3). В окружении произрастают сосны с редкими лиственными деревьями.

Коллекция находок включает 1164 единицы. Изделий из камня – 662 экземпляра (56,8% от общего числа находок), а керамики – 502 фрагмента от 52 сосудов (43,2%). Остеологических

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья». Палинологическое изучение проводилось в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

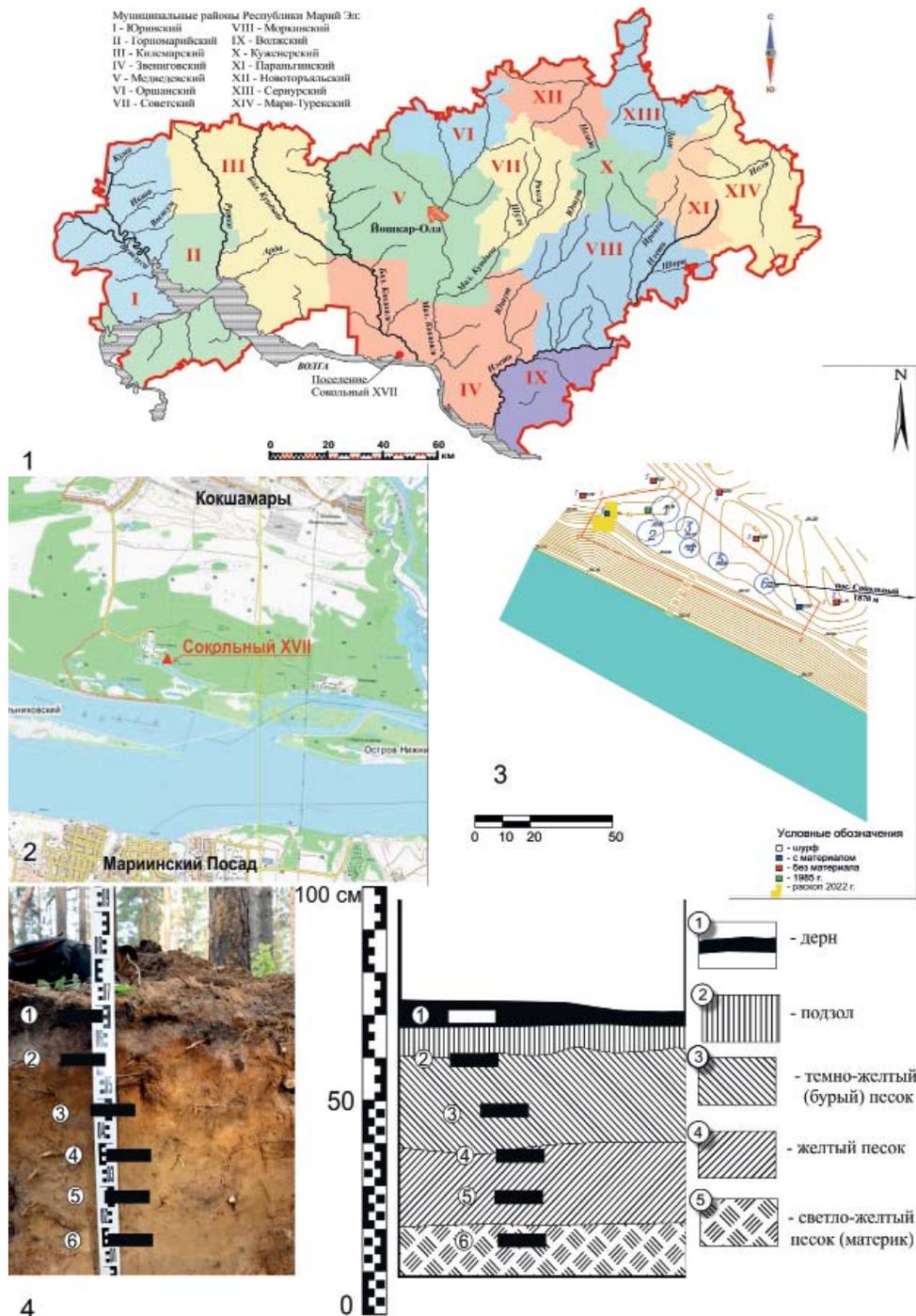

Рис. 1. 1 – стоянка Сокольный XVII на карте Республики Марий Эл с районами; 2 – стоянка Сокольный XVII на территории Звениговского Района Марий Эл; 3 – топографический план Сокольный XVII; 4 – разрез с обозначением образцов для палинологического анализа.

Fig. 1. 1 – Sokolny XVII site on the map of the Republic of Mari El with its districts; 2 – Sokolny XVII camp site on the territory of the Zvenigovsky District of Mari El; 3 – topographic plan Sokolny XVII; 4 – section with designation of samples for palynological analysis.

материалов не обнаружено.

Стратиграфия и планиграфия

Стратиграфия стоянки представлена следующими литологическими горизонтами.

Венчает стратиграфическую колонку дерн – черный песок с углистыми включениями, мощностью до 12 см. Данный литологический горизонт по структуре рыхлый, сыпучий, с корнями сосны, травы и мха. Находок в дерне не выявлено.

Под ним фиксируется слой белесого песка – подзол, резко отличающийся по цвету от вышележащего дерна. Мощность этого слоя от 5 до 19 см. По структуре он рыхлый и сыпучий, с большим количеством корней близко расположенных деревьев. Данный литологический горизонт весьма насыщен артефактами – изделиями из кремня и керамикой. Нижняя граница подзола фиксируется отчетливо по цветовым и структурным изменениям.

Далее представлен темно-желтый (бурый) песок – верх культурного слоя, мощностью от 12 до 21 см. Консистенция рыхлая, песок сыпучий, много крупных корней сосны, частыми являются углистые черные вкрапления. В нем выявлены все категории артефактов, полученных на стоянке. Контакт с нижележащим литологическим горизонтом нечеткий из-за незначительных различий в цветовой структуре и плотности.

Ниже расположен слой рыхлого и сыпучего желтого песка (от 9 до 27 см) с редкими углистыми вкраплениями. Находки выявлены в верхней части данного горизонта и постепенно сходят на нет по мере приближения к материке.

Основанием культурного слоя является светло-желтый песок с железистыми разводами, белесый при высыхании. Его цветовые и структурные отличия от вышележащего горизонта не выражены. На отдельных участках

раскопа он прорезается корнями деревьев.

Наблюдения, осуществленные в ходе работ, позволяют сделать несколько выводов. В темно-желтом (буром) песке и подзоле была прослежена основная концентрация находок, которые тяготели к крайней восточной части раскопа. Артефакты также фиксировались в верхней части желтого песка и сходят на нет по мере приближения к материке. Напротив, в западных секторах вскрытой площади наблюдается основная концентрация артефактов в горизонте желтого песка. Стоит отметить определенную перемешанность находок между слоями в результате процессов педо- и зоотурбации. Важно подчеркнуть отсутствие читаемых конструктивных элементов в раскопе (контур жилища, очажные и столбовые ямы).

Анализ пространственного распределения находок дает возможность констатировать большую концентрацию керамики в центральной части вскрытой площади (рис. 2). Неорнаментированная и накольчатая посуда относительно равномерно представлены во всех изученных квадратах. Кремневые орудия и отходы их производства не обнаруживают четких скоплений, отмечается некоторое тяготение к юго-восточной и восточной части раскопа. В целом относительное большинство находок выявлено в центральных и юго-восточных квадратах исследованной площади, а их минимальное количество – в северо-восточной и юго-западной частях.

Палинологические исследования

В ходе раскопок в профиле стенки квадрата № 21 были отобраны образцы на палинологический анализ (рис. 1: 4; 2).

При обработке образцов использовалась сепарационная методика В.П. Гричука (Пыльцевой анализ, 1950). Микроскопические исследова-

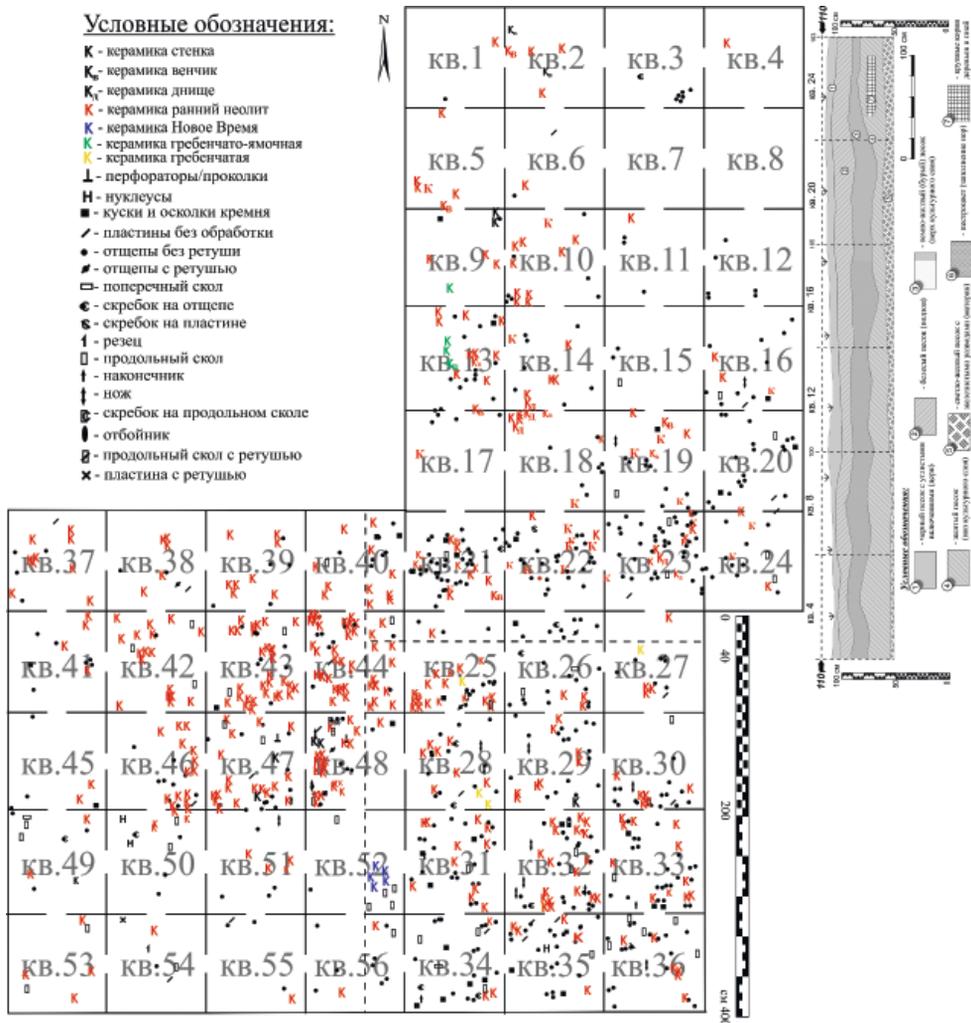

Рис. 2. Поселение Сокольный XVII.

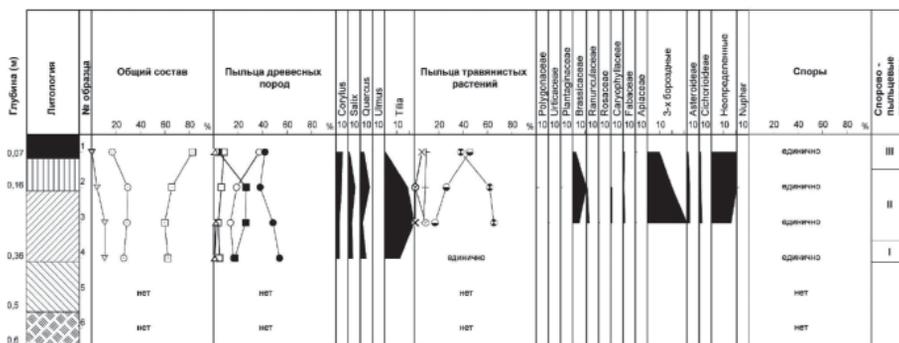
План раскопа с находками и профили: квадраты 4–24.

Fig. 2. Sokolny XVII camp-site. Excavation plan with finds and profiles: squares 4–24.

ния проводились на световом микроскопе Primo Star (Carl ZEISS) при 400-кратном увеличении. В препаратах определялись и подсчитывались все встреченные пыльца и споры. Подсчет велся по трем группам: древесные и кустарниковые породы, травянистые и кустарниковые растения, споры. Статистическая обработка полученных данных, составление ведомостей и построение диаграмм проводилось с применением специальной программы FLORA, разработанной в Лаборатории естественнонаучных ме-

тодов ИА РАН (Кочанова и др., 2005). В образцах 5, 6 из слоев 4 и 5 пыльца и споры не обнаружены. Остальные образцы содержали достаточное для статистической обработки количество пыльцы и спор разной сохранности. Среди пыльцы травянистых растений встречалась трехбороздная пыльца, которая может принадлежать целому ряду семейств, в частности розоцветным, крестоцветным и роду полыней.

Помимо пыльцы и спор во всех образцах содержалось большое количество различных органических остат-

Общий состав: □ - сумма пыльцы древесных пород; ○ - сумма пыльцы травянистых растений; ▽ - сумма спор высших споровых растений.
 Древесные породы: △ - ель (*Picea*); ● - сосна (*Pinus*); ○ - береза (*Betula*); □ - ольха (*Alnus*); ⊕ - ива (*Salix*); ■ - сумма пыльцы широколиственных пород.
 Травянистые растения: ● - злаки (*Poaceae*); ○ - осоковые (*Cyperaceae*); × - маревые (*Chenopodiaceae*); + - полыни (*Artemisia*); ⊖ - вересковые (*Ericaceae*); ⊕ - сумма пыльцы разнотравья.
 Споры: ▽ - зеленые мхи (*Bryales*); ▼ - сфагновые мхи (*Sphagnum*); ∞ - папоротники семейства многоножковые (*Polypodiaceae*); ■ - плауновые (*Lycopodiaceae*).

Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу на стоянке Сокольный XVII. Раскоп 1. Квадрат 21.

Fig. 3. Spore-pollen diagram for the section at the Sokolny XVII camp-site. Excavation 1. Square 21.

ков и микроуглей.

Образцы, которые имели близкий качественный и количественный состав преобладающих форм, объединялись в спорово-пыльцевой комплекс. По исследованному разрезу было выделено три спорово-пыльцевых комплекса, которые следуют снизу вверх (рис. 3). Во всех образцах преобладает пыльца древесных пород. Пыльца травянистых растений встречается очень редко, особенно в образце 4.

Спорово-пыльцевой комплекс I (сосна с участием широколиственных пород и березы) выделяется по образцу 4 из слоя желтого песка (слой 4). Концентрация пыльцы в данном образце самая низкая по разрезу. В общем составе преобладает пыльца древесных пород (63%). На долю травянистых растений приходится 27%, споры составляют 11% (рис. 3).

Среди древесных пород доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (54%). Часто встречается пыльца березы (*Betula*) (16%) и широколиственных пород (17%), главным образом липы (*Tilia*) (13%) и реже дуба (*Quercus*) (5%). В небольшом количестве отме-

чена пыльца ольхи (*Alnus*), лещины (*Corylus*), ивы (*Salix*) и единично – ели (*Picea*). Пыльцы травянистых в образце очень мало – всего 44 пыльцевых зерна, из которых 25 приходится на пыльцу злаков (*Poaceae*). В целом же такого количества недостаточно для статистического подсчета. Споры также встречаются единично.

Состав спектров свидетельствует о том, что в это время на песчаных дюнах росли сосновые боры, возможно с примесью липы и березы. Учитывая продуктивность и летучесть пыльцы липы и дуба, участие этих пород в древостое было существенно выше, чем мы видим по спектрам. Скорее всего, липовые леса и дубравы с лещиной в подлеске были приурочены к более плодородным пойменным участкам. Травяной покров был очень бедный.

Спорово-пыльцевой комплекс II (сосна, широколиственные породы, береза). Он охарактеризован по образцам 2 и 3 культурного слоя (темно-желтый песок – слой 3). Как и в предыдущем комплексе, доминирует пыльца древесных пород (около

60%). Пыльца травянистых растений составляет 30%, 10% приходится на споры.

В группе древесных пород прослеживается увеличение до 26% содержания пыльцы широколиственных пород. В их составе помимо пыльцы липы (*Tilia*) отмечается довольно много пыльцы дуба (*Quercus*). Количество пыльцы сосны (*Pinus*) снижается до 38–49%, березы (*Betula*) – до 14–19%. Также отмечена пыльца ольхи (*Alnus*), лещины (*Corylus*), ивы (*Salix*) и ели (*Picea*).

Среди травянистых растений часто встречается пыльца злаков (Poaceae) (17–26%) и полыней (*Artemisia*) (8–9%). Возможно, что процент пыльцы полыней выше, так как к ней может относиться часть плохо сохранившейся трехбороздной пыльцы. Характерной чертой данного комплекса является присутствие в образцах пыльцы семейства вересковых (Ericaceae), к которому относятся брусника и черника (особенно в образце 3).

Исходя из состава спектров, в это время в районе стоянки широкое распространение имели широколиственные леса (липняки и дубравы), приуроченные, скорее всего, к пойме реки. На дюнных участках произрастали сосновые боры с зарослями брусники или черники. В их составе в качестве примеси могли также присутствовать липа, дуб, береза. Последняя могла также расти по опушкам как боров, так и широколиственных лесов и образовывать самостоятельные лесные массивы типа колков.

В составе травянистых растений отсутствует луговое разнотравье, а встречаются только различные сорные растения, что может свидетельствовать о нарушении естественного травяного покрова на месте стоянки, и злаки.

Это был довольно теплый этап, о чем свидетельствует большое количество пыльцы широколиственных по-

род в двух вышеописанных комплексах. В то же время состав спектров не соответствует климатическому оптимуму атлантического периода, который был отражен в разрезе на стоянке Сокольный XII (Андреев и др., 2020). Ранее, на основе сравнения результатов палинологических исследований на этой стоянке с материалами, полученными по стоянкам в лесной и лесостепной зонах Европейской России, аналогичный этап был датирован примерно 6100–6200 л. н. (Алешинская, Лаврушин, Спиридонова, 2001).

Спорово-пыльцевой комплекс III (сосна, береза) выделяется по образцу 1 из слоя 1 (дерн). Здесь в общем составе отмечается самое высокое содержание пыльцы древесных пород (83%). На пыльцу травянистых растений приходится 17%, споры присутствуют единично.

Среди древесных пород доминирует пыльца сосны (*Pinus*) и березы (*Betula*), встречающаяся примерно в равном количестве (42 и 37% соответственно). Впервые при палинологических исследованиях стоянок группы Сокольный единично встречена пыльца пихты (*Abies*) (два зерна). Пихта произрастает в более северных районах Республики Марий Эл. Она обладает очень крупной (около 200 мкм) и тяжелой пылью, которая не переносится на большие расстояния. Тем не менее полностью исключать заносное происхождение пыльцы нельзя. В то же время в культуре пихта сибирская известна с XVIII века. Особо широкое распространение она получила в XIX – начале XX века (Мозговая, Маслова, Шаронова, 2007). Поэтому вполне возможно как существование искусственных посадок пихты не очень далеко от стоянки, так и естественное произрастание отдельных деревьев.

Пыльцы травянистых растений мало. Примерно в равном количестве присутствует пыльца злаков (Poaceae) (46%) и разнотравья (38%). Довольно

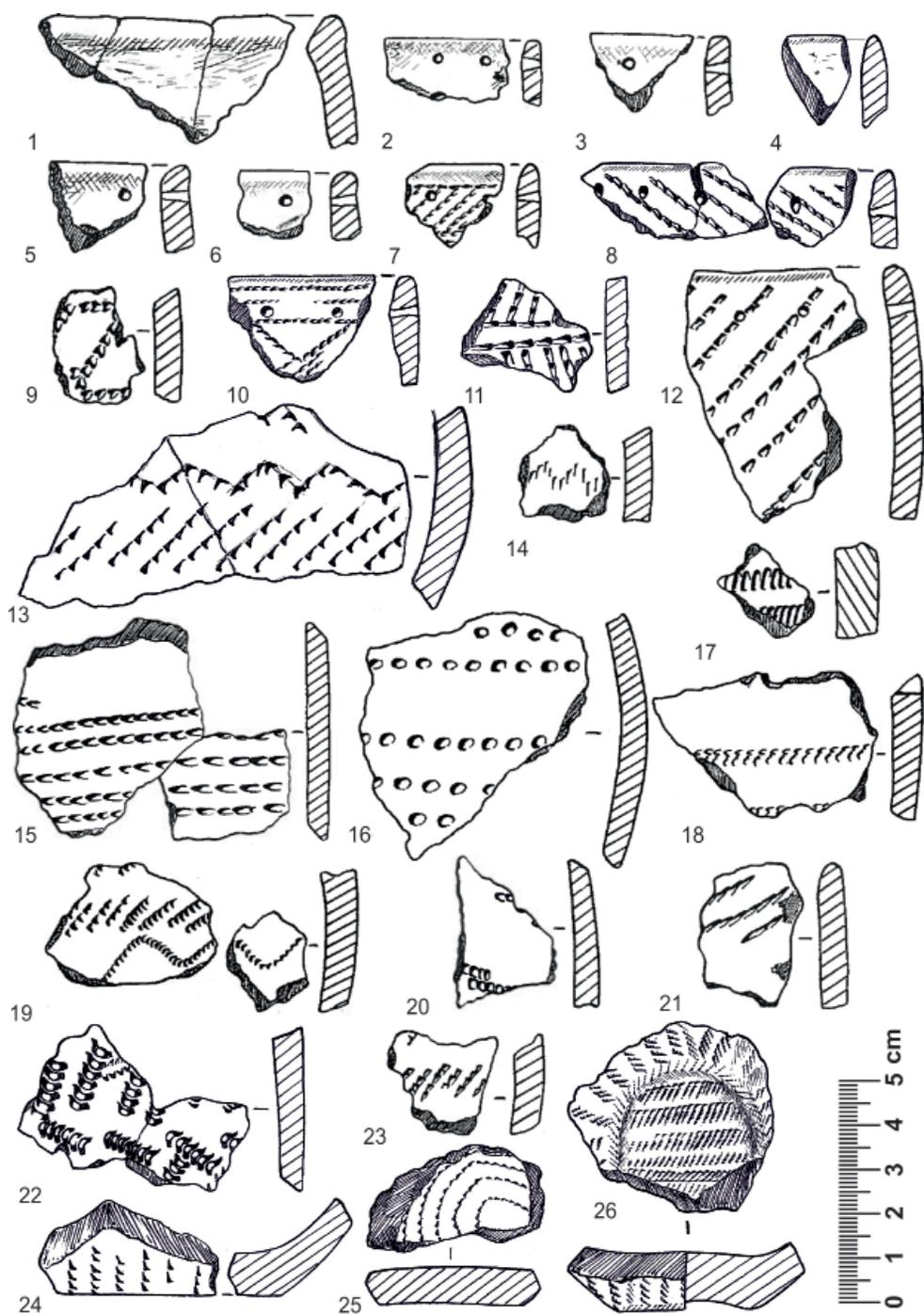

Рис. 4. Поселение Сокольный XVII.

1-6 – венчики неорнаментированные; 7-26 – керамика кольчатая.

Fig. 4. Sokolny XVII camp-site. 1-6 – unornamented corollas; 7-26 – ringed ceramics.

часто встречается пыльца семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (6%) и рода полыней (*Artemisia*) (10%).

Результаты палинологического изучения свидетельствуют о близком к современному характере растительности. Сходные по составу комплексы прослеживаются в разрезах на всех изученных стоянках группы Сокольный (VII, VIII, XII) с локальными отличиями. Так, на стоянке Сокольный XVII отмечается самое высокое участие березы. Скорее всего, здесь она росла по опушкам сосновых боров, но не исключено существование и березовых колков. На более влажных участках росли ольха и ива. Травяной ярус и поляны были заняты преимущественно злаковыми сообществами. Существовали и участки с нарушенным естественным почвенным покровом, на которых росли полынь, лебеда и другие сорные растения.

Керамическая коллекция

Раскопки поселения Сокольный XVII позволили получить выразительный комплекс керамики, представленный 502 фрагментами от 52 сосудов, которые можно разделить на несколько культурно-хронологических групп. Ранненеолитическую атрибуцию имеют 488 фрагментов от 49 неорнаментированных или украшенных наколами горшков. К развитому и позднему неолиту принадлежат восемь фрагментов стенок от двух сосудов камской культуры и гребенчато-ямочного типа. Наконец, несколькими черепками представлен неорнаментированный горшок Нового времени.

К неорнаментированной группе следует отнести шесть венчиков и восемь фрагментов донцев. Венчики прямые с округлым, плоским или приостренным срезом. Под краем расположен ряд сквозных отверстий (рис. 4: 1–6). Донца плоские и плосковогнутые. Большая часть посуды данной группы сильно фрагментирована

и имеет размеры менее 2×2 см. Присутствуют десятки неорнаментированных стенок толщиной в основном 0,5–0,7 см с заглаженной внутренней и подлощенной внешней поверхностью. Данная категория посуды стабильно встречается на всех ранне-неолитических памятниках Марийского Поволжья (Никитин, 2011; Андреев и др., 2020).

Накольчатая группа Сокольного XVII представлена фрагментами от 35 сосудов. В целом почти все имеют лощение на внешней стороне и заглажены на внутренней. Толщина варьируется от 0,5 см до 1,1 см, но в подавляющем большинстве отмечается диапазон 0,6–0,8 см. Венчики прямые с плоским (10 ед.), округлым (4 ед.) и приостренным (1 ед.) срезом. Еще два экземпляра отогнуты наружу. Донца плоские и плосковогнутые. На большую часть этого типа посуды нанесены треугольные отступающие и разреженные вдавления (23 ед.), в меньшем количестве представлен отступающий овальный (4 ед.) и подпрямоугольный (6 ед.) накол. Еще два сосуда украшены насечками. Мотивы орнамента – горизонтальные, диагональные ряды наколов, а также их сочетания и зигзаги (рис. 4: 7–26). На 10 верхних частях присутствует ряд сквозных отверстий.

Также выявлены и реконструируемые сосуды (рис. 5: 1–2). Первый горшок округлобокий, слегка прикрытой формы, с плоскосрезанным венчиком и плосковогнутым дном. Украшен по всей внешней поверхности горизонтальными рядами коротких диагонально ориентированных полос треугольных отступающих наколов, которые разделены горизонтальной линией мелких треугольных наколов, нанесенных в скорописной манере. Донце орнаментировано диагональными линиями мелкого треугольного отступающего накола. Второй – графически реконструируемый бикони-

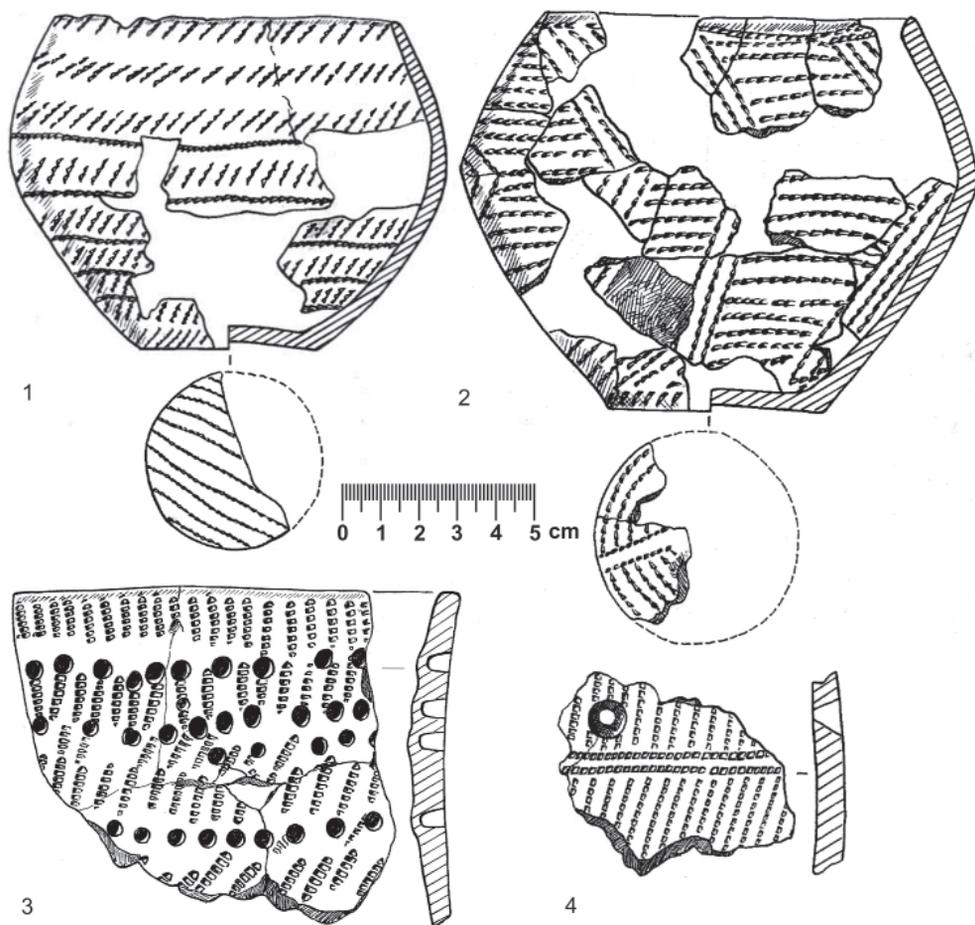

Рис. 5. Поселение Сокольный XVII. 1–2 – реконструируемые сосуды с наколами; 3 – фрагменты сосуда ЯГК; 4 – фрагменты камского сосуда.

Fig. 5. Sokolny XVII camp-site. 1–2 – reconstructed vessels with punctures; 3 – fragments of the pit-comb culture vessel; 4 – fragments of a Kama culture vessel.

ческий сосуд горшковидной формы с прикрытым венчиком, округлым срезом и плосковогнутым дном. Орнамент нанесен по всей внешней поверхности отступающим мелким треугольным наколом. Мотив – короткие горизонтальные линии, ограниченные тройными диагональными полосами, имеющими в нижней и верхней части сосуда разную направленность. Дно украшено кругами аналогичных наколов, пересекаемых двумя диагональными линиями.

В следующую группу объединены сосуды разбитого неолита (рис. 5: 3–4). Это фрагменты от одно-

го горшка гребенчато-ямочного типа (5 ед.). Он орнаментирован от верхнего края горизонтальными зонами оттисков короткого гребенчатого штампа, ориентированного вертикально и диагонально, которые разделены рядами глубоких ямочных вдавлений. К данной группе допустимо отнести стенки (4 ед.) от сосуда камской культуры. Он имеет сверленное отверстие и орнаментирован вертикальными линиями длинного гребенчатого штампа, разделенными двойными горизонтальными полосами тех же оттисков.

Еще одной находкой является сосуд Нового Времени – это венчик

(2 ед.), стенки (3 ед.) и фрагмент плоского дна (1 ед.) от неорнаментированного горшковидного сосуда, собранного в одном квадрате.

Первая группа посуды памятника характерна для раннего неолита региона (Никитин, 2011). Для данного периода присуща тонкостенная керамика, заглаженная внутри и подлощенная снаружи, без орнамента или с наколами (чаще треугольными). Сосуды баночной формы, прямые с плоским или округлым срезом венчика и плоским/плосковогнутым дном. Мотивы часто простые. Можно заметить более полное заполнение орнаментом сосудов накольчатой группы, в то время как на многих других стоянках Марийского Поволжья наблюдается украшение верхней и нижней трети поверхности. Почти на всех стоянках (кроме Сокольный VII) также собраны материалы развитого – позднего неолита. Для нашего памятника характерно минимальное число фрагментов, относимых не к раннему неолиту (9 фр./2 сосуда – 4% от керамики), в то время как на многослойных памятниках Марийского Поволжья камская и ямочно-гребенчатая посуда часто формирует значительную по объему группу (например, Сокольный XII в раскопе 2019 года – 23 сосуда – около 30%). В целом же можно заключить, что керамический комплекс стоянки Сокольный XVII вписывается в систему неолитических древностей лесного Среднего Поволжья.

Технология изготовления керамики

Основой изучения гончарной технологии обитателей стоянки в рамках историко-культурного подхода являлась методика А.А. Бобринского (бинокулярная микроскопия, трасология, эксперимент) (Бобринский, 1978; 1999). Источником послужили данные технико-технологического анализа 24 образцов – развалов, фрагментов верхних и придонных частей

от разных сосудов эпохи неолита. Керамический комплекс стоянки включает в основном сосуды с накольчатым орнаментом (21 обр.). Единично представлены фрагменты керамики без орнамента (1 обр.) и украшенные гребенчатым (1 обр.) и ямочно-гребенчатым (1 обр.) орнаментом. Все изделия сделаны без использования гончарного круга и специализированных устройств в рамках домашних производств. Структура гончарной технологии: простая, состоящая из десяти обязательных ступеней и одной дополнительной (орнаментация сосудов) (Бобринский, 1999, с. 9–11).

На подготовительной стадии гончарного производства выделены два вида исходного пластичного сырья (ИПС): 1) *илистые глины*, содержащие кроме глинистого субстрата и минеральных компонентов естественные органические остатки – разложившиеся до детрита фрагменты стеблей, листьев водных и наземных растений, указывающие на расположение источников сырья рядом с водоемами. В черепке такой керамики встречаются единично обломки раковины пресноводных моллюсков, чешуя и кости рыбы (рис. 6: 1–4); 2) *природные глины* без четких признаков близости к водоемам, однако сходство минералогического качественного состава с илистыми глинами указывает на вероятность их близкого залегания. Формовочная масса (ФМ) – смесь ИПС и искусственных примесей, введенных в разной концентрации: например, 1:3 – на 3 части сырья – 1 часть примеси и т. д. По причине неравномерности в распределении включений шамота делаются определения: 1:3–4. В черепке изученных образцов выявлены такие искусственные примеси: 1) шамот (Ш) (порошок из раздробленных старых сосудов – включения остроугольной формы, часто с плоской поверхностью, на которой заметны следы обработки) (рис. 6: 5–7). Шамот

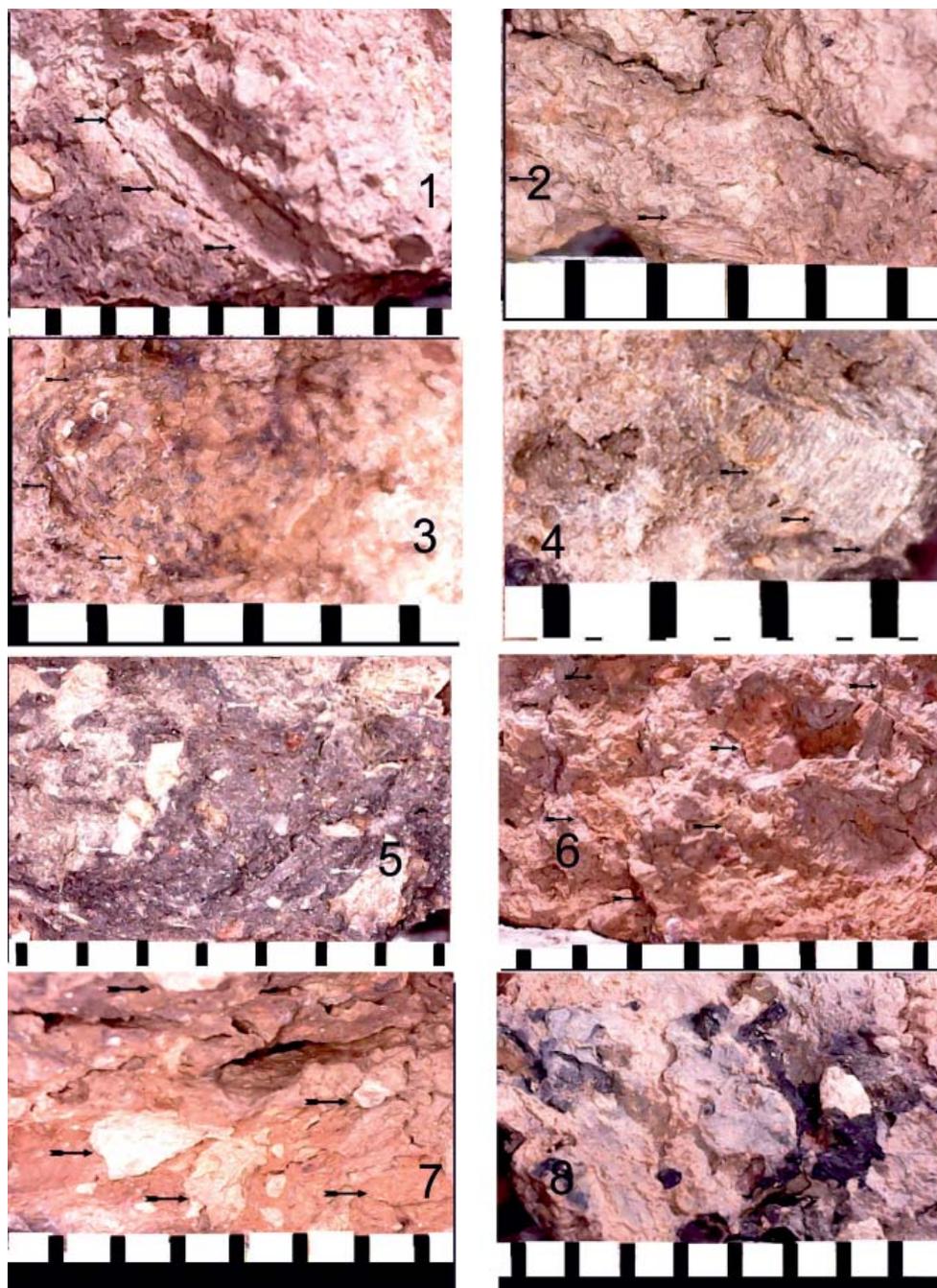

Рис. 6 – Микрофотосъемка неолитической керамики стоянки Сокольное XVII:
 1–2 – илистые глины (отпечатки растительности); 3–4 – остатки чешуи рыбы;
 5–7 – шамот; 8 – органический раствор.

Fig. 6 – microphotograph of Neolithic ceramics from the Sokolny XVII camp-site: 1–2 – silty clays (imprints of vegetation); 3–4 – remains of fish scales; 5–7 – fireclay; 8 – organic solution.

Таблица 1

Исходное пластичное сырье и формовочные массы керамики с накольчатым орнаментом

Рецептура ФМ	Исходное пластичное сырье				ИТОГО
	илистые глины		глины		
	тощие	жирные	тощие	жирные	
Ш 1:3-4 менее 3 мм + ОР	4	5	1	2	12
Ш 1:5 менее 2-3 мм + ОР	3	3	2	1	9
ВСЕГО:	7	8	3	3	21

добавлялся в ФМ в концентрации от 1:3 до 1:5. Максимальный размер частиц достигал 5–6 мм, хотя встречались частицы и менее 1 мм, что свидетельствует об отсутствии приема отсеивания пылевидной фракции; 2) органический раствор (ОР – предположительно, жидкие клеящие вещества естественного растительного или животного происхождения – рыбий клей или желе, выжимка из корней водных растений и т. д.). В черепке сосуда ОР представлен объемными и плоскостными пустотами аморфной формы, стенки которых покрыты пленками черного, белого, бежевого, иногда крупинчатого вещества (рис. 6: 8). В одном случае это было вещество красно-коричневого цвета.

Сосуд с гребенчатым декором изготовлен из илистой жирной глины с примесью шамота (1:5, шамот менее 4 мм) и ОР. Сосуд с ямочно-гребенчатой орнаментацией сделан из илистой жирной глины с примесью шамота (1:3–4, размером до 4 мм) и ОР. Сосуд без орнамента – из жирной глины с шамотом (1:3, шамот менее 4 мм) и ОР. Таким образом, существенные отличия приемов изготовления этих сосудов от накольчатого комплекса отсутствуют.

На созидательной и закрепительной стадиях гончарной технологии можно предполагать распространение налепной технологии, а именно применения лоскутного налёпа. Излом основной части сосудов содержит прослой темно-серого цвета как результат непродолжительной выдержки при температурах каления. От-

личительной особенностью является однотонный коричневый цвет продукции, что свидетельствует о довольно высоком уровне технологии обжига. Широко использовался прием выбивания поверхностей сосудов (плоской колотушкой) для придания им определенной формы. Для неолитических гончаров характерна обработка поверхностей приемом сплошного уплотнения гладким отполированным твердым орудием (типа гальки) или костяным шпателем по влажной поверхности. Придание прочности и влагонепроницаемости изделиям достигалось смешанными способами: введением органических растворов и термической обработкой – обжигом в окислительной газовой среде с кратковременной выдержкой при температурах каления.

Результаты изучения сосудов указывают на определенную близость трудовых навыков изготовителей посуды разных групп (неорнаментированной, накольчатой, гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамики). Спецификой керамического комплекса стоянки можно считать отсутствие традиции составления ФМ с шамотом – обожженной глиной. В целом изученный керамический материал находит аналогии в гончарной технологии неолитического населения Республики Марий Эл (Васильева, Выборнов, 2015).

Кремневый и каменный инвентарь

Всего обнаружено 662 единицы. Орудия и отходы производства изготовлены из кремня, а также коричне-

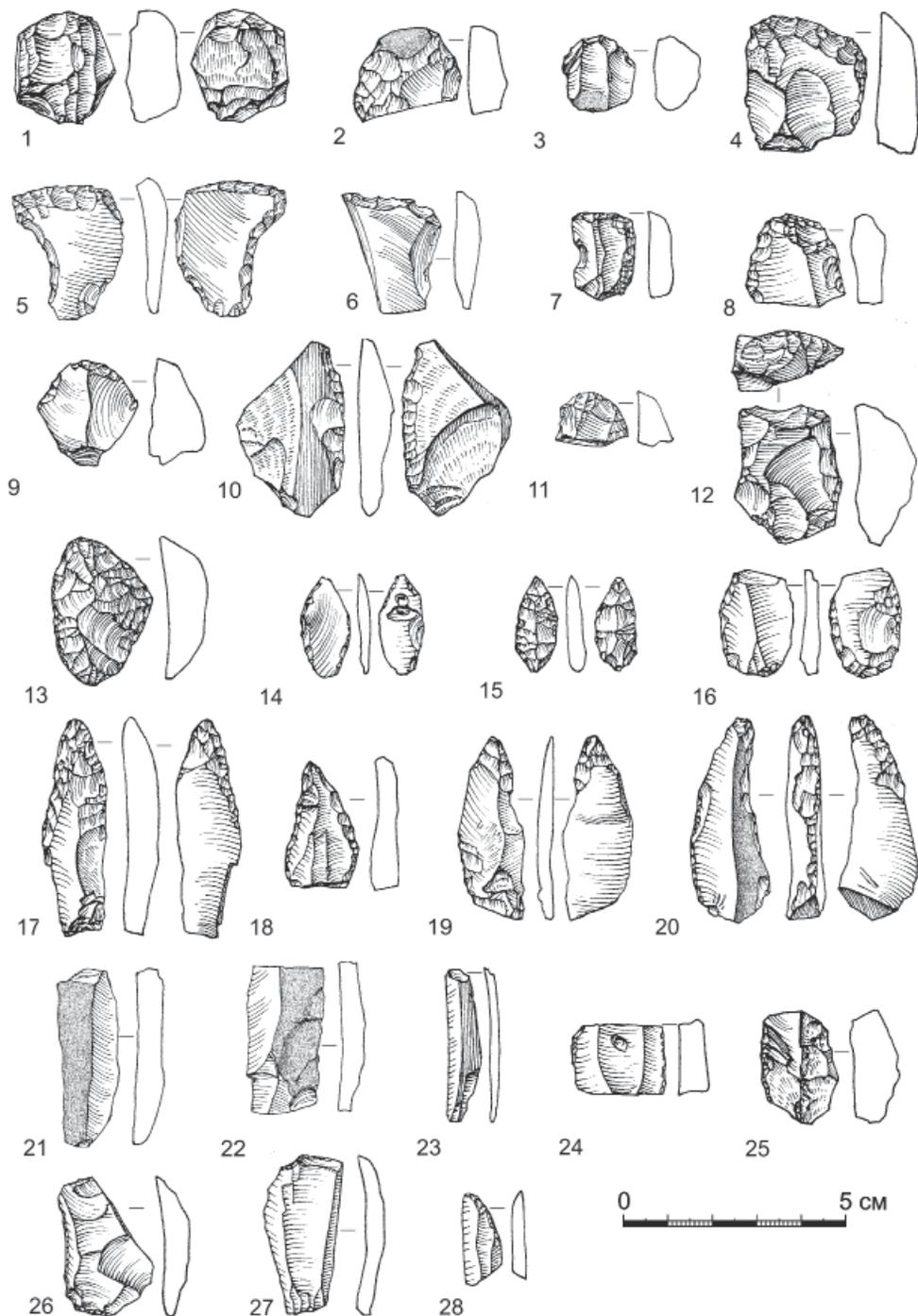

Рис. 7. Поселение Сокольный XVII.

1–2 нуклеусы; 3–13 – скребки; 14–16 – наконечники; 17–20 – острия;
21–23 – пластины; 24–25 – пластины с ретушью; 26–27 – отщепы с ретушью;
28 – пластина с усеченным концом.

Fig. 7. Sokolny XVII camp-site. 1–2 nuclei; 3–13 – scrapers; 14–16 – tips; 17–20 – points;
21–23 – blade; 24–25 – blade with retouch; 26–27 – flakes with retouch;
28 – blade with a truncated end.

вой и серой опоки (7%). Корка присутствует на 14,5% изделий. По цветовой гамме выделяются серый (и его оттенки) – 36,4%, коричневый (и его оттенки) – 26,8%, а также вишневый и бежевый – по 18,5% и 15,5% соответственно – тона. Отходы производства (чешуйки, отщепы, сколы) насчитывают 593 экземпляра и являются самой массовой категорией. Обнаружено 18 пластин или их фрагментов (2,9% от всего инвентаря), в том числе с ретушью (3 ед.) (рис. 7: 21–25). Ширина пластин варьируется в диапазоне 0,5–1,2 см, толщина – 0,1–0,3 см. Единично представлены отщепы с ретушью или следами утилизации (рис. 7: 26–27). В коллекции имеется предмет, который может характеризоваться как пластина с усеченным концом или скошенное острие на пластине (рис. 7: 28).

Орудийный комплекс стоянки Сокольский XVII представлен 43 экземплярами, что составляет 6,5% от всех изделий из камня. Заготовками служили отщепы, сколы и пластины, на последних выполнено 8% орудий. Вторичная обработка преимущественно характеризуется дорсальной ретушью по одной грани, реже фиксируется двусторонняя. Оба обнаруженных нуклеуса сильно сработаны и имеют аморфную форму (рис. 7: 1–2). Среди 17 скребков преобладают изделия стрельчатого и концевоего типа, в одном экземпляре выявлены овальный с ретушью по всему периметру (рис. 7: 4–13) и концевой на нуклевидном сколе (рис. 7: 3). Вероятно, один экземпляр является комбинированным орудием – скобель-нож (рис. 7: 5). Наконечники насчитывают три экземпляра, выполнены на отщепе, имеют листовидную форму и двустороннюю обработку по граням (рис. 7: 14–16). Присутствуют четыре острия: симметричные на продольных сколах с двусторонней (серого и коричневого цвета) и одно на отщепе

с односторонней (коричневого цвета, залегал под дерном) ретушью (рис. 7: 17–20). Также найдена одна проколка. Выявлено два угловых резца на фрагментах пластин (рис. 8: 11–12). Ножи – 14 изделий прямолезвийной и овальнолезвийной формы. Заготовкой служили отщепы (9 ед.), сколы (4 ед.), в одном случае пластина с односторонней ретушью (рис. 8: 1–10). В одном экземпляре выявлен отбойник из гальки.

Присутствие нескольких групп посуды позволяет предполагать и разновременность каменных находок. Так, некоторые из них (рис. 7: 17; 8: 10) находят прямые аналогии в комплексах гребенчато-ямочной керамики региона (Никитин, 1996, с. 53; Никитин, 2015, с. 264). По нашему мнению, один из ножей на тонкой коричневой плитке с коркой (рис. 8: 2), вероятно, относится к камской культуре (Выборнов и др., 1983; Лычагина, 2020, с. 97, 102). При этом подавляющее большинство изделий из камня все же можно атрибутировать ранним неолитом.

Кремневый инвентарь состоит в первую очередь из отходов производства. Процент артефактов с коркой лишь немногим уступает показателю Сокольского VII (стоянка-мастерская) – 14,5% и 18% соответственно. Невысока доля орудий на пластинах (8%), что сопоставимо с одними (Сокольский XII – 8%) и гораздо меньше в сравнении с другими (Сокольский VII – 24%, Дубовское III – 46%) комплексами региона. Вероятно, данное обстоятельство связано с относительно поздним существованием исследованного памятника и ростом использования сколов и отщепов в качестве заготовки в конце раннего неолита. На всех ранненеолитических стоянках региона скребки (чаще стрельчатые) и ножи (прямые/овальнолезвийные) – самые многочисленные орудия. В целом вышепредставленный камен-

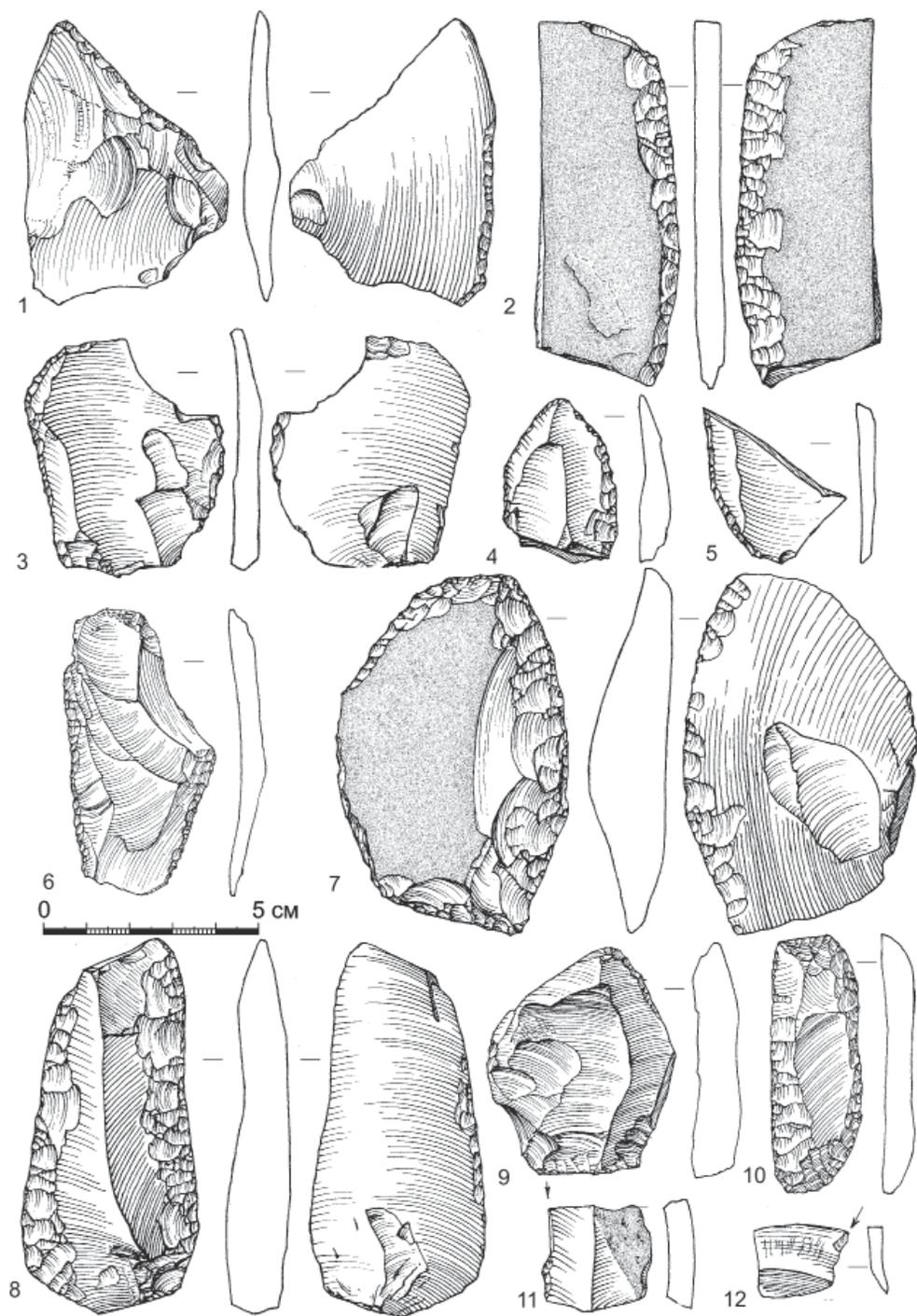

Рис. 8. Поселение Сокольный XVII. 1–10 – ножи; 11–12 – резцы.
 Fig. 8. Sokolny XVII camp-site. 1–10 – knives; 11–12 – burins.

ный инвентарь, и орудийный набор в частности, находят прямые аналогии на других памятниках Марийского Поволжья по сырью и вторичной обработке (Кудашов, 2023).

Радиоуглеродное датирование

С целью уточнения хронологических рамок существования памятника Сокольный XVII были отобраны образцы керамики из слоя для проведения радиоуглеродного анализа в лаборатории РГПУ им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). В результате получены две даты по фрагментам посуды, украшенной наколами. Первое определение (SPb-3513) 6270 ± 120 BP (cal BC 1σ 5366–5202; 5183–5058 2σ 5476–4943). Второе (SPb-3515) – 6245 ± 110 BP (cal BC 1σ 5320–5197; 5191–5046 2σ 5472–5430; 5413–4940). Стоит отметить, что обе датировки близки и не противоречат ряду других опубликованных радиоуглеродных значений по керамике Марийского региона. Они могут служить подтверждением существования накольчатой традиции в рамках второй половины VI тыс. до н. э. (Выборнов, Никитин, 2016). Стоит отметить, что имеющиеся на сегодня даты позволяют предполагать сосуществование на определенном отрезке времени (приблизительно 6500–6100 BP) керамики без орнамента и сосудов, украшенных

наколами.

Выводы

Изучение поселения Сокольный XVII позволило расширить источниковую базу по новому каменному веку региона и сформулировать ряд важных выводов. Установлен палеогеографический фон, отражающий признаки лесной зоны – преобладание пыльцы древесных пород (преимущественно сосна, а также береза, липа и др.) при наличии травянистой растительности – различные сорные растения и злаки. Стоянку Сокольный XVII, учитывая абсолютное преобладание неорнаментированной и накольчатой керамики, можно отнести к периоду раннего неолита и, опираясь на полученные радиоуглеродные даты, определить время ее бытования в рамках второй половины VI тыс. до н. э. Данный вывод подтверждается рядом аналогий в посуде и традиции ее изготовления на изученных ранее памятниках, имеющих серии абсолютных определений. Во многом также схожи и типы представленных орудий в лесной зоне среднего течения Волги. Среди некоторых особенностей стоянки нужно отметить более плотную орнаментацию сосудов наколами, крайне малое число фрагментов позднего времени и сравнительно низкий процент орудий на пластинах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешинская А.С., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Каменный век европейских равнин / Отв. ред. Т.Н. Манушина. Сергиев Посад: Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, 2001. С. 248–254.
2. Андреев К.М., Выборнов А.А., Кудашов А.С., Алешинская А.С., Васильева И.Н. Поселение Сокольный VII – новый памятник раннего неолита Республики Марий Эл // Поволжская археология. 2020. № 3(33). С. 64–83.
3. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
4. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Под ред. А.А. Бобринского. Самара: изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–106.
5. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. АЭМК. Вып. 31 / Научн. ред. Б.С. Соловьев, А.В. Михеев. Йошкар-Ола:

МарНИИ, 2016. С. 68–98.

6. *Выборнов А.А., Обьеденнов М.Ф.* Стоянка Кюнь-2 в Нижнем Прибелье // Древние памятники на территории Восточной Европы / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1983. С. 40–56.

7. *Выборнов А.А., Никитин В.В.* Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123–128.

8. *Кочанова М.Д., Алешинская А.С., Спиридонова Е.А.* Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // Палинология: теория и практика / С.А. Афонин, П.И. Токарев. М.: ПИН РАН, 2005. С. 13–15.

9. *Кудашов А.С.* О ранне-неолитическом каменном инвентаре Марийского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 263–270.

10. *Кудашов А.С., Андреев К.М., Выборнов А.А.* Исследования нового памятника раннего неолита Марийского Поволжья Сокольный XVII в 2022 году // Археологические открытия в Самарской области 2022 года / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: АНО Изд-во СНЦ, 2023. С. 10–11.

11. *Лычагина Е.Л.* Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: ПГГПУ, 2020. 364 с.

12. *Мозговая О.А., Маслова Е.С., Шаронова И.В.* Жизненность подростка пихты сибирской *Abies sibirica* ledeb. в условиях Самарской области // Вестник СамГУ. Естественнонаучная серия. 2007. №8 (58). С. 182–172.

13. *Никитин В.В.* Отчет о работах Неолитического отряда МарАЭ в 1985 г. Йошкар-Ола, 1986 / Архив ИА РАН. Р-1. № 10914.

14. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края / Труды МарАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.

15. *Никитин В.В.* Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: МПИК, 2009. 415 с.

16. *Никитин В.В.* Ранний неолит Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.

17. *Никитин В.В.* Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье. Казань: Казанская недвижимость, 2015. 364 с.

18. Пыльцевой анализ / Под ред. И.М. Покровской. М.: Госгеолгиздат, 1950. 540 с.

19. *Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.* Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1. С. 23–33.

Информация об авторах:

Кудашов Александр Сергеевич, лаборант. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); aleksandr.kudashov@gmail.com

Андреев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); konstantin_andreev_88@mail.ru

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

Алешинская Анна Сергеевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); asalesh@mail.ru

Васильева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); in.vasil@mail.ru

Сомов Анатолий Владимирович, лаборант. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); somov.anatoly@gmail.com

Пантелеева Татьяна Юрьевна, лаборант. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); panteleeva.tatyana.99@mail.ru

SOKOLNY VII – A NEW SITE OF THE EARLY NEOLITE OF THE REPUBLIC OF MARI EL

A.S. Kudashov, K.M. Andreev, A.A. Vybornov, A.S. Aleshinskaya,
I.N. Vasilieva, A. V. Somov, T. Y. Panteleeva

The article presents the results of a study of the Sokolny XVII camp-site (Republic of Mari El). The physical and geographical characteristics of the location of the site are given and a brief history of the study is given. Information about the stratigraphy and planographic distribution of finds is presented. The authors publish data on palynological analysis. A ceramic complex consisting of 52 vessels is characterized. A study of ceramics manufacturing technology was carried out based on a historical and cultural approach. An analysis of the elements and motifs of the ornament is carried out. The ceramic and flint complex of the Sokolny XVII site typologically and technologically finds the closest analogies in the materials of the Early Neolithic of the Mari Volga region. At the same time, the collection contains some local features. In ancient times, at the site of the site there were mixed broad-leaved and coniferous forests with a predominance of pine; linden and oak also played an important role in the composition of the forests. Data on the technical and technological analysis of ceramics indicate the existence of several types of initial plastic raw materials with uniformity in the formulation of the molding mass. The obtained radiocarbon dates, as well as existing analogies, help determine the time of existence of the monument in the second half of the 6th millennium BC.

Keywords: archaeology, Forest Middle Volga region, Sokolny XVII site, Republic of Mari El, Early Neolithic, unornamented pottery, spiked ceramics, flint tools, palynological studies, pottery technology, historical and cultural approach, radiocarbon dating.

REFERENCES

1. Aleshinskaya, A. S. Lavrushin, Yu. A., Spiridonova, E. A. 2001. In Manushina, T. N. (ed.). *Kamenniy vek evropeyskikh ravnin (Stone Age of European Plains)*. Sergiev Posad: The Sergiev Posad State History and Art Museum-Preserve, 248–254 (in Russian).
2. Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Kudashov, A. S., Aleshinskaya, A. S., Vasilyeva, I. N. 2020. In *Povolzhskaya arkhеologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (33), 64–83 (in Russian)
3. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery Studies: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–106 (in Russian).
5. Vasilieva, I. N., Vybornov, A. A. 2016. In Solov'ev, B. S., Mikheev, A. V. (eds.). *Voprosy arkhеologii epokhi kamnia i bronzy v Srednem Povolzh'e i Volgo-Kam'e (Issues of the Archaeology of Stone and Bronze Ages in Middle Volga and Volga – Kama Areas)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 31. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 68–98 (in Russian).
6. Vybornov, A. A., Obydenov, M. F. 1983. In Siniuk, A.T. (ed.). *Drevnie pamiatniki na territorii Vostochnoi Evropy (Ancient Monuments in Eastern Europe)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 40–56 (in Russian).
7. Vybornov, A. A., Nikitin, V. V. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A. N. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Neolithic Chronology of Eastern Europe in the VII–III Millennium BC)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 123–128 (in Russian).
8. Kochanova, M. D., Aleshinskaya, A. S., Spiridonova, E. A. 2005. In Afonin, S. A., Tokarev, P. I. (eds.). *Palinologiya: teoriya i praktika (Palynology: theory & applications)*. Moscow: "PIN RAN" Publ., 13–15 (in Russian).
9. Kudashov, A. S. 2023. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 263–270 (in Russian).
10. Kudashov, A. S., Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2023. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2022 goda (Archaeological Discoveries in Samara*

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project 23-78-10088) "Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga region". The palynological study was carried out within the framework of the research topic of the IA RAS "An interdisciplinary approach to the study of the formation and development of ancient and medieval anthropogenic ecosystems" (no. R&D 122011200264-9).

- Region in 2022*). Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 10–11 (in Russian).
11. Lychagina, E. L. 2020. *Neolit Verkhnego i Srednego Prikam'ya (Neolithic of the Upper and Middle Kama Region)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ. (in Russian).
 12. Mozgovaya, O. A., Maslova, E. S., Sharonova, I. V. 2007. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Estestvennonauchnaya seriya (Samara State University Bulletin. Natural Science Series)* 8 (58), 182–172 (in Russian).
 13. Nikitin, V. V. 1986. *Otchet o rabotakh Neoliticheskogo otryada MarAE v 1985 g. (Report on the work of the Neolithic detachment of MarAE in 1985)*. Yoshkar-Ola. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 10914 (in Russian).
 14. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IV. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).
 15. Nikitin, V. V. 2009. *Arkheologicheskaya karta Respubliki Marii El (Archaeological Map of the Mari El Republic)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskii poligraficheskoye izdatel'skii kombinat" Publ. (in Russian).
 16. Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IX. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).
 17. Nikitin, V. V. 2015. *Kul'tura nositelei posudy s grebenchato-iamochnym ornamentom v Mariisko-Kazanskom Povolzh'e (Pit-Combed Ware Culture in the Mari and Kazan Part of the Volga Basin)*. Kazan: "Kazanskaia medvuzhimosť" Publ. House (in Russian).
 18. In Pokrovskaya, I. M. 1950. *Pyl'tsevyy analiz (Pollen analysis)*. Moscow: "Gosgeolizdat" Publ. (in Russian).
 19. Spiridonova, E. A., Aleshinskaya, A. S. 1999. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 23–33 (in Russian).

About the Authors:

Kudashov Alexander S. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; aleksandr.kudashov@gmail.com

Andreev Konstantin M. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; konstantin_andreev_88@mail.ru

Vybornov Alexander A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vybornov_kin@mail.ru

Aleshinskaya Anna S. Candidate of Geographical Sciences, Head of the Laboratory of Natural Science Methods, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; asalesh@mail.ru

Vasilieva Irina N. Candidate of Historical Sciences, Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; in.vasil@mail.ru

Somov Anatoly V. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; somov.anatoly@gmail.com

Panteleeva Tatyana Y. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; panteleeva.tatyana.99@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

ИЗОБРАЖЕНИЯ РЫБ В НАСКАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

© 2024 г. А.М. Жульников, И.В. Аськеев,
Д.Н. Шаймуратова, С.П. Монахов

Статья представляет результаты анализа изучения образа рыбы в наскальном творчестве древних охотников и рыболов Северной Европы (финал VI – III тыс. до н. э.). В ходе исследования изучено 134 фигуры рыбы на 6 писаницах и в 17 скоплениях петроглифов Фенноскандии. Малая доля фигур рыбы по отношению к общему числу изображений на скалах региона, при высокой доле рыболовства в первобытной экономике, установленной по костным остаткам на нео-энеолитических стоянках, позволяет предполагать мифологическую подоснову рассматриваемых образов. Пространственные различия в облике фигур рыб на территории Северной Европы позволяют выделить две области (западную и восточную), кардинально отличающиеся по стилю изображения ихтиоморфов. В наскальном творчестве нашли отражение в основном представители наиболее крупных видов рыб, обитавших на территории региона: сом, осетр, палтус, щука, лосось, сиг. В костных остатках на стоянках, расположенных неподалеку от скоплений наскальных изображений, доминирующими являются обычно другие виды рыб: судак, треска. В композициях промысла рыбы, как и в других охотничьих сценах, выбитых на петроглифах Фенноскандии, представлены только активные способы ее добычи, хотя имеются многочисленные археологические данные использования жителями региона для ловли рыбы и иных животных разного типа ловушек.

Ключевые слова: археология, ихтиоморфы (сом, осетр, палтус, щука, лосось, сиг), петроглифы, писаницы, костные остатки рыб, неолит, энеолит, Фенноскандия

Введение

Образ рыбы занимает заметное место в традиционной культуре и искусстве многих народов мира. Исследователи отмечают наличие множества символических значений рыбы (Топоров, 1997, с. 391–393; Афанасьев, 1995). Значение подобных образов в первобытной культуре, как справедливо отмечает И.В. Палагута, может быть установлено путем синтеза методов археологии, искусствоведения и культурной антропологии, что подразумевает анализ и установление археологического контекста, реконструкцию облика изучаемых изображений, изучение не отдельных фигур, а их серий, использование сравнительного анализа на основе структурных аналогий, учет историко-культурного контекста (Палагута, 2017, с. 27).

Изображения рыбы в наскальном творчестве древнего населения Фенноскандии давно привлекали внимание как археологов (Равдоникас, 1936; Савватеев, 1970, 1991; Колпа-

ков, Шумкин, 2018), так и ихтиологов (Лебедев, 1960; Кудерский, 1983), однако пока не становились предметом специального изучения. Между тем, учитывая важнейшую роль рыболовства в неолите – энеолите во многих регионах Северной Европы, изучение особенностей изображений рыбы в наскальном искусстве представляет несомненный интерес для определения функции петроглифических святилищ, для реконструкции мировоззрения древних жителей региона и изучения процессов его взаимодействия. Основное внимание в исследовании уделено изучению пространственных и ландшафтных особенностей изображений рыб, их видовой идентификации, выявлению соотношения видов ихтиоморфов, нашедших отражение в наскальном творчестве и в костных остатках на стоянках региона.

Материал и методика

В ходе исследования были рассмотрены все изображения рыб,

представленные в имеющихся публикациях о древних наскальных изображениях Фенноскандии, за исключением групп петроглифов, относящихся к эпохе бронзы и раннему железному веку.

Идентификация видов ихтиоморфов и выявление их отличий от естественных прототипов проводилась на основе научной сравнительной коллекции пресноводных и морских рыб из зоологической коллекции лаборатории биомониторинга Института проблем экологии и недропользования АН РТ путем выполнения прорисовок силуэтов рыбы с натуральных образцов. В дальнейшем проводили наложение полученных натуральных контуров рыб в сопоставимом масштабе и ракурсе на контуры фигур на петроглифах и писаницах.

Для выявления пространственных особенностей иконографии образа рыб проводилась их классификация не только по отдельным изображениям, но и композициям, включая сцены рыбного промысла; по расположению изображений относительно ландшафтных рубежей. Проведен сравнительный анализ фигур, которые могут изображать предметы лова, с учетом данных о подобных орудиях, имеющих в археологических и этнографических источниках.

Полученные данные по пространственному распределению изображений ихтиоморфов, нашедших отражение на петроглифах и писаницах, сравнивались с ареалами и другими биологическими особенностями рыб, которые определяли локальную специфику рыбного промысла. Сопоставление видов рыб, нашедших отражение в наскальном искусстве, с костными остатками на поселениях было проведено с учетом наличия существенных различий в природной среде на территории Северной Европы. Для этого использовались определения костных остатков рыб из архе-

ологических памятников побережий Ладожского и Онежского озер (см. Галимова и др., 2015; Иванищева, 2015; Аськеев и др., 2022; Askeyev et al., 2023; неопубликованные данные лаборатории биомониторинга ИПЭН АН РТ), побережья Баренцева моря, севера Скандинавии (см. Hodgetts, 1999; Киселева, Мурашкин, 2019) и внутренних водоемов западной части бассейна Балтики, и территории Финляндии и Карельского перешейка (см. Olson, 2008; Gerasimov et al., 2017). Кроме того, были учтены сведения об изображениях рыб в мобильном творчестве древних охотников и рыболовов Фенноскандии.

Результаты исследований

Классификация, пространственные особенности изображений рыб

На территории Фенноскандии на данный момент известно 6 писаниц и 17 групп нео-энеолитических петроглифов, где имеется минимум 134 фигуры рыбы (рис. 1). Краткие сведения о количественном составе рыб, их видах и типах композиций представлены в таблице. Рыбы составляют примерно 0,6–0,7% от общего числа (по подсчетам А.М. Жульникова, около 20 000 фигур) древних наскальных изображений Северной Европы.

По отличительным видовым особенностям рыб в группах петроглифов и писаниц распознаются изображения камбалообразных рыб (Pleuronectiformes) (8 групп), кумжи (*Salmo trutta*) или семги (*Salmo salar*), обыкновенного сига (*Coregonus lavaretus*) (4 группы), обыкновенной щуки (*Esox lucius*) (3 группы), атлантического осетра (*Acipenser oxyrinchus*) (1 группа), обыкновенного сома (*Silurus glanis*) (1 группа) и, возможно, атлантической трески (*Gadus morhua*) (1 группа) и тунца (*Thunnus* sp.) (2 группы).

Камбалообразные рыбы (Pleuronectiformes) выделяются укороченными пропорциями – соотношением

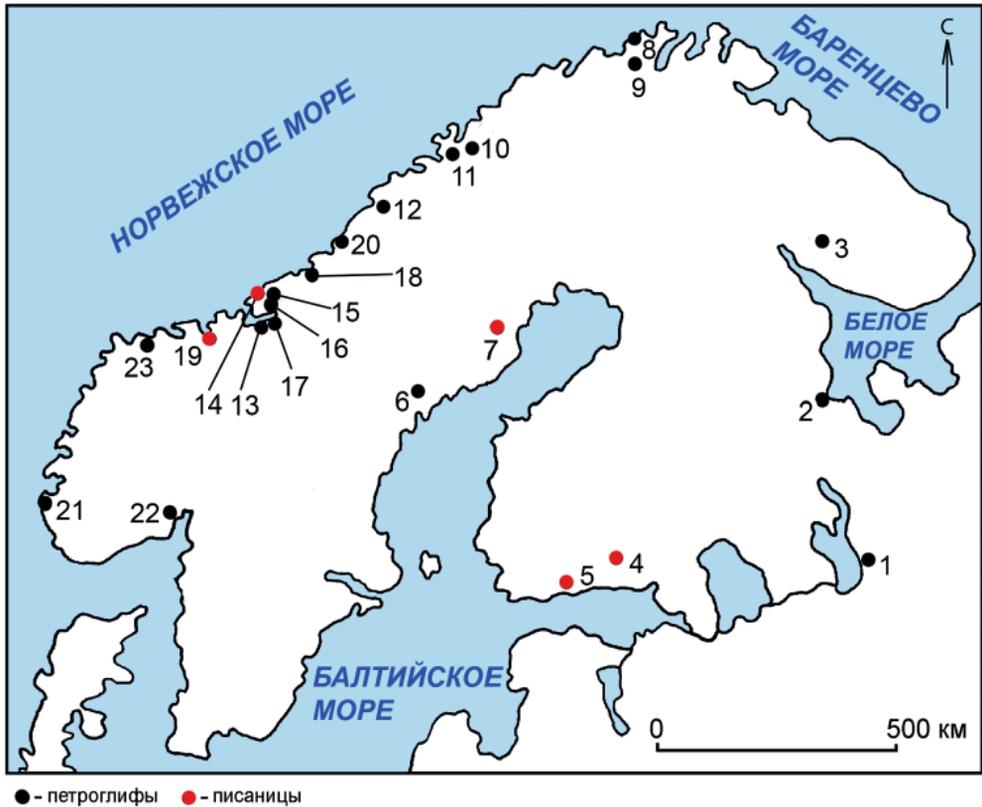

Рис. 1. Карта изображений рыб на петроглифах и писаницах Фенноскандии (финал мезолита – энеолит). Номера групп наскальных изображений на карте соответствуют их номерам в таблице.

Fig. 1. Map of fish images on petroglyphs and writings of Fennoscandia (final Mesolithic – Eneolithic). The numbers of the rock art groups on the map correspond to their numbers in the table.

общей ширины и длины примерно 1:3 (рис. 2: 7–9), для крупных представителей этого отряда, белокорого (атлантического) палтуса (*Hippoglossus hippoglossus*), характерна ромбовидная форма тела (рис. 2: 8), а у черного (синекорого) палтуса (*Reinhardtius hippoglossoides*) скорее заостренно-овальная форма (рис. 2: 9). Фигуры таких рыб – морской камбалы (*Pleuronectes platessa*) и белокорого палтуса – идентифицируются на петроглифах побережья Норвежского моря и на Канозере (рис. 2: 3–6).

В определении вида осетровых рыб Бесова Носа (Онежские петроглифы) мнения исследователей долгое время расходились – осетр или стерлядь (см.

Стерлигова и др., 2016). Одна фигура, расположенная слева от фигуры Беса (рис. 2: 12), по массивным спинным жучкам и их количеству, общим пропорциям тела сочетает в себе оба морфотипа атлантического осетра (рис. 2: 10, 11). Вторая предполагаемая осетровая рыба, изображенная в сцене рыбной ловли (рис. 2: 13), имеет общие пропорции тела, характерные для облика первого морфотипа атлантического осетра (рис. 2: 10).

Фигура обыкновенного сома на Онежских петроглифах (рис. 2: 1) имеет ряд отличий по сравнению с естественным прототипом (рис. 2: 2). Хвост рыбы, изображенной на мысе Бесов Нос, заметно удлинен (рис. 2).

Таблица

Список групп петроглифов и писаниц Финноскандии с изображениями рыб

№ п/п	Наименование группы (скопления) наскальных изображений, их вид	Количество фигур рыбы	Видовая принадлежность рыбы и их количество	Стиль изображения (силуэтный – С; контурный – К; рентгеновский стиль – с «линией жизни» – Р, сочетание силуэтного и контурного – СК) и количество фигур рыбы	Тип композиции (сцена промысла – Пр; группа рыб – Гр; одиночное изображение – Од) и их количество
1	Онежские петроглифы	3	Сом – 1; осетровая рыба – 2	СК – 1; С – 2	Пр – 1; Од – 2
2	Беломорские петроглифы	2	Сиг, Семга или Кумжа, – 2	С – 2	Од – 2
3	Канозерские петроглифы	6 + 3(?)	Щука – 3; палтус или, возможно, камбала – 2 + 3(?); возможно, тунец – 1 или изображение китов	С – 9	Пр – 1, Од – 8
4	Капасаари Йаала, писаница	7	Щука – 6 + 1(?)	С – 7	Гр – 2, Од – 1
5	Юусярви Киркконумми, писаница	1 + 2(?)	Щука – 1 + 2(?)	С – 1 + 2(?)	Гр – 1 + ?
6	Немфорсен, петроглифы	20 + (2)?	Семга или Кумжа – 15; неопр. – 5 + 2(?)	С – 13 + 2(?), К – 7	Гр – 3, Од – 14 + 2(?)
7	Финнфорсбергет, писаница	29 + ?	Семга или Кумжа – 29	С – 29 + ?	Гр – 7, Од – 1
8	Шлетнес, петроглифы	1	возможно, тунец – 1 или изображение китов	К – 1	Од – 1
9	Альта, петроглифы	15 + 2?	Палтус – 12; лосось – 1; возможно, треска – 1: неопр – 1 + 2(?)	С – 5, К – 10 + С – 2(?)	Пр – 10 + 2?, Од – 5
10	Форсельв, петроглифы	3 + 1(?)	Палтус – 3, неопр. – 1(?)	К – 3 + К – 1(?)	Пр – 3
11	Нес, петроглифы	1	Неопр. – 1	К – 1	Од – 1
12	Фюканватт, петроглифы	1	Неопр. – 1	К – 1	Од – 1
13	Хоммелвик, петроглифы	2	Палтус – 2	К – 2	Од – 1
14	Тексдал, писаница	1	Неопр. – 1	К – 1	Од – 1
15	Хаммер, петроглифы	1	Палтус – 1	К – 1	Од – 1
16	Квеннавика, петроглифы	13	Палтус – 13	Р – 13	Гр – 1
17	Лонке, петроглифы	8	Неопр. – 8	К – 8	Гр – 1
18	Реппен, петроглифы	1	Палтус – 1	К – 1	Од – 1
19	Хонхаммар, писаница	12 + 12(?)	Семга или Кумжа – 12 + 12(?)	К – 9, Р – 3	К – 3, Од – 1(?)
20	Вистнесдален, петроглифы	2	Палтус – 1, неопр. – 1	К – 2	Од – 2
21	Мелинг, петроглифы	2	Палтус – 2	К – 2	Од – 2
22	Скогервейен, петроглифы	2	Неопр. – 2	Р – 2	Гр – 1
23	Рейтанезет, петроглифы	1	Неопр. – 1	К – 1	Од – 1
	Всего количество фигур рыб	134 + (18?)			

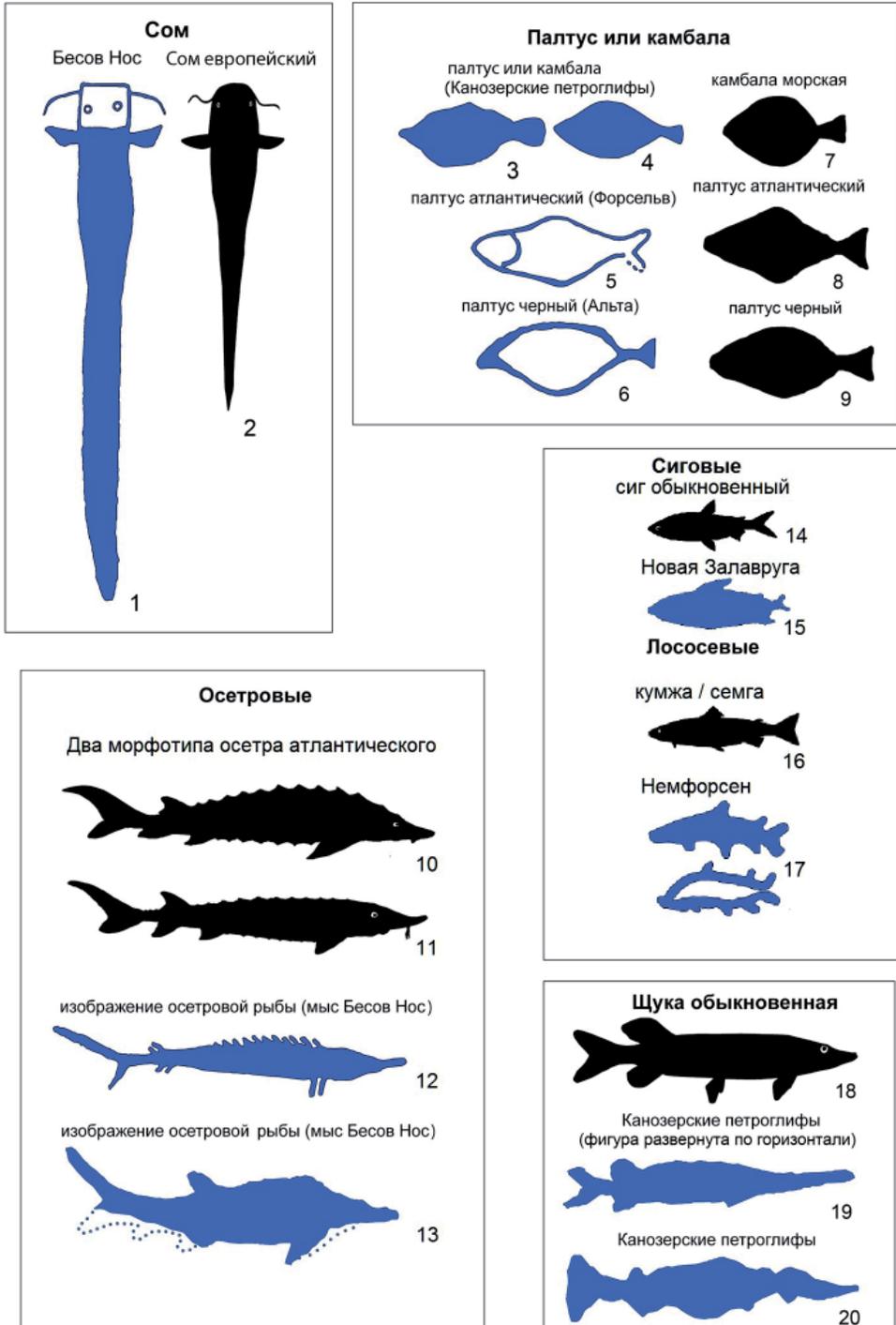

Рис. 2. Варианты соответствия видов рыб (черные силуэты) и изображений ихтиоморфов на петроглифах (фигуры, обозначенные синим цветом)

Fig. 2. Variants of the correspondence of fish species (black silhouettes) and images of ichthyomorphs on petroglyphs (figures indicated in blue)

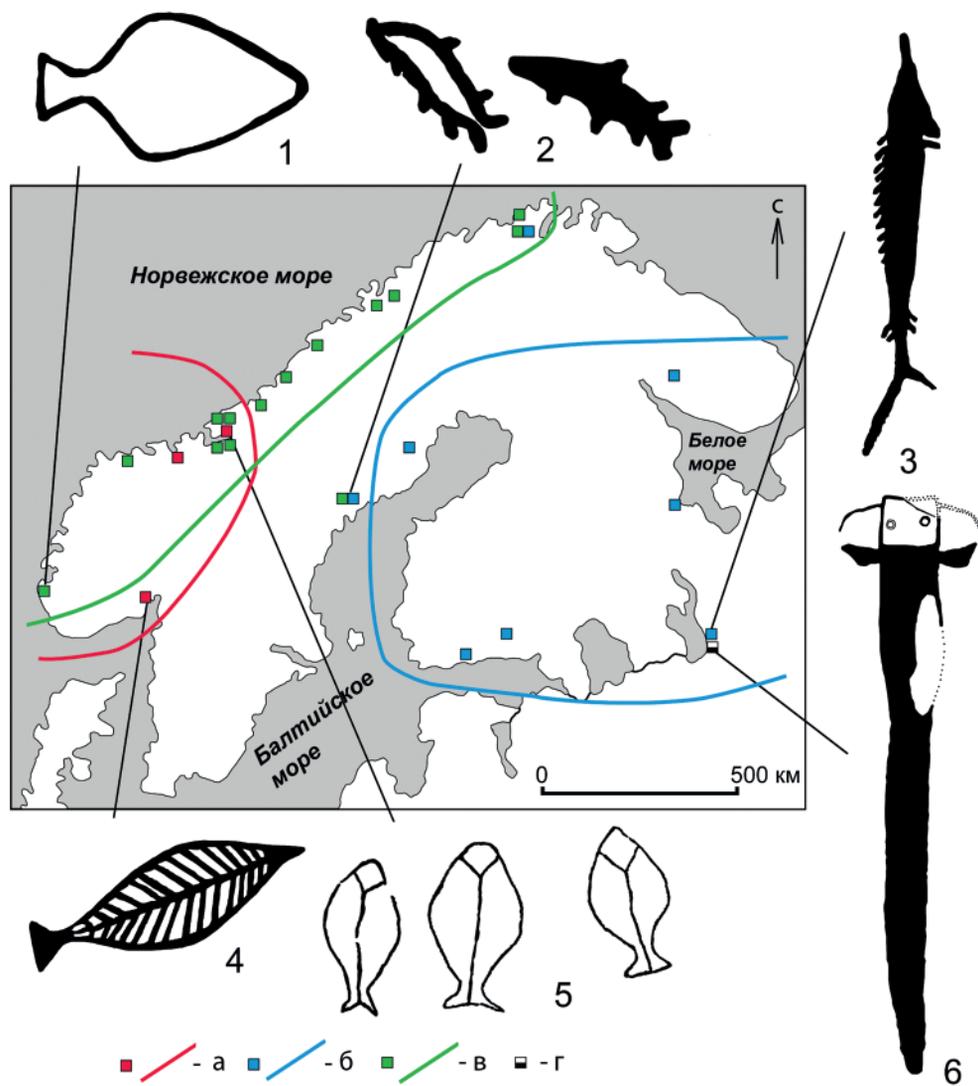

Рис. 3. Распространение изображений рыб, выполненных в контурном (а), силуэтом (б), рентгеновском (в) и контурно-силуэтом стиле (г). 1 – Мелинг (Омёй); 2 – Немфорсен; 3, 6 – Бесов Нос (западная группа); 4 – Скогервейен; 5 – Квеннавика.
 Fig. 3. Distribution of fish images made in contour (a), silhouette (б), X-ray (в) and contour-silhouette style (г). 1 – Meling (Åmøy); 2 – Nämforsen; 3, 6 – Besov Nos (Western group); 4 – Skogerveien; 5 – Kvennavika.

Верхняя часть сома изображена в проекции сверху, а хвост показан в проекции сбоку.

Характерными признаками изображения щуки является стреловидная форма туловища, вытянутое рыло и два плавника (спинной и анальный), расположенные симметрично на стебле хвоста (рис. 2: 18). Образ щуки

нашел отражение на писаницах Финляндии и на петроглифах Канозера (рис. 2: 19, 20), где одна из фигур щуки (рис. 2: 20) определена Е.М. Колпаковым как уникальное изображение кинжала эпохи бронзы (Колпаков, 2020, с. 141), с чем нельзя согласиться, в том числе и по причине полного отсутствия отдельных изображений

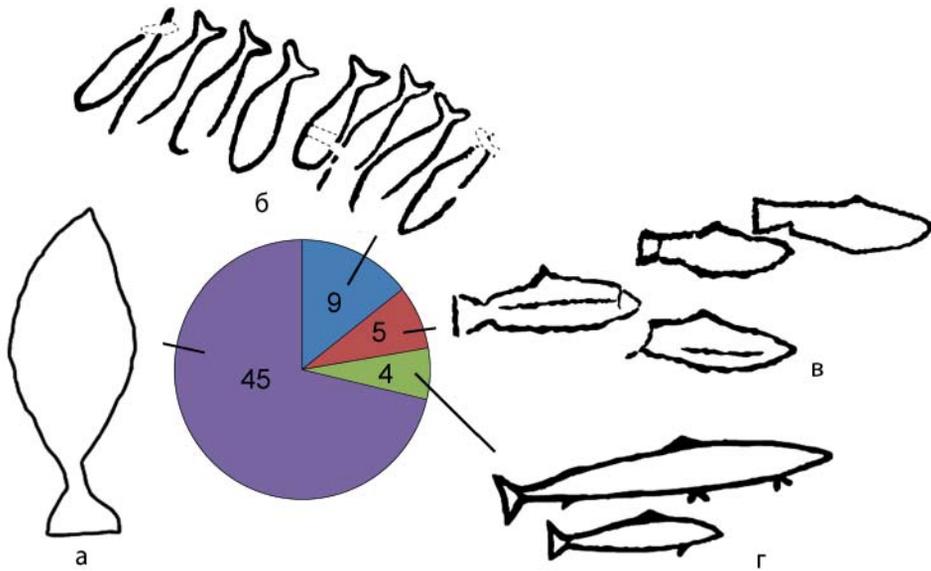

Рис. 4. Диаграмма количественного соотношения композиций из фигур рыб на петроглифах и писаницах Фенноскандии: а – одиночные изображения рыб (45 композиций); б – группа фигур рыб в виде ряда или дуги (девять композиций); в – группа рыб в виде стаи (пять композиций); г – парное изображение рыб (четыре композиции).

Fig. 4. A diagram of the quantitative ratio of compositions of fish figures on petroglyphs and writings of Fennoscandia: а – single images of fish (45 compositions); б – a group of fish figures in the form of a row or an arc (nine compositions); в – a group of fish in the form of a flock (five compositions); г – a paired image of fish (four compositions).

оружия в наскальном искусстве Северной Фенноскандии.

Изображения лососевой или сиговой рыбы обычно достаточно схематичны. Принадлежность рыбы к семейству лососевых (*Salmonidae*) или сиговых (*Coregonidae*) устанавливается по отдельным признакам: два спинных плавника – настоящий и следующий позади него, расположенный напротив анального плавника, маленький жировой плавничок, который является одним из характерных признаков лососеобразных (*Salmoniformes*); длинное сжатое с боков тело и форма хвостового плавника – слабо вырезан у лососевых и сильно вырезан у сиговых (рис. 2: 15, 16, 17). Одним из видовых признаков тунца является серповидный хвост, однако на петроглифах Новой Залавруги (Беломорские петроглифы) подобным образом иногда изображался хвост

кита (Савватеев, 1977, рис. 81: 6; 86: 3). Скорее всего, предполагаемые изображения тунца на петроглифах Канозера (Колпаков, Шумкин, 2012, с. 303) и Шлетнеса являются на самом деле изображениями китов.

У тресковых рыб имеется три почти сливающихся спинных плавника, единственное изображение рыбы с подобным признаком имеется на петроглифах Альты (Sveen, 1996, p. 42).

На территории Фенноскандии имеется всего пять групп наскальных изображений, где фигуры рыб доминируют: Капасаари Йаала (Lahelma, 2008, p. 216), Хонхаммар, панель XXI (Linge, 2014), Тексдал (Nash, Smiseth, 2015, p. 45), Квеннавика (Sognes, 2006), Финнфорсбергет (Larsson, 2013).

Изучение стилистических особенностей фигур рыб позволило выявить на территории региона четыре обла-

сти, отличающиеся особенностями в стилистике изображений (рис. 3):

1. Юго-западная часть Норвегии – на этой территории встречаются фигуры рыб в рентгеновском стиле с показанной «линией жизни» (рис. 3: 4, 5), как, например, в группе Скогервейен (рис. 3: 4) (Hallström, 1938, p. 514).

2. Западное побережье Норвегии – фигуры рыб выполнены в контурном стиле. В частности, контурное изображение палтуса имеется в группе петроглифов Хаммер (рис. 3: 1) (Вакка, 1988, tabl. 4: 58)

3. Восточная Фенноскандия и север Швеции – для фигур рыб характерен силуэтный стиль. В таком стиле, в частности, выбиты изображения осетровой рыбы на мысе Бесов Нос (рис. 3: 3; 6: 3) (Poikalainen, Ernits, 2021, p. 155, 167).

4. В скоплениях петроглифов Альта и Немфорсен, расположенных между западной и восточной частями Фенноскандии, имеются фигуры рыб, выбитые в контурном и силуэтном стилях (рис. 3: 2) (Larsson, Broström, 2011, fig. F: 4).

На Онежских петроглифах имеется изображение рыбы (сома), у которой голова обозначена контурной выбивкой, а туловище силуэтом (рис. 3: 6; 6: 2) (Poikalainen, Ernits, 2021, p. 177).

Композиции с изображениями рыб, без учета сцен промысла, можно разделить на следующие группы (рис. 4):

- ряд из фигур рыб (9 композиций);
- группа из плывущих в одну сторону фигур рыб (в виде стаи) (5 композиций);

- пара фигур рыб (4 композиции);
- одиночное изображение рыбы (45), к которым отнесены и те изображения, которые находятся рядом с иными фигурами (копытные животные, антропоморфы, лодки и т. д.), однако их взаимосвязь установить затруднительно.

Пространственных особенностей в размещении композиций этих четы-

рех групп выявить не удалось.

Выделено четыре вида сцен промысла рыбы, в том числе изображение орудий ее лова: 1) охота антропоморфа с гарпуном на рыбу (возможно, относящуюся к осетровым) (одна композиция) (рис. 5: 19; 6: 4) (Poikalainen, Ernits, 2021, p. 167); 2) ловля антропоморфом рыбы (щуки) удочкой без лодки (одна композиция) (рис. 5: 16) (Колпаков, Шумкин, 2012, с. 325); 3) ловля рыбы (палтуса) удочкой с лодки (шесть композиций) (рис. 5: 1–5, 15; 6: 1) (Gjerde, 2010, fig. 75; Helskog, 2014, fig. 25, 77, 85, 87, 99); 4) изображение пойманного палтуса на леске (рис. 5: 6–11, 14) (восемь композиций) (Gjerde, 2010, fig. 75; Helskog, 2014, fig. 42, 55, 74), в том числе один вариант лова, когда на леске показано грузило (рис. 5: 14), и четыре варианта с обозначенной на конце лески наживкой (рис. 5: 5, 14, 15). В лодках в сценах лова изображены от одного до четырех рыбаков. Сочетание композиций лова рыбы третьего и четвертого типа наблюдается в группах петроглифов Альта и Форсельв, расположенных в северной части Норвегии (рис. 5: А, Б).

На писаницах и петроглифах Фенноскандии встречаются возможные изображения орудий рыбного лова: мережа (рис. 5: 17) (Савватеев, 1970, рис. 48: 36), решетка в руках антропоморфа (рис. 5: 13) (Helskog, 1988, p. 70), сеть (рис. 5: 12, 18, 20–22) (Linge, 2014, fig. 6, 10; Вакка, 1973, fig. 10; Савватеев, 1970, рис. 60, 95). На мой взгляд, наиболее похожи на изображения орудий лова (сеть) фигуры на писаницах центральной части Норвегии (рис. 5: 20–22), на которых наблюдается характерное для рыболовных сетей соединение нитей.

Имеется два варианта в размещении фигур рыб относительно окружающего ландшафта. На писаницах, расположенных на отвесных скалах, рыбы «плывут» параллельно поверх-

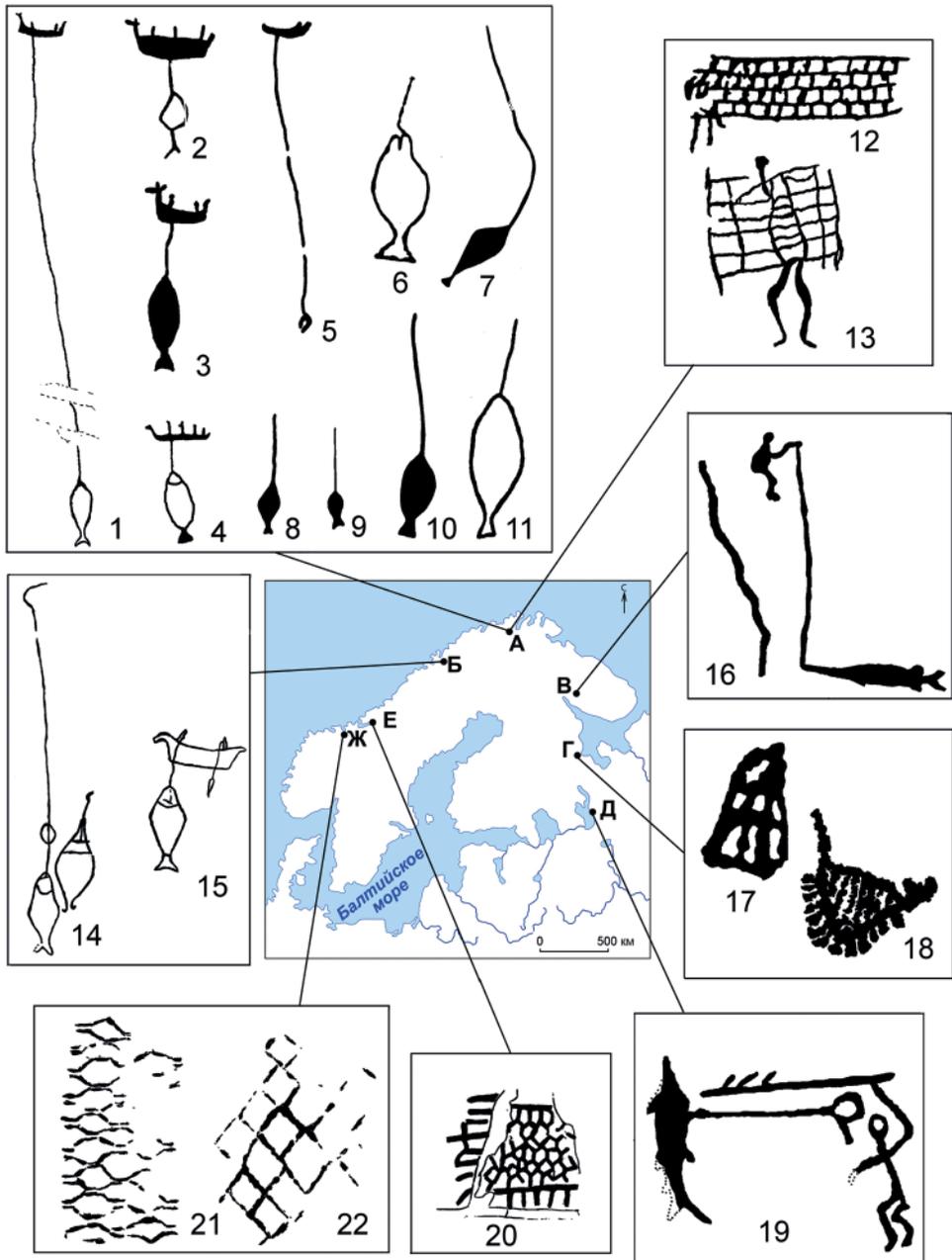

Рис. 5. Варианты композиций ловли рыбы, возможных орудий рыбной ловли и места их обнаружения на петроглифах Фенноскандии. А – Альта; Б – Форсельв; В – Канозеро; Г – Беломорские петроглифы; Д – Бесов Нос; Е – Хольтос; Ж – Хоннхаммар.

Fig. 5. Variants of fishing compositions, possible fishing tools and places of their discovery on the petroglyphs of Fennoscandia. A – Alta; Б – Forselv; В – Kanozero; Г – Belomorsky petroglyphs; Д – Besov Nos; Е – Holtas; Ж – Honnhammar.

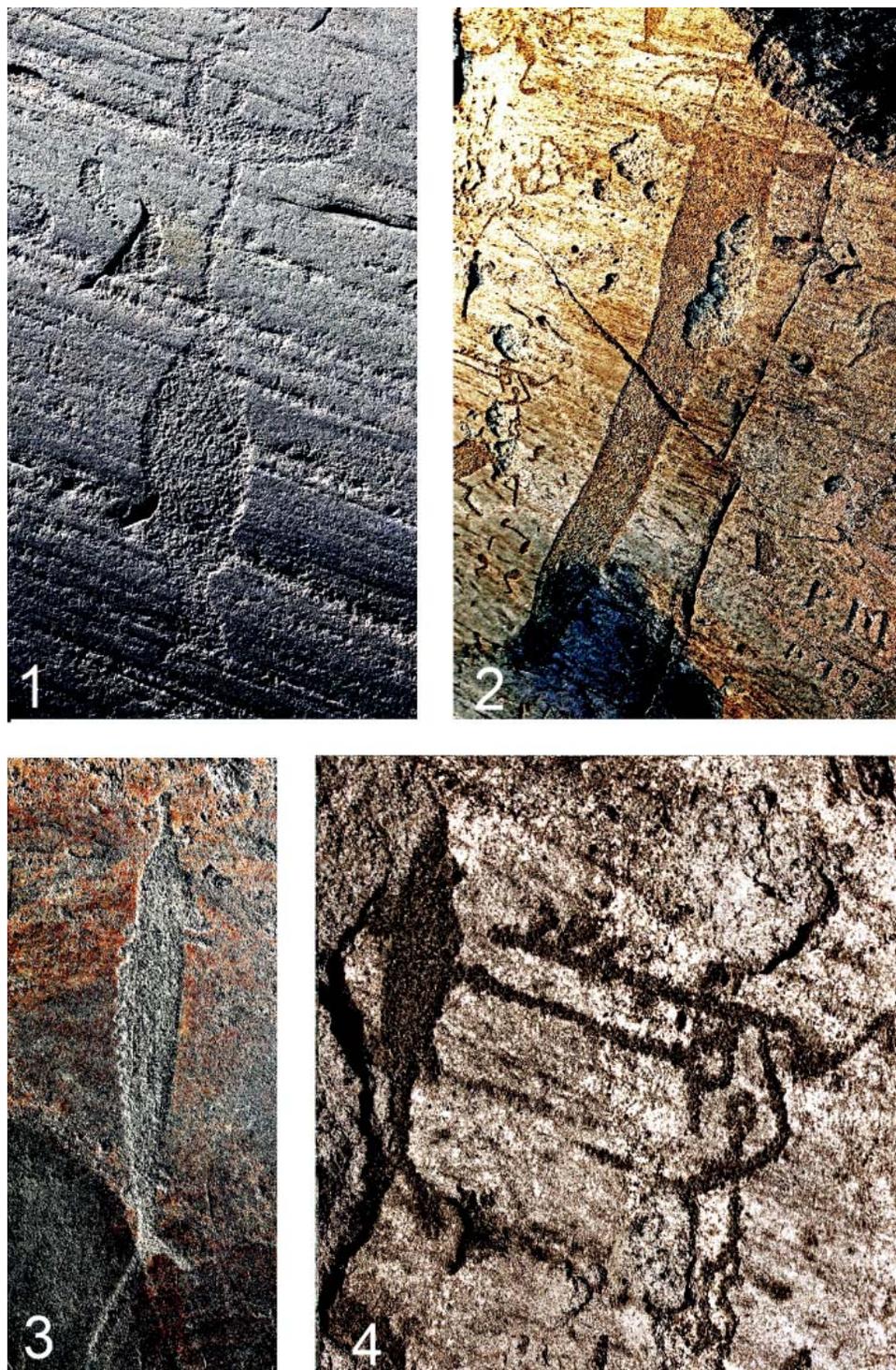

Рис. 6. Изображения рыб и рыбной ловли на петроглифах Алты и Бесова Носа (фото Жульников А.М.). 1 – Алты; 2–4 – Бесов Нос.

Fig. 6. Images of fish and fishing on the petroglyphs of Alta and Besov Nos (photo by A.M. Zhul'nikov). 1 – Alta; 2–4 – Besov Nos.

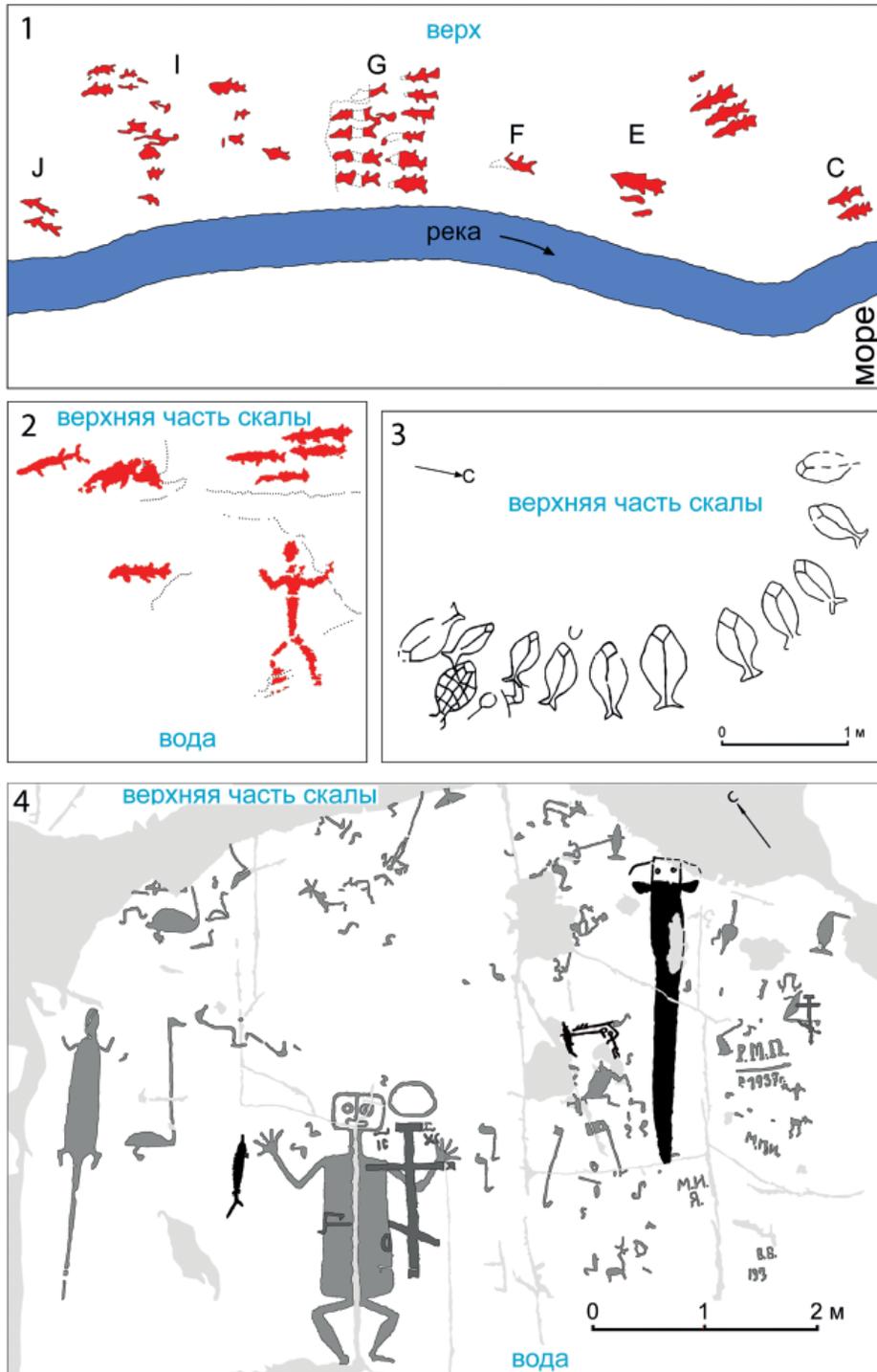

Рис. 7. Варианты размещения фигур рыб относительно ландшафта. 1 – Финнфорсбергет; 2 – Капасаари Яаала; 3 – Квеннавика; 4 – Бесов Нос.
 Fig. 7. Options for placing fish figures relative to the landscape. 1 – Finnforsberget; 2 – Kapasaari Yaala; 3 – Kvennavika; 4 – Besov Nos.

ности воды (рис. 7: 1, 2). Такое расположение фигур рыб характерно и для некоторых групп петроглифов, выбитых на наклонных скалах. В группе писаниц Финнфорсбергет лососевые рыбы головами ориентированы вверх по течению реки (от моря) (рис. 7: 1) (Larsson, 2013, fig. 29). Видимо, это изображение можно трактовать как схему движения нерестового хода лососевых рыб вверх по реке. В некоторых группах петроглифов рыбы головами направлены вверх по склону скалы (рис. 7: 3, 4), во всех случаях, видимо, в сторону противоположную от воды (на момент создания наскальных изображений).

Археологический и биологический контекст

Состав видов рыб, определяемых по остаткам ихтиофауны на поселениях неолита – раннего металла на территории Фенноскандии, оказался во многом различен. Например, на ряде неолитических стоянок, расположенных на побережье Ладожского и Онежского озер, доминируют кости судака (*Sander lucioperca*) (Галимова и др., 2015; Иванищева, 2015; Аськеев и др., 2022; Askeyev et al., 2023), довольно часто встречаются кости обыкновенного окуня (*Perca fluviatilis*), обыкновенной щуки (рис. 8: 3). На ранненеолитической стоянке Возрицы I (раскопки А.М. Жульникова) на северо-восточном побережье Онежского озера доминируют кости налима (*Lota lota*) и сиговых рыб: европейской ряпушки (*Coregonus albula*), сига (*Coregonus lavaretus*). На стоянках, расположенных на побережье Баренцева моря, на севере Скандинавии, преобладают кости рыб из семейства тресковых (*Gadidae*): атлантической трески, пикши (*Melanogrammus aeglefinus*), сайды (*Pollachius virens*) (см. Hodgetts, 1999; Киселева, Мурашкин, 2019) (рис. 8: 2).

Осетр, который был изображен на скалах Онежского озера: до конца XX

века считалось, что это был европейский осетр (*Acipenser sturio*), некогда населявший регион Балтийского моря. Однако более поздние исследования показывают, что это предположение ошибочно. Использование генетических данных в сочетании с археозоологическими образцами показывает, что это мог быть атлантический осетр (*Acipenser oxyrinchus*). Nikulina и Schmölcke (2018) ясно показывают, что *Acipenser oxyrinchus* мигрировал в Балтийское море не позднее 8000 лет назад. Самый старый образец исторического ДНК *A. oxyrinchus* в Балтийском море датируется примерно 6000 г. до н. э. (Nikulina, Schmölcke, 2016). Соответственно, *A. oxyrinchus* должен считаться аборигенным видом бассейна Балтийского моря. Но в то же время проведенные исследования исторического ДНК (ядерного и митохондриального) и морфологии костных остатков древних осетров Балтийского моря, в т. ч. из средневековой Старой Ладого, показал наличие в древних популяциях морфологических признаков и генетического материала от европейского осетра (*Acipenser sturio*) (см. Popović, et al., 2014; Галимова и др., 2013; Galimova et al., 2015). Таким образом, популяции древних осетров из бассейна Балтийского моря имели преобладающий морфотип и генотип атлантического осетра (*Acipenser oxyrinchus*) и в меньшей степени морфотип и генотип европейского осетра (*Acipenser sturio*), выраженный у гибридов, в т. ч. интрогрессированных особей, но при полном отсутствии морфологически и генетически чистого европейского осетра (*Acipenser sturio*) и гибридов первого поколения (неопубликованные данные лабораторий биомониторинга ИПЭН АН РТ).

Достоверным свидетельством обитания в древности атлантического осетра в Онежском озере на данный момент являются немногочисленные

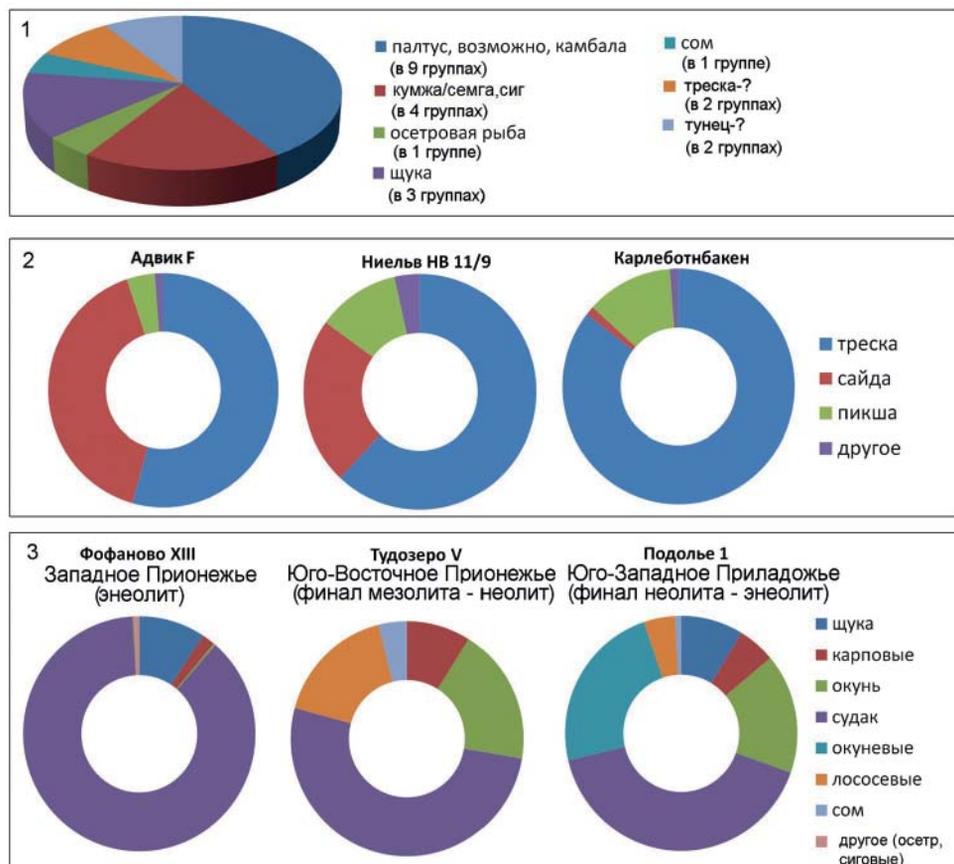

Рис. 8. Диаграммы количественного соотношения видов и групп рыб в наскальном творчестве (1) и в костных остатках на древних поселениях Северной Норвегии (2), побережья Онежского и Ладожского озер (3).

Fig. 8. Diagrams of the quantitative ratio of fish species and group in rock art (1) and fish bone remains in ancient settlements in Northern Norway (2), coast of Onega and Ladoga lakes (3).

кости этого вида рыбы на энеолитической стоянке-мастерской Фофаново XIII, расположенной на западном берегу Онежского озера (Аськеев и др., 2022; Askeyev et al., 2023).

Сом, образ которого нашел воплощение только на скалах Онежского озера, на древних стоянках западного и южного побережья Онежского и южного побережья Ладожского озер, исследованных раскопками, доля его костей по отношению к костям других видов рыб весьма незначительна (рис. 8: 2), однако его кости были идентифицированы на всех исследуемых стоянках (см. Галимова и др., 2015; Иванищева, 2015; Аськеев и др.,

2022; Askeyev et al., 2023; неопубликованные данные лаборатории биомониторинга ИПЭН АН РТ).

Палтусы и камбалы довольно редко встречаются в виде костных остатков на стоянках морского побережья Баренцова моря (Hodgetts, 1999; Киселева, Мурашкин, 2019), напротив, часто изображалась древними людьми в приморских группах петроглифов, что ранее уже отмечалось исследователями (Колпаков, Шумкин, 2018).

Обыкновенная щука распространена повсеместно на территории Фенноскандии, за исключением районов, примыкающих к побережью Норвежского и Баренцева морей. На древних

стоянках, приуроченных к берегам небольших внутренних водоемов западной части бассейна Балтики, в том числе на территории Финляндии, Карельского перешейка, кости щуки нередко занимают заметное место в остатках ихтиофауны (Olson, 2008; Gerasimov et al., 2017), так же как и на ряде стоянок Ладожского и Онежского озер (см. Галимова и др., 2015; Иванищева, 2015; Аськеев и др., 2022; Askeyev et al., 2023; неопубликованные данные лаборатории биомониторинга ИПЭН АН РТ).

При изучении костей лососевых рыб со стоянок Баренцова моря (см. Hodgetts, 1999; Киселева, Мурашкин, 2019), побережья Ладожского и Онежского озер (см. Галимова и др., 2015; Иванищева, 2015; Аськеев и др., 2022; Askeyev et al., 2023; неопубликованные данные лаборатории биомониторинга ИПЭН АН РТ) археозоологами отмечается их небольшое количество по отношению к костным остаткам других видов рыб. Эти данные противоречат этнографическим материалам, согласно которым промысел атлантического лосося (семги) и кумжи еще недавно занимал заметное значение в пищевом рационе жителей северной части бассейна Атлантики. Данный факт объясняется тем, что состав костных остатков ихтиофауны, обнаруживаемых обычно в перегоревшем и фрагментированном виде на древних поселениях, не полностью отражает реальную долю добываемых в древности рыб. Кроме того, кости лососевых с их пористой структурой, большим содержанием хряща и высокой жирностью легче подвергаются разрушениям тафономического характера, поэтому это делает достаточно проблематичным обнаружение большого количества остатков этих рыб в археологических памятниках (см. Аськеев и др., 2013). Также в неолите, в связи с сезонностью рыбной ловли и ее подверженности быстрой

порче, могли появиться различные способы потребления и сохранения улова, включая сооружение специальных ям для ферментации, вяление, сушка, копчение. Подвергнутые подобной обработке кости рыб вовсе не обязательно могли сохраниться до настоящего времени (Nurminen, Koivisto, 2015).

В целом количественное сопоставление фигур рыбы в группах наскальных изображений и остатков рыб на древних поселениях Фенноскандии показало, что большая часть результатов рыбного лова не нашла отражения в петроглифах или писаницах. На скалах изображены лишь представители наиболее крупных видов рыб, обитавших на территории Фенноскандии: сом, осетр, палтус, щука, лососи, сиг (рис. 8: 1).

В мобильном искусстве каменного века региона изображения рыб встречаются очень редко. Два каменных изображения сома происходят с южной части территории Карелии. Кирка с цапфами, найденная Северном Приладожье, очевидно, могла являться неолитическим скипетром-навершием, а крупная каменная скульптура, происходящая из западной части современной Карелии (северная часть бассейна реки Вуокса), возможно, служила в качестве идола (Жульников, 2023). Скульптура и навершие с цапфами были найдены на границе современного ареала сома. Эти изделия, судя по их характерным признакам и имеющимся аналогиям, были предназначены для выполнения социально значимых для древних людей ритуальных функций, что подчеркивает высокий статус образа сома в ритуально-социальной практике населения региона.

Обсуждение полученных результатов и выводы

Проведенное исследование показало, что многие рыбы на петроглифах и писаницах Северной Европы изо-

бражены настолько схематично, что нет возможности установить их видовую принадлежность. В остальных случаях определение рыбы до вида также затруднено, обычно удается надежно установить лишь их семейство (камбаловые, осетровые, лососевые). В ходе исследования были выявлены примеры намеренного искажения древним художником пропорций рыбы или ее длины, в том числе по отношению к размерам лодки или рыбака (в композициях промысла), видимо для создания определенного художественно-смыслового образа.

Пространственные различия в облике фигур рыб на территории Северной Европы позволяют выделить две области (западную и восточную), кардинально отличающиеся по канонам изображения ихтиоморфов. Наличие в некоторых скоплениях петроглифов (Альта, Немфорсен), расположенных на промежуточной территории между вышеуказанными областями, фигур «западного» и «восточного» стиля, позволяет охарактеризовать их как петроглифические святилища, где происходило смешение изобразительных традиций. Имеющиеся данные по мобильному искусству древнего населения Фенноскандии свидетельствуют о том, что распространение изобразительного канона в наскальном творчестве могло осуществляться на этой территории разными способами, в том числе на перемещаемых на дальние расстояния мобильных «носителях» (Жульников, 2023).

Наличие сходных, даже во многих деталях, сцен промысла палтуса в группах Форсельв и Альта, удаленных друг от друга на расстояние более 300 км побережья Норвежского моря (рис. 5: А, Б), свидетельствует об устойчивых связях групп населения, проживавших на данной территории. В данном случае маловероятно, что на столь дальние расстояния передача иконографии композиции, состоящей

из взаимосвязанных определенным образом фигур, происходила путем перемещения предметов мобильного искусства. Так как за пределами данной территории подобные композиции рыбного промысла не известны, то область их распространения позволяет очертить пределы зоны, в которой могла осуществляться прямая (например, путем регулярного посещения мест расположения петроглифических святилищ группами охотничье-рыболовческого населения) передача изобразительных традиций в наскальном творчестве.

Незначительное число фигур рыбы на петроглифах и писаницах Фенноскандии входит в явное противоречие с высокой долей рыболовства в первобытной экономике региона, установленной по костным остаткам на неолитических стоянках. Этот факт косвенно подтверждает мифологическую подоснову образов наскального творчества древнего населения Северной Европы. Выявленные различия в ориентации фигур рыб по отношению к водоему связаны, видимо, с различиями в функции композиций с ихтиоморфами. Состав образов рыб и сцен промысла, нашедших отражение в наскальном творчестве, далек от реалий древних охотничьих промыслов. Особое внимание древних художников Северной Европы по отношению к наиболее крупным видам рыб, на наш взгляд, отражает то значение, которое занимали эти образы в мифологической картине мира первобытных охотников и рыболовов. За исключением щуки и лососей, остальные виды рыб, нашедшие отражение в наскальном творчестве, судя по костным остаткам на поселениях, не имели существенного значения в рационе питания древних людей. Онежские петроглифы с фигурами осетра и сома находятся на границе ареала этих видов рыб в природе. Само появление подобных рыб в улове для жителей Фенноскан-

дии явно становилось неординарным событием для коллективов охотников и рыболовов.

Нео-энеолитические композиции промысла рыбы, как и сцены охоты на иных животных, имеющиеся на скалах Северной Европы, демонстрируют нам, как правило, только активные способы ее ловли, тогда как пассивные приемы добычи (с использованием сетей, мереж, запоров и т. п.) в наскальном творчестве региона не представлены. По археологическим и этнографическим данным, как известно, использование подобных «пассивных» способов добычи животных в лесной зоне Евразии зачастую являлось основным способом получения продуктов питания и шкур. Внимание создателей наскальных изображений только к активным способам добычи животных, в которых предполагается

непосредственное участие охотника или рыболова, направлено на подчеркивание значения человека в процессе охотничьего промысла. В данном случае мы вправе говорить об особой смысловой нагрузке, вкладываемой древними людьми в подобные наскальные композиции, которые явно не сводились к отображению на скалах результатов охотничьего промысла или орудий лова. Тем не менее очевидно, что изображенные на скалах Северной Европы способы добычи рыбы и орудия ее лова, в том числе лодки, украшенные скульптурной головой лося, в неолите – энеолите на самом деле применялись древними охотниками и рыболовами. Представляется возможным использование подобных композиций для реконструкции некоторых способов рыбной ловли на территории региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аськеев И.В., Галимова Д.Н., Аськеев О.В. Ихтиофауна позднего голоцена Средневожского бассейна (по материалам археологических раскопок) // Зоологический журнал. 2013. Т. 92. Вып. 9. С. 1014–1030.
2. Аськеев И.В., Тарасов А.Ю., Шаймуратова Д.Н., Аськеев А.О., Монахов С.П., Аськеев О.В. Оценка сезонности археологического памятника по костным остаткам рыб. На примере энеолитической стоянки-мастерской Фофаново XIII на Онежском озере // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 158–169.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х т. М.: Современный писатель, 1995.
4. Галимова Д.Н., Аськеев И.В., Аськеев О.В., Гусенцова Т.М. Археозоологический анализ неолитической стоянки Подолье-1 в южном Приладожье // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции / Под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 163–165.
5. Галимова Д.Н., Попович Д., Панагиотополо Х., Аськеев И.В., Аськеев О.В. Предварительные результаты исследования исторической ДНК костных рыб из археологических памятников // Динамика современных экосистем в голоцене. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием) / Отв. ред. И.В. Аськеев, Д.В. Иванов. Казань: Отечество, 2013. С. 118–122.
6. Жульников А.М. Образ кита и рыбы в мобильном искусстве древнего населения Фенноскандии // XVI Бадеровские чтения / Отв. ред. М.Л. Перескоков, Е.В. Чуйкина. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 113–119.
7. Иванничева М.В. О рыболовстве в каменном веке и средневековье на Тудозере // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере» / Редкол. Н.Г. Зайцева, Е.В. Захарова и др. Петрозаводск: ИИЯЛИ КарНЦ РАН, 2015. С. 33–42.
8. Киселева А.М., Мурашкин А.И. Морская охота и рыболовство на побережье Северной Фенноскандии до рубежа эр // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 171–179.

9. Колпаков Е.М. Петроглифы Канозера 2020: новые фигуры и типология // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 2. № 4. 2020. С. 135–142.

10. Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.

11. Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Хозяйственная деятельность в петроглифах Фенноскандии // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию В.М. Лозовского / Ред. О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, Е.В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН. 2018. С. 260–264.

12. Кудерский Л.А. Осетровые в бассейне Онежского и Ладожского озер // Сборник научных трудов ГосНИОРХ. Вып. 205 / Ред. В.В. Покровский. Ленинград: ГосНИОРХ, 1983. С. 128–149.

13. Лебедев В.Д. Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. М.: МГУ, 1960. 402 с.

14. Палагуца И.В. Доисторическое и традиционное искусство: на границе искусствоведения, археологии и этнологии // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 7 / Ред. С.В. Мальцева, Е.Ю. Станюкович-Денисова, А.В. Захарова. СПб.: СПбГУ, 2017. С. 22–32.

15. Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.: АН СССР, 1936. 205 с.

16. Савватеев Ю.А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Часть 1. Петроглифы. Л.: Наука, 1970. 444 с.

17. Савватеев Ю.А. Рыболовство и морской промысел в Карелии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла / Под ред. Н.Н. Гуриной. Л.: Наука, 1991. С. 182–202.

18. Стерлигова О.П., Ильмаст Н.В., Савосин Д.С. Круглоротые и рыбы пресных вод Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 224 с.

19. Топоров В.Н. Рыба // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. М.: Российская энциклопедия, 1997. С. 391–393.

20. Askeyev I.V., Tarasov A.Yu., Askeyev A.O., Askeyev O.V., Shaymuratova D.N., Monakhov S.P. Highly productive fishing in Lake Onega? New data on the subsistence basis of the Late Stone age populations in Russian Karelia // Journal of Archaeological Science: Reports Volume 47, (February 2023): 103771.

21. Bakka E. Om alderen på veideristingane // Viking. 1973. Bind 37. P. 151–187.

22. Bakka E. Helleristingane på Hammer i Beistad, Steinkjer, Nord-Trøndelag. Granskingar i 1977 og 1981. Trondheim: Vitenskapsmuseet, 1988. 60 p.

23. Galimova D.N., Askeyev I.V., Askeyev O.V., Popović D., Panagiotopoulou H. A study of the fish bones from the medieval town - Staraya Ladoga. // 18th Fish Remains Working Group International Council for Archaeozoology. Fishing through time Archaeoichthyology, Biodiversity, Ecology and Human Impact on Aquatic Environments, 28th September - 3rd October 2015, Lisbon, Laboratório de Arqueociências, 2015. P. 63–64.

24. Gerasimov D.V., Broderick L. G., Seitsonen S., Seitsonen O. Burnt bones by Europe's largest lake: Zooarchaeology of the Stone Age and Early Metal period hunter-gatherers at Lake Ladoga, NW Russia // Journal of Archaeological Science: Reports 11. 2017. P. 131–146.

25. Gjerde J.M. Rock art and Landscape. Studies of Stone Age rock art from northern Fennoscandia. Tromsø: University of Tromsø, 2010. 505 p.

26. Hallström G. Monumental Art of Northern Europe from the Stone Age. Stockholm: Thule, 1938. 544 p.

27. Helsing K. Helleristingene i Alta: Spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarks forhistorie. Alta: Alta museum, 1988. 135 p.

28. Helsing K. Communicating with the World of Beings: The World Heritage Rock Art Sites in Alta, Arctic Norway. Oxford and Philadelphia: Oxbow Books, 2014. 240 p.

29. Hodgetts L. M. Animal Bones and Human Society in the Late Younger Stone Age of Arctic Norway. Durham theses, Durham University. V. 1. 1999. 189 p. Available at Durham E-Theses Online: <http://etheses.dur.ac.uk/4491/>

30. Lahelma A. A Touch of Red: Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings // Iskos 15. Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 2008. 279 p.

31. Larsson T. Hällmålningarna på Finnforsberget, Skellefteå sn, Raä 118 och 123, Västerbottens län. Umeo: Umeo universitet, 2013. 31 p.

32. Larsson T.B., Broström S.-G. The Rock Art of Nämforsen, Sweden. The survey 2001–2003 // Archaeological Reports from Umeå University. Umeå: Umeå University, 2011. 118 p.

33. Linge T.E. Rørsle gjennom fjordlandskapet – om nyfunne bergmalingar på Honnhammar I Tingvoll // Viking. 2014. Bind 57. P. 7–36.

34. Nash G., Smiseth M.-T. Art and intimacy within the prehistoric landscapes of Norway: how hunter/fisher/gatherers organised their ritual and political worlds through art // Ritual Landscapes and Borders Within. Rock Art Research. Oxford: Archaeopress, 2015. P. 31–46.

35. Nikulina E.A., Schmölcke U. Reconstruction of the historical distribution of sturgeons (Acipenseridae) in the eastern North Atlantic based on ancient DNA and bone morphology of archaeological remains: implications for conservation and restoration programmes // Diversity and Distributions. 2016. 22. P. 1036–1044.

36. Nikulina E.A., Schmölcke U. Historische Verbreitung von Europäischem Stör (*Acipenser sturio*) und Atlantischem Stör (*Acipenser oxyrinchus*) in West- und Mitteleuropa // Beiträge z. Archäozool. u. Prähist. Anthropol. 2018. XI. P. 37–44.

37. Nurminen K., Koivisto S. Go with the Flow: Stationary Wooden Fishing Structures and the Significance of Estuary Fishing in Subneolithic Finland // Fennoscandia archaeologica XXXII. 2015. P. 55–77.

38. Olson C. Neolithic Fisheries: Osteoarchaeology of Fish Remains in the Baltic Sea Region. Stockholm: Institutionen för arkeologi och antikens kultur, 2008. 52 p.

39. Poikalainen V., Ernits E. Rock carvings of Lake Onega III: The Besov Nos Region. Besov Nos, Kladovets, Gazhi and Guri Localities. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art, 2021. 415 p.

40. Popovic D., Panagiotopoulou H., Baca M., Stankovic A. The history of sturgeon in the Baltic Sea // Journal of Biogeography. 2014. No 41(8). P. 1590–1602.

41. Sognes K. En flyndre svømmer stille – omkring helleristningene i Kvennavika, Nord-Trøndelag // Universitetet i Bergen arkeologiske skrifter. 2006. Vol. 227. P. 551–562.

42. Sveen A. Rock carvings Jiepmaluokta Hjemmeluft. Alta. Vadsø: Trykkforum Finnmark AS, 1996. 68 p.

Информация об авторах:

Жульников Александр Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Россия); rockart@yandex.ru

Аськеев Игорь Васильевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, доцент, Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); archaeozoologist@yandex.ru

Шаймуратова Диляра Наилевна, научный сотрудник, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ (г. Казань, Россия); galimovad@gmail.com

Монахов Сергей Павлович, научный сотрудник, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ (г. Казань, Россия); serega-28@inbox.ru

IMAGES OF FISH IN THE ROCK ART OF THE ANCIENT POPULATION OF NORTHERN EUROPE

A.M. Zhul'nikov, I.V. Askeyev, D.N. Shaymuratova, S.P. Monakhov

The article presents the results of the analysis of the study of the image of fish in the rock art of ancient hunters and fishermen of Northern Europe (final VI – III BC). During the study, 134 fish figures were studied on 6 rock paintings and in 17 clusters of petroglyphs of Fennoscandia. The small proportion of fish figures in relation to the total number of images on the rocks of the region, with a high proportion of fishing in the primitive economy, established by bone remains at Neo-Eneolithic sites, suggests a mythological basis for the images under consideration. Spatial differences in the appearance of fish figures in Northern Europe make it possible to distinguish two areas (western and eastern), radically different in the style of the ichthyomorph image. The rock art mainly reflects representatives of the largest fish species that lived in the region: catfish, sturgeon, halibut, pike, salmon, whitefish. In the bone remains at the sites located near the clusters of rock carvings, other types of fish are usually dominant: zander, cod. In the compositions of fishing, as in other hunting scenes carved on the petroglyphs of Fennoscandia, only active methods of its extraction are

presented, although there is numerous archaeological evidence of the use by the inhabitants of the region for catching fish and other animals of various types of traps.

Keywords: archaeology, images of fish (catfish, sturgeon, halibut, pike, salmon), petroglyphs, rock paintings, fish bone remains, Neolithic, Eneolithic, Fennoscandia.

REFERENCES

1. Askeyev, I. V., Galimova, D. N., Askeyev, O. V. 2013. In *Zoologicheskyy zhurnal (Russian Journal of Zoology)* 9(92), 1014–1030 (in Russian).
2. Askeyev, I. V., Tarasov, A. Yu., Shaymuratova, D. N., Askeyev, A. O., Monakhov, S. P., Askeyev, O. V. 2022. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (41), 158–169 (in Russian).
3. Afanas'ev, A. N. 1995. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. V 3-kh t. (The poetic views of the Slavs on nature (in three volumes))*. Moscow: "Sovremennyy pisatel'" Publ. (in Russian).
4. Galimova, D. N., Askeyev, I. V., Askeyev, A. O., Gusentsova, T. M. 2015. In Lozovskiy, V. M., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A. (eds.). *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: khronologiya, paleoekologiya, traditsii (Neolithic Cultures of Eastern Europe: Chronology, Paleocology, Traditions)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 163–165 (in Russian).
5. Galimova, D. N., Popovich, D., Panagiotopolo, H., Askeyev, I. V., Askeyev, O. V. 2013. In Askeyev, I. V., Ivanov, D. V. (eds.). *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene (The Dynamics of Modern Ecosystems in the Holocene)*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 118–122 (in Russian).
6. Zhul'nikov, A. M. 2023. In Pereskokov, M. L., Chuykina, E. V. (eds.). *XVI Baderovskie chteniya po arkhologii Urala i Povolzh'ia (XVI Bader Readings on Archaeology of the Urals and the Volga Region)*. Perm: Perm State National Research University, 113–119 (in Russian).
7. Ivanishcheva, M. V. 2015. In Zaytseva, N. G., Zakharova, E. V. et al. (eds.). *Materialy nauchnoy konferentsii «Bubrikhovskie chteniya: gumanitarnye nauki na Evropeyskom Severe» (Materials of the scientific conference "Bubrich readings: humanities in the European North")*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS Publ., 33–42 (in Russian).
8. Kiseleva, A. M., Murashkin, A. I. 2019. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)*. Vol. 8, no. 27 (2), 171–179 (in Russian).
9. Kolpakov, E. M. 2020. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 2 (4), 135–142 (in Russian).
10. Kolpakov, E. M., Shumkin, V. Ya. 2012. *Petroglify Kanozera (Rock Carvings of Kanozero)*. Saint Petersburg: "The Art of Russia" Publ. (in Russian).
11. Kolpakov, E. M., Shumkin, V. Ya. 2018. In Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Dolbunova, E. V. (eds.). *Strategii zhizneobespecheniya v kamennom veke, pryamye i kosvennye svidetel'stva rybolovstva i sobiratel'stva (Subsistence strategies in the Stone Age, direct and indirect evidence of fishing and gathering)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 260–264 (in Russian).
12. Kuderskiy, L. A. 1983. In Pokrovskiy, V. V. (ed.). *Sbornik nauchnykh trudov Gosudarstvennogo nauchno-issledovatel'skogo instituta ozernogo i rechnogo rybnogo hozyajstva (Collection of scientific papers of the State Scientific Research Institute of Lake and River Fisheries)* (205), 128–149 (in Russian).
13. Lebedev, V. D. 1960. *Presnovodnaya chetvertichnaya ihtiofauna Evropejskoj chasti SSSR (Freshwater Quaternary ichthyofauna of the European part of the USSR)*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).
14. Palaguta, I. V. 2017. In Mal'tseva, S. V., Stanyukovich-Denisova, E. Yu., Zakharova, A. V. (eds.). *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva (Actual issues of the theory and history of art)* 7. Saint Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 22–32 (in Russian).
15. Ravdonikas, V. I. 1936. *Naskal'nye izobrazheniya Onezhskogo ozera (Rock paintings of Lake Onega)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).
16. Savvateev, Yu. A. 1970. *Zalavruga. Arheologicheskie pamyatniki nizov'ya reki Vyg. Chast' 1. Petroglify (Zalavruga. Archaeological sites of the lower reaches of the Vyg River. Part 1. Petroglyphs)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Savvateev, Yu. A. 1991. In Gurina, N. N. (ed.). *Rybolovstvo i morskoy promysel v epokhu mezolita – rannego metalla (Fishing and marine hunting in the Mesolithic – the Early metal epoch in the boreal and forest-steppe zone of the Eastern Europe)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 182–202 (in Russian).
18. Sterligova, O. P., Il'mast, N. V., Savosin, D. S. 2016. *Krugloroty i ryby presnykh vod Karelii (Round-mouthed and freshwater fish of Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS Publ. (in Russian).
19. Toporov, V. N. 1997. In *Mify narodov mira. Enciklopediya v dvuh tomah (Myths of the peoples of the world. An encyclopedia in two volumes)*. Moscow: The Russian Encyclopedia Publ., 391–393 (in Russian).

20. Askeyev I. V., Tarasov A. Yu., Askeyev A. O., Askeyev O. V., Shaymuratova D. N., Monakhov S. P. 2023. In *Journal of Archaeological Science*. Reports Volume 47, (February 2023): 103771.
21. Bakka, E. 1973. In *Viking*. 37, 151–187.
22. Bakka, E. 1988. *Helleristingane på Hammer i Beistad, Steinkjer, Nord-Trøndelag. Granskingar i 1977 og 1981*. Trondheim: Vitenskapsmuseet.
23. Galimova, D. N., Askeyev, I. V., Askeyev, O. V., Popović, D., Panagiotopoulou, H. 2015. In *18th Fish Remains Working Group International Council for Archaeozoology. Fishing through time Archaeoichthyology, Biodiversity, Ecology and Human Impact on Aquatic Environments, 28th September - 3rd October 2015*, Lisbon, Laboratório de Arqueociências, 63–64.
24. Gerasimov, D. V., Broderick, L. G., Seitsonen, S., Seitsonen, O. 2017. In *Journal of Archaeological Science*. 11, 131–146.
25. Gjerde, J. M. 2010. *Rock art and Landscape. Studies of Stone Age rock art from northern Fennoscandia*. Tromsø: University of Tromsø.
26. Hallström, G. 1938. *Monumental Art of Northern Europe from the Stone Age*. Stockholm: Thule.
27. Helskog, K. 1988. *Helleristingene i Alta: Spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarks forhistorie*. Alta: Alta museum.
28. Helskog, K. 2014. *Communicating with the World of Beings: The World Heritage Rock Art Sites in Alta, Arctic Norway*. Oxford and Philadelphia: Oxbow Books, 2.
29. Hodgetts, L. M. 1999. *Animal Bones and Human Society in the Late Younger Stone Age of Arctic Norway*. Durham theses, Durham University. Available at Durham E-Theses Online: <http://etheses.dur.ac.uk/4491/>
30. Lahelma, A. 2008. In *Iskos 15*. Helsinki: Finnish Antiquarian Society.
31. Larsson, T. 2013. *Hällmålningarna på Finnforsberget, Skellefteå sn, Raå 118 och 123, Västerbottens län*. Umeo: Umeo universitet.
32. Larsson, T. B., Broström, S.-G. 2011. In *Archaeological Reports from Umeå University*. Umeå: Umeå University.
33. Linge, T.E. 2014. In *Viking*. 57, 7–36.
34. Nash, G., Smiseth, M.-T. 2015. In *Ritual Landscapes and Borders Within. Rock Art Research*. Oxford: Archaeopress, 31–46.
35. Nikulina, E. A., Schmölcke, U. 2016. In *Diversity and Distributions*. 22, 1036–1044.
36. Nikulina, E. A., Schmölcke, U. 2018. In *Beiträge z. Archaeozool. u. Prähist. Anthropol.* XI, 37–44.
37. Nurminen, K., Koivisto, S. 2015. In *Fennoscandia archaeologica*. XXXII, 55–77.
38. Olson, C. 2008. *Neolithic Fisheries: Osteoarchaeology of Fish Remains in the Baltic Sea Region*. Stockholm: Institutionen för arkeologi och antikens kultur.
39. Poikalainen, V., Ernits, E. 2021. *Rock carvings of Lake Onega III: The Besov Nos Region. Besov Nos, Kladvets, Gazhi and Guri Localities*. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art.
40. Popovic, D., Panagiotopoulou, H., Baca, M., Stankovic, A. 2014. In *Journal of Biogeography* 41(8), 1590–1602.
41. Sognes, K. 2006. In *Universitetet i Bergen arkeologiske skrifter*. Vol. 227, 551–562.
42. Sveen, A. 1996. *Rock carvings Jiepmaluokta Hjemmeluft*. Alta. Vadsø: Trykkforum Finnmark AS.

About the Authors:

Zhul'nikov Aleksandr M. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Petrozavodsk State University, Lenina St., 33, Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation; rockart@yandex.ru

Askeyev Igor V. Candidate of Biology sciences. Associate Professor. The Institute of Problems in Ecology and Mineral Wealth, Tatarstan Academy of Sciences. Dauraskaya str., 28, Kazan, 420087, Republic of Tatarstan; archaeozoologist@yandex.ru

Shaymuratova Dilyara N. The Institute of Problems in Ecology and Mineral Wealth, Tatarstan Academy of Sciences. Dauraskaya str., 28, Kazan, 420087, Republic of Tatarstan; galimovad@gmail.com

Monakhov Sergey P. The Institute of Problems in Ecology and Mineral Wealth, Tatarstan Academy of Sciences. Dauraskaya str., 28, Kazan, 420087, Republic of Tatarstan; serega-28@inbox.ru

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СЛАНЦЕВЫХ НОЖЕЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЭСКИМОСОВ¹

© 2024 г. Н.Н. Скаун, В.В. Терехина, Х. Эредиа, В.А. Агаханова

Статья посвящена реконструкции технологии изготовления сланцевых ножей эскимосов Чукотки и Русской Америки, полученных в ходе археологических раскопок и этнографических сборов. Для достижения поставленной цели применялась комплексная методика изучения артефактов. В первую очередь был проведен трасологический анализ, позволивший детально зафиксировать на поверхностях ножей следующие следы обработки: оббивка, пикетаж, шлифовка и сверление. Кроме того, изучались археологические находки абразивных камней и лучковых сверл, которые могли быть использованы для шлифовки ножей и сверления сквозных отверстий при их креплении в рукоятках. Зафиксированная однотипность большинства технологических признаков как на археологических, так и на этнографических артефактах неоспоримо свидетельствует об общности приемов их изготовления. Эти данные легли в основу экспериментального моделирования. Конкретной целью опытов являлось выяснение особенностей обработки сланца и способов изготовления из него реплик женских и мужских ножей, аналогичных оригинальным изделиям эскимосов. Сланцевое сырье для экспериментальных реплик было подобрано по результатам петрографического анализа орудий, найденных на древнеэскимосском поселении Эквен. Крепление рукоятей реконструировалось на основе археологических и этнографических данных о применении связочного материала и клевого состава. Выявленные и интерпретированные с помощью комплексной методики технологические следы на поверхностях археологических и этнографических артефактов позволили не только охарактеризовать способы изготовления ножей, но и доказать идентичность их производства, что является важным свидетельством длительности бытования производственных традиций, сохранившихся на Чукотке со времени существования древнеберингоморской культуры I тыс. н. э. до времени этнографических наблюдений, сделанных в XIX–XX вв.

Ключевые слова: археология, этнография, Чукотский полуостров, Русская Америка, сланцевые ножи, эскимосы, экспериментально-трасологический метод, реконструкции, технология.

Введение

Сланцевые ножи – одни из наиболее известных каменных орудий древнего (III/IV–XIII вв. н. э.) и исторического (XIV–XX вв.) населения Чукотки и Северной Америки, полученных в первом случае в ходе археологических раскопок, а во втором – этнографических сборов (рис. 1) (Руденко, 1947; Окладников, 1964; Диков, 1974; Арутюнов, Сергеев, 1969; Арутюнов, Сергеев, 1975; Эскимосы аляутиик, 2010; Алеуты..., 2014; Днепровский, 2019, 2021; Терехина, 2022;

и др.). По сложившейся традиции все ножи разделяются на мужские и женские (Руденко, 1947; Арутюнов, Сергеев, 1975; Диков, 1974; Скаун и др., 2022; Терехина, 2022). Это деление условно и основывается на этнографических данных о половом разделении орудий труда у народов Крайнего Севера (Днепровский, 2001; Давыдова, 2022, с. 71; Орлова, 1964, с. 219; Терехина, 2022; Скаун и др., 2022).

К женским ножам принято относить изделия с полулунным, реже с прямым, лезвием, рукоять которых

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-01295 «Реконструкция древних технологий в производственной деятельности эскимосов Чукотки: этноархеологический метод и данные естественных наук».

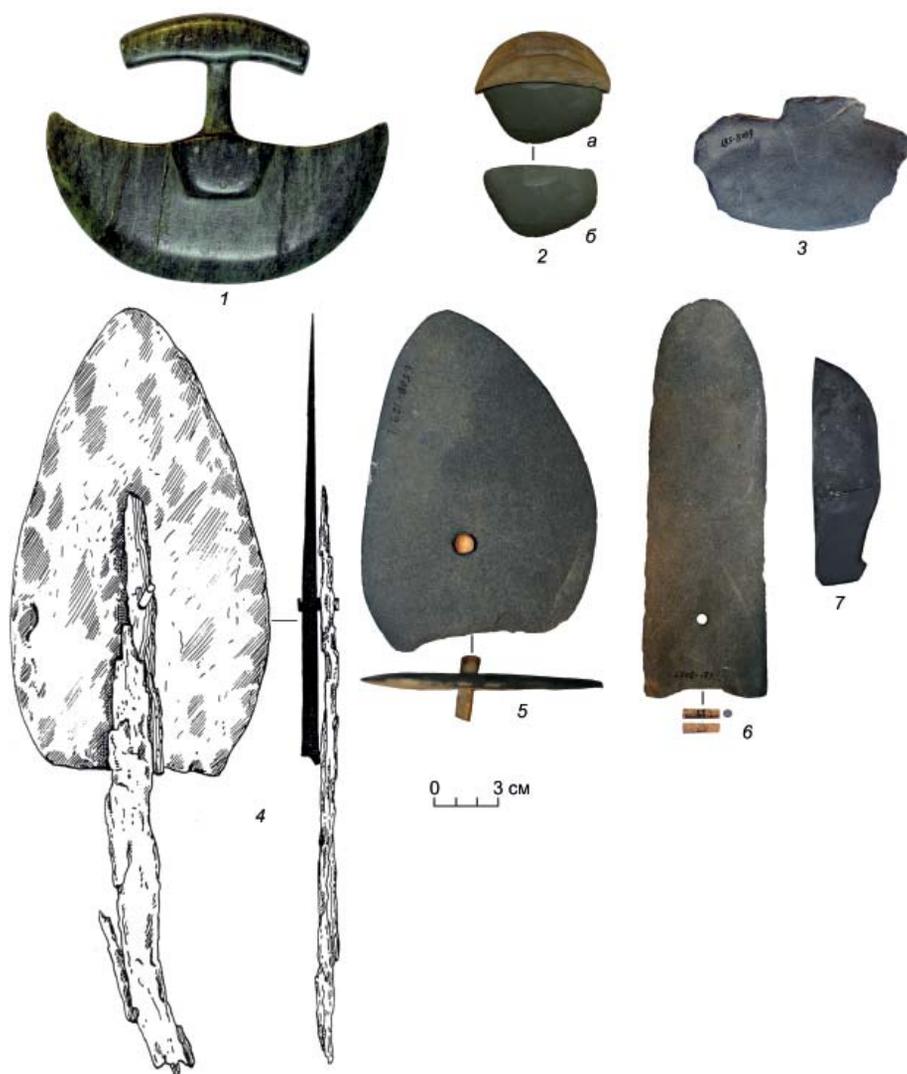

Рис. 2. Типы археологических и этнографических каменных шлифованных ножей: 1–3 – женские ножи-улу (1 – нож с удлиненным черешком, Гренландия, сер. XX в., серпентинит, МАЭ № 6388-4; 2 – бесчерешковый нож, Чукотка, XIX в., РЭМ 1909-1088, сланец, рог; а) нож в рукояти; б) нож без рукояти; 3 – черешковый нож, Эквенский могильник, погр. № 45, МАЭ 6508-581); 4–7 – мужские ножи (4 – нож бесчерешковый двулезвийный, Эквенский могильник, погр. № 220, I тыс. н. э.; 5 – нож бесчерешковый двулезвийный, Эквенский могильник, погр. № 35, МАЭ 6508-129/1, шпонка МАЭ 6508-129/2; 6 – нож бесчерешковый однолезвийный, Эквенский могильник, погр. № 37, МАЭ 6508-183/1, шпонка МАЭ 6508-183/2; 7 – нож черешковый однолезвийный, Чукотка, XIX в., РЭМ 1909-20).

Fig. 2. Types of archaeological and ethnographic stone polished knives: 1–3 – women's ulu knives (1 – knife with an elongated stalk, Greenland, mid-20th century, serpentinite, MAE No. 6388-4; 2 – stalkless knife, Chukotka, 19th century, REM 1909-1088, slate, horn; a) knife in the handle; b) a knife without a handle; 3 – stem knife, Ekven burial ground, burial No. 45, MAE 6508-581); 4–7 – men's knives (4 – stalkless double-edged knife, Ekven burial ground, burial No. 220, 1st millennium AD; 5 – stalkless double-edged knife, Ekven burial ground, burial No. 35, MAE 6508-129/1, shponka MAE 6508-129/2; 6 – single-edged bladeless knife, Ekven burial ground, burial No. 37, MAE 6508-183/1, shponka MAE 6508-183/2; 7 – single-edged bladed knife, Chukotka, 19th century, REM 1909-20).

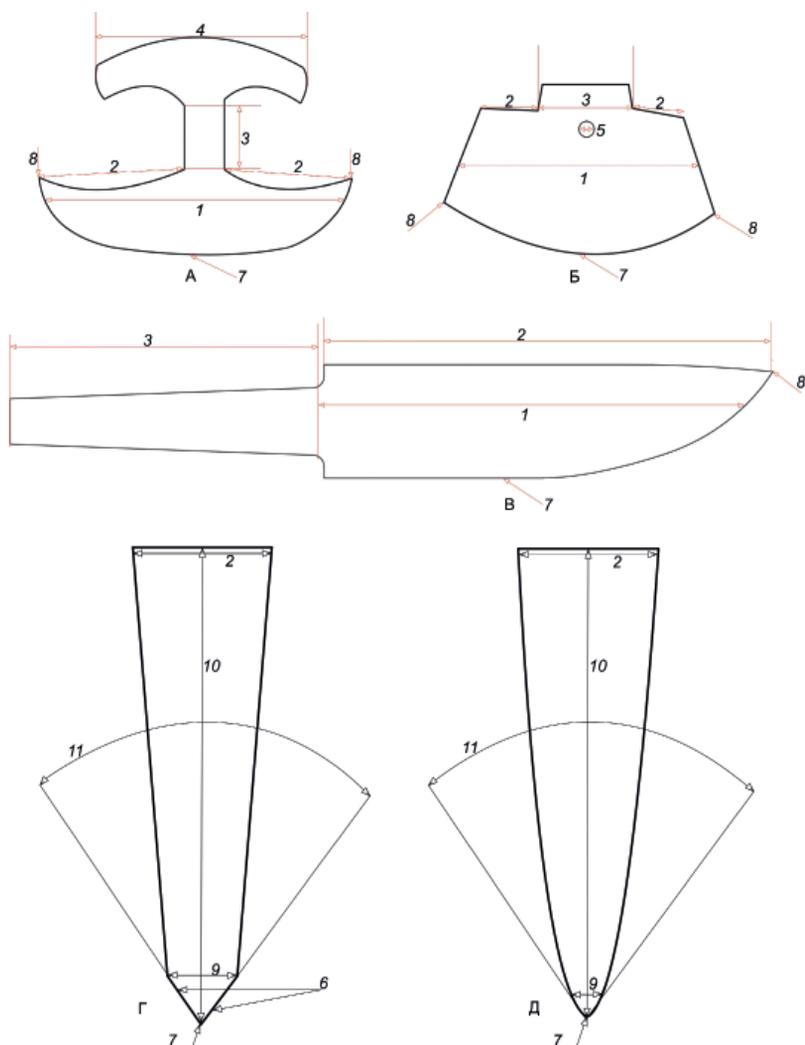

Рис. 3. Схема описания ножа, использованная в публикации: А – нож-улу с удлиненным черешком; Б – нож-улу с коротким черешком; В – мужской нож с черешком однолезвийный; Г – профиль ножа с подводами; Д – профиль ножа без подводов; 1 – клинок (полотно); 2 – обух; 3 – черешок; 4 – рукоять; 5 – крепежное отверстие; 6 – подводы; 7 – режущая кромка (лезвие); 8 – острие; 9 – толщина режущей кромки (лезвия); 10 – ширина (высота) клинка; 11 – угол заточки режущей кромки.

Fig. 3. Scheme of the knife used in the publication: А – ulu knife with an elongated stalk; Б – ulu knife with a short stalk; В – men's knife with a single-edged stalk; Г – knife profile with leads; Д – knife profile without leads; 1 – blade (cloth); 2 – butt; 3 – petiole; 4 – handle; 5 – mounting hole; 6 – supplies; 7 – cutting edge (blade); 8 – tip; 9 – thickness of the cutting edge (blade); 10 – width (height) of the blade; 11 – sharpening angle of the cutting edge.

этих ножей крепилась к плоскому концу или к черешку. Длина изделий колеблется от 10,3 до 32,8 см, ширина – от 2,5 до 13,9 см, толщина – от 0,35 до 0,6 см, толщина режущей кромки – от 0,1 до 0,2 см (рис. 2: 4–7) (Диков, 1974; Скакун и др., 2023). Мужские

ножи, нередко обоюдоострые, использовались на охоте, при свежевании тушь животных и т. д.

Женские ножи применялись, как правило, для обработки шкур и кож, резания мяса и рыбы. Интересно отметить, что жители о. Кадык в

конце 1980-х годов при просмотре этнографических фотографий отличали сланцевые улу (*ulukaq*) от скребков (*qarirsuun*). По их информации, *ulukaq*, с выпуклым лезвием, использовался для разделки рыбы, а *qarirsuun*, с прямым лезвием, применялся для выделки шкур (Кнеcht, 1995, р. 487, 492). Однако в изученных нами коллекциях эти данные не нашли подтверждения.

Среди трасологически исследованных археологических и этнографических артефактов имеются орудия с хорошо выраженными следами износа. Некоторые инструменты применялись в нескольких функциях. Так, часть лезвия одного из ножей использовалась для скобления кожи, а другая – как нож для разделки мяса (Терехина, 2020).

В литературных источниках приводятся описания форм, ареала бытования сланцевых ножей, описываются аналогии с предметами других территорий Берингоморья (Руденко, 1947; Диков, 1974; Арутюнов, Сергеев, 1975; Днепровский, 2001, 2019; Корсун, 2010 а, б; Терехина, 2020, 2022; Скаун и др., 2022, 2023; Mason, 1892; Clark, 1984; и др.), но выяснение общего и особенного в изготовлении археологических и этнографических орудий нуждается в дополнительном изучении.

Материалы исследования

Источниками для наших исследований послужили находки из археологических памятников (Эквенский могильник, поселения Эквен и Пайпельгак, хранящиеся в фондах МАЭ РАН и Государственного музея Востока) и образцы некоторых этнографических ножей алеутов, чукчей, эскимосов Чукотского полуострова и Русской Америки, хранящиеся в фондах Российского этнографического музея (РЭМ) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

(МАЭ РАН). Особую ценность для моделирования всей цепочки технологических операций представляли инструменты в разной степени изготовления и использования: от заготовок до орудий с полностью утилизированным или с переоформленным рабочим лезвием.

Использованные термины и методы исследования

Описание составных частей ножа соответствует современной терминологии холодного оружия с поправкой на устоявшиеся в археологии термины (рис. 3).

1. Клинок (полотно) – основная рабочая часть ножа.

2. Обух – сторона, противоположная лезвию клинка, как правило затупленная.

3. Черешок (соответствует современному термину «хвостовик») – часть клинка, составляющая рукоять или находящаяся внутри рукояти, к которой каким-либо способом крепится рукоять.

4. Рукоять – одна из основных частей ножа, за которую удерживают клинок.

5. Крепежные отверстия – сквозные отверстия в клинке для крепления рукояти.

6. Подводы – две узкие боковые грани, которые затачивают вдоль режущей кромки.

7. Режущая кромка (лезвие) – линия, образованная в месте пересечения двух подводов.

8. Острие – точка, где сходятся обух и режущая кромка.

9. Толщина режущей кромки (лезвия) – расстояние между подводами.

10. Ширина (высота) клинка – расстояние между обухом и режущей кромкой (лезвием).

11. Угол заточки режущей кромки – это уклон, под которым заточено лезвие, измеряется в градусах. По сути, это значение показывает величину угла схождения подводов.

12. Шпонка – деталь цилиндрической формы, которая используется в соединении рукояти и клинка. Благодаря шпонке детали соединяются надежно и не смещаются в сторону. Эскимосы изготавливали ее из клыка моржа или рога северного оленя.

Технология изготовления сланцевых ножей изучалась с помощью экспериментально-трасологического метода, петрографического анализа сланцевого сырья и привлечения данных археологического контекста и этнографических наблюдений. На первом этапе все ножи, их заготовки, а также камни, которые могли быть использованы в качестве абразивов, были подвергнуты трасологическому анализу (Семенов, 1957, 1968; Семенов, Коробкова, 1984; Коробкова, 1978, 1994; и др.). Он проводился посредством лупы с увеличением 10 крат, бинокулярного стереомикроскопа МБС-10 с увеличением от 8 до 98 крат и металлографического микроскопа Olympus с увеличением от 50 до 500 крат. Фотофиксация следов изготовления осуществлялась зеркальной фотокамерой Canon EOS 400D и EOS 6D Mark II с объективами Canon EF 24-105 f/4L IS USM, EF 50 mm f/2.5 Compact Macro, EF 100 mm f 2.8L Macro IS USM, а также с помощью вышеупомянутых микроскопов с микрофотографическим устройством (МФУ) для МБС-10 и переходником для фотокамеры на металлографический микроскоп Olympus.

Петрографический анализ ножей из поселения (или могильника) Эквен, и образцов сланца, которые были взяты для экспериментального моделирования, был проведен с помощью визуального осмотра и изучения под бинокулярным стереомикроскопом МБС-10.

Второй этап исследования – экспериментальное моделирование технологии изготовления ножей – базировался на результатах трасоло-

гических данных. При постановке опытов учитывались следующие позиции: археологический контекст, этнографические свидетельства, подбор необходимого сырья и орудий, участвовавших в его обработке, их эффективность, статистическая повторяемость опытов, фиксация и описание макро- и микропризнаков, характеризующих изучаемую технологию. Технологические следы, выявленные на оригинальных орудиях, сравнивались со следами на эталонах, полученных экспериментальным путем (Семенов, 1957; Коробкова, 1978; Малинова, Малина, 1988; Гиря, 1992; Волков, 2013; Skakun, Plisson, 2014).

Результаты трасологического анализа

Необходимо подчеркнуть, что первоочередной задачей при характеристике технологии изготовления орудий из некремневых пород камня, рога, кости, глины является выделение следов, характерных для разных этапов обработки, так как окончательная отделка этих изделий нередко скрывает следы предыдущих операций (Коробкова, Шаровская, 2001; Скаун и др., 2018). Поэтому при изучении ножей из сланца были проведены тщательные визуальные и микроскопические наблюдения с фотофиксацией поверхностей археологических и этнографических образцов, что дало возможность установить одинаковость следов их изготовления. Среди них сохранившиеся на отдельных участках ножей параллельные и хаотично расположенные царапины разной глубины с неровными краями, поверх которых по всей плоскости лезвий зафиксированы густые, регулярные, разнонаправленные неглубокие царапины (рис. 4: 2а, 7). Также на нескольких мужских ножах из Эквенского могильника в области крепления рукояти сохранились глубокие длинные следы, образовавшиеся в процессе подгона рукояти к лезвию

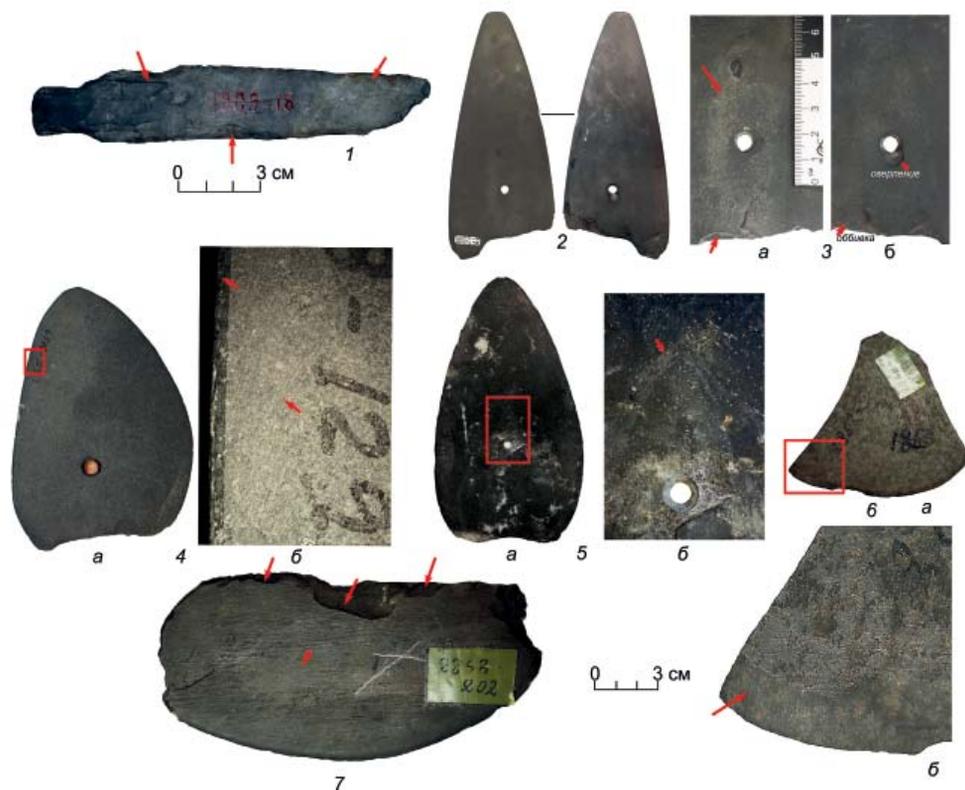

Рис. 4. Виды технологических следов, обнаруженных на археологических и этнографических образцах: 1 – следы оббивки на мужском ноже, Чукотка, XIX в., РЭМ 1909-18; 2 – мужской нож из Эквенского могильника, погр. № 264, I тыс. н. э., ГМВ 298 Др-IV; 3 – макрофото следов изготовления на ноже из Эквенского могильника, погр. № 264, I тыс. н. э., ГМВ 298 Др-IV: а) следы оббивки, пикетажа, шлифовки; б) следы оббивки и двустороннего сверления; 4 – а) мужской нож из Эквенского могильника, погр. № 35, I тыс. н. э., МАЭ 6508-129; б) продольные следы шлифовки на мелкозернистом абразиве клинка и лезвия ножа; 5 – а) мужской нож из Эквенского могильника, погр. № 220, I тыс. н. э., ГМВ 432 Др-IV; б) следы установки деревянной рукояти; 6 – следы пришлифовки на подводе перпендикулярно режущей кромке, Алеутские о-ва, XIX в., МАЭ 2868-203; 7 – следы оббивки и шлифовки на ноже-улу, Алеутские о-ва, XIX в., МАЭ 2868-202.

Fig. 4. Types of technological traces found on archaeological and ethnographic samples: 1 – traces of upholstery on a man's knife, Chukotka, 19th century, REM 1909-18; 2 – a man's knife from the Ekven burial ground, burial. No. 264, 1st millennium AD, ГМВ 298 Др-IV; 3 – macrophoto of manufacturing traces on a knife from the Ekven burial ground, burial. No. 264, 1st millennium AD, ГМВ 298 Др-IV: а) traces of percussion, picketage, polishing; б) traces of percussion and double-sided drilling; 4 – а) a man's knife from the Ekven burial ground, burial. No. 35, 1st millennium AD, МАЭ 6508-129; б) longitudinal polishing traces on the fine-grained abrasive of the blade and knife blade; 5 – а) a man's knife from the Ekven burial ground, burial. No. 220, 1st millennium AD, ГМВ 432 Др-IV; б) traces of the handle being installed on the blade of the knife; 6 – traces of grinding on the approach perpendicular to the cutting edge, Aleutian Islands, 19th century, МАЭ 2868-203; 7 – traces of percussion and polishing on an ulu knife, Aleutian Islands, 19th century, МАЭ 2868-202.

(рис. 4: 5б). На режущих частях лезвий, имеющих разный угол заострения, наблюдались легкие параллельные, густо расположенные штрихи, направленные вдоль или слегка под

углом к рабочей кромке (рис. 4: 4б, 6б). Все перечисленные линейные признаки указывают на обработку поверхностей ножей и их рабочих частей шлифованием с помощью каменных

Рис. 5. Способы крепления рукояти к археологическим и этнографическим женским и мужским ножам: 1 – крепление деревянной рукояти с помощью шпонки из клыка моржа, Эквенский могильник, № 297, I тыс. н. э., ГМВ 486 Др-IV; 2 – крепление роговой рукояти с помощью клея, Эквенский могильник, погр. № 88, I тыс. н. э., МАЭ № 6561-607; 3 – крепление деревянной рукояти с помощью китового уса, п. Пайпельгак, I тыс. н. э. (по: Днепровский, 2019).

Fig. 5. Methods of attaching the handle to archaeological and ethnographic women's and men's knives: 1 – attaching a wooden handle with a dowel made from a walrus tusk, Ekven burial ground, No. 297, 1st millennium AD., ГМВ 486 Dr-IV; 2 – fastening the horn handle with glue, Ekven burial ground, burial. No. 88, 1st millennium AD, МАЭ No. 6561-607; 3 – fastening of a wooden handle using whalebone, Paipelgak settlement, 1st millennium AD (according to: Dneprovsky, 2019).

абразивов. Кроме описанных выше следов, некоторые предметы из изученных коллекций сохраняют остатки начальной обработки сланца оббивкой (рис. 4: 7, 36). Так, например, в собрании Г.А. Борисова (РЭМ) имеется заготовка ножа, обработанная об-

бивкой, но не зашлифованная (рис. 4: 1) (Руденко, 1947: табл. 37: 13).

Рукояти из дерева, рога или моржового клыка крепились к клинку ножей различными способами. Мужские ножи имеют в обушковой части и рукояти отверстия, чрез которые

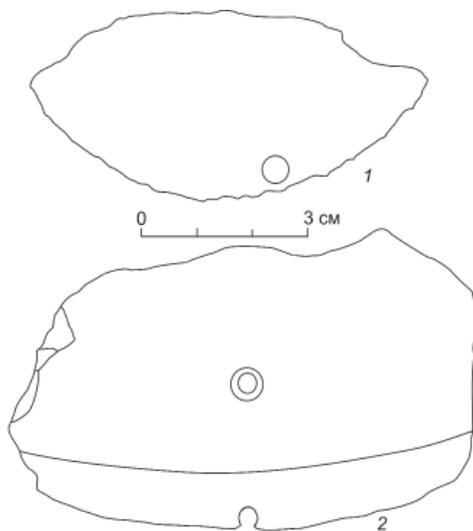

Рис. 6. Реутилизированные ножи: 1 – Эквенский могильник, погр. № 214, I тыс. н. э., ЧОКМ-8330/7; 2 – Чукотка, XIX в., РЭМ 1909-56.

Fig. 6. Reused knives: 1 – Ekven burial ground, burial. No. 214, 1st millennium AD, ЧОКМ-8330/7; 2 – Chukotka, XIX century, REM 1909-56.

они соединялись с помощью шпонки в одно целое (рис. 2: 4–6; 5: 1) Ножи-улу могли вставляться в рукоять и фиксироваться в ней с помощью клеящего вещества (рис. 5: 2), а также скрепляться китовым усом или кожаным ремешком через просверленное на обушке отверстие (рис. 5: 3). Отверстия на каменном полотне ножей несут следы двустороннего или одностороннего сверления (рис. 4: 2, 3, 5). Отметим, что как в археологической, так и в этнографической коллекциях присутствуют экземпляры женских ножей, просверленные в самом неподходящем месте, в том числе на лезвии (рис. 6). Этот факт указывает на переоформление сломанных изделий.

Цели экспериментальных исследований

Зафиксированная однотипность большинства технологических признаков, как на археологических, так и на этнографических артефактах, неоспоримо свидетельствует об общ-

ности приемов их изготовления. Эти данные, полученные трасологическим путем, легли в основу экспериментальных исследований.

Конкретной целью наших экспериментов являлось выяснение особенностей обработки сланца и способов изготовления из него реплик женских и мужских ножей, аналогичных оригинальным изделиям.

Выбор сырья

Сырьем послужил плитчатый сланец, месторождения которого, по словам исследователя археологических памятников древних эскимосов К.А. Днепровского, встречаются во многих районах Чукотки. Сланец – метаморфическая горная порода, которая характеризуется ориентированным расположением порообразующих минералов и способностью раскалываться на тонкие пластины или плитки (сланцеватостью) (Петрографический словарь, 1981). В изученных коллекциях были выделены изделия из глинистых и слюдястых сланцев, большинство из которых – кремневые. Изучение шлифов сланцевых ножей Эквенского могильника показало, что они изготовлены из сланцев низких ступеней метаморфизма (рис. 7: 1–6). Аналогичное сырье было выбрано для экспериментальных работ (рис. 7: 7, 8).

Процесс изготовления сланцевых ножей

На первом этапе экспериментов требовалось получить заготовку нужной толщины. С этой целью специально подобранные сланцевые плитки расщеплялись вдоль (в пределах от 0,3 до 0,8 см) с помощью костяного долота-клина и деревянной колотушки (рис. 8: 1; 9: 1). Преформа реплик, по аналогии с оригинальными экземплярами, выводилась мелкой краевой оббивкой. Экспериментаторы производили эту работу на каменной неподвижно установленной наковальне косонаправленными мелкими удара-

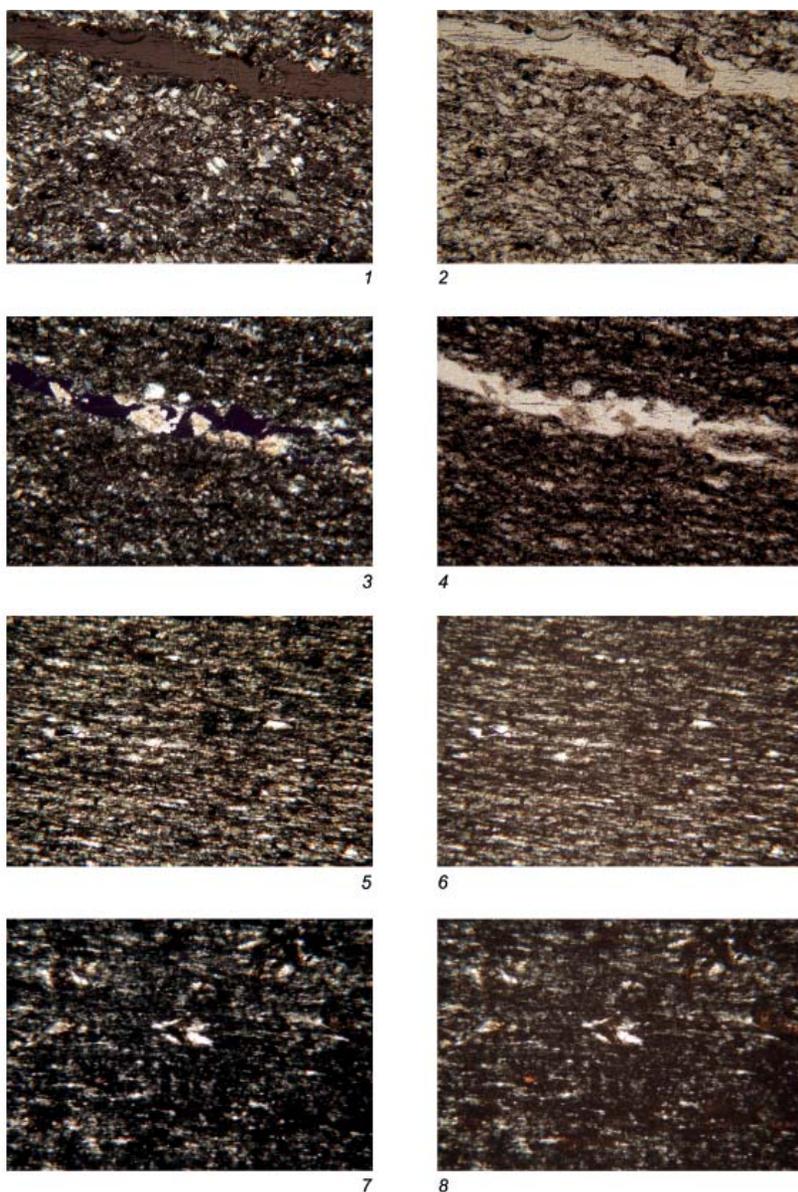

Рис. 7. Петрографические шлифы сланцевых ножей с территории Эквенского поселения и могильника, I тыс. н. э., подъемный материал (1–6) и сланца для экспериментов (7–8): 1, 2 – хлорит-альбит-серicits-кварцевый сланец, слева – н //, справа – н +. Поле обзора 1,25 мм; 3, 4 – хлорит-серicits-кварцевый сланец, по трещинам вдоль сланцеватости развиваются карбонаты, слева – н //, справа – н +. Поле обзора 1,25 мм; 5, 6 – хлорит-серicits-кварцевый сланец, слева – н //, справа – н +. Поле обзора 1,25 мм; 7, 8 – биотит-серicits-кварцевый сланец, обогащенный углистым веществом, слева – н //, справа – н +. Поле обзора 1,25 мм.

Fig. 7. Petrographic thin sections of slate knives from the territory of the Ekven settlement and burial ground, 1st millennium AD. e., surface finds (1–6) and slate for experiments (7–8): 1, 2 – chlorite–albite–sericite–quartz shale, on the left – n //, on the right – n +. Field of view 1,25 mm; 3, 4 – chlorite–sericite–quartz slate, carbonates develop along cracks along the foliation, on the left – n //, on the right – n +. Field of view 1,25 mm; 5, 6 – chlorite–sericite–quartz slate, on the left – n //, on the right – n +. Field of view 1,25 mm; 7, 8 – biotite–sericite–quartz slate, enriched in carbonaceous matter, on the left – n //, on the right – n +. Field of view 1,25 mm.

Рис. 8. Эксперименты по изготовлению сланцевых шлифованных мужских ножей: 1 – расщепление сланцевой плитки с помощью костяного клина; 2–3 – выведение формы ножа с помощью оббивки каменным отбойником; 4 – шлифовка ножа на крупнозернистом стационарном абразиве; 5 – шлифовка ножа активным среднезернистым абразивом; 6 – заточка лезвия ножа мелкозернистым абразивом; 7 – сверление крепежного отверстия с помощью сверла из серпентинита; 8 – сверление крепежного отверстия с помощью сверла из кремня; 9 – шлифовка роговой шпонки; 10 – результат изготовления ножа, рукояти и шпонки.

Fig. 8. Experiments on the production of slate polished men's knives: 1 – delamination of slate tiles using a bone wedge; 2–3 – shaping the knife using stone chipping; 4 – grinding of the knife on a coarse-grained stationary abrasive; 5 – grinding of the knife with an active medium-grained abrasive; 6 – sharpening of the knife blade with a fine-grained abrasive; 7 – drilling a mounting hole using a serpentine drill; 8 – drilling a mounting hole using a flint drill; 9 – grinding of the horn shponka; 10 – the result of making a knife, handle and shponka.

Рис. 9. Эксперименты по изготовлению сланцевых шлифованных ножей-улу: 1 – выведение формы ножа с помощью оббивки каменным отбойником; 2 – шлифовка ножа на активном среднезернистом абразиве; 3 – обработка поверхности ножа пикетажем; 4 – шлифовка боковых сторон ножа на крупнозернистом стационарном абразиве; 5 – заточка лезвия вдоль лезвия; 6 – заточка перпендикулярно лезвию; 7 – шлифовка острых углов и торцов ножа; 8 – сверление ножа с помощью металлического сверла.

Fig. 9. Experiments on the production of slate polished ulu knives: 1 – shaping the knife using stone chipping; 2 – grinding of the knife with an active medium-grained abrasive; 3 – processing the surface of the knife using picketage; 4 – grinding of the sides of the knife using a coarse-grained stationary abrasive; 5 – sharpening of the blade along the blade; 6 – sharpening perpendicular to the blade; 7 – grinding sharp corners and ends of the knife; 8 – drilling a knife using a metal drill.

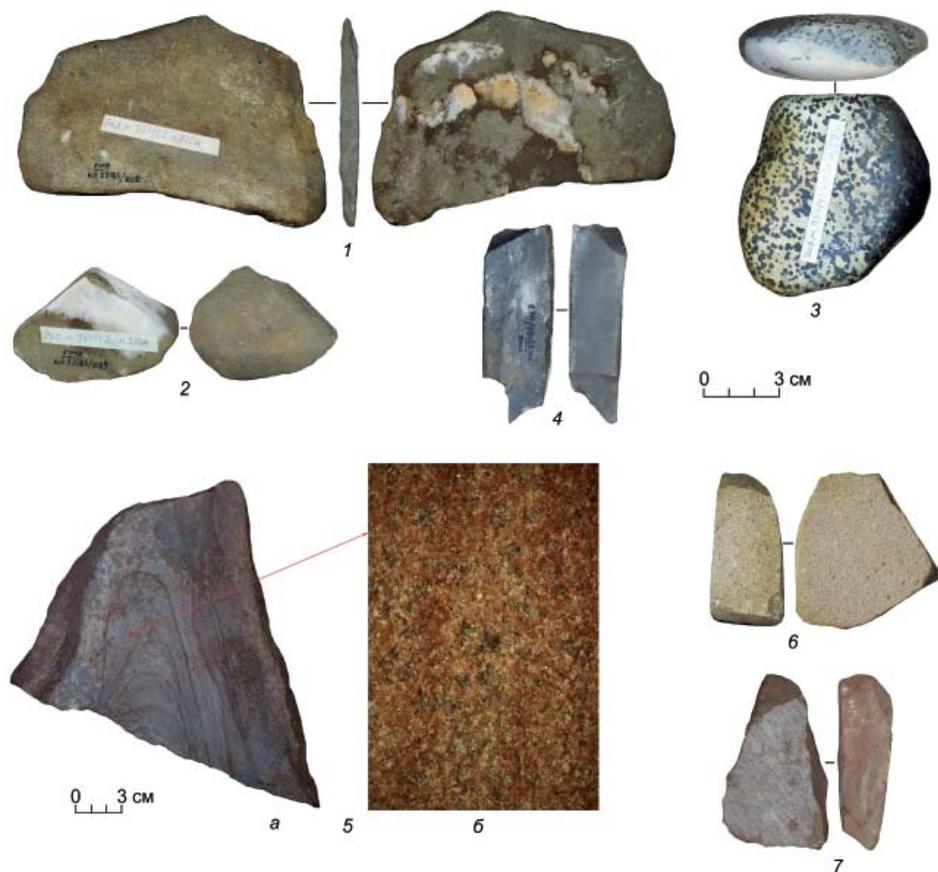

Рис. 10. Абразивы: 1–4 – абразивы из Эквенского могильника, погр. № 310А, I тыс. н. э.: 1 – ГМВ КП 53185/1162; 2 – ГМВ КП 53185/1168; 3 – ГМВ КП 53185/1169; 4 – ГМВ КП 53185/1167; 5–7 – экспериментальные абразивы (5а – среднезернистый стационарный; 5б – микрофото следов утилизации на абразиве (×20); 6 – крупнозернистый; 7 – мелкозернистый).

Fig. 10. Abrasives: 1–4 – abrasives from the Ekven burial ground, burial No. 310A, 1st millennium AD: 1 – GMB KP 53185/1162; 2 – GMB KP 53185/1168; 3 – GMB KP 53185/1169; 4 – GMB KP 53185/1167; 5–7 – experimental abrasives (5a – medium-grained stationary; 5b – microphoto of recycling marks on an abrasive (×20); 6 – coarse-grained; 7 – fine-grained).

ми каменным отбойником с округлым или заостренным концом (рис. 8: 2, 3; 10: 1). Благодаря своей структуре сланец хотя и раскалывается на тонкие пластины, однако не всегда в тех параметрах, которые необходимы для заданной формы. Возможно, это обстоятельство повлияло на наличие вариабельности очертаний археологических сланцевых ножей-улу. Несколько орудий из Эквенского могильника имеют частичную обработку пикетажем. Немногочисленность таких примеров объясняется неце-

лесообразностью этой операции, так как снятие излишней массы сланцевой плитки пикетажем приводит к неконтролируемому отслоению сырья и поломке заготовки (рис. 9: 3).

Основная обработка ножей, как было установлено трасологическим анализом, производилась шлифованием. Прототипами для экспериментальных шлифовальных орудий послужили находки четырех абразивов в погребении № 310А Эквенского могильника (рис. 10: 1–4). Кроме того, по наблюдениям К.А. Днепровского,

Рис. 11. Экспериментально изготовленные сланцевые шлифованные ножи-улу:

1–3, 5, 6, 8, 9 – рукояти закреплены с помощью клея;

4, 7 – рукояти закреплены с помощью лески (заменитель китового уса).

Fig. 11. Experimentally made slate polished ulu knives: 1–3, 5, 6, 8, 9 – handles are fixed with glue; 4, 7 – the handles are secured with a fishing line (a substitute for whalebone).

в этой функции могли применяться крупные камни из жилищных конструкций поселений. При изготовлении двух женских и двух мужских ножей использовались три песчаниковые абразива с разной степенью зернистости (табл. 1, № 1, 2, 9, 10). Первичное выравнивание поверхностей, краев, нивелировка волнистой слоистости, каверн, образовавшейся при расщеплении сланца, были сдела-

ны мокрым шлифованием на неподвижно установленном крупнозернистом абразиве (рис. 8: 4). В результате плоские поверхности изделий покрывались хорошо заметными бороздами-царапинами, аналогичными обнаруженным на отдельных участках оригинальных артефактов. Следующая операция производилась на весу в руках активным мелкозернистым абразивом, выравнивающим плоские по-

Рис. 12. Экспериментально изготовленные сланцевые шлифованные мужские ножи: 1 – орудия для изготовления реплик сланцевых мужских ножей; 2 – нож с деревянной рукоятью, закрепленной с помощью роговой шпонки; 3 – нож с деревянной рукоятью без дополнительного крепежа.

Fig. 12. Experimentally made slate polished men's knives: 1 – tools for making replicas of men's slate knives; 2 – a knife with a wooden handle secured with a horn shponka; 3 – knife with a wooden handle without additional fasteners

верхности, боковые края и обушки и уничтожившие большую часть следов предыдущих операций (рис. 8: 5–6). Тонкие, острые лезвия затачивались с обеих сторон небольшим мелкозернистым орудием в руках на весу, движениями в одну сторону вдоль рабочей кромки. Этим же абразивом на завершающем этапе обработки была еще раз слегка прошлифована вся поверхность ножей, что частично скрыло, как и на оригинальных орудиях, следы предыдущей обработки. В результате шлифовки предметов на рабочей части крупнозернистого абразива выступающие вершинки

зерен породы снивелировались, на поверхности четко различаются глубокие царапины, параллельные друг другу; рабочая часть среднезернистого абразива равномерно выровнялась, некоторые зоны уплотнились, на них заметны хаотично расположенные тонкие линии; рабочая поверхность мелкозернистого орудия стала матовой, гладкой, ровной, на ней хорошо видны параллельные друг другу легкие неглубокие линии-штрихи (рис. 8: 10; 12: 2, 3).

Шесть других женских ножей шлифовались с подсыпкой мокрого песка на одном стационарно установленном

абразиве (табл. 1: 1–7; рис. 11: 1–7). На первом этапе опыта были обработаны обе поверхности инструментов, на втором – выводились рабочие лезвия, на третьем – производилась их заточка. Второй и третий этапы отличались друг от друга кинематикой: в первом случае заготовки держались под углом к абразиву, рабочие движения были возвратно-поступательными, направленными параллельно лезвию (попеременно чередуясь с обеих сторон ножа) (рис. 9: 5), во втором случае движения направлены перпендикулярно к кромке лезвия (рис. 9: 6). На последнем этапе шлифовались торцы и в случае необходимости убирались острые углы предмета (рис. 9: 7).

Таким образом, опыты показали, что в процессе шлифования происходило формообразование ножей, уменьшалась толщина исходной заготовки, достигались нужные размеры длин и ширины изделий, под нужным углом затачивались рабочие лезвия, корректировалась длина и ширина орудий.

Крепление рукоятей

Крепление экспериментальных ножей с рукоятями осуществлялось по аналогии с этнографическими и археологическими экземплярами. Отверстие в обушковой части лезвий мужских и женских ножей для прикрепления рукояти было высверлено специально изготовленной для экспериментов лучковой дрелью со сверлами из кремня, змеевика и металла (рис. 8: 7, 8; 9: 8). Это приспособление было воспроизведено по эскимосским этнографическим (Chan, 2013) и археологическим образцам. Детали последних из моржового клыка были обнаружены при раскопках Эквенского могильника (Арутюнов, Сергеев, 1975). Одностороннее сверление кремневым сверлом в зависимости от толщины ножа занимало в среднем 5–7 мин. Двустороннее сверление

требовало на одну минуту больше. Работа металлическим орудием была в три раза эффективнее. Прочное присоединение лезвия мужского ножа к рукояти осуществлялось посредством шпонки (длиной 2 см, диаметром 0,6 см), вырезанной из оленьего рога и ошлифованной со всех сторон на мелкозернистом абразиве (рис. 8: 9). Женские ножи соединялись с деревянными рукоятями по-разному. Одни были вставлены в них насухо и укреплены пропущенными через сквозное отверстие кожаными ремешками или леской (заменяющей китовый ус). Другие – были закреплены в пазах рукоятей с помощью клеев, состав которых был изготовлен по этнографическим данным и результатам специального анализа остатков клеящего вещества на изученных артефактах (Терехина, 2024, в печати) (рис. 11: 1–3, 5, 6, 8, 9).

В ходе проведенных опытов было изготовлено два мужских и восемь женских сланцевых ножей, которые по характеру обработки, своим параметрам, углам заточки лезвий полностью соответствуют оригинальным изделиям (табл. 1).

Выводы

Результаты проведенных трасологических исследований выявили основные технологические приемы при изготовлении сланцевых ножей: получение заготовок, формообразование оббивкой, шлифование поверхности изделий, заточка рабочих лезвий, способы сверления отверстий для соединения изделий с рукоятями. Эти данные явились основой для экспериментального изготовления реплик женских и мужских ножей, аналогичных археологическим и этнографическим изделиям. Опыты показали, что обработка сланца не является трудоемким процессом, но требует определенной сноровки. Выведение формы обеспечивается соблюдением осторожности при ударной обработке кра-

Таблица 1

Метрические данные экспериментальных ножей-улу

Класс, №№ ножа	Длина клинка, см	Ширина клинка, см	Толщина обуха, см	Толщина РК, см	Наличие черешка на обухе	Угол заточки РК, °	Наличие подвода	Тип заточки	Диаметр отверстия, см
ЖН №1	5,7	6,3	0,3	0,1	нет	30	нет	ДВ	-
ЖН №2	5,6	5,2	5,5	0,2	нет	30	есть	ДВ	
ЖН №3	8,5	4,5	0,35	0,15	нет	30	нет	ДВ	-
ЖН №4	9,5	4	0,25	0,1	нет	30	есть	ДВ	0,6-0,3-0,3
ЖН №5	9,4	4,5	0,3	0,1	нет	30	есть	ДВ	-
ЖН №6	13,4	7,6	0,3	0,2	есть	30	есть	ДВ	-
ЖН №7	15,5	7,5	0,3	0,25	нет	30	есть	ДВ	0,4
ЖН №8	17	10,56	0,7	0,2	нет	30	есть	ДВ	0,7
ЖН №9	18,5	8,36	0,7	0,2	нет	30	есть	ДВ	-
МЖ №1	14,5	6	0,55	0,2	нет	30	нет	ДВ	0,6
МЖ №2	15,5	6	0,7	0,2	нет	30	нет	ДВ	0,63

ЖН – женский нож; МЖ – мужской нож; ДВ – двусторонняя; РК – рабочая кромка

ев изделий, для качественной мокрой шлифовки необходимым условием являлся правильный выбор абразива с определенной зернистостью, наиболее эффективной для той или иной операции. При работе на одном абразиве требуется периодическая подсыпка мокрого песка. На изготовление одного ножа в зависимости от толщины заготовки и типа соединения изделия с рукоятью затрачивалось в среднем от 30 мин. до 2 часов рабочего времени. Все ножи, полученные в ходе эксперимента, были использованы в дальнейших опытах, связанных с обработкой оленьих шкур, разделкой мяса, свежей и замороженной рыбы. Их эффективное применение в этих работах указывает на правильность моделирования технологической цепочки их изготовления.

Таким образом, комплексное изучение сланцевых ножей древних и

исторических эскимосов является успешным примером применения в этноархеологических исследованиях экспериментально-трассологического анализа (Stone Tools theoretical insights, 1996; Skakun, Aleksashenko, 2008; Алексашенко, 2020 и др.). Выявленные и интерпретированные с помощью этой методики технологические следы на поверхностях археологических и этнографических артефактов позволили не только охарактеризовать способы изготовления этих изделий, но и доказать идентичность их производства, что является важным свидетельством длительности бытования производственных традиций, сохранившихся на Чукотке со времени существования древнеберингоморской культуры I тыс. н. э. до времени этнографических наблюдений, сделанных в XIX–XX вв.

Благодарности

Авторы приносят сердечную благодарность к.и.н. Кириллу Александровичу Днепровскому, Елене Станиславовне Сухоруковой за консультации и предо-

ставленные материалы из могильника и поселения Эквен, а также поселения Пайпельгак, хранящиеся в фондах Государственного музея Востока г. Москвы, главному хранителю фондов МАЭ РАН к. филол. н. Наталье Павловне Копаневой, старшему хранителю фондов Америки МАЭ РАН, Альфие Юсуповне Сайфиевой за возможность работы с материалами могильника Эквен и этнографическими экспонатами, а также заместителю директора по учету, хранению и реставрации музейных ценностей РЭМ Наталье Николаевне Прокопьевой, научному сотруднику высшей категории, хранителю фонда жесткого резерва Отдела этнографии Сибири и Дальнего Востока РЭМ Наталье Александровне Косяк за возможность работы с этнографическими коллекциями.

Примечания:

² Указана длина фрагмента ножа из палеоэскимосского поселения Пайпельгак, Чукотский п-ов (Мир арктических зверобоев..., 2007, с. 77, 145, рис. 328).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексащенко Н.А.* Трасологический метод в изучении древних и традиционных технологий // Кунсткамера. 2020. № 3. С. 93–103.
2. Алеуты: каталог коллекций Кунсткамеры / Авт.-сост. С.А. Корсун, отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 382 с.
3. *Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.: Наука, 1969. 204 с.
4. *Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975. 240 с.
5. *Волков П.В.* Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013. 413 с.
6. Гирия Е.Ю. Возможности эксперимента в археологии // Экспериментальная археология. Вып. 2 / Отв. ред. И.Г. Глушков. Тобольск: ТГПИ, 1992. С. 3–17.
7. *Давыдова Е.А.* Оленеводы Чукотки: власть, родство, отношения с государством (по материалам XIX – первой половины XX в.). СПб.: МАЭ РАН, 2022. 316 с.
8. *Диков Н.Н.* Чинийский могильник: к истории морских зверобоев Берингова пролива. Новосибирск: Наука, 1974. 166 с.
9. *Днепровский К.А.* Динамика древнеэскимосской культуры Чукотки в эпоху бирнирка и раннего пунука (по материалам археологического комплекса Эквен). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. 26 с.
10. *Днепровский К.А.* Эскимосские ножи: современная древность. 2019. URL: <https://goarctic.ru/live/eskimosskienozhi-sovremennaya-drevnost/> (дата обращения: 23.05.2022).
11. *Коробкова Г.Ф.* Экспериментальный анализ и его место в методике и теории археологии // КСИА. Вып. 152 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1978. С. 55–61.
12. *Коробкова Г.Ф.* Экспериментально-трасологические разработки как комплексное исследование в археологии // Экспериментально-трасологические исследования в археологии / Отв. ред. Г.Ф. Коробкова. СПб.: Наука, 1994. С. 3–20.
13. *Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А.* Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным) // Археологические вести. Вып. 8 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 88–98.
14. *Корсун С.А.* Тихоокеанские эскимосы – аляутиик: историко-этнографический очерк // Открытие Америки продолжается. Вып. IV / Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: МАЭ РАН, 2010а. С. 186–210.
15. *Корсун С.А.* Традиционная культура эскимосов аляутиик // Эскимосы аляутиик: Каталог коллекций Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2010б. С. 5–32.
16. *Малинова Р., Малина Я.* Прыжок в прошлое. М.: Мысль, 1988. 271 с.
17. Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное: Каталог выставки / Авт.-сост.: М. М. Бронштейн (и др.); ред. Д. Н. Попов. М.: Департамент культуры, спорта, туризма и информационной политики Чукотского автономного округа РФ, 2007. 212 с.
18. *Окладников А.П.* Из истории изучения древнейшего прошлого Приморья // Археология и этнография Дальнего Востока / Древняя Сибирь. Материалы по истории Сибири. Вып. 1 / Отв. ред. В.А. Аврорин. Новосибирск: СО АН СССР, 1964. С. 9–48.
19. *Орлова Е.П.* Ножи гильжов // Археология и этнография Дальнего Востока / Древняя Сибирь. Материалы по истории Сибири. Вып. 1 / Отв. ред. В.А. Аврорин. Новосибирск: СО АН СССР, 1964. С. 215–222.

20. Петрографический словарь / Под ред. О.А. Богатикова. М.: Недра, 1981. 496 с.
21. Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М., Л.: Главсевморпуть, 1947. 135 с., 38 л. ил.
22. Семенов С.А. Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // МИА. № 54. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
23. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.
24. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древних производств. Л.: АН СССР, 1983. 253 с.
25. Скакун Н.Н., Жилин М.Г., Плиссон Х., Эредиа Х., Павлик А., Галимова М.Ш., Терехина В.В., Мартинез Г., Марреро Х. Значение экспериментально-трассологических исследований для изучения древних костяных изделий // Археология Евразийских степей. 2018. № 2. С. 340–358.
26. Скакун Н.Н., Эредиа Х., Терехина В.В., Агаханова В.А. К вопросу о технологии изготовления сланцевых ножей из могильника Эквен (I тыс. до н. э., Чукотка, Россия) // Геоархеология и археологическая минералогия. 2022. Т. 9. С. 84–87.
27. Скакун Н.Н., Эредиа Х., Терехина В.В., Днепровский К.А., Сухорукова Е.С., Агаханова В.А. Мужские сланцевые шлифованные ножи древнеберингоморской культуры и технология их изготовления (по материалам Эквенского могильника и этнографическим данным) // Поволжская археология. 2023. № 3(43). С. 220–233.
28. Терехина В.В. Результаты изучения каменных ножей Эквенского могильника (этнотрассологический анализ) // Археология Евразийских степей. 2020. № 3. С. 187–193.
29. Терехина В.В. Этнотрассологический подход в изучении «женских» ножей из коллекции Кунсткамеры по аляутикам и алеутам // Кунсткамера. 2022. 3(17). С. 203–220. doi 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-203-220
30. Терехина В.В. К вопросу о клязах палеоэскимосов (по материалам могильника Эквен и этнографическим коллекциям) // Археологические вести. Вып. 43 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 2024 (в печати).
31. Эскимосы аляутиков: каталог коллекций Кунсткамеры / Авт.-сост. С.А. Корсун; отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: Наука, 2010. 462 с.
32. Chan A. Quliqtuavut Tuugaatigun (Our Stories in Ivory): Reconnecting Arctic Narratives with Engraved Drill Bows. PhD diss. Arizona: Arizona State University, 2013. 666 p.
33. Clark D.W. Pacific Eskimo: Historical Ethnography // Handbook of North American Indians. Vol. 5. Arctic / ed. by D. Damas, W. C. Sturtevant. Washington, D. C.: Smithsonian Institution, 1984. P. 185–197.
34. Knecht Ph. A. The Late prehistory of the Alutiiq people: culture change on the Kodiak Archipelago from 1200–1750 A. D. PhD Diss. Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1995. 771 p.
35. Mason O.T. The Ulu, or woman's knife, of the Eskimo. Washington: Government Printing Office, 1892. P. 411–416, 21 pls.
36. Skakun N.N., Aleksashenko N.A. Tool functions and ethnographical analogies // "Pre-historic Technology": 40 Years Later: Functional Studies and the Russian Legacy / ed. by L. Longo, N. Skakun. Oxford: Archaeopress, 2008. P. 529–531.
37. Skakun N.N., Plisson H. Some Results of the Experimental-Traceological Expedition at Bodaki // Sprawozdania Archeologiczne. 2014. Vol. 66. S. 83–90.
38. Stone Tools theoretical insights into Human Prehistory / Ed. G.H. Odell. New York: Springer, 1996. 419 p.

Информация об авторах:

Скакун Наталия Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); skakunnatalia@yandex.ru ORCID: 0000-0003-0579-3022

Терехина Вера Владимировна, младший научный сотрудник. Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); terehinavera@mail.ru ORCID: 0000-0002-7065-8284

Эредиа Хосе, экспериментатор, независимый исследователь (г. Гранада, Испания); joseheredia.tallalitica@gmail.com ORCID: 0000-0002-2662-3244

Агаханова Виталия Аталиевна, научный сотрудник. Институт общей физики им. А. М. Прохорова (г. Москва, Россия); vitaliya394@mail.ru ORCID: 0000-0002-1299-9275

RECONSTRUCTION OF THE TECHNOLOGY FOR MANUFACTURING SLATE KNIVES BASED ON THE RESULTS OF STUDYING MATERIALS FROM SITES OF ANCIENT AND HISTORICAL ESKIMOS

N.N. Skakun, V.V. Terekhina, J. Heredia, V.A. Agakhanova

The article deals with reconstruction of the technology for making slate knives of the Eskimos of Chukotka and Russian America, obtained during archaeological excavations and ethnographic collections. To achieve this goal, a comprehensive methodology for studying artifacts was used. First of all, a traceological analysis was carried out, which made it possible to record in detail traces of processing on the surfaces of knives, such as percussion, picketing, grinding and drilling. In addition, archaeological finds of abrasive stones and bow drills, which could be used for grinding knives and drilling through holes when fastening them in handles, were studied. The recorded uniformity of most technological features on both archaeological and ethnographic artifacts indisputably indicates the commonality of their manufacturing techniques. These data formed the basis for experimental modeling. The specific purpose of the experiments was to clarify the features of slate processing and methods for making replicas of women's and men's knives from it, similar to the original Eskimo products. The slate raw materials for the experimental replicas were selected based on the results of petrographic analysis of tools found at the ancient Eskimo settlement of Ekven. The fastening of the handles was reconstructed on the basis of archaeological and ethnographic data on the use of binding material and adhesive composition. Technological traces identified and interpreted using a complex methodology on the surfaces of archaeological and ethnographic artifacts made it possible not only to characterize the methods of making these products, but also to prove the identity of their production, which is important evidence of the long existence of production traditions that have been preserved in Chukotka since the existence of the ancient Bering Sea culture of the 1st millennium n. e. until the time of ethnographic observations made in the 19th–20th centuries.

Keywords: archaeology, ethnography, Chukotka Peninsula, Russian America, slate knives, the Eskimos, experimental-traceological method, reconstruction, technology.

REFERENCES

1. Aleksashenko, N. A. 2020. In *Kunstkamera* 3, 93–103 (in Russian).
2. In Korsun, S. A. (comp.), Berezkin, Yu. E. (ed.). 2014. *Aleuty: katalog kollektiy Kunstkamery (Aleuts: Catalogue of the Kunstkamera collections)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 204–210 (in Russian).
3. Arutyunov, S. A., Sergeev, D. A. 1969. *Drevnie kul'tury aziatskikh eskimosov (Uelenskiy mogil'nik) (Ancient Cultures of Asian Eskimos: Uelensky Burial Ground)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Arutyunov, S. A., Sergeev, D. A. 1975. *Problemy etnicheskoy istorii Beringomor'ya (Ekvenskiy mogil'nik) (Issues of the Ethnic History of the Bering Sea: Ekven Burial Ground)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Volkov, P. V. 2013. *Opyt eksperimenta v arkhologii (Experience in experimental archaeology)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ. (in Russian).
6. Girya, E. Yu. 1992. In *Eksperimental'naya arkhologiya (Experimental Archaeology)* 2. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical Institute Publ., 3–17 (in Russian).
7. Davydova, E. A. 2022. *Olenevody Chukotki: vlast', rodstvo, otnosheniya s gosudarstvom (po materialam XIX – pervoy poloviny XX v.) (Reindeer herders of Chukotka: power, kinship, relations with the state (based on materials from the 19th – first half of the 20th centuries))*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
8. Dikov, N. N. 1974. *Chiniiskii mogil'nik: k istorii morskikh zverboev Beringova proliva (Chiniyskiy Burial ground: On the History of Marine Hunters of the Bering Strait)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Dneprovskii, K. A. 2001. *Dinamika drevneeskimosskoi kul'tury Chukotki v epokhu birnirka i rannego punuka: po materialam arkhelogicheskogo kompleksa Ekven (The Dynamics of the Ancient*

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 22-28-01295 "Reconstruction of ancient technologies in the production activities of the Chukotka Eskimos: ethnoarchaeological method and natural science data"

Eskimo Culture of Chukotka in the Birnirka and Early Ponuk Era: Based on the Materials of the Ekven Archaeological Complex. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

10. Dneprovskii, K. A. 2019. Eskimoskie nozhi: sovremennaya drevnost' (*Eskimo knives: modern antiquity*) <https://goarctic.ru/news/eskimoskie-nozhi-sovremennaya-drevnost/>

11. Korobkova, G. F. 1978. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 152. Moscow: "Nauka" Publ., 55–61 (in Russian).

12. Korobkova, G. F. 1994. In Korobkova, G. F. (ed.). *Eksperimental'no-trasologicheskie issledovaniia v arkheologii* (*Experimental Use-Wear Studies in Archaeology*). Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 3–20 (in Russian).

13. Korobkova, G. F., Sharovskaya, T. A. 2001. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti* (*Archaeological News*) 8. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Dmitrii Bulanin" Publ., 88–98 (in Russian).

14. Korsun, S. A. 2010. In Berezkin, Yu. E. (ed.). *Otkrytie Ameriki prodolzhaetsia* (*Opening of America Continues*) 4. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 186–210 (in Russian).

15. Korsun, S. A. 2010. In *Eskimosy aliutiik: katalog kollektsii Kunstkamery* (*Eskimos Alutiik: Catalogue of Kunstkamera Collections*). Saint Petersburg: "Nauka", 5–32 (in Russian).

16. Malinova, R., Malina, Ya. 1988. *Pryzhok v proshloe* (*Leap into the Past*). Moscow: "Mysl" Publ. (in Russian).

17. In Bronstein, M. M., et al. (comp.). 2007. *Mir arkticheskikh zveroboyev. Shagi v nepoznannoye* (*The world of arctic hunters. Steps into the unknown: Exhibition catalog*). Moscow: Department of Culture, Sports, Tourism and Information Policy of the Chukotka Autonomous Okrug of the Russian Federation (in Russian).

18. Okladnikov, A. P. 1964. In Avrorin, V. A. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Dal'nego Vostoka* (*Archaeology and ethnography of the Far East*). Series: Ancient Siberia. Materials on the history of Siberia. Issue 1. Novosibirsk: Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 9–48 (in Russian).

19. Orlova, E. P. 1964. In Avrorin, V. A. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Dal'nego Vostoka* (*Archaeology and ethnography of the Far East*). Series: Ancient Siberia. Materials on the history of Siberia. Issue 1. Novosibirsk: Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 215–222 (in Russian).

20. In Bogatikova, O. A. 1981. *Petrograficheskiy slovar'* (*Petrographic Dictionary*). Moscow: "Nedra" Publ. (in Russian).

21. Rudenko, S. I. 1947. *Drevniaia kul'tura Beringova moria i eskimoskaia problema* (*Ancient Culture of the Bering Sea and the Eskimo Problem*). Moscow; Leningrad: "Glavsevmorput" Publ. (in Russian).

22. Semenov, S. A. 1957. *Pervobytnaia tekhnika* (*Primeval Technics*). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

23. Semenov, S. A. 1968. *Razvitie tekhniki v kamennom veke* (*Development of Technics in the Stone Age*) Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

24. Semenov, S. A., Korobkova, G. F. 1983. *Tekhnologiya drevnikh proizvodstv* (*Ancient Manufacturing Technology*). Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

25. Skakun, N. N., Zhilin, M. G., Plisson, X., Eredia, J., Pavlik, A., Galimova, M. Sh., Terekhina, V. V., Martinez, G., Marrero, J. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) 2, 340–358 (in Russian).

26. Skakun, N. N., Eredia, J., Terekhina, V. V., Agakhanova, V. A. 2022. In *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya* (*Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy*) 9, 130–135 (in Russian).

27. Skakun, N. N., Eredia, J., Terekhina, V. V., Dneprovskiy, K. A., Sukhorukova, E. S., Agakhanova, V. A. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya* (*Volga River Region Archaeology*) 3 (43), 220–233 (in Russian).

28. Terekhina, V. V. 2020. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei* (*Archaeology of Eurasian Steppes*) 3, 187–197 (in Russian).

29. Terekhina, V. V. 2022. In *Kunstkamera* 3 (17), 203–220 (in Russian).

30. Terekhina, V. V. 2024. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti* (*Archaeological News*) 43. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences Publ. (in print).

31. In Korsun, S. A. (comp.), Berezkin, Yu. E. (ed.). 2010. *Eskimosy alyutiik: katalog kollektsii Kunstkamery* (*Eskimos Alutiik: Catalogue of the Kunstkamera collections*). Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

32. Chan, A. *Quliaqtuavut Tuugaatigun* (*Our Stories in Ivory*): Reconnecting Arctic Narratives with Engraved Drill Bows. PhD diss. Arizona: Arizona State University, 2013. 666 p.

33. Clark, D. W. 1984. In Damas D., Sturtevant, W. C. (eds.). *Handbook of North American Indians*. Vol. 5. Arctic, 185–197.

34. Knecht, Ph. A. 1195. *The Late prehistory of the Alutiiq people: culture change on the Kodiak Archipelago from 1200–1750 A. D.* PhD Diss., Bryn Mawr: Bryn Mawr College.
35. Mason O. T., 1982. *The Ulu, or woman's knife, of the Eskimo.* Washington: Government Printing Office, 1892. P. 411–416, 21 pls.
36. Skakun, N. N., Aleksashenko, N. A. 2008. In Longo, L., Skakun, N. (eds.). *“Prehistoric Technology”: 40 Years Later: Functional Studies and the Russian Legacy.* Oxford: Archaeopress, 529–531.
37. Skakun, N. N., Plisson, H. 2014. In *Sprawozdania Archeologiczne*, vol. 66, pp. 83–90.
38. *Stone Tools theoretical insights into Human Prehistory.* 1996. Odell, G. H. (ed.). New York: Springer, 1996, 419 p.

About the Authors:

Skakun Natalia N. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya emb., 18, St.-Petersburg, 191186, Russian Federation; skakunnatalia@yandex.ru

Terekhina Vera V. Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya emb., 18, St.-Petersburg, 191186, Russian Federation; terehinavera@mail.ru

Heredia Jose. Independent researcher. Granada, Spain; joseheredia.tallalitica@gmail.com

Agakhanova Vitaliya A. Institute of General Physics named A. M. Prokhorov RAS, Vavilova st., 38, Moscow, 119991, Russian Federation; vitaliya394@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

ХРОНОЛОГИЯ ЭЛИТНОГО КУРГАНА ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКА БОЛДЫРЕВО IV В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДАННЫМ СТРАТИГРАФИИ, ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ¹

© 2024 г. Н.Л. Моргунова, А.А. Файзуллин

В настоящей работе ставится задача публикации новых данных радиоуглеродного датирования кургана 1 в могильнике Болдырево IV, отличающегося четкой стратиграфией и неординарностью погребального обряда в сравнении с известными некрополями ямной культуры. Курган 1, один из наиболее крупных в Поволжье и в Южном Приуралье, исследован в 2019–2020 гг. Ранний горизонт представляли две небольшие насыпи над погребениями детей, окруженные рвами, состоявшими из отдельных ям. Позднее между курганами для детей было совершено коллективное погребение пяти взрослых человек в огромной по размерам и сложной по конструкции погребальной камере, над которым и был сооружен большой курган, перекрывший также и оба детских кургана. Все основные погребения под ранними насыпями и погребение 5 под большой насыпью представляют единый культурный и эпохальный комплекс, принадлежат ямной культуре. Согласно археологическим и палеопочвенным данным строительство кургана 1 происходило планомерно в течение интервала времени, который определен примерно в 200 лет. Радиоуглеродное датирование показало, что сооружение кургана происходило в пределах калиброванного интервала 3300 – 2600 лет BC. Уточнение нижней и верхней границ этого интервала затруднительно по ряду причин. Площадка, видимо, до и по ходу строительства кургана являлась местом сакральных церемоний и общественных собраний многих родовых кланов ямной культуры. Впускное погребение двух женщин было совершено на вершине кургана в финале бронзового века.

Ключевые слова: археология, Оренбургская область, ямная культура, большой курган, стратиграфия и радиоуглеродное датирование.

Введение

Исследования ямной культуры как в Южном Приуралье, так и в других областях огромной территории ее распространения, продолжают уже около века, начиная с открытий В.А. Городцова в Харьковской губернии (Мерперт, 1974). Погребальный обряд в границах всей ямной культурно-исторической области довольно однообразен, однако по ходу исследований выявляются все новые нюансы погребальной обрядности ямного комплекса. При этом актуальной остается задача установления особенностей погребальных обрядов в развитии – от начала сложения культуры до ее заката. Современные способы датирования археологического материала, прежде всего радиоуглеродный

метод, могут помочь приблизиться к решению данной задачи. Ранее абсолютная хронология ямной культуры рассматривалась неоднократно (Черных, Орловская, 2004; Кузнецов, 2008; Моргунова, 2006; 2013; 2014). Известно более сотни радиоуглеродных определений для ямных комплексов Волго-Уралья, в основном из Самарской и Оренбургской областей. С опорой на радиоуглеродное датирование предложена периодизация приуральской группы ямной культуры в системе ее волго-уральского варианта. При этом особенности погребальной обрядности на каждом этапе развития ямной культуры рассмотрены на фоне динамики природно-климатических условий (Моргунова, 2014; Моргуно-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье» (РНФ № 23-68-10006)

Рис. 1. 1 – расположение кургана 1 в могильнике Болдырево IV на карте Оренбургской области и России; 2 – вид с Ю на раскоп кургана во время раскопок.
 Fig. 1. 1 – location of mound 1 in the Boldyrevo IV burial ground on the map of the Orenburg region and Russia; 2 – view from the south of the mound excavation during excavations.

ва и др., 2019; Morgunova, Khokhlova, 2020).

В настоящей работе ставится задача всесторонне, в комплексе археологических, палеопочвенных и радиоуглеродных данных рассмотреть хронологию кургана № 1 в могильнике Болдырево IV в Оренбуржье,

отличающегося неординарностью конструкции в сравнении с известными, эталонными некрополями ямной культуры. Необычность нового памятника заключается в четкости его стратиграфии и огромных размерах насыпи. Курган раскопан недавно, в 2019–2020 гг. Частично первые пу-

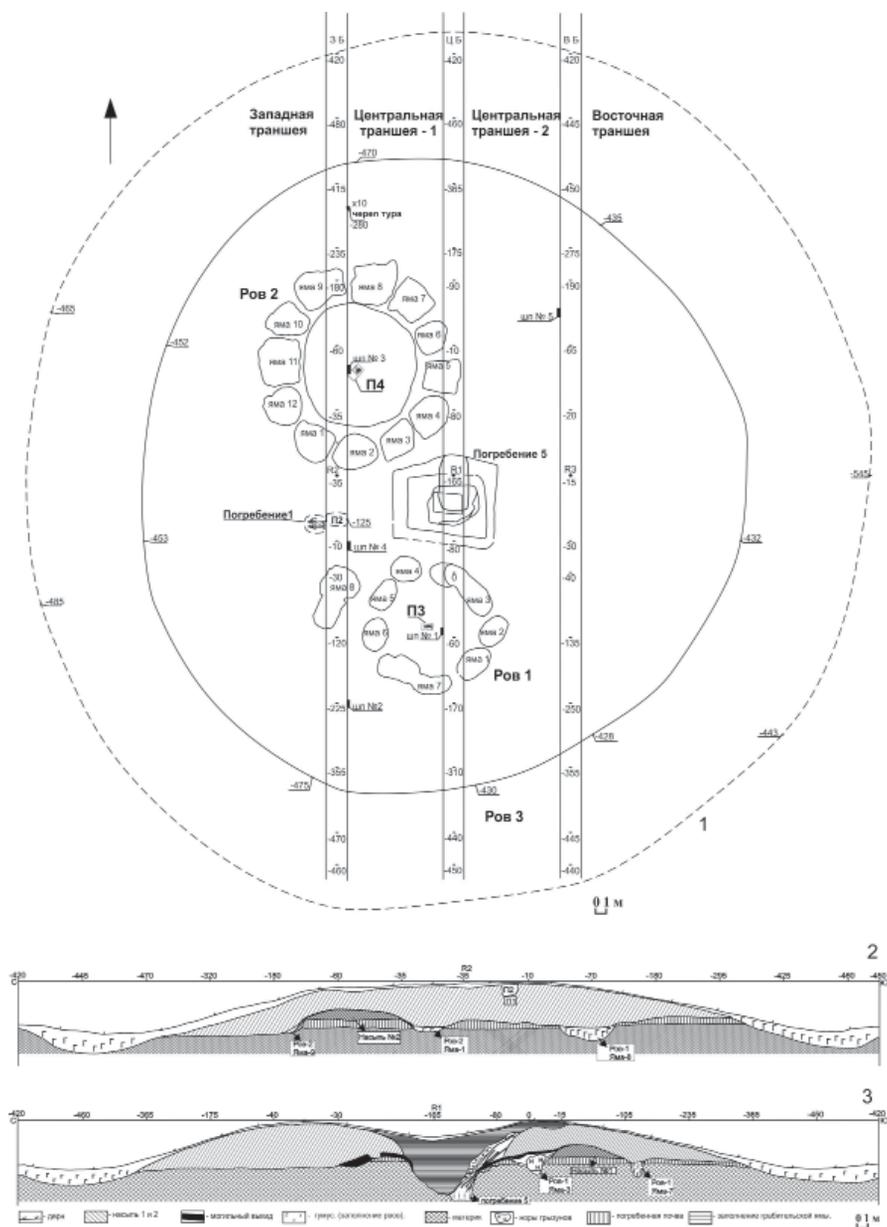

Рис. 2. Расположение кургана 1 в могильнике Болдырево IV.

1 – общий план; 2 – западная бровка, профиль западной стенки;
3 – центральная бровка, профиль западной стенки.

Fig. 2. Location of Mound 1 in Boldyrevo IV burial ground: 1 – general plan; 2 – western edge, profile of the western wall; 3 – central edge, profile of the western wall.

бликации по данным палеопочвенных и антропологических исследований этого неординарного кургана были представлены (Моргунова и др., 2022; Сверчкова и др., 2022; Хохлова и др., 2023).

Материалы исследования

Могильник расположен в 4 км к ЮЮЗ от с. Болдырево Ташлинского района Оренбургской области на высоко расположенной надпойменной террасе левого берега р. Иртек,

Рис. 3. Курган 1 в могильнике Болдырево IV. 1 – погребение 1; 2 – западный профиль стенки центральной бровки, вид с ЮЗ на погр. 3 и ров 1 вокруг насыпи 1. 3 – вид сверху на раскоп кургана.

Fig. 3. Mound 1 in Boldyrevo IV burial ground. 1 – burial 1; 2 – western profile of the wall of the central edge, view from the southwest to the burial 3 and ditch 1 around mound 1; 3 – top view of the excavation of the mound.

правого притока р. Урал (рис. 1: 1). Курган 1 (рис. 1: 2) – самый крупный в группе из шести насыпей (диаметр 62 м, высота на современной поверхности 6 м). В кургане 1 были изучены пять погребений. В трех основных погребениях № 3, 4 и 5 получены материалы раннего бронзового века (ямная культура). Культурная принадлежность двух впускных погребений № 1 и 2 не определена ввиду отсутствия характерных вещей и невыразительности погребальной обрядности.

Изучение стратиграфии кургана археологическими и палеопочвенными методами достаточно уверенно указало на последовательность сооружения кургана (Сверчкова и др., 2022;) и позволило воссоздать его конструктивные особенности (Хохлова и др., 2023).

Ранний горизонт сооружения данного кургана представляют курган-

ные насыпи 1 и 2 (рис. 2: 2–3; 3: 2–3). Их размеры совпадают: высота около 1,2 м, диаметр 10–11 м. Идентичен также насыпной грунт для обеих насыпей, взятый устроителями из необычных по конструкции окружающих их рвов, состоявших из отдельных ям овально-подквадратных очертаний разной глубины. Древние курганы находились в пределах огромной подкурганной площадки диаметром около 60 м, которую полностью перекрывала самая большая, третья насыпь, возведенная позднее для грандиозного погребения 5, четко вписавшегося между рвами 1 и 2, нигде их не нарушая (рис. 2: 1; 3: 3). Грунт для сооружения верхней насыпи был взят из внешнего кольцевого рва, как по размеру, так и по конструкции отличного от рвов насыпей 1 и 2. В центрах подкурганной площадки насыпей 1 и 2 находилось по одному

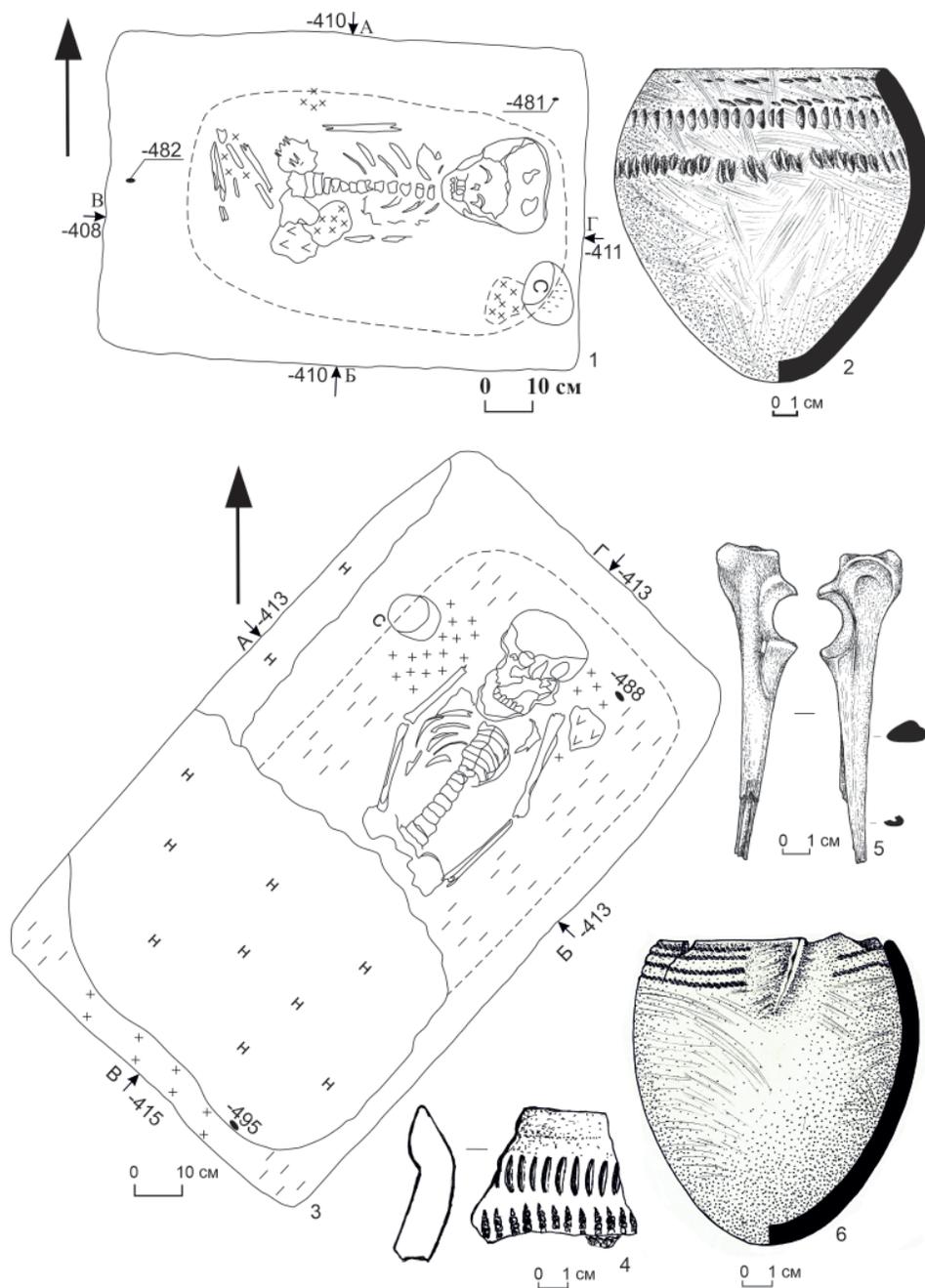

Рис. 4. Курган 1 в могильнике Болдырево IV. 1–2 – погребение 3 (план, сосуд); 3–6 – погребение 4 (план, проколка из кости, фрагмент керамики из рва 2, сосуд).

Fig. 4. Mound 1 in Boldyrevo IV burial ground: 1–2 – burial 3 (plan, vessel); 3–6 – burial 4 (plan, bone piercing, ceramic fragment from ditch 2, vessel).

погребению (соответственно погр. 3 и 4). Важно отметить, что могильный выкид из ямы погребения 5 и илистая масса, которая замешивалась

на площадке вокруг ямы погребения и использовалась для устройства его перекрытия, частично покрывали вершины насыпей курганов 1 и 2, что

свидетельствует об их безусловном хронологическом приоритете, хотя, возможно, и незначительном.

Таким образом, судя по данным стратиграфии и расположению погребений, можно заключить, что строительство этого комплекса происходило планомерно в течение относительно небольшого интервала времени, примерно за 100–200 лет (Хохлова и др., 2023, с. 12–13). Грандиозность и сложность конструкции кургана 1 в могильнике Болдырево IV и особенно его центрального погребения 5 выдвигает его в число не имеющих себе равных в практике изучения ямной культуры наряду с такими памятниками, как курган 1 могильника Утевка I и курган 1 могильника Болдырево I (Васильев, 2015; Моргунова, 2000).

Краткие сведения о погребениях кургана 1 в могильнике Болдырево IV

Погребение 1 (рис. 3: 1), впускное, обнаружено в насыпи на глубине -170–185 см от 0. Погребение парное. Скелеты располагались параллельно на спине, лицевыми костями друг другу, колени слегка подогнуты, головами были ориентированы на 3. На костях черепа скелета 1 и на кости голени скелета 2 наблюдалась слабая окраска красного оттенка. Вещи в погребении не обнаружены. Погребение 2, также впускное, находилось выше погр. 1 и было почти полностью разрушено.

Погребение 3 (рис. 4: 1) было совершено под насыпью 1 в яме прямоугольной формы размером 70×100 см, глубиной 70–72 см от уровня материка (-482 см от 0). На дне могилы поверх органической подстилки располагался скелет ребенка, девочки около 6 лет². Окрашенный охрой скелет находился в скорченном положении на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, согнутыми ногами, головой на ВСВ. За черепом лежал целый керамический сосуд (рис. 4: 2). В рамках дифференциаль-

ной диагностики была установлена причина смерти ребенка – вследствие лимфолейкоза (Моргунова, Медникова и др., 2022, с. 54–55).

Погребение 4 (рис. 4: 3) было совершено в яме прямоугольной формы размером 87×144 см, глубиной 75–80 см от уровня материка (-488 см от 0). Основной скелет (ребенок № 2) девочки 6 лет располагался на органической подстилке строго по центру ямы. Ребенок был погребен в скорченном положении на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на СВ. Скелет был слабо окрашен охрой. На теменных костях лежали фрагменты еще одного черепа (ребенок 1 по нумерации в коллекции) того же возраста. Между черепами и северной стенкой ямы находился керамический сосуд (рис. 4: 6), а под ним – острие из грифельной косточки длиной 11,5 см (рис. 4: 5). М. Б. Медниковой выявлены патологические изменения на костях черепа скелета реб. 1, типичные для цинги, что свидетельствует о систематических стрессах ребенка при жизни, связанных с хроническим недополучением необходимых продуктов питания (там же, с. 56).

Погребение 5 (рис. 5–6). Место для совершения погребальной церемонии было выбрано в центре подкурганной площадки. Оно было расположено между двумя ранними курганами для детей и, несмотря на огромные размеры, точно вписалось между ними, не задев ни одну из ям, составлявших рвы вокруг более древних курганов.

По конфигурации на уровне материка могильное пятно имело прямоугольные очертания и ориентировано большей стороной по линии запад – восток (рис. 6: 1). Длина ямы 950 см, ширина ок. 760 см. Хотя грабительская яма начала XX века существенно нарушила общую картину заполнения могилы, особенно в северной части, тем не менее большая ее часть к западу, югу и востоку осталась нетро-

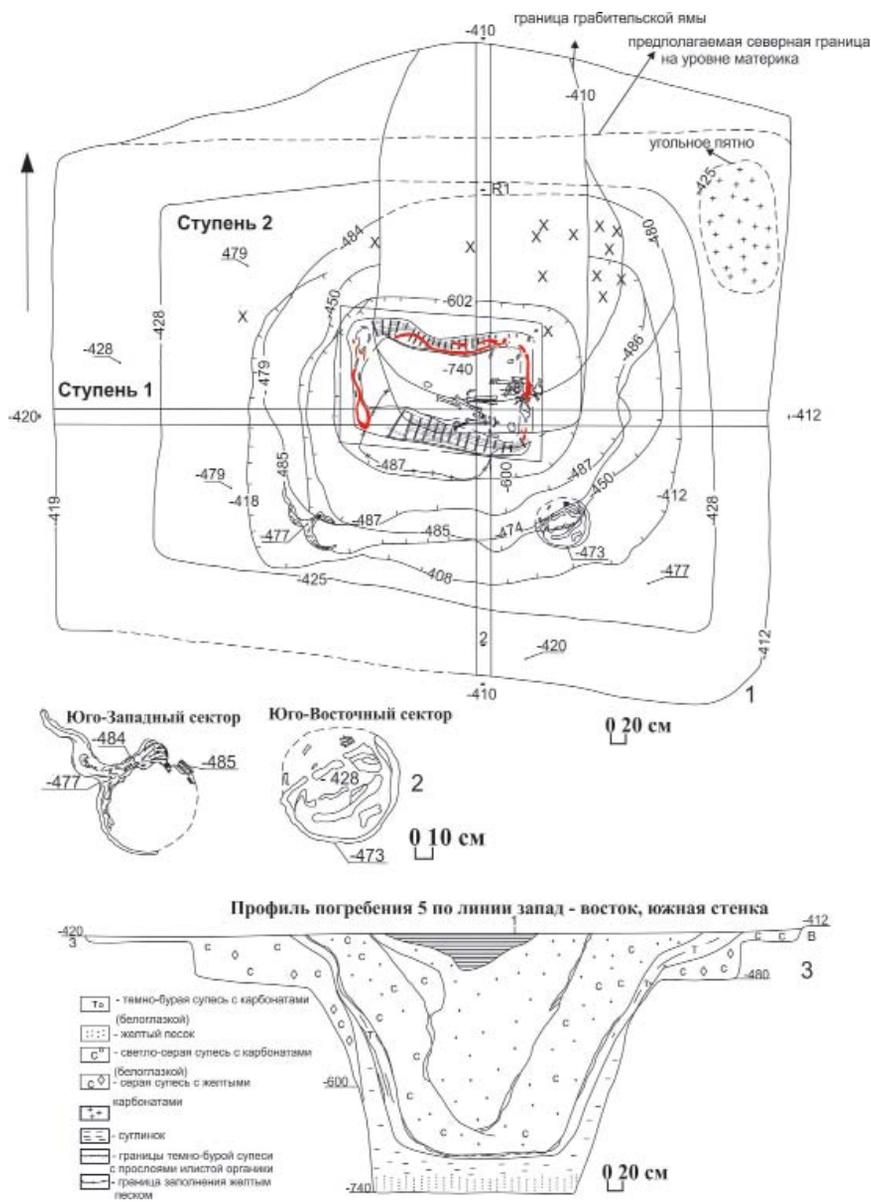

Рис. 5. Курган 1 в могильнике Болдырево IV.

1 – план погребения 5; 2 – аппликации из глины на ступеньках ямы; 3 – профиль ямы погребения 5 по линии 3-В, южная стенка.

Fig. 5. Mound 1 in Boldyrevo IV burial ground. 1 – burial plan 5; 2 – clay applications on the steps of the pit; 3 – profile of burial pit 5 along the W-E line, southern wall.

нутой, что позволило получить достаточно отчетливые представления об ее устройстве³.

Заполнение ямы выглядело неоднородным по составу грунта и его расцветке. В общем виде реконструкция процесса сооружения погребаль-

ной камеры представляется в следующем варианте.

В верхней части могилы были сделаны две довольно широкие ступени, высотой до полуметра каждая. На верхней ступени в восточном углу было устроено кострище. По южным

углам нижней ступени, на склонах их перехода во внутреннюю камеру, были размещены два символических аппликации-знака из зеленой глины, выполненных в виде птицы с раскинутыми крыльями и колеса-солнца (рис. 5, 1–2; 6: 3). Возможно, подобные символы также находились на противоположных северных углах ступени, но были разрушены грабителями.

На уровне основания нижней ступени по центру была устроена яма овально-округлых в плане очертаний (рис. 6: 2). Далее стены этой основной погребальной камеры под небольшим наклоном плавно спускались вниз со всех сторон. На глубине около 3,5 м от дневной поверхности очертаниям ямы придали строго прямоугольную форму. Глубина могилы на уровне дна достигла 4 м от поверхности погребенной почвы. Дно ямы имело яркое оформление (рис. 5: 1; 6: 4). Оно было покрыто толстой многослойной циновкой, в создании которой в основном использовалась животная органика в значительных объемах. Верхний слой представляла подстилка, сплетенная из крупных стеблей тростника, поперек переплетенных более тонким стеблями. Поверх циновка была раскрашена композицией из растительных узоров, выполненных в виде волнистых лент алой охрой. В заполнении ямы и частично на дне ямы находились многочисленные кости человека, разбросанные грабителями. Часть костей была окрашена охрой. Судя по количеству и видам костных останков, в могиле были захоронены минимум пять человек. Они принадлежали мужчине 40–45 лет, женщине около 30 лет и подросткам 15–16 лет. Вероятно, основной погребенный головой был ориентирован на В. Какие-либо артефакты или следы, например окислов металлов, в могиле не обнаружены.

Засыпка ямы производилась в несколько этапов и представляла собой довольно сложную и трудоемкую процедуру с использованием разных грунтов и растительных материалов. По всей площади над погребальной камерой было устроено перекрытие из слоя темно-бурой супеси мощностью до 40–50 см, которое укладывалась послойно во влажном виде (рис. 5: 3; 6: 2–3). Установлено, что материалы для перекрытия из илистой органики замешивались на площадке, располагавшейся к западу от края могилы.

В итоге можно сказать, что погребение 5 в кургане 1 могильника Болдырево IV уникально. И дело не только в грандиозности его конструкции, но и в использовании устроителями всей церемонии многих дополнительных, причем достаточно трудоемких, приемов, которые ранее нам не были известны. В основных чертах – от момента разметки подкурганной площадки до завершения обряда насыпи кургана погребение 5 было совершено в классических традициях ямной культуры. Несмотря на отсутствие престижного погребального инвентаря, необычность и колоссальные трудовые затраты позволяют не сомневаться, что данное захоронение относится к числу элитных. Возможно, площадка могильника до создания погребения 5 использовалась для сакральных действий, в которых ранее и в момент создания кургана свою роль играли курганы над детскими погребениями.

Относительная и абсолютная хронология кургана

В ходе археологических и палеопочвенных исследований нами было сделано предположение, что начало строительства кургана, то есть насыпка курганов над детскими погребениями 3 и 4, должно было состояться на исходе репинского этапа или уже на стадии А развитого этапа (Моргунова и др., 2022; Сверчкова и др., 2022)⁴. К этому предположению

Рис. 6. Курган 1 в могильнике Болдырево IV: этапы раскопок погребения 5. 1 – вид сверху на могильную яму от уровня материка; 2 – план входа в нижнюю часть погребальной камеры; 3 – аппликация в виде колеса на уровне второй ступени, разрезы заполнения ямы; 4 – нижняя часть и дно погребальной камеры.

Fig. 6. Mound 1 in the Boldyrevo IV burial ground: stages of excavation of burial 5. 1 – top view of the burial pit from the level of the mainland; 2 – plan of the entrance to the lower part of the burial chamber; 3 – applique in the form of a wheel at the level of the second step, cuts for filling the pit; 4 – lower part and bottom of the burial chamber.

склоняли такие данные, как поза погребенных детей скорченно на спине, конструкции рвов, состоящих из нескольких неглубоких ям, в отличие от кольцевого рва 3 вокруг насыпи над погр. 5. Кольцевые рвы известны исключительно на развитом этапе, в то время как прерывистые рвы, состоящие из отдельных ям, нам известны в курганах более раннего времени, например в могильнике I Красиковский (Моргунова и др., 2019). Не противоречили этому предположению данные изучения форм и технологии керамики по данным технологического анализа, проведенного Н.П. Салугиной (Салугина, и др, 2023). Так, технологические особенности керамики, находившейся в ямах рва 2 (рис. 4: 4), и сосудов из погребений свидетельствуют о некоторых пережиточных

репинских традициях ямной культуры Волго-Уралья.

Таким образом, предварительно в рабочем порядке хронология кургана рассматривалась в интервале примерно от 3300 до 2700 лет ВС.

Для определения абсолютной хронологии всех погребальных сооружений кургана 1 могильника Болдырево IV были отобраны органические материалы для радиоуглеродного датирования, хотя возможности отбора оказались весьма ограничены, поскольку во всех погребениях не имелось никакой органики кроме костей человека и растительных подстилок. Так, в погребениях 3 и 4 были взяты образцы костной ткани от скелетов детей возрастом около 6 лет, при этом в погребении 4 отобраны образцы от обоих детских скелетов. Сохранность

детских костей по понятным причинам была неудовлетворительной, но для AMS-анализа вполне пригодных. Кроме того, для датировки погребения 4 были отобраны кости животных, обнаруженных в ямах рва 2. Из погребения 5 отобраны образцы костей взрослого человека возраста примерно от 40 лет, а также фрагменты угля из кострища, находившегося на верхней ступени могильной ямы. Вызывала сомнение принадлежность костей животных ко времени погребения 4, поскольку, судя по стратиграфии, ров 2 стоял открытым на момент сооружения погребения 5 и кости животных могли попасть в него в ходе создания погребения 5.

Датирование проводилось в трех лабораториях. Так сразу же по завершении раскопок образец по углю из погр. 5 и кости животных из рва вокруг погр. 4 были продатированы сцинтилляционным методом в лаборатории РГПУ им. А.И. Герцена под руководством М.А. Кульковой. Затем, также сразу после раскопок, три образца костей людей из всех погребений датированы в лаборатории Института географии РАН под руководством Э.П. Зазовской⁵.

В итоге полученные результаты оказались противоречивыми и недостаточными для уверенных выводов. При этом некоторые из полученных значений резко контрастировали со стратиграфическими и палеопочвенными данными. Тем не менее, несмотря на повторное радиоуглеродное датирование, о котором речь пойдет далее, мы считаем необходимым привести все полученные данные (таблица 1).

Так, ^{14}C даты из погребения 5 (табл. 1, № 11, 12) в свете археологии оказались существенно удревненными не только в рамках полученной стратиграфической колонки кургана, но они явно не соответствуют имеющимся представлениям о хронологии

ямной культуры на всех ее территориях. При этом «удревнение» ^{14}C даты СРб по углю (№ 12) может быть связано с условиями сбора угля с поверхности верхней ступени могилы, где уголь был загрязнен при засыпке ямы гумусом. Отделить гумус от угля было трудно, так как мощность слоя кострища была не более 2–3 см. Что касается радиоуглеродной даты ИГАН-8680 (№ 11), то ее столь древнее значение, скорее подходящее для позднего энеолита, сложно объяснить, кроме как каким-то сбоем самой процедуры отбора образца или пробоподготовки и процедуры датирования. Более приемлемой оказалась радиоуглеродная дата ИГАН по кости ребенка из погребения 4 (табл. 1: 5). В свете стратиграфии кургана и отмеченных выше признаков репинского времени мы посчитали эту дату наиболее близкой к истине для раннего горизонта строительства кургана, поскольку, по мнению почвоведов, судя по составу погребенных почв, первые курганы на площадке Болдырево IV возникли на этапе завершающегося аридного периода, характеризовавшего репинский этап ямной культуры и перехода к гумидному климату, свойственному ее развитому этапу (Сверчкова и др., с. 691). Однако ^{14}C дата ИГАН-8679b (табл. 1, № 4) для погребения 3, по археологии явно по времени близкому, если не одновременному, погребению 4, явно омоложена и отличается на более чем 400 лет, что подтверждает предположение о каком-то сбое самой процедуры или отбора образца, или пробоподготовки и датирования.

Таким образом, для проверки первых полученных радиоуглеродных дат, учитывая масштабность и уникальность кургана 1 в могильнике Болдырево IV, было принято решение повторить пробоподготовку и радиоуглеродное датирование в полном объеме всех комплексов кургана согласно его стратиграфии на ускорительном

Таблица 1

Радиоуглеродные даты из погребений могильника Болдырево IV. Курган 1

№ п/п	Археолог. комплекс	Шифр лаборатории	Материал ²	Возраст ВР (л.н.)	Калиброванный возраст до н.э. по 2σ ¹	δ ¹³ C _{VPDB} ‰	δ ¹⁵ N _{Air} ‰
1	Погр. 1. Скелет 1	GV-3867	кч	2797 ± 25	1014 – 846	-18,5	12,3
2	Погр. 1. Скелет 2	GV-3866	кч	2830 ± 26	1055 – 906	-18,7	12,5
3	Погр. 3	GV-3865	кч реб. 6 лет	4099 ± 37	2868 – 2498	-18,4	14,0
4	Погр. 3	IGAN _{AMS} -8679b	кч реб. 6 лет	4120±20	2863 – 2580	-17,82	
5	Погр. 4	IGAN _{AMS} -8682	кч реб.6 лет	4690±25	3527 – 3371	-18.21	
6	Ров 2, яма 5	SPb-3386	кж	4082±45	2866 – 2500		
7	Ров 2, яма 12.	GV-3873	кж	4165 ± 26	2881 – 2632	-17,7	9,7
8	Ров 2, яма 3	GV-3874	кж	4157 ± 38	2883 – 2623	-19,2	7,3
9	Погр.4 Ребенок 1	GV-3862	кч	4152 ± 36	2880 – 2586	-18,6	13,5
10	Погр.4 Ребенок 2	GV-4299	кч	4174 ± 35	2886 – 2631	-18,4	15,0
11	Погр. 5	IGAN _{AMS} -8680	кч взр.	5135±25	3872 – 3807	-17,03	
12	Погр. 5	SPb_3385	уголь на ступени ямы	4300±70	3300 – 3200		
13	Погр. 5	GV-3864	кч подросток	4200±37	2899 – 2636	-16,1	
14	Погр. 5	GV-4300	кч взр.	4152 ± 36	2880 – 2586	-18,0	13,7

Примечание: 1 – калибровка и возраст рассчитывался специалистами соответствующих лабораторий; 2: кч – кость человека; кж – кость животного.

масс-спектрометре (УМС) в лаборатории ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) под руководством заведующей ЦКП, к.х.н. Е.В. Пархомчук⁶.

Методика пробоподготовки в ЦКП «Геохронология кайнозоя». Костные образцы и зуб очищали, промывали дистиллированной водой, сушили и размалывали в порошок, затем порошок подвергали очистке на автоматизированной системе ускоренной экстракции растворителями ASE350 (Dionex Corporation), проводили процедуру деминерализации кости раствором 1 М HCl, после чего осадок отделяли от раствора центрифугированием, промывали его дистиллированной водой до pH = 7. Для очистки коллагена от гуминовых кислот проводили обработку осадка раствором 0,1 М NaOH, промывали осадок дистиллированной водой до pH = 7. Промытый осадок вновь заливали раствором 1 М HCl на 30 мин, затем промывали дистиллированной водой до получения суспензии с pH = 3. Су-

спензию термостатировали при 70 °C в течение одних суток, раствор отделяли от осадка центрифугированием и очищенный таким образом раствор хранили при -20 °C до проведения процедуры лиофильной сушки на приборе FreeZone для получения порошка коллагена.

После указанных процедур сухие образцы передавались на графитизацию и AMS-анализ в ЦКП «УМС НГУ-НИЦ». Содержание ¹⁴C определялось на MICADAS-28 с использованием программы BATS. Радиоуглеродный возраст определялся по содержанию ¹⁴C в исследовательских образцах, нормированному на содержание ¹⁴C в стандартном образце OX-I (SRM 4990B) с вычетом фонового значения, полученного для Polyethylene STD (BN 268530 Thermo Scientific) в том же барабане, с учетом изотопного сдвига, определенного по ¹³C.

Изотопный анализ образцов. Порошки образцов взвешивали по 100–150 мкг на аналитических весах высокой точности с ценой деления

10^{-6} г (ME36S, Sartorius) и запечатавали в специальные оловянные капсулы. Непосредственно перед анализом образцы помещали в карусель авто-смплера HCNS-анализатора FLASH 2000 (Thermo Scientific). Анализ соотношений стабильных изотопов $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ и $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ проводили при помощи двух приборов: HCNS-анализатора FLASH 2000 (Thermo Scientific) в режиме сжигания и газового изотопного масс-спектрометра «Delta V Advantage». В качестве стандарта для измерения $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ использовали международный стандарт ANU: $\delta^{13}\text{C}_{\text{VPDB}} = -10,8\%$, для измерения $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ – Urea Delta: $\delta^{15}\text{N}_{\text{Air}} = -0,73\%$. Отношения $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ представляли относительно международного стандарта, кальцита роэтра белемнита (PDB) из верхнемеловой формации Пи-Ди (Южная Каролина, США), отношения $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ – относительно воздуха. $\delta^{13}\text{C}_{\text{VPDB}} (\delta^{15}\text{N}_{\text{Air}}) = (R_{\text{exp}}/R_{\text{st}} - 1) \cdot 1000$, где R_{exp} и R_{st} – это отношение $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ ($^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) в исследуемом веществе и стандарте соответственно, δ -величины выражаются в промилле (‰).

Результаты анализа соотношений стабильных изотопов углерода и азота в образцах из различных погребений кургана 1 представлены на рисунке 7. $\delta^{13}\text{C}_{\text{VPDB}}$ в коллагене человеческих индивидуумов лежит в диапазоне от $-18,6$ до $-17,7\%$, что свидетельствует о смешанном типе диеты, в которой присутствовали растения как с С3, и с С4 типом фотосинтеза, характерным для сельскохозяйственных растений, и/или рыба (Тукот, 2004; Шишлина и др., 2021). Изотопный сдвиг по азоту $\delta^{15}\text{N}_{\text{Air}}$ составляет от 12,3 до 15,0‰ – такой диапазон по $\delta^{15}\text{N}_{\text{Air}}$ свидетельствует о наличии рыбы в рационе древних людей (Henry P. Schwartz, 1991). Также интересно заметить, что самое высокое значение $\delta^{15}\text{N}_{\text{Air}} = 15,0$ относится к коллагену, выделенному из кости ребенка. Превышение $\delta^{15}\text{N}_{\text{Air}}$ на 3–4‰ в коллагене, выделенном из

костей детей, по сравнению с коллагеном из костей взрослых индивидуумов является маркером грудного вскармливания, поскольку трофический статус ребенка на ступень выше материнского (Pviays et. al., 2002).

Результаты радиоуглеродного датирования в свете археологии. В общей сложности в ЦКП «Геохронология кайнозоя» получено девять радиоуглеродных дат, в том числе две даты из впускного погребения 1 (табл. 1, № 1–2). Отсутствие какого-либо инвентаря в захоронении двух молодых женщин и неопределенность признаков погребального обряда не давали возможности установить культурную и хронологическую позицию комплекса. Полученные данные указывают на время совершения погребения на рубеже бронзового века и раннего железного века. Поскольку этнокультурная ситуация этого времени в Волго-приуральском регионе пока не изучена, то данные радиоуглеродного определения погребения 1 представляют немалый интерес.

Но прежде всего ставилась задача установить хронологию комплексов ямной культуры. В итоге получилось, что все радиоуглеродные даты из ЦКП «Геохронология кайнозоя» по всем трем погребениям ямной культуры (табл. 1) почти полностью совпадают. Напомним, что по данным стратиграфии кургана 1 детские погребения 3 и 4, вероятно, были совершены примерно на 200, максимум 300 лет раньше, чем центральное погребение 5, на что достаточно надежно указывают стратиграфические и палеопочвенные данные. Нет сомнения и в надежности проведенного в ЦКП «Геохронология кайнозоя» радиоуглеродного датирования, но радиоуглеродные даты хронологическую разницу между погребениями 3–4 и 5 практически не показывают. Нам сложно объяснить этот факт, относящийся к области процедуры радиоуглеродного

датирования, но данные археологии представляются надежными и предпочтительными. Возможно, одной из причин несоответствия археологических данных и результатов ^{14}C датирования является неудовлетворительное состояние костного материала из детских погребений, к тому же переданному в лабораторию почти через два года после раскопок. Но коллагена, по мнению авторов анализа, было выделено достаточно.

Радиоуглеродные даты для совершения погребения 5 (№ 13–14) и строительства над ним последней, самой грандиозной конструкции в пределах калиброванного интервала 3000–2800 лет ВС могут считаться вполне реальными в свете хронологии других элитных курганов ямной культуры как в Приуралье, так и на других территориях. Так, например, вблизи находившийся большой элитный курган 1 могильника Болдырево I, характеризовавшийся аналогичной конструкцией насыпи и кольцевого рва, датирован в данном интервале (Моргунова, 2014, с. 86, 193). Началом III тыс. до н. э. по инвентарю, аналогичному находкам из тамар-уткульских курганов, для которых получена серия ^{14}C дат в Гронингенской лаборатории, уверенно датируется элитный курган 1 могильника Утевка I (Васильев, 2015; Моргунова, Й ван дер Плихт, 2013).

Что касается абсолютной хронологической позиции детских погребений в кургане 1 Болдырево IV, то очевидно, что полученные в лаборатории ЦКП «Геохронология кайнозоя» ^{14}C даты нуждаются в небольшой корректировке в сторону удревления в соответствии с археологическими и палеопочвенными данными. В целом же датировка кургана, включая ранний и заключительный горизонт сооружения его многоступенчатой конструкции, пределах калиброванного

интервала 3300–2600 лет до н. э. представляется достаточно реалистичной.

Заключение

Курган 1 в могильнике Болдырево IV в свете проведенных исследований является одним из выдающихся памятников ямной культуры Волго-Уралья. Радиоуглеродный анализ подтвердил и существенно усилил такое заключение, сделанное еще на момент начала и в ходе полевых работ. Установлено, что курган сооружался на протяжении нескольких столетий в период наивысшего подъема развития (развитой этап) ямной культуры, освоившей к тому времени всю южнорусскую степь – от Южного Урала до Приднестровья. В ходе его строительства сама площадка, вначале вокруг насыпей над детскими погребениями, затем по мере создания грандиозного, видимо культового по сути, погребения 5, являлась на протяжении достаточно длительного времени местом сакральных церемоний и общественных собраний многих родовых кланов ямной культуры. Когда ямные племена осваивали все пространство южнорусских степей и была воссоздана гигантская культурно-историческая общность от Урала до Приднестровья, выделение военной и сакральной элиты в обществе приобрело особую значимость (Моргунова, Файзуллин, 2018). К этому заключению впервые в свое время пришел Н.Я. Мерперт. Еще на всем пространстве восточно-европейской степи не был раскопан хотя бы один большой ямный курган, однако он прозорливо подчеркивал, что только хорошо организованные объединения – племенные союзы степного населения, возглавляемые сильными военными лидерами – могли осуществлять и далекие военные походы, и сложное курганное строительство (Мерперт, 1978, с. 61–62).

Примечания

² Антропологические и палеопатологические определения здесь и далее выполнены д.и.н., вед. науч. сотр. ИА РАН М.Б. Медниковой (Моргунова, Медникова и др., 2022; 2023). Антропологические методы дополнены палеогенетическими исследованиями.

³ В данной статье ввиду сложности устройства погребения 5 и в соответствии с поставленной задачей авторы вынуждены дать его краткое описание. В скором будущем будет дана полная публикация с более подробной иллюстрацией и интерпретацией. Здесь же авторы отмечают наиболее существенные детали погребения. Данные о погребении 5 публикуются впервые.

⁴ По нашим данным, предварительные интервалы, установленные на основании представительной выборки радиоуглеродных дат по данным из поселений и погребений ямной культуры в Южном Приуралье, определены в следующих пределах: репинский этап: 3700–3200 лет cal BC, начало развитого этапа А приходится на время 3300–3200 лет cal BC, а его завершение датируется около 2600 лет cal BC (Моргунова, 2014; Хохлова и др., 2019; Morgunova N., Khokhlova O., 2020).

⁵ Авторы признательны и выражают благодарность Марианне Алексеевне Кульковой и Эле Павловне Зазовской за проведенные исследования.

⁶ Авторы выражают признательность и благодарность Екатерине Васильевне Пархомчук и сотруднику лаборатории К.А. Бабиной за проведенные плодотворные исследования, а также за предоставленные согласно подписанному ОГПУ и ИАЭ СО РАН договору полный отчет, включая описание методики исследования, таблиц результатов ¹⁴C дат и изотопных данных. Поскольку работы выполнялись на договорной основе, то приведем в сокращенном виде некоторые разделы отчета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев И.Б.* Могильник ямно-полтавкинского времени ус. Утевка в Среднем Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СамНЦ РАН, 2015. С. 4–51.

2. *Кузнецов П.Ф.* Ямная культура Волго-Уралья: периодизация, хронология, межрегиональный контекст // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 317–319.

3. *Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 261 с.

4. *Мерперт Н.Я.* О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы // Проблемы советской археологии / Ред. В.В. Кропоткин и др. М.: Наука, 1978. С. 55–63.

5. *Моргунова Н.Л.* Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2000. С. 55–62.

6. *Моргунова Н.Л.* Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С. 67–71.

7. *Моргунова Н.Л.* Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 5–23.

8. *Моргунова Н.Л.* Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.

9. *Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Харламов П.В., Файзуллин А.А., Гольева А.А.* Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2019. С. 3–39.

10. *Моргунова Н.Л., Й. ван дер Плихт.* Результаты радиоуглеродного датирования Тамар-Уткульских курганов в Оренбургской области // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 5. С. 261–268.

11. *Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А.* Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum plus. 2018. № 2. С. 35–60.

12. *Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Мустафин Х.Х., Альборова И.Э., Киселева Д.В., Четкина О.Ю., Медникова М.Б.* О статусе и избирательности детских погребений ямной археологической культуры Южного Урала (по материалам раскопок кургана 1 группы Болдырево-4) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 3 (62). С. 115–128.

13. Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Четкина О.Ю., Медникова М.Б. Биоархеология детства в ямной культуре по материалам кургана 1 могильника Болдырево-4 в Южном Приуралье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 2. С. 49–58.

14. Салугина Н.П., Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. Новые данные по гончарству ямной культуры Южного Приуралья // КСИА. Вып. 272. 2023. С. 261–275.

15. Сверчкова А.Э., Хохлова О.С., Моргунова Н.Л. Большой Болдыревский курган раннего бронзового века в Южном Приуралье: курганные конструкции, палеопочвы, реконструкции палеоклимата // Почвоведение. 2022, № 6. С. 687–700.

16. Хохлова О.С., Моргунова Н.Л., Гольева А.А. Природно-климатические условия в V–III тыс. до н.э. в Оренбуржье по данным междисциплинарных геоархеологических исследований // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 102–111.

17. Хохлова О.С., Сверчкова А.Э., Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Якишина Т.Н. Основные приёмы строительства курганов ямной культуры в Южном Приуралье // Почвы и окружающая среда. 2023. Т. 6. № 2. С. 1–20.

18. Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнейшей общности и истоки курганных культур // РА. 2004. № 1. С. 84–99.

19. Шишлина Н.И., Севастьянов В.С., Кузнецова О.В. Система питания населения лесной и степной зоны Восточной Европы IV–III тыс. до н.э. и пищевые ресурсы: интерпретация изотопных данных // Уральский исторический вестник. 2021. № 4(73). С. 50–59.

20. Henry P. Schwartz. Some Theoretical Aspects of Isotope Paleodiet Studies // Journal of Archaeological Science 1991, 18, 261–275.

21. Morgunova N., Khokhlova O. Development of ancient cultures and paleoenvironment during the Eneolithic Period and the Early Bronze Age in the Southern Cis-Urals steppe (Russia) // Archaeological and Anthropological Sciences. 2020. Vol. 12. Iss. 10. P. 241–256.

22. Pviays S.A., Richards M.P., Fulle B.T. Bone stable isotope evidence for infant feeding in Mediaeval England // Antiquity, 76 (2002): 654–656.

23. Tykot R.H. Stable isotopes and diet: You are what you eat. Proceedings of the International School of Physics “Enrico Fermi” Course CLIV, M. Martini, M. Milazzo and M. Piacentini (Eds.) IOS Press, Amsterdam 2004.

Информация об авторах:

Моргунова Нина Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник. Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); nina-morgunova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8091-7411>

Файзуллин Айрат Асхатович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); faizullin.airat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0658-0547>

CHRONOLOGY OF AN ELITE MOUND OF THE YAMNAYA CULTURE BOLDYREVO IV BURIAL GROUND IN THE ORENBURG REGION ACCORDING TO STRATIGRAPHY, BURIAL RITE AND RADIOCARBON DATING

N.L. Morgunova, A.A. Faizullin

The aim of this paper is to publish new radiocarbon dating data for three complexes stratified under one mound (mound No. 1 in the Boldyrevo IV burial ground in the Western Orenburg region), which are distinguished by the unusual nature of the burial in comparison with the known, reference necropolises of the Yamnaya culture. Kurgan 1, one of the largest in the Volga region and the Southern Urals, was investigated in 2019–2020. The early horizon was represented by two small mounds above the burials of children, surrounded by ditches consisting of separate pits. Later, between the mounds for children, a collective burial of five adults took place in a huge burial chamber with a complex design, over which a large mound

The work was financially supported by the Russian Science Foundation within the framework of the project "Ethno-cultural processes in the Bronze and Early Iron Age in the light of interdisciplinary research in the Southern Urals" (RSF No. 23-68-10006).

was built, which also covered both children's mounds. All the main burials under the early mounds and burial 5 under the large mound represent a single cultural and epochal complex and belong to the Yamnaya culture. According to archaeological and paleo-soil data, the construction of mound 1 occurred systematically over a time interval that is approximately 200 years. Radiocarbon dating showed that the construction of the mound occurred within the calibrated interval of 3200–2600 BC years. The site, apparently, before and during the creation of the mound, was the site of sacred ceremonies and public meetings of many clans of the Yamnaya culture. The induction burial of two women took place at the top of the mound at the end of the Bronze Age.

Keywords: archaeology, Orenburg region, Yamnaya culture, large elite barrow, stratigraphy and radiocarbon dating.

REFERENCE

1. Vasil'yev, I. B. 2015. In Turetskiy, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 5. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 4–51 (in Russian).
2. Kuznetsov, P. F. 2008. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* I. Moscow: "Nauka" Publ., 317–319 (in Russian).
3. Merpert, N. Ya. 1974. *Drevneishie skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya (The Oldest Herdsmen of the Volga-Ural Interfluve)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Merpert, N. Ya. 1978. In Kropotkin, V. V. et al. (eds.). *Problemy sovetskoy arkheologii (Issues of Soviet Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 55–63 (in Russian).
5. Morgunova, N. L. 2000. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites in Orenburg Region)* 4. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 55–62 (in Russian).
6. Morgunova, N. L. 2006. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia iamnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti (Issues of Studying the Pit Grave Cultural and Historical Area)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 67–71 (in Russian).
7. Morgunova, N. L. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 230, 5–23 (in Russian).
8. Morgunova, N. L. 2014. *Priural'skaya gruppa pamyatnikov v sisteme volzhsko-ural'skogo varianta iamnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti (West Ural Group of Sites in the System of the Volga-Ural Variant of the Pit-Grave Cultural and Historical Area)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University Publ. (in Russian).
9. Morgunova, N. L., Evgeniev, A. A., Kryukova, E. A., Kharlamov, P. V., Faizullin, A. A., Golyeva, A. A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 3–39 (in Russian).
10. Morgunova, N. L., Y. van der Plikht. 2013. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 15 (1), 261–268 (in Russian).
11. Morgunova, N. L., Faizullin, A. A. 2018. In *Stratum Plus. Archaeology and cultural anthropology*, № 2, 35–60 (in Russian).
12. Morgunova, N. L., Fayzullin, A. A., Mustafin, Kh. Kh., Al'borova, I. E., Kiseleva, D. V., Chechetkina, O. Yu., Mednikova, M. B. 2023. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 62 (3), 115–128 (in Russian).
13. Morgunova, N. L., Fayzullin, A. A., Chechetkina, O. Yu., Mednikova, M. B. 2022. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 50 (2), 49–58 (in Russian).
14. Salugina, N. P., Morgunova, N. L., Fayzullina, A. A. 2023. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 272, 261–275 (in Russian).
15. Sverchkova, A. E., Khokhlova, O. S., Morgunova, N. L. 2022. In *Pochvovedenie (Soil Studies)* 6, 687–700 (in Russian).
16. Khokhlova, O. S., Morgunova, N. L., Gol'yeva, A. A. 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy i lesostepnoy polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e. (Phenomena of Enolithic Cultures – the Early Bronze Age of steppe and forest-steppe zones of Eurasia: Ways of cultural interaction in the 5th–3rd millennia BC)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 102–111 (in Russian).
17. Khokhlova, O. S., Sverchkova, A. E., Morgunova, N. L., Fayzullin, A. A., Myakshina, T. N. 2023. In *Pochvy i okruzhayushchaya sreda (The Journal of Soils and Environment)* 6 (2), 1–20 (in Russian).
18. Chernykh, E. N., Orlovskaya, L. B. 2004. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 84–99 (in Russian).

19. Shishlina, N. I., Sevast'yanov, V. S., Kuznetsova, O. V. 2021. In *Ural'skii istoricheskii vestnik (Ural Historical Journal)* 4 (73), 50–59 (in Russian).

20. Henry, P. Schwartz. 1991. In *Journal of Archaeological Science*, 18, 261–275.

21. Morgunova, N., Khokhlova, O. 2020. In *Archaeological and Anthropological Sciences*. V. 12. Iss. 10, 241–256.

22. Pviays, S. A., Richards, M. P., Fulle, B. T. 2002. In *Antiquity*, 76 (2002): 654–656.

23. Tykot, R. H. Stable isotopes and diet: You are what you eat. Proceedings of the International School of Physics “Enrico Fermi” Course CLIV, M. Martini, M. Milazzo and M. Piacentini (Eds.) IOS Press, Amsterdam 2004.

About the Authors:

Morgunova Nina L. Doctor of Historical Sciences. Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya str., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation, nina-morgunova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8091-7411>

Faizullin Airat A. Candidate of Historical Sciences. Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya str., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; faizullin.airat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0658-0547>

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

УДК 903'1 903/33 902.01

<https://doi.org/10.24852/pa2024.1.47.86.95>

ДВЕ КИММЕРИЙСКИЕ СТЕЛЫ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

© 2024 г. И.В. Бруяко

Новые находки каменных скульптур эпохи ранних кочевников – явление достаточно редкое. Поэтому, публикация таких новых изваяний предскифского времени, к тому же ещё и двух сразу, должна представлять интерес. Тем более, что обе стелы были найдены в весьма ограниченном районе Северо-Западного Причерноморья, и каждая из них имеет своеобразную иконографию и довольно оригинальный предметный репертуар. Стела из с. Каиры представляет собой тип столбообразных изваяний. Наиболее оригинальным изображением на ней является круглый щит с довольно пышной орнаментальной композицией. Стела из Александровки относится к стелам-плитам. Эта разновидность скульптуры, возможно, является промежуточным звеном между сугубо фалломорфными (киммерийскими) и антропоморфными (скифскими) изваяниями. Поскольку столбообразные стелы и стелы-плиты являются маркерами относительной хронологии – первые ранние, вторые – поздние, то это может означать, что в верховьях Тилигульского лимана в довольно ограниченном районе традиция установки киммерийских изваяний сохранялась достаточно длительное время.

Ключевые слова: археология, Северо-Западное Причерноморье, предскифский период, киммерийцы, каменная скульптура, предметный репертуар.

За последние несколько лет в верховьях Тилигульского лимана были найдены, или, точнее, идентифицированы, две новые киммерийские стелы. Обе скульптуры обнаружены в очень ограниченном районе – между с. Каиры и с. Александровка (рис. 1; 2).

Для стелы 2015 г. условной топографической привязкой может служить с. Каиры как ближайший населённый пункт. Место находки – поле в 3,5 км к западу – юго-западу от села. Памятник был обнаружен в конце нулевых годов местным краеведом А.В. Шевченко, который перевёз его в свою усадьбу и сообщил о находке сотруднику Одесского археологического музея В.Г. Петренко. В конечном итоге в 2015 г. стела поступила в экспозицию музея. Поскольку рядом с местом находки стелы находился курган (рис. 1: 1), то вполне естественным было желание его исследовать. Благодаря организованному международному совместному проекту, в котором приняли участие Германский археологический институт и Одесский археологический музей, в 2020 г. курган был раскопан. Увы, ничего такого, что можно было хоть как-то свя-

зать со стелой, в кургане обнаружено не было (Бруяко, Говедарица, Хансен, Секерская, 2023).

Идентификация второй стелы сопровождалась уже подлинной драматургией. Изначально плита находилась на одном из водоразделов вблизи деревни Нетребивка (нынешняя Александровка). Со слов А.В. Шевченко, где-то в конце XIX в. его прадед с товарищами с какой-то целью скатили камень по склону вниз в село. С тех самых пор он и лежал у забора одной из усадеб. Иконография изваяния не осталась без внимания местных жителей. Стела лежала лицевой частью вверх, и среди местных молодых замужних женщин за сто лет успело сформироваться поверье, согласно которому сидение на плите могло помочь в деле зачатия ребёнка. Стела получила даже собственное имя – «Костя»¹.

Александровка/Нетребивка² расположена в долине р. Балай, которая имеет довольно глубокий тальвег. Южный склон долины высокий и крутой. Северный – более низкий и пологий. Вряд ли стела была принесена в село откуда-то издалека. В окрест-

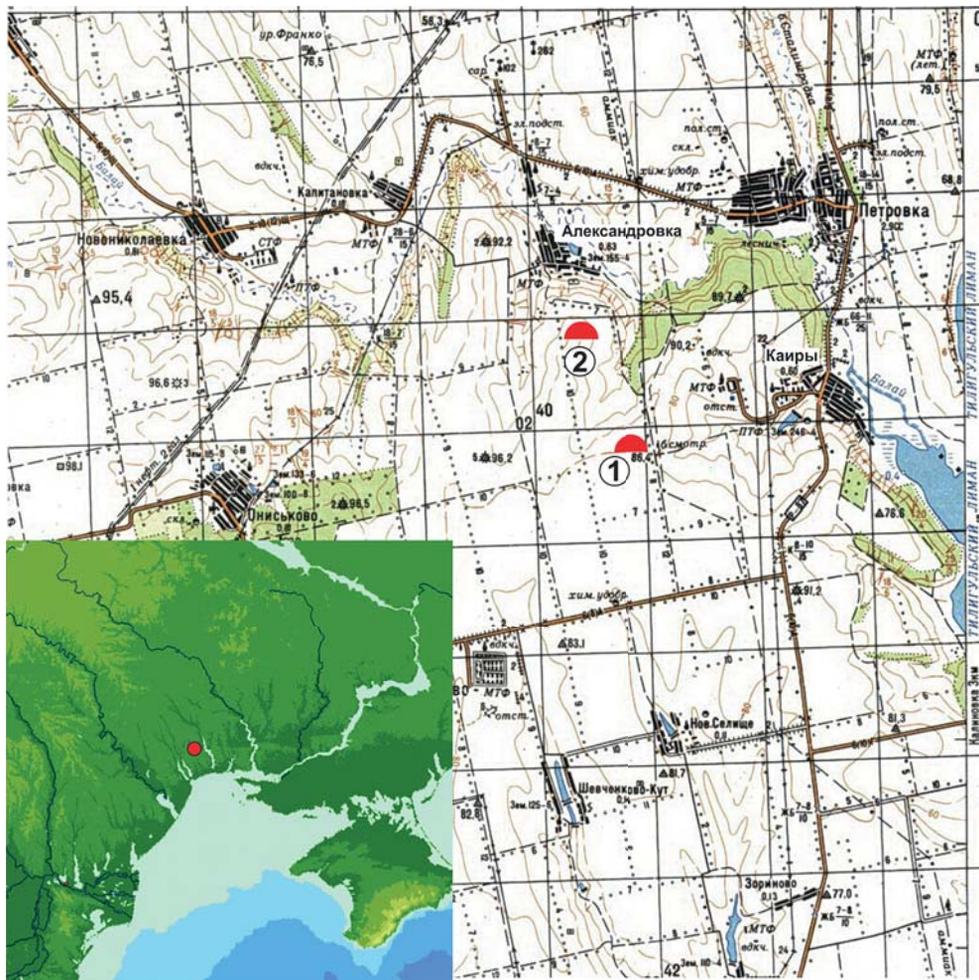

Рис. 1. Место находки стел.

1 – курган у с. Каиры; 2 – курганы у с. Александровка / Нетребивка.

Fig. 1. The location of the stele.

1 – a mound near the village of Kairy; 2 – mounds near the village of Alexandrovka / Netrebivka.

ностях Александровки примерно на одинаковом расстоянии от села к югу и к северу находятся два крупных кургана. Рядом с одним из них, расположенном на плато южного склона, в 2021 г. проводились раскопки небольшого кургана (рис. 1: 2). В ходе этих исследований насыпь большого кургана так или иначе постоянно находилась в поле зрения сотрудников экспедиции. Во время одного из обследований насыпи на поверхности с помощью металлодетектора была найдена бронзовая полусферическая

наременная бляшка (рис. 3: 2). Изделие является типичным для киммерийской эпохи.

Обе стелы изготовлены из понтического известняка, выходы которого отнюдь не редкость в эрозионных врезках местных балок долины р.Тилигул³. Стела из Каир (2015) имеет общий конический абрис с массивной плохо обработанной нижней частью, гранёной (четырёхугольной) в сечении (рис. 2: 1). Именно эта часть стелы и была врыта в землю. Основание стелы по правой стороне сколото

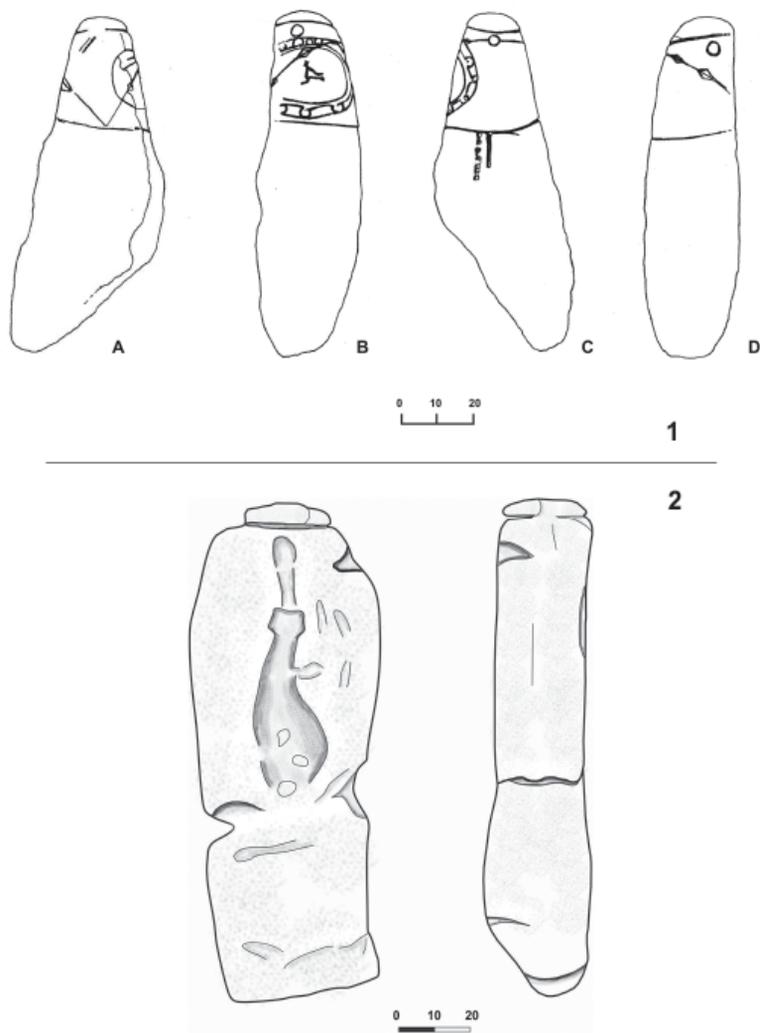

Рис. 2. Стелы, публикуемые в статье. 1 – стела, найденная возле кургана у с. Каиры (А – лицевая часть, В – левая сторона, С – тыльная сторона, D – правая сторона); 2 – стела из окрестностей с. Александровка («Костя»).

Fig. 2. The stelae published in the article. 1 – a stele found near the burial mound near the village of Kairy (A – the front part, B – the left side, C – the back side, D – the right side); 2 – a stele from the vicinity of the village of Alexandrovka ("Kostya").

по диагонали. Таким образом, её начальная высота восстанавливается по левой грани. Здесь она составляет ок. 1 м (97–99 см). Верхняя часть высотой до 40 см имеет округлое сечение, и именно здесь и располагается весь предметный репертуар. Только предметы, подвешенные к поясу (сторона С), выходят за границу орнаментального фриза. Передняя сторона стелы (А) преднамеренно уплоще-

на так, что боковые грани выделены очень хорошо. Видимо, этой стороной кверху лежал камень до момента его находки, поскольку эта сторона сильно повреждена металлическими лемехами. Верхняя грань стелы кажется скошенной назад (А → С), что является неперменной чертой киммерийских изваяний. Однако в нашем случае скошена не сама грань, а линия, изображающая начальную лен-

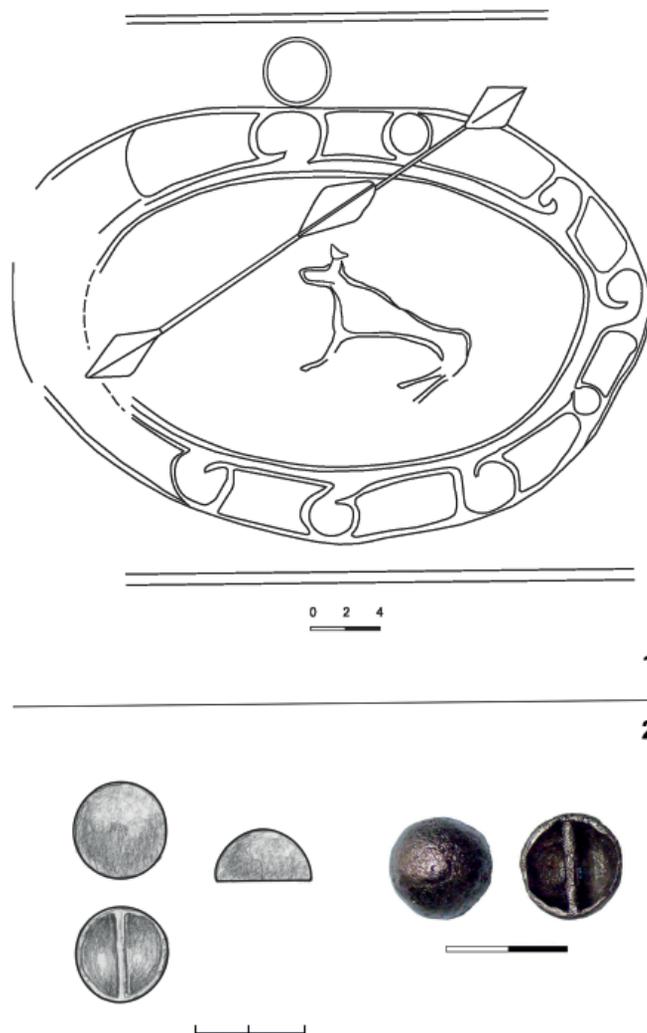

Рис. 3. Изображение щита на левой стороне стелы из Каир (1); находка бронзовой бляшки из кургана у с. Александровка (2).
 Fig. 3. The image of the shield on the left side of the stele from the village of Kairy (1); the discovery of a bronze plaque from a mound near the village of Alexandrovka (2).

ту и одновременно подчёркивающая фалломорфность изваяния. По своим параметрам данная скульптура относится ко второй группе «киммерийских» стел, для которых, в отличие от стел первой группы, характерны небольшие размеры, в частности высота менее 1 м (Ольховский, 2005, с. 56). По общему абрису стела из Каир аналогична изваянию из кургана у с. Буторы в Приднестровье. Обе стелы имеют массивное, плохо

обработанное угловатое основание и округлую, столбообразную верхнюю часть. У обеих лицевая сторона преднамеренно уплощённая. Стела из Бутор почти в два раза меньше по высоте (52 см). Однако её главное отличие от каирской – это едва ли не полное отсутствие предметного репертуара. Впрочем, одно изображение здесь всё же имеется. Это «личина», наличие которой нужно считать явлением уникальным для киммерийских стел

западного ареала. По этому признаку стела из Бутор сближается с группой оленных камней центральноазиатского региона, на которых имеется изображение человеческого лица. Считается, что эта традиция восходит к изваяниям окуневской культуры (Савинов, 1994, с. 84 и сл.). В.С. Ольховский отнес стелу из Бутор в группу «предположительно киммерийских» на основании отсутствия надёжного контекста и бесспорных изображений предметного репертуара (Ольховский, 2005, с. 45, 47–48). Думается, что теперь, после публикации стелы из Каир, морфологически подобной стеле из Бутор, всякие сомнения относительно культурно-хронологической принадлежности последней могут быть сняты.

Вторая стела («Костя») представляет собой плиту высотой 140 см и толщиной 30–35 см (рис. 2: 2). Обе широкие поверхности ровные, плоские, хотя передняя сторона более выпуклая, чем тыльная. Боковые грани ровные, закруглённые. Стела вполне очевидно может быть разделена на три части. Нижняя часть высотой 50–60 см, в плане почти квадратная (40–45×40–50 см) и обработана хуже остальных. От средней части плиты её отделяют глубокие врезы по боковым граням. Средняя часть имеет абрис, близкий овальному. Ширина плиты варьирует от 40–45 см внизу до 50–55 см посередине и до 30–35 см сверху, где располагается третья, верхняя часть плиты. Её ширина 25 см, высота менее 10 см. От средней части она отделена глубокой подрезкой практически по всей окружности, и именно эта часть и определяет фалломорфность всего изваяния. Таким образом, изваяние из Нетребивки принадлежит к т. н. стелам-плитам, что уже примечательно, поскольку большинство оленных камней Евразии принадлежат к другой группе – т. н. стелам-блокам (Ольховский, 2005,

с. 83). Два других признака – ровная верхушка камня и расположение лицевой стороны на широкой грани – вообще переводят эту стелу в категорию едва ли не уникальных, поскольку, согласно В.С. Ольховскому, у стел-плит лицевыми являются узкие грани, а верхушка, как правило, косо срезана (Ольховский, 2005, с. 83). Наконец, совершенно оригинальным элементом является желобообразное углубление на передней стороне в форме фаллоса⁴. Ничего подобного на киммерийских стелах не зафиксировано.

Фалломорфность стелы из Нетребивки подчеркивает абрис верхней части и, разумеется, изображение фаллоса на передней грани. Однако общая архитектура изваяния и соотношение пропорций лицевой – тыльной и правой – левой граней сближает его уже с раннескифскими антропоморфными изваяниями (Евдокимов, Ольховский, 1994, кат. 127, 128; Ольховский, 2005, илл. 73–76). Возможно, на примере стелы из Нетребивки и прослеживается тот самый эволюционизм в сторону антропоморфности, который предполагал В.П. Белозор (Белозор, 1986, с. 11, 13) и который допускал В.С. Ольховский, полагая, что одним из этапов, или «логической фазой антропоморфизации...», должно было быть выделение головы при сохранении традиционной формы столба или фалла...» (Ольховский, 2005, с. 56).

Завершая описание морфологии стел, отметим, что по классификации Э.А. Новгородовой обе они относятся к III типу оленных камней – без изображений животных (Новгородова, 1989, с. 179, 185). Типология Д.Г. Савинова более детализированная, однако сводится к тем же трём типам. При этом основной признак III типа тот же – отсутствие изображений животных (Савинов, 1994, с. 78 и сл.).

На стеле из Каир отчётливо видны три орнаментальные зоны, распо-

Рис. 4. Стела из Каир (тыльная сторона).

Fig. 4. A stele from Kairy (back side).

ложенные по вертикали. Первая – от макушки до первой гравированной линии, охватывающей камень по кругу, в которой видят налобную ленту (начальник)⁵. Вторая – от начальника до пояса, и третья – ниже пояса.

Изображения (предметный репертуар) выполнены в технике гравировки, что, по мнению В.С. Ольховского, характерно для поздней хронологической группы киммерийских изваяний (Ольховский, 2005, с. 52). Итак, первый регистр исчерпывается изображением начальной ленты. Большинство предметов располагается во втором, среднем фризе. На левой и правой гранях под лентой симметрично расположены изображения, традиционно именуемые височными кольцами. Это простые круглорамчатые кольца, которые присутствуют на большинстве киммерийских стел. Далее мы

видим ожерелье, которое спускается от затылка на переднюю грань. Здесь на поясе обе линии смыкаются. Этот предмет также является весьма характерным в составе изображений. Ожерелье состоит из биконических бус и круглого замка на тыльной стороне (затылке). Версия о том, что изображения этих бус на киммерийских стелах имели материальный прообраз в виде металлических бус т. н. михалковского типа, мне кажется наиболее правдоподобной. На лицевой стороне просматриваются также две косые параллельные линии, семантика которых остаётся предметом дискуссий (Ольховский, 2005, с. 72)

И, наконец, наиболее интересным в составе предметного репертуара является изображение круглого щита, которое занимает весь средний фриз на своей грани. Основная гравировка располагается на боковой, левой стороне. Однако поля щита заходят также на переднюю и тыльную стороны. Зооморфная фигура располагается в центре поля «щита». При трактовке образа следует обратить внимание на соотношение длины туловища и лап, довольно широкую, тупую морду животного, а также массивную переднюю часть. Очевидно, что эти признаки не характерны ни для диких копытных (слишком короткие лапы/ноги, отсутствие рогов), ни для кошачьих (выгнутая холка, прямоугольный абрис груди). Вероятно, это изображение кого-то из семейства *Canis*⁶. Место расположения животного в поле щита сближает стелу из Каир с зубовской II, где изображение смещено относительно центра щита из-за того, что там уже располагалось ожерелье (Ольховский, 2005, с. 62, 186, илл. 36). В то же время ожерелье на каирской стеле было вырезано поверх уже существовавшего изображения щита.

Оригинальным элементом является ритмическая композиция, обрамляющая «щит» по кругу, в которой

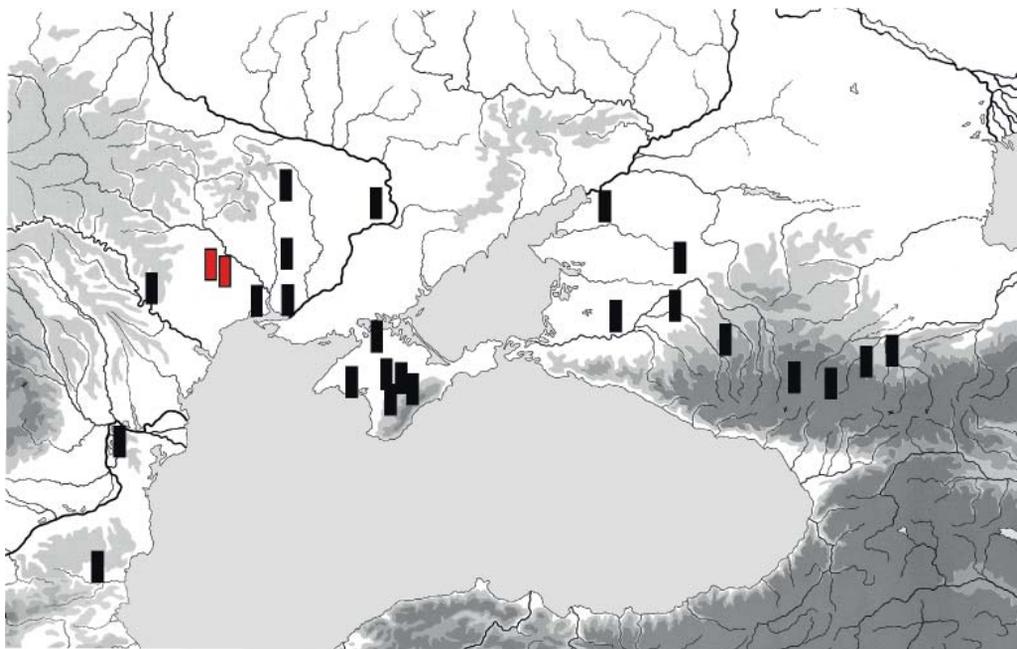

Рис. 5. «Киммерийские» стелы в Восточной Европе (по: Ольховский В.С. 2005; Колтухов С.Г. 2022; с дополнениями автора). Место находки публикуемых стел обозначено красным цветом.

Fig. 5. "Cimmerian" stelae in Eastern Europe (according to: Olkhovsky, 2005; Koltukhov, 2022; with additions by the author). The location of the published stelae is marked in red.

определённо опознаётся мотив т. н. «бегущей волны». Этот мотив был исключительно популярен в орнаментации фракийской керамики раннего железного века, и прежде всего в керамике культуры Басараби. Правда, в данном случае «гребни волн» повернуты в противоположную сторону, против часовой стрелки.

На мой взгляд, предмет на каирской стеле, как никакой другой из себе подобных, похож именно на щит и не на что иное. Причём прообразом в данном случае, вероятно, являлся какой-то металлический щит. Композиция настолько детализированная, что вряд ли такого эффекта можно было достигнуть, работая со щитом, сделанным из органики⁷. Но, с другой стороны, изображение животного в поле щита обычно интерпретируется как защитная металлическая бляха, что, очевидно, подразумевает органическую природу самого щита.

Орнаментальный круг (регистр) сближает изображение на стеле из Каир с серией ассирийских и урартских щитов, хотя у последних орнаментировано обычно практически всё поле. Круглые щиты на киммерийских стелах обычно поданы предельно схематично, чаще всего в виде простой окружности большого диаметра. В поле иногда есть изображение животных (Ольховский, 2005, с. 186, илл. 36), но ничего подобного той композиции, которая имеется в данном случае, на круглых щитах не зафиксировано⁸. При желании можно усмотреть некоторое сходство с изваянием из Константиновки. Хотя здесь орнаментировано практически всё поле щита, да ещё и в гораздо более свободной манере (Ольховский, 2005, с. 186, илл. 36).

На тыльной стороне (С) помимо общих предметов для всей стелы (диадема, пояс, ожерелье) нанесены

Рис. 6. Стела из окрестностей с. Александровка.
Прорисовка предметного репертуара
А.В. Шевченко.

Fig. 6. A stele from the vicinity of Alexandrovka village.
Drawing the subject repertoire
of A.V. Shevchenko.

изображения клевца и рядом с его рукояткой вертикальная пунктирная линия квадратиков, обозначающих либо позвоночный столб, либо «лестницу». О том, что в качестве оружия ударного действия здесь изображён именно клевец, говорит очень длинная и узкая боевая часть. Она почти равна по длине рукоятке. Это единственный случай изображения клевца, поскольку все остальные известные изображения ударного оружия принадлежат топорам с довольно широким изогнутым лезвием (Ольховский, 2005,

илл. 35: 7). Изображения клевцов характерны для стел I типа центральноазиатского региона, тогда как на стелах II и III типа представлены преимущественно чеканы (Савинов, 1994, с. 103).

На стеле из Нетребивки нет очевидных изображений. Однако А.В. Шевченко, в усадьбе которого некоторое время стояла скульптура, неоднократно осматривая её в разное время дня, при разном освещении, под разными углами, разглядел на камне вот такую довольно необычную композицию (рис. 6). Сейчас стела находится во дворе Одесского археологического музея, не в самых лучших условиях для её всестороннего и качественного осмотра. И всё-таки, даже имея перед собой фотографию стелы с прорисовкой, вглядываясь в объект, подсвечивая его с разных сторон, привлекая в помощь сотрудников музея, я не увидел ничего, что можно было бы отождествить с теми изображениями предметного репертуара, которые смог различить фактический первооткрыватель этого памятника. Тем не менее я посчитал нужным предоставить к публикации фото прорисовки с тем, чтобы если когда-нибудь кому-нибудь с помощью чего-нибудь удастся что-то различить на поверхности камня, он имел бы возможность сравнить разные варианты визуализации.

Поскольку, помимо публикуемых, к этой же территориальной группе вполне можно добавить ещё одну стелу, которая была найдена в окрестностях античной Ольвии, или даже в самом городе, ещё в первой половине XX в. (Членова, 1975, с. 86), то по итогам данной публикации можно говорить о новом районе концентрации киммерийских изваяний, расположенном между верховьями Тилигуль-

ского лимана и низовьями Южного Буга (рис. 5). Это вполне согласуется с концентрацией погребальных памятников предскифского времени в центральной части Северного Причерноморья, в низовьях Южного Буга, р. Ингул и в бассейне Березанского лимана (Гребенников, 2008, карта 1).

Если верно мнение о том, что столбообразные стелы и стелы-плиты

являются маркерами относительной хронологии: первые ранние, вторые – поздние (Ольховский, 1989, с. 55; 2005, с. 87), то это может означать, что в верховьях Тилигульского лимана в довольно ограниченном районе традиция установки киммерийских изваяний сохранялась достаточно длительное время.

Примечания:

¹ Этот любопытный сюжет лишний раз свидетельствует о том, что фаллическая символика древних оставалась понятной и была востребована в ритуальных целях населением разных регионов и в гораздо более позднее время. Так, на Северном Кавказе столбообразные изваяния ассоциировались с фаллосом и служили объектом поклонения в позднем Средневековье (Ольховский, 2005, с. 86).

² Нетреба – по-видимому, восходит к народному названию разновидностей травянистых сложноцветных (*Xanthium*), в простонародье известной как репей (укр. – реп'ях) или чертополох.

³ Восточнее Александровки/Нетребивки в нескольких сотнях метров функционирует небольшой местный карьер по добыче известняка.

⁴ Именно это вторичное изображение фаллоса на передней грани стелы и было замечено жителями с. Нетребивка и востребовано его женской частью в качестве объекта для совершения определённого ритуала.

⁵ Атрибуция этой линии как диадемы кажется наименее удачной. Точнее было бы назвать её начельником, или налобной лентой. Тем более что такие детали костюма фиксируются археологически в погребальных интерьерах предскифского времени (Бруяко, 2008).

⁶ Анализ экстерьера и общее заключение по этому вопросу принадлежит канд. ист. наук Секерской Е.П.

⁷ Если только эта композиция не наносилась красящим веществом.

⁸ Помимо круглых имеются ещё изображения прямоугольных щитов. К этой группе принадлежит щит на стеле из ст. Усть-Лабинская, который несёт весьма насыщенную орнаментальную композицию (Ольховский 2005, с. 187, илл. 37,3).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозор В.П. Скифские каменные изваяния VII–IV вв. до н.э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Киев, 1986. 18 с.
2. Бруяко И.В. О костюме населения предскифской эпохи Северо-Западного Причерноморья (по материалам могильника «Картал-III») // *Revista Arheologică*. 2008. Vol. IV (2), С. 139–145.
3. Бруяко И.В., Говедарица Б., Хансен С., Секерская Е.П. Раскопки кургана у села Каиры в верховьях Тилигульского лимана // *Stratum plus*. 2023. № 2. С. 337–360.
4. Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н. э.). Николаев, 2008. 192 с.
5. Колтухов С.Г. Киммерийцы степного и предгорного Крыма (погребальные памятники и комплексы IX–VII вв. до н. э.) / Археологические памятники Северного Причерноморья. Вып. 3. Симферополь: АРИАЛ, 2022. 116 с.
6. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 384 с.
7. Ольховский В.С. Оленные камни (к семантике образа) // *СА*. 1989. № 1. С. 48–62.
8. Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.
9. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.: б/и, 1994. 188 с.
10. Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. 208 с.

11. Членова Н.Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // *Studia Thracica. Фрако-скифские культурные связи* / Редкол. В. Велков и др. София: БАН, 1975. С. 69–90.

Информация об авторе:

Бруяко Игорь Викторович, доктор исторических наук, независимый исследователь (г.Одесса, Украина); ibruyako@yandex.ru

TWO CIMMERIAN STELES FROM THE NORTH-WEST BLACK SEA REGION

I.V. Bruyako

New finds of stone sculptures from the epoch of early nomads are quite rare. Therefore, the publication of such new sculptures of pre-Scythian times, besides, two more at once, should be of interest. Moreover, both steles were found in a very limited area of the North-Western Black Sea region and each of them has a unique iconography and a rather original repertoire of objects. The stele from Kairy village is a type of pillar-shaped sculpture. The most original image on it is a round shield with a very rich ornamental composition. The stele from Aleksandrovka belongs to the stele-slabs. This type of sculpture is possibly an intermediate link between purely phallic (Cimmerian) and anthropomorphic (Scythian) sculptures. Since markers of relative chronology are columnar and slab steles – the first are early, the second – late, this may mean that in the upper reaches of the Tiligul estuary in a fairly limited area, the tradition of installing the Cimmerian sculptures persisted for quite a long time.

Key words: archaeology, North-West Black Sea region, pre-Scythian period, the Cimmerians, stone sculpture, object repertoire.

REFERENCES

12. Belozor, V. P. 1986. *Skifskie kamennye izvayaniya VII–IV vv. do n. e. (Scythian stone sculptures of the 7th–4th centuries BC)*. PhD Thesis. Kiev (in Russian).
13. Bruyako, I. V. 2008. In *Revista Arheologică*, 4(2), 139–145 (in Russian).
14. Bruyako, I. V. 2023. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 337–360 (in Russian).
15. Grebennikov, Yu. S. 2008. *Kimmeriytsy i skify Stepnogo Pobuzh'ya (IX–III vv. do n.e.) (Cimmerians and Scythians of the Steppe region (IX–III centuries. B.C.))*. Nikolaev
16. Koltukhov, S. G. 2022. *Kimmeriytsy stepnogo i predgornogo Kryma (pogrebal'nye pamyatniki i komplekсы IX–VII vv. do n. e.) (The Cimmerians of the steppe and foothill Crimea (burial sites and complexes of the 9th–7th centuries BC))*. Series: Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya (Archaeological monuments of the Northern Black Sea region) 3. Simferopol: "ARIAL" Publ. (in Russian).
17. Novgorodova, E. A. 1989. *Drevnyaya Mongoliya (Ancient Mongolia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
18. Ol'khovskiy, V. S. 1989. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 48–62 (in Russian).
19. Ol'khovskiy, V. S. 2005. *Monumental'naya skulptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskikh stepey epokhi rannego zheleza (Monumental sculpture of the population of the western part of the Eurasian steppes of the Early Iron Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
20. Ol'khovskiy, V. S., Evdokimov, G. L. 1994. *Skifskie izvayaniya VII–III vv. do n. e. (Scythian statue of the VII–III centuries BC)*. Moscow (in Russian).
21. Savinov, D. G. 1994. *Olenyye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii (deer stones in the culture of the nomads of Eurasia)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ. (in Russian).
22. Chlenova, N. L. 1975. In Velkov, V., et al. (eds.). *Studia Thracica. Frako-skifskie kul'turnye svyazi (Studia Thracica. Thraco-Scythian Cultural Relations)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 69–90 (in Bulgarian).

About the Author:

Bruyako Igor V. Doctor of Historical Sciences. Independent researcher. Odessa, Ukraine; ibruyako@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

УДК 903.2

<https://doi.org/10.24852/pa2024.1.47.96.109>

ОСОБЕННОСТИ ОБЖИГА СОСУДОВ БЕЛОЯРСКОЙ И КАЛИНКИНСКОЙ КУЛЬТУР НА БАРСОВОЙ ГОРЕ В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ (ПО ДАННЫМ ТЕРМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)¹

© 2024 г. Д.В. Селин, З.А. Федорова, Ю.П. Чемякин, В.А. Борзунов

В статье представлены результаты анализа особенностей обжига керамической посуды белоярской и калинкинской культур, полученной в ходе раскопок восьми поселений первой половины раннего железного века в урочище Барсова Гора у западной окраины г. Сургута. В процессе производства сосуда обеих культур подвергались термической обработке слабой степени интенсивности. За исключением нескольких емкостей, они обжигались примерно в одинаковых условиях. Среди белоярской керамики выделяется комплекс с городища Барсов городок I/3. В нем представлены три группы горшков и банок, различающихся по степени интенсивности обжига: интенсивному, среднему и наименьшему. Разница в интенсивности обжига керамики была обусловлена не колебаниями температуры в кострищах и очагах, а различиями в навыках мастеров. Эти различия могли проявляться в температуре и/или длительности обжига, времени выдержки емкостей в кострах и очагах, конструктивных особенностях теплотехнических устройств и т.д. В коллекции посуды калинкинской культуры по интенсивности обжига выделяется группа сосудов с селища Барсова Гора III/20, изготовленных из высокозапесоченных глин. На диаграмме сохранности глинистого компонента значения по таким образцам располагаются ближе к ее центру. Особенно это характерно для сосуда 32, который обжигался более интенсивно, чем все остальные изделия этой группы. Соответствующие характеристики трех сосудов селища Барсова Гора III/12 на той же диаграмме максимально удалены от начала координат. Это также отличает их от остальной посуды этого памятника и свидетельствует о менее интенсивном обжиге. Реконструировать конкретные типы и конструктивные особенности устройств для обжига керамики, использовавшихся гончарами белоярской и калинкинской культур, пока невозможно. Можно только предположить, что посуда обжигалась в кострищах и очагах.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Сургутское Приобье, белоярская и калинкинская культуры, керамика, междисциплинарный подход.

В Ханты-Мансийском автономном округе Тюменской обл., на высоком (8–35 м) правом коренном берегу р. Оби близ западной окраины г. Сургута находится уникальный историко-ландшафтный объект – урочище Барсова Гора. В нем, на протяжении 8,5 км и на площади ок. 5–6 км², открыто более 500 памятников археологии, датирующихся от неолита до Нового времени. В первой половине раннего железного века (VIII/VII–IV/III вв. до н. э.) на Барсовой Горе обитали носители двух археологических

культур: белоярской и калинкинской (Чемякин, 2008, с. 66–77).

К белоярской относится более 70 памятников, включая городища, поселения и один могильник. По современным данным, это культурное образование датируется концом VIII–IV (или началом III) в. до н. э. Носители калинкинской культуры появились в Сургутском Приобье на третьей фазе развития белоярской культуры. Наиболее вероятным временем существования калинкинских общин можно считать VI–IV вв. до н. э. (Чемякин,

¹ Техничко-технологический анализ, петрография и термогравиметрический анализ керамики выполнены за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01192, <https://rscf.ru/project/23-78-01192>. Дополнительные исследования материалов городища Бг I/3 проведены В.А. Борзуновым в рамках Гос. задания Минобрнауки, тема FEUZ-2023-018

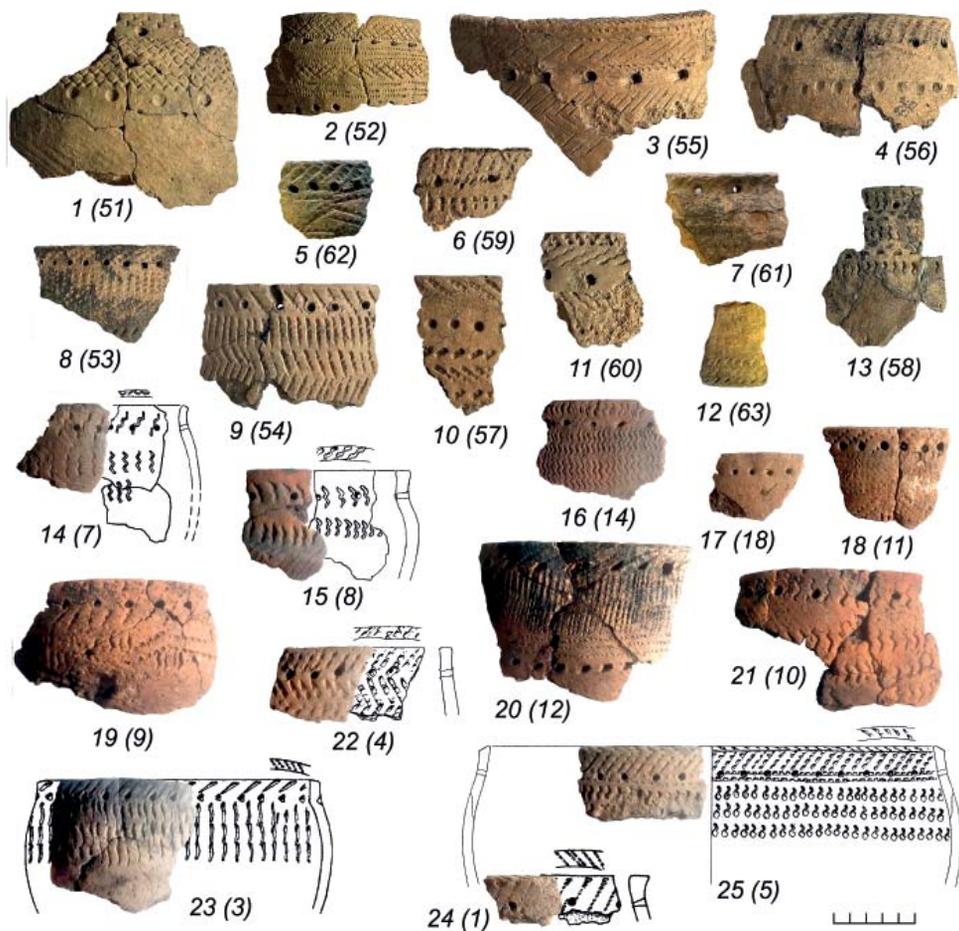

Рис. 1. Керамика белоярской культуры: 1–13 – городище Барсов городок I/3; 14, 15 – городище Барсов городок III/1; 16–21 – селище Барсова Гора I/21; 22–25 – городище Барсов городок I/10.

В скобках указаны номера сосудов (образцов) в соответствии с рис. 3–7.

Fig. 1. Ceramics of the Beloyar culture: 1–13 – hillfort Barsov gorodok I/3; 14, 15 – hillfort Barsov gorodok III/1; 16–21 – settlement Barsova Gora I/21; 22–25 – hillfort Barsov gorodok I/10. Numbers of vessels (samples) are indicated in parentheses in accordance with Fig. 3–7.

Зыков, 2004; Чемякин, 2008). Исходной территорией их движения, по всей видимости, являлось пограничье тайги и лесостепи Тоболо-Иртышья.

Самой массовой категорией находок на памятниках этих культур является керамика. Полученные в ходе раскопок коллекции стали основой источниковой базы для реконструкции технологии гончарного производства, определения его структуры и содержания, выявления особенностей распространения навыков труда

мастеров-керамистов, а также определения закономерностей в изменениях ступеней технологии.

Носители обеих культуры около трех веков сосуществовали в Среднем Приобье, в том числе на Барсовой Горе, что особенно важно для исследования разных методов обжига керамики и их взаимовлияния.

Кроме того, в последнее время прошел апробацию метод термогравиметрии, который применялся для анализа керамики различных архе-

ологических культур Сибири и дал возможность получить объективные данные об интенсивности и качестве обжига древней посуды (Физико-химическое..., 2006; Drebushchak et. all, 2018; Молодин и др., 2019).

Целью статьи является характеристика особенностей обжига керамики белоярской и калинкинской культур.

Источниковой базой исследования явились сосуды с четырех памятников белоярской культуры – городищ Барсов городок (далее Бг) I/3 – 13 образцов (далее обр.), Бг I/10 – 4 обр., Бг III/1 – 2 обр., селища Барсова Гора (далее БГ) I/21 – 6 обр. (рис. 1), а также четырех калинкинской – городища Бг I/10 (1 обр.), селищ БГ III/12 (8 обр.), БГ I/43 – 6 обр., БГ III/20 – 11 обр. (рис. 2). Керамика этих культур методом термогравиметрического анализа исследована впервые.

Методы исследования

Для всей керамики проведен технико-технологический анализ по методике, предложенной А.А. Бобринским, в соответствии с естественной структурой производства (Бобринский, 1978; 1999; Цетлин, 2012). Определения выполнены с применением бинокулярной микроскопии (Leica M51). Обследовались поверхности и изломы венчиков, стенок и придонных частей изделий. Полученные результаты сопоставлялись с экспериментальной коллекцией технологических следов. Помимо этого, при анализе результатов исследований авторы статьи использовали специальную литературу по экспериментальному исследованию методов обжига сосудов (Волкова, Цетлин, 2015; 2016а; 2016б; Цетлин, 2022). В статье использованы данные о типе исходного пластичного сырья, особенностях состава и концентрации естественных примесей, видах и концентрации искусственных примесей в формовочной массе, цветности изломов.

Минералого-петрографические ис-

следования шлифов керамики включали метод поляризационной микроскопии (Zeiss Axio Scope A1). Были использованы данные по типу исходного пластичного сырья, количеству минеральных примесей, содержащихся в исходном пластичном сырье и в формовочной массе.

Термогравиметрический анализ и его применение описано в специальной научной литературе (Физико-химическое..., 2006; Drebushchak et. all, 2018; Молодин и др., 2019).

Нами анализ был выполнен на термовесах Netzsch ТГ-209 в температурных интервалах от 30 до 850 °С. Анализ образцов проводился в золотом тигле массой 546 мг со скоростью нагрева 20 °С в минуту в атмосфере чистого аргона. Образец измерялся после каждого нагревания на электронных весах со шкалой в 1 г и ценой деления в 0,001 мг.

Сутью методики является то, что об особенностях обжиговых процессов сосудов можно судить по потере массы образцов керамики на этапах дегидратации и дегидроксилирования (в интервалах температур 30–350° и 350–600°С, соответственно). Изначально, при обжиге сосуда, выполняется процесс удаления гидроксидов и происходит увеличение сорбционной емкости и пористости керамики. При повторении процессов нагрева такого глинистого материала на низкотемпературном интервале (30–350 °С) происходит уменьшение массы за счет дальнейшего удаления воды. При увеличении интенсивности обжига посуды количество гидроксидов в глине снижается и, следовательно, уменьшается ее сорбционная емкость.

Тем не менее определить точную температуру или интервал температур, при которых обжигалась керамика в древности, а также реконструировать конструктивные особенности устройств для обжига посуды, использовавшиеся мастерами белояр-

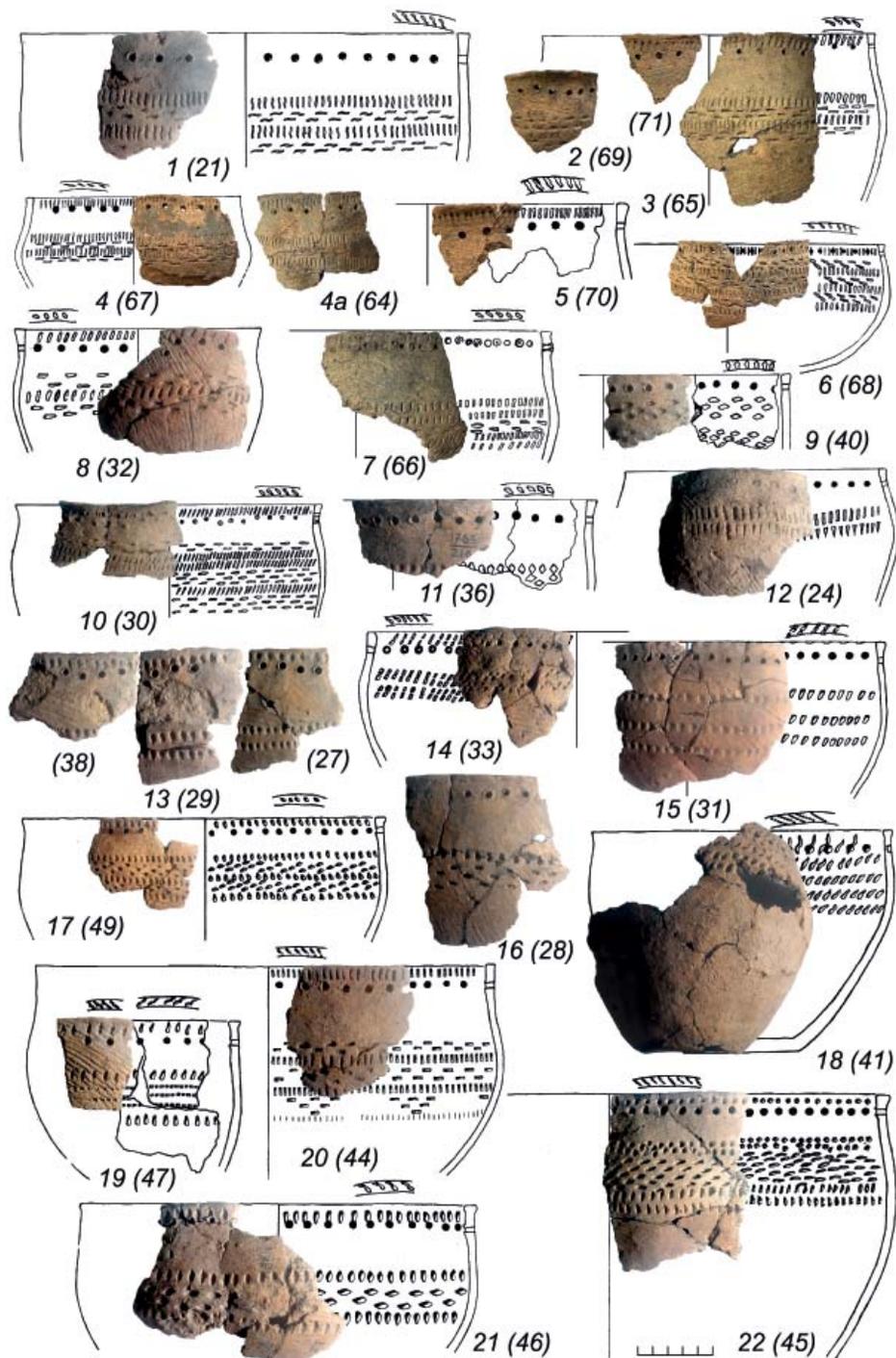

Рис. 2. Керамика калинкинской культуры: 1 – городище Барсов городок I/10; 2–7 – селище Барсова Гора III/12; 8–16 – селище Барсова Гора III/20; 17–22 – селище Барсова Гора I/43. В скобках указаны номера сосудов (образцов) в соответствии с рис. 3–7.
 Fig. 2. Ceramics of the Kalinkina culture: 1 – hillfort Barsov gorodok I/10; 2–7 – settlement Barsova Gora III/12; 8–16 – settlement Barsova Gora III/20; 17–22 – settlement Barsova Gora I/43. Numbers of vessels (samples) are indicated in parentheses in accordance with Fig. 3–7.

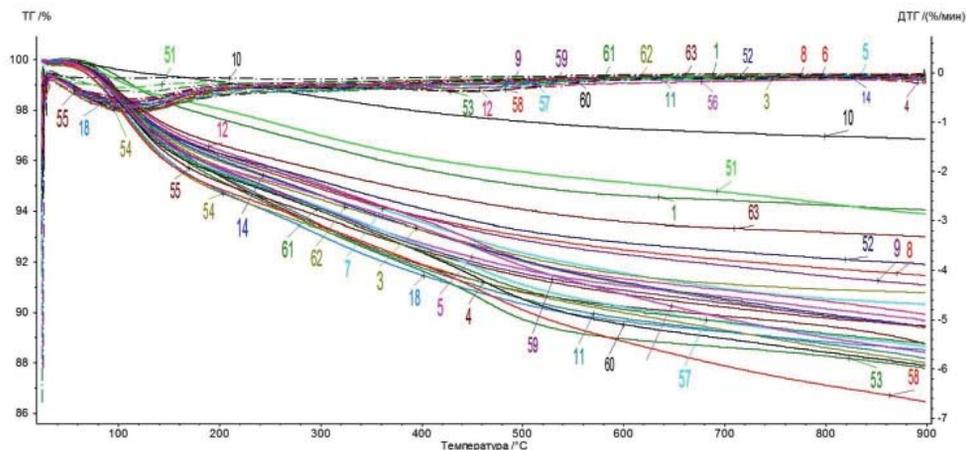

Рис. 3. Кривые потери массы образцов (ТГ) и производные кривых потери массы образцов (ДТГ) проанализированной керамики белоярской культуры.

Fig. 3. Curves of mass loss of samples (TG) and derivatives of curves of mass loss of samples (DTG) of the analyzed ceramics of the Beloyarsk culture

ской и калинкинской культур, пока не представляется возможным.

На показатели интенсивности обжига глиняной массы может влиять присутствие искусственных минеральных примесей. При добавлении искусственных примесей в формовочную массу величины потери массы в процессах дегидратации и дегидроксилирования уменьшаются пропорционально концентрации примесей, однако соотношение величин потерь масс сохраняется. В нашей работе была исследована керамика, содержащая примерно одинаковое количество искусственных примесей (примерно 1:4–5) (табл. 1, 2). Кроме того, на показатели интенсивности обжига керамики может влиять количество естественных минеральных примесей, содержащихся в исходном пластичном сырье. Вследствие этого, в нашем исследовании использовалась керамика, изготовленная преимущественно из низкозаспесоченных глин с низкой концентрацией естественных минеральных примесей. Поэтому важную функцию в исследовании выполняет технико-технологический анализ и петрография, которые по-

зволяют определить тип исходного пластичного сырья, особенности состава и концентрацию естественных и искусственных примесей. Если проанализированный образец выбивался из этих критериев, то это отмечалось в тексте и в соответствующих таблицах.

Методика, используемая в настоящей работе, является сравнительной и основывается на количественном определении потери массы материалом на этапах дегидратации и дегидроксилирования. Выделение групп образцов основано на сравнительном анализе величин потери массы образцами в ходе высокотемпературного исследования.

Наконец, все образцы отбирались из одной части сосуда – с внешнего участка венчика. Это было необходимо для проведения сравнительного анализа термических превращений образцов керамики, имеющих близкий состав. В процессе исследования у всех черепков учитывалась цветовая гамма излома. Однако какой-либо корреляции между интенсивностью и цветностью использованных образцов выявлено не было.

Таблица 1

Потеря массы образцами керамики белоярской культуры на разных интервалах температур, %.

Шифр образца	Памятник	Температурные интервалы, °С				Концентрация отощителя	Тип отощителя
		30-350	350-600	600-850	30-850		
1	I/10	3,88	1,49	0,78	6,15	1 : 4-5	шамот
3	I/10	6,04	2,75	1,52	10,31	1 : 4-5	Шамот
4	I/10	7,38	2,35	1,06	10,80	1 : 4-5	шамот
5	I/10	6,59	2,33	1,13	10,05	1 : 6	шамот
7	III/1	5,67	2,67	1,13	9,47	1 : 4-5	шамот
8	III/1	5,66	1,79	0,87	8,32	1 : 4-5	шамот
9	I/21	5,52	2,02	1,04	8,58	1 : 2-3	шамот
10	I/21	1,73	0,94	0,36	3,02	1 : 4-5	шамот
11	I/21	7,35	2,76	1,28	11,39	1 : 5-6	шамот
12	I/21	5,47	3,02	1,14	9,63	1 : 4-5	шамот
14	I/21	6,02	2,71	1,5	10,23	1 : 4-5	Шамот+дресва
18	I/21	7,61	2,55	0,98	11,13	1 : 3-4	Шамот+дресва
51	I/3	3,43	1,38	1,06	5,87	1 : 4-5	шамот
52	I/3	5,33	1,85	0,74	7,92	1 : 4-5	шамот
53	I/3	7,47	3,51	0,90	11,89	1 : 4-5	шамот
54	I/3	7,29	2,59	1,69	11,56	1 : 4-5	шамот
55	I/3	6,89	2,36	1,11	10,36	1 : 4-5	шамот
56	I/3	5,95	3,27	2,02	11,25	1 : 4-5	шамот
57	I/3	6,58	3,19	1,34	11,11	1 : 4-5	шамот
58	I/3	7,16	3,83	2,06	13,05	1 : 4-5	шамот
59	I/3	6,67	2,41	1,24	10,32	1 : 4-5	шамот
60	I/3	6,76	3,68	1,36	11,8	1 : 4-5	шамот
61	I/3	6,76	3,07	1,16	10,99	1 : 4-5	шамот
62	I/3	6,12	2,33	0,66	9,11	1 : 4-5	шамот
63	I/3	4,77	1,58	0,49	6,84	1 : 4-5	шамот

Таблица 2

Потеря массы образцами керамики калининской культуры на разных интервалах температур, %.

Шифр образца	Памятник	Температурные интервалы, °С				Концентрация отощителя (шамота)
		30-350	350-600	600-850	30-850	
21	I/10	6,45	2,41	1,06	9,91	1 : 4-5
24	III/20	6,57	2,60	1,39	10,57	1 : 4-5
27	III/20	6,69	2,58	1,13	10,40	1 : 6-7
28	III/20	6,11	3,17	1,42	10,70	1 : 3-4

Результаты анализа керамики

Белоярская культура. Для исследования отобрана посуда, изготовленная в основном из слабозапесоченных глин (до 7 вкл. мелкого окатанного песка на 1 см²) с естественными примесями бурого железняка (до 5 вкл. на

1 см²). Из высокозапесоченной глины был изготовлен сосуд 52 с городища Бг I/3. В глине той же емкости выявлена искусственная примесь шерсти. Искусственной минеральной добавкой во всех отобранных сосудах выступал шамот. Он не калибровался

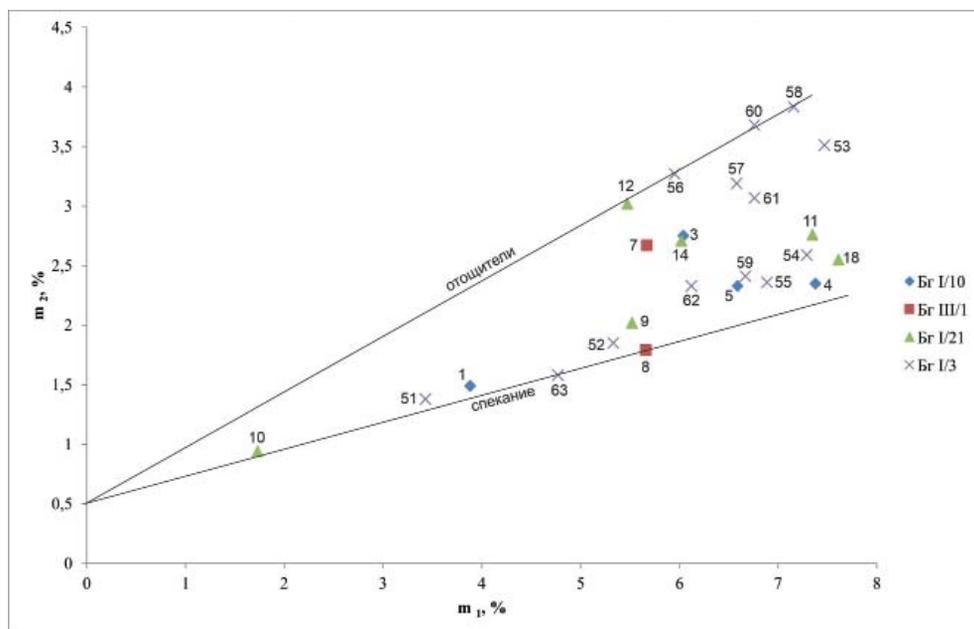

Рис. 4. Диаграмма сохранности глинистого компонента образцов керамики белоярской культуры.

Fig. 4. Diagram of the preservation of the clay component of pottery samples of the Beloyar culture

при введении в формовочную массу (размер фракций 0,1–4 мм). Кроме того, в две емкости с селища БГ I/21 была дополнительно введена дресва (размер фракций 0,1–3 мм; концентрация указана в табл. 1).

Образцы керамики белоярской культуры со всех поселений также характеризуются существенной потерей массы на всем температурном интервале (30–850 °С) – от 6,84 до 11,89%. Исключение составляют образцы 1, 10 и 51, общая потеря массы которых составила 5,85, 3,02 и 5,87% (табл. 1). Для всех образцов большая часть потери массы приходится на этап дегидратации (в интервале температур 30–350 °С) (табл. 1). На графике скорости потери массы достаточно хорошо выявляются пики дегидратации (вблизи 100 °С) (рис. 3). Во втором температурном интервале для всех образцов потеря массы относительно невелика (0,78–1,69%).

Была построена диаграмма сохранности глинистого компонента (рис. 4).

Известно, что соотношение потери массы при дегидратации к потере массы при разложении гидроксидов (m_1/m_2) для глины заданного состава является величиной постоянной. Добавление в формовочную массу минеральной примеси (песок, дресва, шамот) уменьшает содержание глины, уменьшая одновременно и m_1 , и m_2 , но сохраняет отношение m_1/m_2 . Горизонтальная ось соответствует потере массы образцом в интервале температур 30–350 °С (дегидратация), вертикальная – в интервале 350–600 °С (разложение гидроксидов). На диаграмме точки, отражающие поведение образцов керамики с разных памятников, распределены достаточно однородно. Расположение точки, характеризующей образец 10 с селища БГ I/21, существенно отличается от других: она находится близко к центру диаграммы. Это позволяет сделать вывод о том, что данный сосуд был подвержен более интенсивному обжигу, т. е. при более высокой температуре и/или бо-

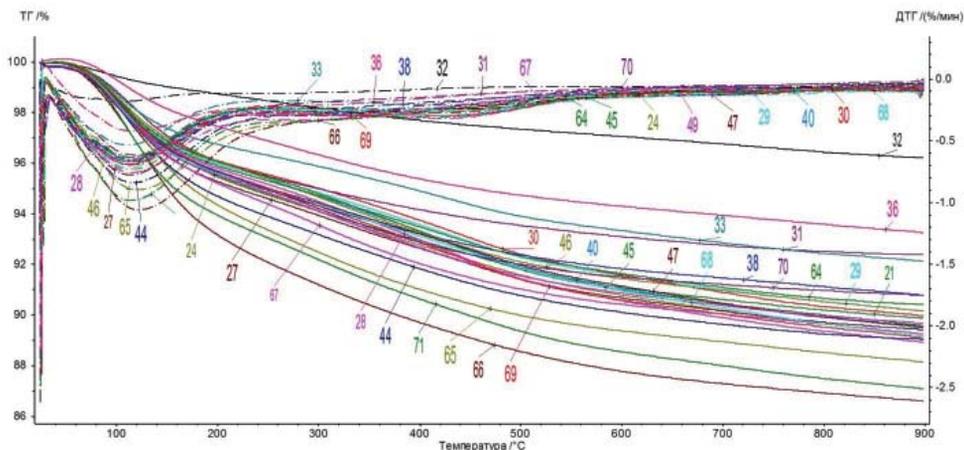

Рис. 5. Кривые потери массы образцов (ТГ) и производные кривых потери массы образцов (ДТГ) проанализированной керамики калинкинской культуры.
 Fig. 5. Curves of mass loss of samples (TG) and derivatives of curves of mass loss of samples (DTG) of the analyzed ceramics of the Kalinkina culture

лее продолжительному термическому воздействию. Положение точек 1, 51 и 63 также характерно для образцов керамики с более интенсивным спеканием. Сосуды с селища БГ I/21, изготовленные по смешанному рецепту (глина + шамот + дресва), попали в общую группу.

Выделяется группа образцов керамики с городища Бг I/3, для которых характерна существенная потеря массы, причем как на этапе дегидратации, так и на этапе дегидроксилирования (обр. 53, 58, 60). Это может свидетельствовать о менее интенсивном обжиге данных сосудов по сравнению с остальными.

Разнообразие в интенсивности обжига посуды зафиксировано для коллекции с городища Бг I/3. Здесь выявлена керамика, подверженная разному обжигу: наиболее интенсивному (обр. 51), среднему (52, 54–57, 59, 61, 62) и наименее интенсивному (обр. 53, 58, 60). Этот факт косвенно указывает на различия в навыках обжига у гончаров, проживавших на древнем поселении. Эти умения и традиции касаются интенсивности, температуры и длительности обжига

сосудов, а возможно, и использования в этом процессе разных типов теплотехнических устройств.

Калинкинская культура. Для исследования отобрана посуда, изготовленная преимущественно из слабозапесоченных глин (до 6 вкл. мелкого окатанного песка на 1 см²) с естественными примесями бурого железняка (до 5 вкл. на 1 см²). Из высокозапесоченных глин были изготовлены образцы керамики 31, 32, 36 с селища БГ III/20. Искусственной минеральной добавкой во всех отобранных сосудах являлся шамот (концентрация указана в табл. 2). Он не калибровался при введении в формовочную массу (размер фракций 0,1–4 мм).

Образцы керамики калинкинской культуры со всех памятников характеризуются значительной потерей массы на всем температурном интервале (30–850 °С) – от 7,69 до 12,66%. Исключением из этого правила являются образцы 32 и 36 с селища БГ III/20, общая потеря массы которых составила 3,63 и 6,63% (табл. 2). Для всех их большая часть потери массы приходится на этап дегидратации (в интервале температур 30–350 °С) (табл. 2).

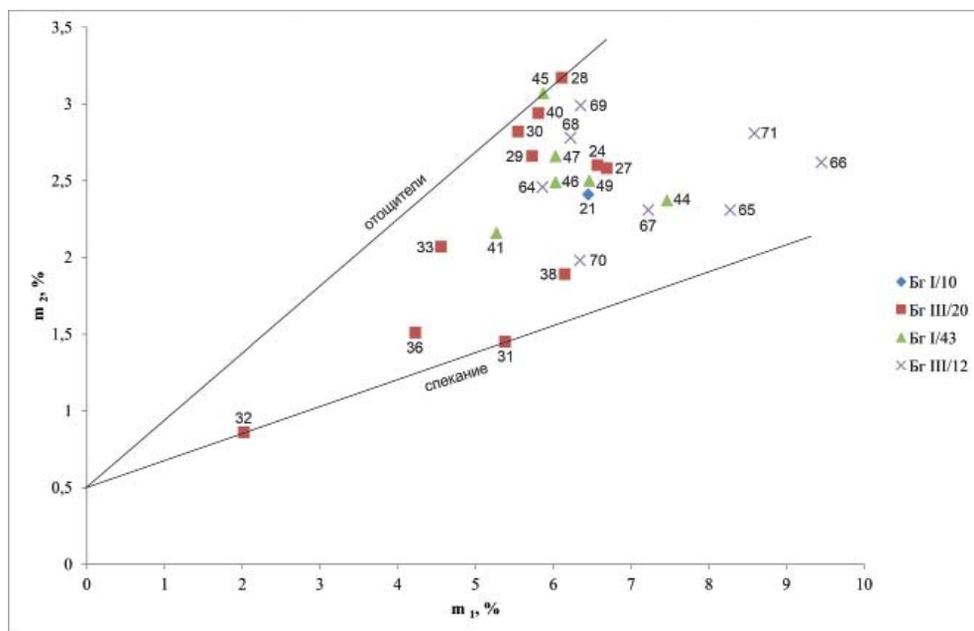

Рис. 6. Диаграмма сохранности глинистого компонента образцов керамики калинкинской культуры.

Fig. 6. Diagram of the preservation of the clay component of pottery samples of the Kalinkina culture

На графике скорости потери массы достаточно хорошо выявляются пики дегидратации (вблизи 100 °С) (рис. 5). Во втором температурном интервале для всех образцов потеря массы относительно невелика (0,76–1,42%).

Для визуализации результатов измерений построена диаграмма сохранности глинистого компонента (рис. 6). Точки, характеризующие образцы керамики калинкинской культуры с разных памятников, на диаграмме распределены довольно однородно. В общей массе они находятся далеко от линии спекания, что свидетельствует об относительно слабой термической обработке керамики. При этом имеются образцы сосудов, отличающиеся от общей массы посуды.

Выделяется группа сосудов с селища БГ III/20, изготовленных из высокозапасоченного исходного пластичного сырья (обр. 31, 32, 36). Среди них отличается образец 32. При достаточно высокой температуре обжига данного изделия происходило интенсивное

спекание и, следовательно, закрытие внутренних пор. Вследствие этого, благодаря выделению воды и гидроксидов в ходе термогравиметрических исследований, потеря веса была относительно невелика. Таким образом, можно говорить о более интенсивном (то есть при более высокой температуре или более длительном по времени) обжиге сосуда 32 по сравнению со всеми остальными. Особенностью образца керамики 36 является то, что концентрация минеральной примеси в нем ниже, поэтому корректно сопоставить его с другими емкостями не представляется возможным.

Для группы образцов керамики с селища БГ III/12 типична так называемая «противоположная» ситуация. Точки, максимально удаленные от начала координат (обр. 65, 66 и 71), характеризуют изделия с существенной потерей массы в ходе эксперимента, особенно на этапе дегидратации (табл. 2). Можно предположить, что эти сосуды, по сравнению с други-

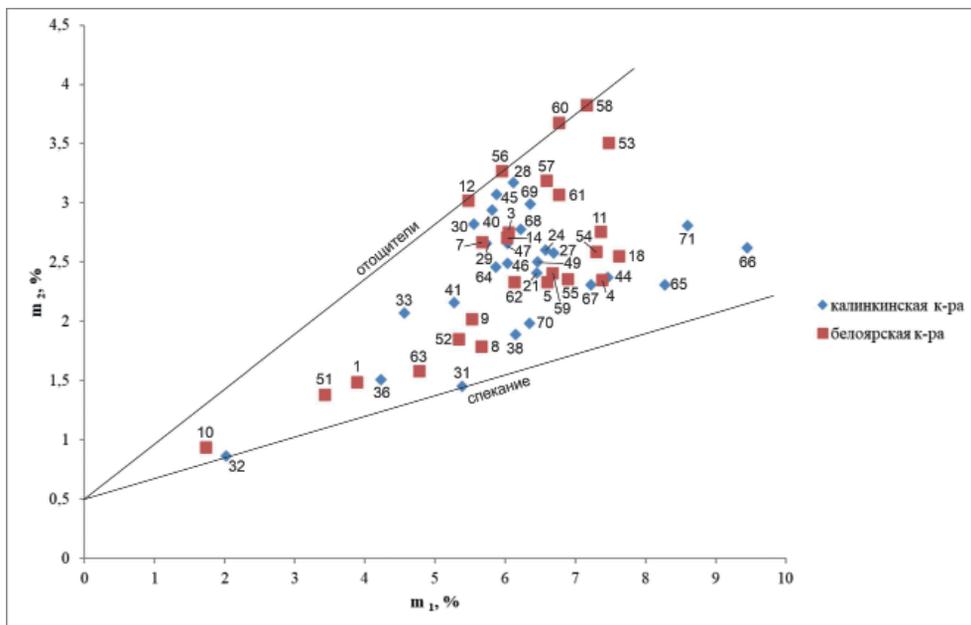

Рис. 7. Диаграмма сохранности глинистого компонента всех образцов керамики.

Fig. 7. Diagram of the preservation of the clay component of all pottery samples

ми, в процессе производства подвергались менее интенсивному обжигу вследствие меньшей температуры либо малой длительности процесса.

В целом посуда калинкинской культуры с городища Бг I/10, селищ БГ III/20 и БГ I/43 подвергалась обжигу близкой интенсивности, т. е. при близких температурах и/или примерно одинаковое количество времени. Сосуды с селища БГ III/12 выделяются тем, что обжигались менее интенсивно, чем емкости с других поселений.

Заключение

В целом для гончарства белоярской культуры характерно использование слабо- и среднезапесоченных ожелезненных глин, которые могли подвергаться дополнительной обработке. Ассортимент искусственных добавок широк. Он включает шамот, дресву, песок, органический раствор и шерсть. Полое тело емкостей конструировалось при помощи лоскутного налепа. Помимо этого, в коллекции керамики с белоярского селища

БГ III/66 обнаружена импортная посуда с примесью металлургического шлака (Селин, Чемякин, 2023б). Калининская посуда изготавливалась в основном из слабозапесоченных ожелезненных глин. Доминирующим рецептом ее формовочной массы являлся несмешанный: глина + шамот. В формовочной массе некоторых сосудов с разных памятников выявлены органические растворы. Полое тело горшков и банок изготавливалось лоскутным налепом, предположительно на форме-основе (Селин, Чемякин, 2023а).

По результатам термического анализа керамики белоярской и калинкинской культур, которая была получена в ходе раскопок на восьми поселениях первой половины раннего железного века в урочище Барсова Гора, можно заключить, что емкости обеих культур были подвержены термической обработке слабой степени интенсивности. Большая часть лепной посуды обжигалась примерно в одинаковых условиях, за исключени-

ем нескольких изделий (рис. 7).

Среди проанализированной белоярской керамики выделяется комплекс посуды с городища Бг I/3. В нем представлены три группы емкостей, различающиеся по степени интенсивности обжига: интенсивному (обр. 51), среднему (52, 54–57, 59, 61, 62) и наименьшему (обр. 53, 58, 60). Все сосуды с этого памятника, за исключением обр. 52, были изготовлены из слабозапесоченных глин и имели примерно одинаковую концентрацию шамота.

По деталям формы, формовочной глиняной массе и отчасти орнаментации из общей массы керамики белоярской культуры выбивается горшок 52. Хотя он, как и почти вся посуда таежного Приобья, украшен традиционным гребенчато-ямочным декором. Данная емкость имеет некоторое сходство с сосудами кульминской культуры VIII/VII–IV вв. до н. э. бассейнов Конды и Тавды (Викторова, 1967, с. 114–115; Чемякин, 2017). Кроме того, она вызывает определенные зауральские ассоциации, в первую очередь с посудой восточного варианта иткульской культуры (по О.Ю. Зиминой и В.А. Заху) или юртоборской культуры (по В.А. Борзунову) IX/VIII–VI вв. до н. э. Нижнего Притоболья (Зимина, Зах, 2009; Борзунов, 2019, с. 140–142). Как уже отмечалось, данный образец отличает высокая запесоченность исходного сырья и примесь шерсти.

Благодарности: Техничко-технологический анализ, петрография и термогравиметрический анализ керамики выполнены за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01192, <https://rscf.ru/project/23-78-01192>. Дополнительные исследования материалов городища Бг I/3 проведены В.А. Борзуновым в рамках Гос. задания Минобрнауки, тема FEUZ-2023-018.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Под ред. А.А. Бобринского. Самара: изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–106.
3. *Борзунов В.А.* О культурной принадлежности иткульских и гамаюно-иткуль-

Выявленная разница в интенсивности обжига посуды с Бг I/3 была обусловлена именно температурой обжига, из чего можно судить о разнице в навыках обжига среди гончаров с этого поселения. На самом городище выявлены минимум два периода функционирования в белоярское время (Борзунов, Бельтикова, 1989, с. 136), и именно с этим могут быть связаны отмеченные выше различия.

По интенсивности обжига выделяется группа сосудов калинkinской культуры с селища БГ III/20, изготовленных из высокозапесоченных глин (обр. 31, 32, 36). На диаграмме сохранности глинистого компонента значения по таким образцам располагаются ближе к центру. Особенно это характерно для образца 32, который обжигался более интенсивно, чем все остальные изделия этой группы. Показатели по трем сосудам с селища БГ III/12 на той же диаграмме максимально удалены от начала координат (обр. 65, 66 и 71). Это также отличает их от всей остальной посуды с данного памятника и свидетельствует о менее интенсивном обжиге.

Реконструировать точный типиконструктивные особенности теплотехнических устройств, использовавшихся гончарами при производстве белоярской и калинkinской керамики, пока не представляется возможным. Можно только предположить, что посуда обжигалась в кострищах или очагах.

ских древностей Зауралья // РА. 2019. № 3. С. 131–146.

4. Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. Раскопки городищ Барсов Городок I/3 и I/20 // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УО АН СССР, 1989. С. 136–139.

5. Викторова В.Д. Археологическая карта рр. Туры и Тавды (опыт систематизации и периодизации археологических памятников). Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967 / Архив ПНИАЛ УрФУ. Ф. III. Д. 127. 365 с.

6. Волкова Е.В., Цетлин Ю.Б. Некоторые проблемы экспериментального изучения обжига сосудов // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 56–62.

7. Волкова Е.В., Цетлин Ю.Б. К методике изучения режимов обжига древней керамики // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Ред. О.В. Лозовская, А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016а. С. 76–77.

8. Волкова Е.В., Цетлин Ю.Б. О разработке методики определения температуры обжига древней керамики // КСИА. 2016б. № 245–II. С. 254–264.

9. Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Приобье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

10. Молодин В.И., Мьльникова Л.Н., Бобров В.В., Стефанов В.И. Керамика эпохи неолита по результатам термического анализа (ДТГ) // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. С. 116–118.

11. Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Керамика калинкинской культуры из городища Барсов городок III/2: технико-технологические особенности // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2023а. Т. 22. № 3: Археология и этнография. С. 72–84.

12. Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Особенности межкультурного взаимодействия в раннем железном веке в Сургутском Приобье (по материалам керамики селища Барсова Гора III/66) // Поволжская археология. 2023б. № 1 (43). С. 100–112.

13. Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку) / Отв. ред. В.В. Болдырев, В.И. Молодин. Новосибирск: СО РАН, 2006. 98 с.

14. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

15. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

16. Цетлин Ю.Б. Обжиг глиняных сосудов в кострищах (этнографические сведения и их анализ) // РА. 2022. № 4. С. 171–183.

17. Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

18. Чемякин Ю.П. Керамика кульминского типа // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 336–353.

19. Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.

20. Drebuschak V.A., Mylnikova L.N., Drebuschak T.N. Thermoanalytical investigations of ancient ceramics: review on theory and practice // Journal of Thermal Analysis and Calorimetry. 2018. Vol. 133. № 1. P. 135–176.

Информация об авторах:

Селин Дмитрий Вадимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии палеометалла. Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); selin@epage.ru

Федорова Залия Амировна, кандидат технических наук, научный сотрудник. Институт катализа СО РАН (г. Новосибирск, Россия); sabirova@catalysis.ru

Чемякин Юрий Петрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия); yury-che@yandex.ru

Борзунов Виктор Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия); victor.borzunov@mail.ru

PECULIARITIES OF FIRING VESSELS OF THE BELOYAR AND KALINKINA CULTURES ON THE BARSOVA GORA IN THE SURGUT OB RIVER REGION (ACCORDING TO THERMAL ANALYSIS)

D.V. Selin, Z.A. Fedorova, Yu.P. Chemyakin, V.A. Borzunov

The article presents the results of a study of the features of firing hand-made pottery of the Beloyar and Kalinkina cultures, collected during excavations from eight settlements of the first half of the Early Iron Age in the Barsova Gora tract near the western outskirts of the city of Surgut. In the course of production, the vessels of both cultures were subjected to heat treatment of a low degree of intensity. With the exception of a few containers, they were fired under approximately the same conditions. Among the Beloyar ceramics, the complex from the fortified settlement Barsov gorodok I/3 stands out. It presents three groups of pots and jars, differing in the degree of firing intensity: intensive, medium and least. It was established that the difference in the intensity of firing ceramics was due not to temperature fluctuations in the fires and hearths, but to differences in the skills of the craftsmen. These differences could manifest themselves in the temperature and / or duration of firing, the time spent by containers in fires and hearths, the design features of heat engineering devices, etc. In terms of the intensity of firing, a group of vessels from the settlement Barsova Gora III/20, made of highly sanded clays, stands out in the collection of dishes from the Kalinkina culture. On the clay component preservation diagram, the values for such samples are located closer to its center. This is especially characteristic of vessel 32, which was fired more intensively than all the other items of this group. The corresponding characteristics of the three vessels from the settlement Barsova Gora III/12 on the same diagram are at the maximum distance from the origin of coordinates. This also distinguishes them from the rest of the pottery from this site and testifies to less intense firing. It is not yet possible to reconstruct specific types and design features of devices for firing ceramics used by potters of the Beloyar and Kalinkina cultures. One can only assume that the dishes were fired in bonfires and hearths.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Surgut Ob River region, Beloyar and Kalinkina cultures, ceramics, interdisciplinary approach.

REFERENCES

1. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery Studies: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–106 (in Russian).
3. Borzunov, V. A. 2019. *Rossiyskaya Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 131–146 (in Russian).
4. Borzunov, V. A., Beltikova, G. V. 1989. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 136–139 (in Russian).
5. Viktorova, V. D. 1967. *Arkheologicheskaya karta rr. Tury i Tavdy (opyt sistematizatsii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov). Diss. ... kand. ist. nauk (Archaeological map of the rivers Tura and Tavda (experience of systematization and periodization of archaeological sites))*. PhD. Diss. Sverdlovsk. Archives of the Task-oriented Research Archaeological Laboratory of Urals Federal University. F. III, D. 127 (in Russian).
6. Volkova, E. V., Tsetlin, Yu. B. 2015. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 12 (3), 56–62 (in Russian).
7. Volkova, E. V., Tsetlin, Yu. B. 2016. In Lozovskaya, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 76–77 (in Russian).
8. Volkova, E. V., Tsetlin, Yu. B. 2016. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 245–II, 254–264 (in Russian).
9. Zimina, O. Yu., Zakh, V. A. 2009. *Nizhnee Pritabol'e na rubezhe bronzovogo i zhelezno*

Technical and technological analysis, petrography and thermogravimetric analysis of ceramics was carried out under the grant of the Russian Science Foundation № 23-78-01192, <https://rscf.ru/project/23-78-01192>. Additional studies of materials from the settlement of Bg I/3 were carried out by V.A. Borzunov under the State Assignment of the Ministry of Education and Science, theme FEUZ-2023-018.

vekov (Lower Tobol River Area between the Bronze and Iron Ages). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

10. Molodin, V. I., Myl'nikova, L. N., Bobrov, V. V., Stefanov, V. I. 2019. In Chairkina, N. M. (eds). *V Severnyi arkhologicheskii kongress. Tezisy dokladov (V Northern Archaeological Congress. Thesis of reports)* Ekaterinburg: "Al'fa-Print". Publ., 116–118 (in Russian).

11. Selin, D. V., Chemyakin, Yu. P. 2023. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia, filologiya (Vestnik NSU. Series: History and Philology)* 22 (3), 72–84 (in Russian).

12. Selin, D. V., Chemyakin, Yu. P. 2023. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (43), 100–112 (in Russian).

13. In Boldyrev, V. V., Molodin, V. I. 2006. *Fiziko-khimicheskoe issledovanie keramiki (na primere izdeliy perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku) (Physical and chemical characteristics of late Bronze Age and Early Iron Age ceramics)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

14. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

15. Tsetlin, Yu. B. 2017. *Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ceramics. The Concepts and Terms of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

16. Tsetlin, Yu. B. 2022. In *Rossiiskaya arkhologiya (Russian Archaeology)* 4, 171–183 (in Russian).

17. Chemyakin, Yu. P. 2008. *Barsova Gora: Ocherki arkhologii Surgut'skogo Priob'ya. Drevnost' (Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob region. Antiquity)*. Surgut; Omsk: "Omsk House of Press" Publ. (in Russian).

18. Chemyakin Yu.P. 2017. In *Arkhologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (4), 336–353 (in Russian).

19. Chemyakin, Yu. P., Zykov, A. P. 2004. *Barsova Gora: arkhologicheskaya karta (Barsova Gora: an archaeological map)*. Surgut; Omsk: "Omsk House of Press" Publ. (in Russian).

20. Drebuschak, V. A., Myl'nikova, L. N., Drebuschak, T. N. 2018. In *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry* 1, vol. 133, 135–176.

About the Authors:

Selin Dmitry V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Acad. Lavrentiev Ave., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; selin@epage.ru

Fedorova Zalia A. Candidate of Technical Sciences. Borekov Institute of Catalysis SB RAS. Lavrentiev Ave., 5, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; sabirova@catalysis.ru.

Chemyakin Yury P. Candidate of Historical Sciences. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Lenin Av., 51, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; yury-che@yandex.ru

Borzunov Victor A. Candidate of Historical Sciences. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Lenin Av., 51, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; victor.borzunov@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2024.1.47.110.124>

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЯ ВОДОБА II В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ БЕЛОЗЕРЬЯ

© 2024 г. А.В. Новиков

Анализ материалов из поселения Водоба II демонстрирует сложный процесс развития позднекаргопольских древностей в окрестностях Белого озера. Обнаруженные керамические комплексы синкретичные. Выделяется керамика нескольких типов: сетчатая, подштрихованная, заглаженная с оттисками гребенчатого штампа, вятско-ветлужской культуры АКЮ и гибридная. Именно такое сочетание в керамических наборах из поселений и определяет специфику позднекаргопольских древностей. Обозначаются два крупных этапа в развитии поселений этого региона: первый соотносится с первой половиной I тыс. до н. э., второй сопровождается распространением в данных областях в середине I тыс. до н. э. носителей культурных традиций вятско-ветлужской культуры АКЮ и развитием на поселениях гибридных форм керамики (вплоть до III в. до н. э.). На втором этапе поселения округа Белого озера включаются в большой «гибридный мир» с керамикой близких типов, обладающих в разных регионах определённым своеобразием, что в первую очередь связывается с традициями формирования керамических комплексов в предшествующее время.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, позднекаргопольская культура, Белое озеро, поселение Водоба II, сетчатая керамика, подштрихованная керамика, заглаженная керамика с оттисками гребенчатого штампа, ананьинская культурно-историческая область, гибридная керамика с признаками вятско-ветлужской культуры АКЮ

К настоящему времени собрано немало материалов, связанных с ранним железным веком Белозерья. Их накопление происходило продолжительное время, практически столетие, благодаря исследованиям М.Е. Арсаковой, А.А. Алексеевой, И.К. Цветковой, Р.В. Козыревой, С.В. Ошибкиной, А.В. Кудряшова и др. Поселения раннего железного века достаточно равномерно распределены в районе Белого озера (рис. 1). Из этого региона происходят богатые керамические коллекции, остающиеся в то же время слабоизученными. Безусловно, нужны новые полевые исследования, но и уже имеющийся материал позволяет прийти к определённым выводам.

Эпохальные шаги в теоретическом осмыслении материалов из памятников РЖВ как данного региона, так и сопредельных территорий были приняты М.Е. Фосс (Фосс, 1952), С.В. Ошибкиной (Ошибкина, 1975), И.С. Манюхиным (Манюхин, 1988;

1996; 2005), сделавшими важные выводы о характере, развитии, хронологии позднекаргопольских древностей. Консолидировано исследователи включили памятники из окрестностей Белого озера в ареал позднекаргопольской культуры, впервые выделенной М.Е. Фосс (Фосс, 1952). П.Н. Третьяков выделял в окрестностях Белого озера поселения с «текстильной» и позднекаргопольской керамикой (Третьяков, 1966, с. 149). Вопросы развития позднекаргопольских древностей на смежных с Белозерьем территориях исследовал М.Г. Косменко (Косменко, 1993; 2006), в свою очередь так же поместив регион Белого озера в ареал позднекаргопольской культуры (Косменко, 2006, с. 210). Наконец, А.М. Жульников выделяет в Белозерье и сопредельных территориях гибридную керамику (с ананьинскими признаками) типа «Водоба» (Жульников, 2008, с. 39–40), что, безусловно, подчеркивает культурное своеобразие этого региона в РЖВ.

Таким образом, предшественниками, действительно, проделана колоссальная работа, однако следует признать, что на современном этапе остаётся и ряд дискуссионных вопросов, требующих решения: территория распространения позднекаргопольских древностей, выделение возможных локальных региональных вариантов, этапов развития культуры, определение хронологической позиции отдельных типов керамики, выявление особенностей вещевых комплексов (развития керамических традиций), выделение специфичных признаков позднекаргопольской керамики разных типов, употреблявшейся до смешения местного населения с пришлыми группами – носителями ананьинских культурных традиций. Продолжается полемика и по поводу начала формирования позднекаргопольских древностей. Здесь взгляды исследователей кардинально расходятся. Не будем сейчас детально рассматривать эту проблему, подчеркнем только, что С.В. Ошибкина предполагала сложение позднекаргопольских древностей в финале бронзы – на начальном этапе РЖВ, что, на наш взгляд, представляется вполне обоснованным. Намечены исследователем и периоды развития позднекаргопольских древностей (Ошибкина, 1975, с. 19). В свою очередь, И.С. Манюхин и М.Г. Косменко связывали образование позднекаргопольской культуры с появлением на северо-западе носителей ананьинских культурных традиций и их смешением с местным населением, изготавливавшим сетчатую и иных типов керамику. Появление сосудов со шнуром, на их взгляд, являлось отправной точкой в становлении и дальнейшем развитии позднекаргопольских древностей (*т. н. «гибридная культура»*).

Поселение Водоба II находится в северных окрестностях Белого озера (рис. 1). По большому счёту оно

имеет ключевое значение для понимания культуругенеза в регионе. Его материалы демонстрируют процесс развития позднекаргопольских древностей с финала бронзы – начального этапа РЖВ до IV–III вв. до н. э. Эти материалы отражают процесс смешения местного населения с носителями ананьинских культурных традиций в середине I тыс. до н. э. Начиная с VI в. до н. э. активизируется продвижение культур ананьинского мира на запад (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 26). Взаимодействие автохтонного населения Белозерья происходит, главным образом, с носителями вятско-ветлужской культуры (гребенчато-шнуровой керамики) ананьинской культурно-исторической области (ВВК АКИО). На близость памятников с гребенчато-шнуровой керамикой бассейна рек Ветлуги и Вятки впервые обратил внимание В.Н. Марков (Марков, 1988, с. 104–105; Марков, 2007), в дальнейшем характерные черты этой культуры ананьинского мира сформулированы А.А. Чижевским и Е.М. Черных (Черных, Чижевский, 2021).

Обратимся к коллекции керамической посуды, полученной И.К. Цветковой в 1956 г. на поселении Водоба II. Предметы находятся на хранении в музее археологии Череповецкого музейного объединения (г. Череповец). В изученном массиве керамики выделяются типологически не связанные между собой синкретичные комплексы, коллекция фрагментирована, целых форм сосудов нет. Прежде всего охарактеризуем посуду, широко распространявшуюся на поселениях в окрестностях Белого озера в финале бронзы – начале РЖВ, в период до начала активного ананьинского расселения в данной местности.

Сетчатая и подштрихованная керамика (рис. 2)

Сетчатая керамика финала бронзы – начальной фазы РЖВ, присутствующая в коллекции, обладает следующими

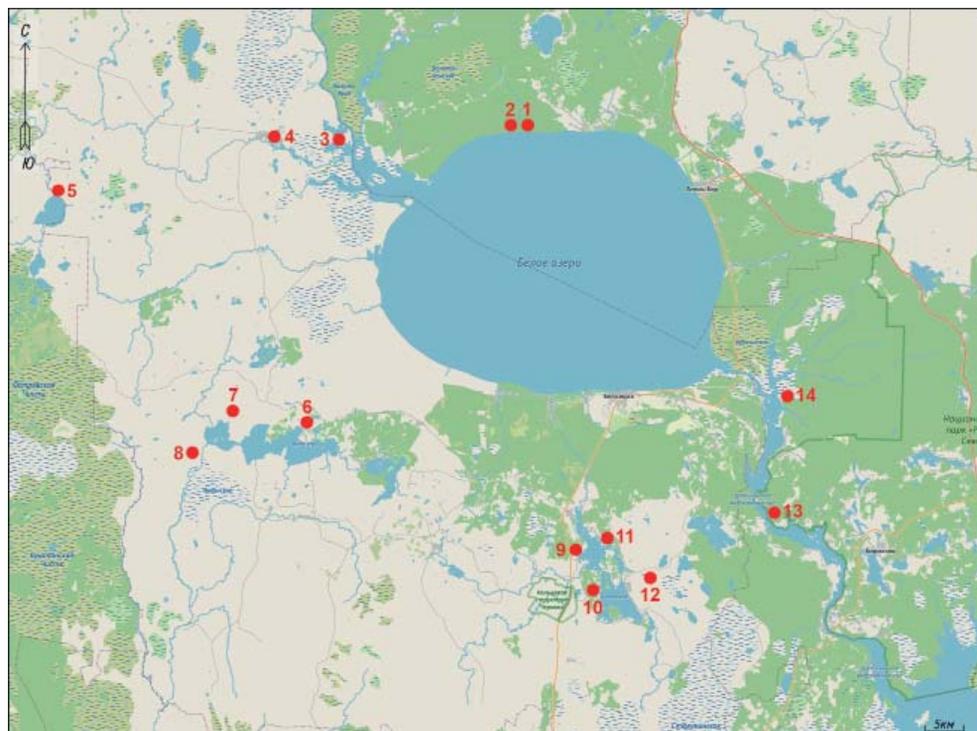

Рис. 1. Карта памятников раннего железного века окрестностей Белого озера. 1 – поселение Водоба II; 2 – поселение Водоба; 3 – поселение Кителка; 4 – поселение Яглоба I; 5 – поселение Исток Шолы; 6 – поселение Веромень I; 7 – поселение Андозеро III; 8 – поселение Андозеро II; 9 – поселение Левково; 10 – поселение Яковлево; 11 – поселение остров Перховта; 12 – поселение Зубово; 13 – поселение Пружинино III; 14 – поселение Шексна.

Fig. 1. Location of Early Iron Age settlements nearby Lake Beloye. 1 – Vodoba II; 2 – Vodoba; 3 – Kitelka; 4 – Yagloba I; 5 – Istok Sholy; 6 – Veromen I; 7 – Andozero III; 8 – Andozero II; 9 – Levkovo; 10 – Yakovlevo; 11 – Perkhovta Island; 12 – Zubovo; 13 – Pruzhynino III; 14 – Sheksna.

ми особенностями. Керамика с минеральными примесями в формовочной массе (дресва, песок). Черепки плотные, коричневого, серых и серо-коричневых цветов. Чаще это слабопрофилированные сосуды с прямой или слабо отогнутой шейкой и слабовыпуклыми плечиками. Толщина стенок сосудов 0,5–0,7 см. Сетчатая керамика, как правило, с рябчатými мелкочаеистыми, хаотично расположенными отпечатками, однако имеются и регулярно выстроенные отпечатки переходных форм от мелких к крупным или крупночаеистые (рис. 2: 2–9). Отметим, что крупночаеистый отпечаток на сетчатой керамике из

поселений Верхней Волги появляется уже в начале первого тысячелетия до н. э. (Новиков, 2020). Мелкочаеистые отпечатки иногда подзатерты, чаще четко вдавленные. Внутренняя поверхность горшков заглажена или подштрихована. Штрихи встречаются как беспорядочно наложенные, поверхностные, больше похожие на расчески, так и горизонтальные, с выраженными бороздками (рис. 2: 2, 4) (керамика, внутренняя поверхность которой обработана четкими горизонтальными штрихами, известна и в Костромском Поволжье). Посуда довольно просто орнаментирована: преобладают ямочные вдавления, часты

Рис. 2. 1 – сетчатая керамика с рябчатыми отпечатками эпохи поздней бронзы; 2–9 – финала бронзы – начального этапа РЖВ; 10–13 – керамика, покрытая сетчатыми отпечатками и подштрихованная одновременно; 14–19 – подштрихованная керамика.

Fig. 2. 1 – brushed ceramics with pockmarked impresses of the Late Bronze Age; 2–9 – the Final Bronze Age – the initial stage of the Early Iron Age; 10–13 – ceramics covered with textile impresses and brushed simultaneously; 14–19 – brushed ceramics.

ямки с «рваными» краями. Отметим, что в непосредственной близости от памятника известны поселения с сетчатой керамикой (Исток-Шолы, Кителка, Водоба, Яглоба I).

Наряду с керамикой с сетчатыми отпечатками на поселении Водоба II имеется посуда с подштрихованной поверхностью (рис. 2: 14–19). Штри-

хи нанесены беспорядочно или имеют горизонтальное направление. Толщина стенок сосудов в среднем 0,7 см. Керамика довольно толстостенная и, как и посуда с сетчатыми отпечатками, довольно просто орнаментирована ямками. Сосуды, поверхность которых подштрихована, преобладают в коллекции над сетчатой, как, впрочем,

Рис. 3. Заглаженная керамика с оттисками гребенчатого штампа.

1–3 – поселение Водоба II; 4–7 – поселение Яковлево.

Fig. 3. Smoothed ceramics with impresses of comb stamp.

1–3 – Vodoba II settlement; 4–7 – Yakovlevo settlement.

и на ближайшем поселении Водоба. В этой связи заметим, что несколько иная картина наблюдается в районах, приуроченных к основному руслу р. Волги, где в начальный период РЖВ, напротив, доминирует керамика, обработанная сетчатыми отпечатками.

По мнению С.В. Ошибкиной, штриховка постепенно распространялась на поверхности позднекаргопольской посуды, пришедшей на смену заглаженной, а изменение способа обработки поверхности имело хронологический характер и происходило в рамках единой культуры (Ошибкина, 1975, с. 19). Также исследователь указывает на наличие на поселениях сетчатой керамики, но представленной в незначительных количествах (от 0,8

до 16,5%) (Ошибкина, 1975, с. 21). Присутствие сетчатой керамики на всех известных позднекаргопольских памятниках вслед за С.В. Ошибкиной отмечает И.С. Манюхин (Манюхин, 1988, с. 12).

В коллекции из поселения Водоба II присутствуют сосуды, поверхность которых одновременно обработана сетчатыми отпечатками и подштрихована (рис. 2: 10–13) – данный способ обработки внешней поверхности является ярким признаком керамики финала бронзы – начала РЖВ для поселений именно Верхневолжского бассейна (Новиков, 2023). В этой связи отмечается определенная степень сходства керамики из Белозерья с посудой из поселений южной части

Молого-Шекснинского междуречья и Костромского Поволжья, однако при наблюдаемых общих чертах сетчатой керамики она всё же имеет свои специфические особенности в разных областях ее распространения.

Помимо керамики финала бронзы – начального этапа РЖВ в коллекции встречается сетчатая керамика эпохи поздней бронзы с фатьяноидными признаками, подобная известна на поселениях Костромского Поволжья и бассейна р. Шексны (Новиков, 2020; Новиков, 2022). Так, имеется один плавнопрофилированный сосуд с округлым краем, вогнутой шейкой и выпуклыми плечиками, орнаментированный косопоставленными оттисками гребенчатого штампа, горизонтальными линиями из оттисков гребенчатого штампа, прорезанных ямками, тройным зигзагом и вертикальными короткими оттисками гребенчатого штампа, сгруппированными по три (рис. 2: 1). Характер орнамента, по всей видимости, указывает на фатьяноидную орнаментальную традицию. На особенности такой сетчатой керамики позднего периода эпохи бронзы внимание обращалось в других публикациях автора (Новиков, 2020; Новиков, 2022).

Коллекция сетчатой керамики из поселения Водоба II, несомненно, отражает процесс формирования позднекаргопольских древностей в Белозерье на раннем этапе, в финале бронзы – начальном периоде РЖВ, а истоки сетчатых традиций уходят своими корнями в эпоху поздней бронзы.

Керамика с заглаженной поверхностью, орнаментированная гребенчатым штампом (рис. 3)

В эту группу выделен комплекс керамики с заглаженной поверхностью и орнаментированной оттисками гребенчатого штампа (рис. 3: 1–3). Штамп узкий, мелкий, с широким шагом (между оттисками зубцов достаточно большое расстояние). Внутрен-

няя и внешняя поверхность керамики заглажена, серо-коричневых оттенков. Толщина стенок около 0,6 см. В формовочную массу добавлены минеральные примеси. По верхним частям в коллекции выделяются три горшка. Посуда слабопрофилированная, с практически прямой подцилиндрической (или слабонаклонной наружу) шейкой, приспущенными слабовыпуклыми плечиками. Край горшков округлый, плоский или с небольшим наплывом наружу. Орнаментирована посуда оттисками гребенчатого штампа – складываются мотивы из горизонтальных линий (в т. ч. в несколько рядов), зигзагов, иногда сюжеты дополнены неглубокими вдавлениями (ямки округлые и с «рваными» краями).

Заглаженная керамика с оттисками гребенчатого штампа, по мнению С.В. Ошибкиной, характерна для ранней стадии развития позднекаргопольской культуры (Ошибкина, 1975, с. 19). Весьма выразительная керамика такого облика имеется на поселении Яковлево (рис. 3: 4–7), подобная встречается и в Верхнем Посухонье, например, на поселении Векса I (Новиков, Недомолкина 2021, рис. 10: 9, 19). Для памятников Волжского бассейна сосуды с заглаженной поверхностью и оттисками гребенчатого узкого штампа не типичны: известен горшок в коллекции из Минского городища, однако по тулову он обработан сетчатыми отпечатками (Новиков, 2019, рис. 6: 4), что можно рассматривать скорее как следствие контактов между группами населения в начальный период РЖВ. В первой половине I тыс. до н. э. на берегах Верхней Волги население поддерживало традицию изготовления сетчатой посуды, иногда и с подштрихованной поверхностью (штриховка чаще хаотичная), на Средней Волге – сетчатой. Южные границы распространения заглаженной керамики такого типа (с оттиска-

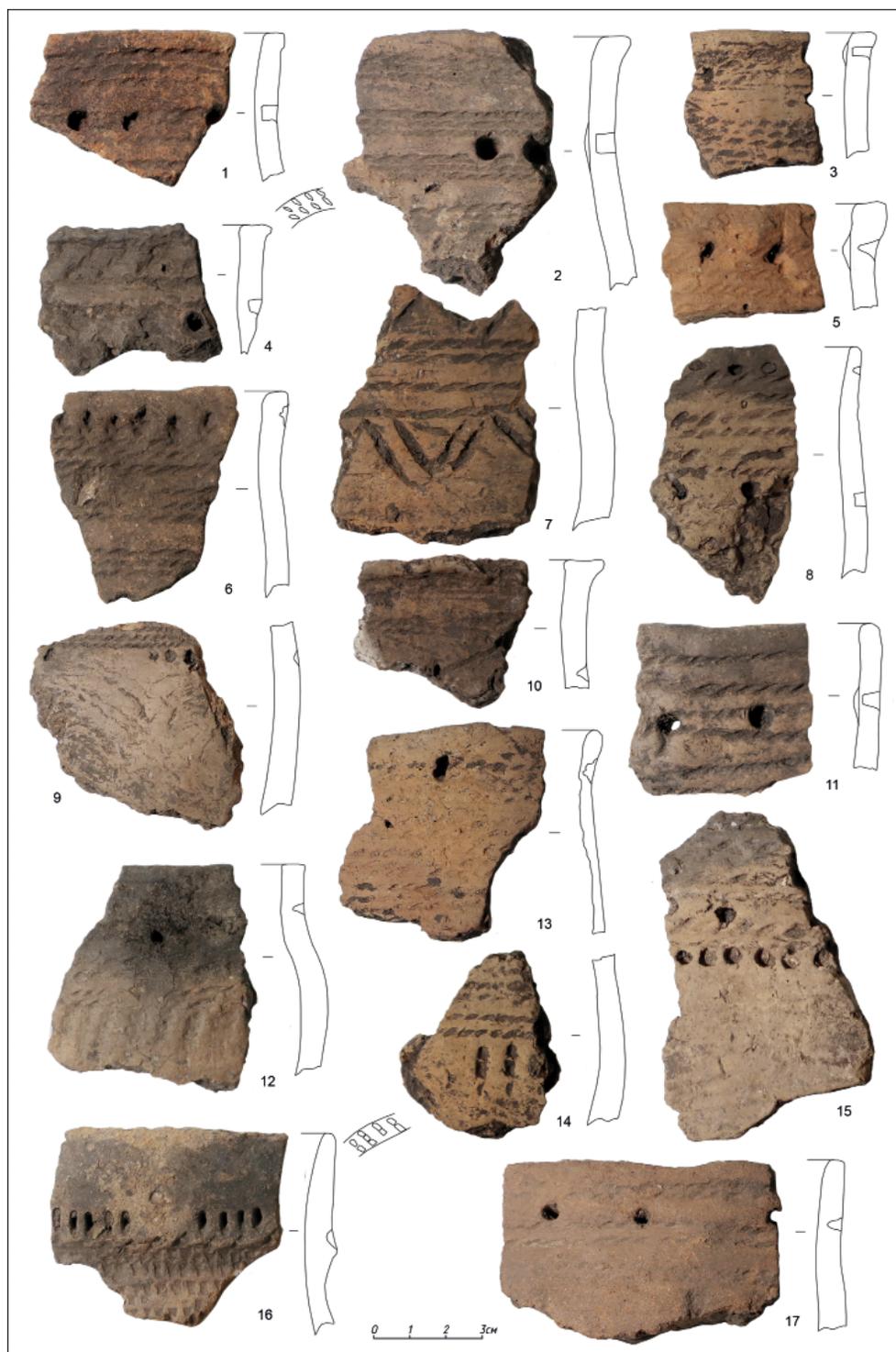

Рис. 4. 1–17 – гибридная керамика с признаками вятско-ветлужской культуры АКЮ.

Fig. 4. 1–17 – hybrid ceramics with features of the Vyatka-Vetluga culture Ananyino cultural and historical area.

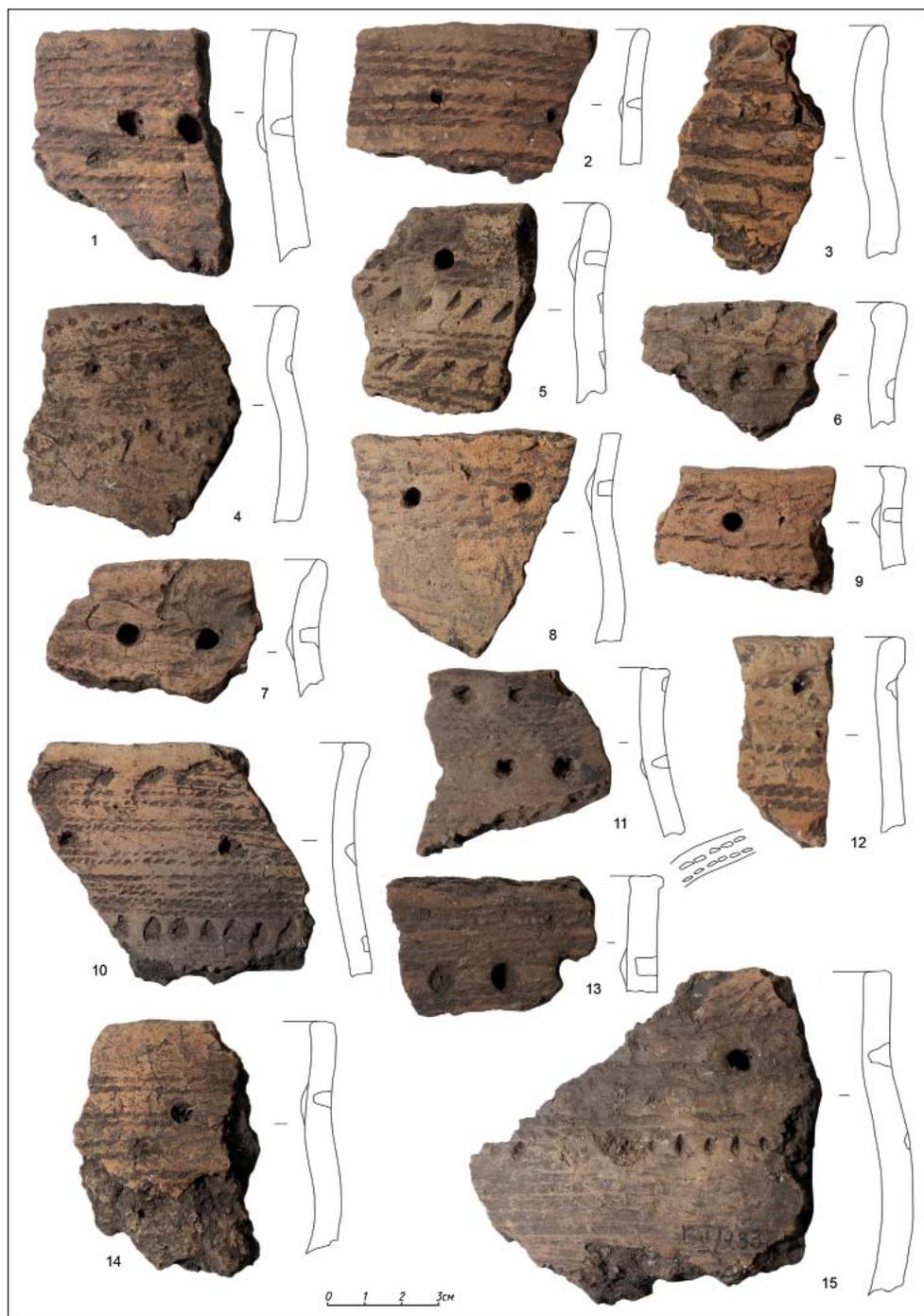

Рис. 5. 1–15 – гибридная керамика с признаками вятско-ветлужской культуры АКЮ.

Fig. 5. 1–15 – hybrid ceramics with features of the Vyatka-Vetluga culture of Ananyino cultural and historical area.

ми гребенчатого штампа), по всей видимости, стоит очерчивать регионом Белозерья и Верхней Сухоны, где она еще встречается на поселениях вместе с сетчатой и подштрихованной посудой (Новиков, 2023) и составляет относительно значимые доли в керамических наборах из памятников РЖВ.

Керамика ВВК АКИО и гибридная (рис. 4–5).

Внешняя поверхность керамики с ананьинскими признаками заглажена, покрыта сетчатыми отпечатками или подштрихована, при этом подштрихованные участки встречаются значительно чаще покрытых сетчатыми отпечатками, что заметно отличает такую керамику от более южных районов, приуроченных к основному руслу р. Волги, где доминирует гибридная посуда с сетчатыми отпечатками. К северу от Белозерья, в Карелии, складывается обратная ситуация, когда на сосудах восточного типа поверхность не обрабатывается сетчатыми отпечатками (Косменко, 1993, с. 107). С внутренней стороны сосуды из поселения Водоба II заглажены или подштрихованы.

Заметно и уменьшение зон заглаженных участков внешней поверхности сосудов (остаются только на шейке), и увеличение подштрихованных (преобладают) или покрытых сетчатыми отпечатками (тулово, придонная часть). Таким образом, второй, местный компонент, безусловно, играл ключевую роль при формировании гибридной керамики.

Цвет фрагментов коричневый, серо-коричневый. Примеси в формовочной массе минеральные (часто встречается дресва, в т. ч. крупные кусочки). Толщина стенок 0,5–0,9 см, в среднем 0,7 см. Стенки выглядят довольно толстыми, массивными. По морфологическим особенностям верхней части выделяется посуда двух типов: плавнопрофилированная

(около 10%) и слабопрофилированная (порядка 90%). Плавнопрофилированная посуда – с округлым или плоским краем, вогнутой шейкой и выпуклыми плечиками. Слабопрофилированная – с практически прямой подцилиндрической шейкой и слабовыпуклыми плечиками. Шейка при этом может быть как высокая, так и короткая, иногда слабоогнутая внутрь. Край у слабопрофилированной посуды очень вариативен: встречается Т- или Г-образный, с валиковым наплывом наружу, округлый, округло-утолщенный, плоский (иногда с небольшим наплывом наружу или внутрь). Вместе с тем наиболее распространён именно округлый край, в т. ч. с утолщениями.

Орнамент на гибридной посуде складывается из элементов, характерных как для носителей ананьинских (в большинстве), так и предшествующих керамических традиций. Украшена в основном шейка сосудов, реже узор спускается на плечики. Техника нанесения орнамента – шнуровые оттиски, гребенчатый штамп и вдавления.

Только три горшка в коллекции декорированы по срезу венчика косопо-ставленными оттисками гребенчатого штампа или параллельными линиями, выполненными таким же штампом (рис. 4: 4, 16; 5: 13).

На одном фрагменте зафиксированы оттиски наподобие рамчатого штампа, завершающие орнаментальную композицию, состоящую из пояса ямочных вдавлений и спаренных шнуровых оттисков, разделенных неорнаментированным пространством (рис. 4: 12). Такая орнаментальная традиция в целом характерна для ананьинских памятников Поволжья, в частности Одоевского городища (Новиков, 2021; 2023).

Мотивы, сложенные из оттисков шнура, преобладают при украшении гибридной керамики. Можно гово-

речь, что традиция орнаментации сосудов шнуровыми оттисками укоренилась среди местного населения. Орнаментальная композиция главным образом состоит из оттисков одиночных (16%) или спаренных (33%) и строенных (38%), расположенных вплотную друг к другу шнуров, при этом они чаще всего отделены друг от друга свободным неорнаментированным пространством, редко – другими элементами орнамента, выполненными вдавлениями. Присутствуют и мотивы из вплотную размещённых оттисков одинарного шнура в несколько рядов (13%), однако трехрядные линии шнуровых оттисков встречаются чаще всего. Направление оттисков (при определенном положении шнура) – с наклоном вправо. Единичны сосуды с оттисками шнура с левым наклоном. Определяемая структура оттисков – тонкая и толстая, при этом толстые шнуровые оттиски очень заметны в коллекции и, очевидно, являются признаком, указывающим на позднее развитие традиции шнуровой орнаментации.

Выделим и весьма интересные, на наш взгляд, мотивы орнамента, составленные из элементов, выполненных оттисками шнура и вдавлениями в одном горизонтальном ряду (рис. 4: 1, 5, 11, 13; 5: 2, 4, 8, 14–15). Оттиски шнура при этом могут быть одиночными, спаренными или даже строенными. Такая традиция не часто встречается в орнаменте гибридной посуды, в частности Костромского Поволжья. Ямки в данном случае поставлены на оттиски шнура.

Реже всего на гибридной керамике элементы орнамента выполнены оттисками гребенчатого штампа: либо это горизонтальный зигзаг (одно или двухрядный), опоясывающий горшок, либо короткие вертикальные или наклонные отрезки. Как правило, эти элементы сочетаются со шнуром и ямками, образуя с ними сложные ком-

бинации (рис. 5: 4).

Ямки на посуде, имеющейся в коллекции, округлой формы, встречаются с «рваными» краями. Присутствуют и вдавления подтреугольной формы (вершиной вверх), каплевидные и близкие к ногтевидным. Часто ямки образуют выпуклины с обратной стороны.

Нарезной орнамент не характерен для гибридной керамики и зафиксирован в одном случае.

Орнаментальная композиция чаще всего начинается оттисками шнура (46%), далее следует сюжет из горизонтально расположенного шнура (одиночного или спаренного) и ямок в одном ряду (24%). Вдавления также начинают композицию в 24% случаев, а оттиски гребенчатого штампа в начале орнаментальной зоны встречаются только в 6% случаев. Сочетаемость элементов орнамента выглядит следующим образом: шнуровые оттиски и вдавления (85%), шнуровые и гребенчатые оттиски (10%), оттиски шнура, нарезной орнамент и гребенчатые оттиски (2,5%), шнуровые оттиски, вдавления и оттиски гребенчатого штампа (2,5%). В целом при построении орнаментальных композиций наиболее часто использованы вдавления в сочетании с шнуровыми оттисками.

Изученная коллекция позволяет утверждать, что стиль орнаментации гибридной керамики из поселения Водоба II характерен для орнаментальной традиции ВВК АКЮ, носители которой широко распространились в регионе в середине I тыс. до н. э. Стоит подчеркнуть, что подобные коллекции гибридной посуды в районе Белого озера и других, более мелких озер, находящихся в его округе – Андозеро, Лозское, Азатское, собраны на поселениях Водоба, Яковлево, Левково, Веромень I, Яглоба I, Пружинино III и др. (рис. 1). Так, практически тождественные комплексы гибридной

керамики обнаружены М.Е. Арсаковой в 1927 г. при раскопках поселения Водоба, где много керамики именно с подштрихованной и заглаженной поверхностью. Эта керамика отражает формирование гибридных сосудов, имеющих в том числе и подштрихованную поверхность. Стенки сосудов в коллекции из Водобы зачастую толстые, отмечается и массивность венчика на гибридной посуде. Здесь следует заметить, что для поселений, приуроченных к основному течению Верхней Волги, керамика с подштрихованной поверхностью и орнаментированная оттисками шнура не типична, несколько меньше у неё и толщина стенок сосудов.

Возвращаясь к коллекции из поселения Водоба II, скажем об одном оригинальном гибридном сосуде, относящемся к V в. до н. э. Поверхность горшка заглажена, в формовочную массу добавлена дресва. Край оформлен в виде воротничка, шейка вогнута (рис. 4: 16). Низ воротничка украшен продолговатыми вдавлениями, по шейке в несколько горизонтальных рядов нанесены мелкие наколы, напоминающие оттиски гребенчатого штампа, в связи с чем внешняя поверхность приобретает рифлёную структуру. Близкий по стилю орнамент, только состоящий из оттисков гребенчатого штампа, известен на сетчатой керамике финала бронзы из поселения Вознесенское IV, расположенного в районе Галичского озера. Воротнички в целом характерны для ананьинской посуды, и это пока единственный известный в районе Белого озера гибридный горшок с воротничком. Следует вспомнить и еще об одном интересном гибридном сосуде с коротким воротничком, плоским дном с небольшой закраиной и украшенном шнуровым орнаментом, найденном на поселении «Дом охотника» в бассейне средней Шексны (Новиков, 2022, рис. 3: 7). Однако всё же отметим, что

керамика с воротничком не типична для населения РЖВ Белозерья.

Безусловно, гибридная керамика с ананьинскими признаками на огромных территориях, несмотря на разнообразие и специфичные отличия, имеет общие схожие черты. С середины I тыс. до н. э. Белозерье включается в большой культурный мир поселений с гибридной керамикой различных региональных типов, раскинувшийся от Прионежья до Верховьев Волги (Новиков, 2022). Об отсутствии резких границ между культурами с ананьинскими элементами в Северо-Западной России и существовании переходных зон, где сочетаются признаки граничащих типов, говорил и М.Г. Косменко (Косменко, 2006, с. 210).

Говоря о региональных отличиях, отметим, что «Белозерская гибридная» керамика РЖВ также имеет свои особенности: более массивный венчик и толстые стенки у сосудов (как на предшествующей керамике), преобладание трёхрядных оттисков шнура (при этом часто встречаются толстые оттиски), расположение в одном ряду ямок и оттисков шнура, более грубые примеси дресвы в формовочной массе, подштриховка поверхности сосудов. В совокупности все эти характерные специфичные признаки отображают культурное своеобразие региона в рамках «гибридного мира». К примеру, просматриваются некоторые отличия от верхневолжских древностей типа «Ватажка» и поселений Верхнего Посухонья. Ни на памятниках Верхнего Посухонья, ни Белозерья сейчас не известно плавнопрофилированной заглаженной керамики АКМО с воротничком, сочетающей в орнаментальном поле элементы, выполненные вдавлениями шнуровыми и гребенчатыми оттисками (типично для ВВК АКМО), такой как на поселении Ватажка (Новиков, 2018). На отсутствие воротничков на керамике типа «Водоба» обращал внимание и

А.М. Жульников (Жульников, 2008, с. 40). На Вексе I изготавливалась гибридная керамика с воротничком и обработанная с внешней поверхности сетчатыми отпечатками (Новиков, Недомолкина, 2021). Такая керамика, напротив, пока не известна на поселениях Верхней Волги и Белозерья. Обобщая эти данные, можно говорить о следующих, известных на сегодняшний день региональных типах гибридной керамики: «Ватажка», распространившейся от южной части Молого-Шекснинской низменности до Костромской низины; «Водоба», изготавливавшейся в окрестностях Белого озера и севернее; и «Векса I», имеющей распространение в Верхнем Посухонье.

Таким образом, начиная с середины I тыс. до н. э. складывается единый «гибридный мир» с керамикой разных типов, сформировавшийся под воздействием ВВК АКИО и не без основания относящийся к ареалу культуры гребенчато-шнуровой керамики (Кузьминых, Чижевский, 2020, илл. 2). Специфика керамических наборов, формирующихся до начала расселения ананьинских групп в отдельных регионах, является основой формирования региональных особенностей гибридной керамики. Так, в Белозерье наряду с керамикой, декорированной сетчатыми отпечатками, в РЖВ распространяется заглаженная и подштрихованная (такой тип на поселениях встречается чаще, чем с сетчатой поверхностью). Керамика относительно толстостенная, с массивным краем. Здесь стоит отметить, что массивный край весьма характерен и для керамики типа лууконсаари (Жульников, 2005, рис. 145–146).

В регионе Белозерья изготавливалась посуда, в основном имеющая округлые формы дна, в отличие от керами-

ки с плоским дном, нередко с закраиной, традиционной для территорий Верхнего Посухонья и районов Верхней Волги в финале бронзы – раннем железном веке.

В целом по совокупности признаков керамика из поселения Водоба II может быть отнесена к позднекаргопольской (в рассмотренной коллекции имеется заглаженная с гребенчатым штампом, подштрихованная и сетчатая с рябчатыми отпечатками, гибридная посуда с перечисленными выше признаками и АКИО). Керамические наборы с таким же соотношением перечисленных типов керамики на поселениях, раскинувшихся по берегам Верхней Волги, не известны.

На наш взгляд, можно говорить о двух крупных этапах развития поселений в I тыс. до н. э. в окрестностях Белоозера. На первом, раннем (финал бронзы – начало РЖВ, до VI в. до н. э.), изготавливается посуда трех типов: подштрихованная, сетчатая с рябчатым отпечатком (иногда обе техники обработки внешней поверхности горшка совмещены), с заглаженной поверхностью, орнаментированной оттисками гребенчатого штампа. Более узкие временные рамки появления и развития отдельных керамических традиций на позднекаргопольских поселениях на раннем этапе еще, безусловно, предстоит уточнять. Второй этап, начало которого хронологически относится к середине I тыс. до н. э. (VI/V вв. до н. э.), ознаменовался повсеместным распространением на данных территориях носителей вятско-ветлужских керамических традиций АКИО. Появляется гибридная керамика, сочетающая признаки керамики предшествующих типов и ВВК АКИО. Гибридная керамика изготавливалась на поселениях в V–III вв. до н. э.

Благодарности. Автор выражает благодарность за помощь при работе в фондах музея А.В. Кудряшову.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.
2. Жульников А.М. Западное Беломорье в эпоху раннего железа: динамика межкультурного взаимодействия // РА. 2008. № 4. С. 34–42.
3. Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.: Наука, 1993. 215 с.
4. Косменко М.Г. Проблемы изучения этнической истории бронзового века – раннего Средневековья в Карелии // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – Средневековье) / Ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 158–229.
5. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22–36.
6. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Культуры раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Каталог выставки «Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.» / А.Ю. Алексеев, М. Наврот, А. Гасс, Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист, 2020. С. 244–255.
7. Манюхин И.С. Специфические черты позднекаргопольской культуры // КСИА. Вып. 194 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1988. С. 11–16.
8. Манюхин И.С. Позднекаргопольская культура // Археология Карелии / Ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. С. 220–237.
9. Манюхин И.С. Этногенез саамов (опыт комплексного исследования). Автореф. дисс... докт. ист. наук. Ижевск, 2005 г. 38 с.
10. Марков В.Н. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 92–113.
11. Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.
12. Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология Евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. 2018. № 2. 281 с.
13. Новиков А.В. Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 179–200.
14. Новиков А.В. К вопросу о развитии сетчатых керамических традиций в поздний период эпохи бронзы — раннем железном веке в окрестностях Галичского озера (по материалам городища Брюхово) // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 329–368.
15. Новиков А.В. Одоевское городище. К вопросу о культурной специфике Поволжья в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 108–169.
16. Новиков А.В. Культурная трансформация на Верхней Волге в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 382–405.
17. Новиков А.В. Керамические комплексы железного века поселения «Паново городище» // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 214–242.
18. Новиков А.В., Недомолкина Н.Г. Керамика эпохи поздней бронзы — раннего железного века поселения Векса I (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 12 / Под ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 353–374.
19. Ошибкина С.В. Краткая характеристика позднекаргопольской культуры // Поволжья // КСИА. Вып. 142 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 18–24.
20. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Наука, 1966. 308 с.
21. Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР / МИА. № 29. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 279 с.
22. Черных Е.М., Чижевский А.А. Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) // Археология Волго-

Уралья. Т. 3 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 217–241.

Информация об авторе:

Новиков Александр Викторович, кандидат исторических наук, заместитель генерального директора. ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома, Россия); кае44@mail.ru, novikov-kostroma@mail.ru

POTTERY ASSEMBLAGES FROM VODOBA II SETTLEMENT IN THE LIGHT OF IDEAS ABOUT THE EARLY IRON AGE IN LAKE BELOYE REGION

A.V. Novikov

The paper deals with the analysis of materials from the Vodoba II settlement that demonstrates a complicated process of development of Late Kargopol antiquities nearby Lake Beloye. The discovered pottery assemblages are syncretic. Several types of ceramics are distinguished: textile, brushed, smoothed with impressions of a comb stamp, ceramics of the Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino cultural and historical area (ACHA) and hybrid. It is this combination in ceramic sets from ancient settlements that determines the specificity of Late Kargopol antiquities. Two major stages in the development of settlements in this region are identified: the first one corresponds to the first half of the I millennium BC, the second one is accompanied by the spread of the bearers of cultural traditions of the Vyatka-Vetluga culture ACHA and the development of hybrid shapes of pottery in the settlements (up to the 3rd century BC) in these areas in the middle of the I millennium BC. At the second stage Lake Beloye area settlements are included in a large "hybrid world" with ceramics of close types, having a certain originality in different regions, which is primarily associated with the traditions of pottery assemblages formation in the previous periods.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Late Kargopol culture, Lake Beloye, Vodoba II settlement, textile ceramics, brushed ceramics, smoothed ceramics with impresses of comb stamp, Ananyino cultural and historical area, hybrid ceramics with features of Vyatka-Vetluga culture ACHA.

REFERENCES

1. Zhul'nikov, A. M. 2005. *Poseleniya epokhi rannego metalla Yugo-Zapadnogo Pribelomor'ya* (Settlements of the Early Metal Age of the Southwestern Belomorian Region). Petrozavodsk: "Paritet: Publ. (in Russian).
2. Zhul'nikov, A. M. 2008. In *Rossiyskaya Arkheologiya* (Russian Archaeology) (4), 34–42 (in Russian).
3. Kosmenko, M. G. 1993. *Arkheologicheskie kul'tury perioda bronzy – zheleznoogo veka v Karelii* (The archaeological cultures of the period of the Bronze–Iron Ages in Karelia). Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Kosmenko, M. G. 2006. In Kosmenko, M. G., Kochkurkina, S. I. (eds.). *Problemy etnokul'turnoy istorii naseleniya Karelii (mezolit – Srednevekov'e)* (Issues of the ethnocultural history of the population of Karelia (Mesolithic – Middle Ages)). Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS Publ., 158–229 (in Russian).
5. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 3. 22–36 (in Russian).
6. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2020. In Alekseev, A. Yu., Navrot, M., Gass, A., Piotrovskiy Yu. Yu. (eds.). *Zheleznyy vek. Evropa bez granits. Pervoe tysyacheletie do n. e. Katalog vystavki* (The Iron Age. Europe without Borders. First Millennium Before the Common Era. Catalogue of Exhibition). Saint Petersburg: "Chisty list" Publ., 244–255 (in Russian).
7. Manyukhin, I. S. 1988. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 194. Moscow: "Nauka" Publ., 11–16 (in Russian).
8. Manyukhin, I. S. 1996. In Kosmenko, M. G., Kochkurkina, S. I. (eds.). *Arkheologiya Karelii* (Archaeology of Karelia). Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS Publ., 220–237 (in Russian).
9. Manyukhin, I. S. 2005. *Etnogenez saamov (opyt kompleksnogo issledovaniya)* (Ethnic genesis of the Sami (the experience of a comprehensive study)). Doct. Diss. Thesis. Izhevsk (in Russian).
10. Markov, V. N. 1988. In Starostin, P. N. (ed.). *Pamyatniki pervobytnoy epokhi v Volgo-Kam'e* (Sites of the Primeval Period in the Volga-Kama Region). Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 92–113 (in Russian).

11. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskiu epokhu (The Lower Kama Region during the Ananyino Epoch)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
12. Novikov, A. V. 2018. *Poseleniia s grebenchato-shnurovoi i shnurovoi keramikoi rannego zheleznogo veka Kostromskogo Povolzh'ia (Settlements with comb-corded and corded ceramics of the early iron age from the Kostroma Volga Region)*. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 2* (in Russian).
13. Novikov, A. V. 2019. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 2*, 179–200 (in Russian).
14. Novikov, A. V. 2020. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 2*, 329–368 (in Russian).
15. Novikov, A. V. 2021. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 2*, 108–169 (in Russian).
16. Novikov, A. V. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 2*, 382–405 (in Russian).
17. Novikov, A. V. 2023. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 2*, 214–242 (in Russian).
18. Novikov, A. V., Nedomolkina, N. G. 2021. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection) 12*. Tver: "Triada" Publ., 353–374 (in Russian).
19. Oshibkina, S. V. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 142*. Moscow: "Nauka" Publ., 18–24 (in Russian).
20. Tret'yakov, P. N. 1966. *Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge (The Finno-Ugrians, the Balts and the Slavs on the Dnieper and Volga)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Foss, M. E. 1952. *Drevneyshaya istoriya severa evropeyskoy chasti SSSR (Ancient History of the Northern Area of the European Part of the USSR) 29*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 99. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
22. Chernykh, E. M., Chizhevsky, A. A. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Ranniy zheleznyy vek (The early Iron Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 217–241 (in Russian).

About the Author:

Novikov Alexander V. Candidate of Historical Sciences. "Kostromskaia Arkheologicheskaiia Ekspeditsiia" Ltd. Marshal Novikov Str., 10, Kostroma, 156013, Russian Federation; kae44@mail.ru, novikov-kostroma@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

Z-СИМВОЛИКА В ТРАКТОВКЕ СЕМАНТИКИ ФОРМЫ S-ВИДНЫХ И Г-ОБРАЗНЫХ СКИФСКИХ ПСАЛИЕВ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЗОНЫ

© 2024 г. Л.С. Добровольский, У.У. Умиткалиев

Работа посвящена малоизученному и актуальному вопросу региональной специфики формирования и развития дионисийского культа и орфического учения, распространённых в Северном Причерноморье в период греческой колонизации VI–V вв. до н.э. На обширном скифском археологическом материале восточноевропейской зоны изучается оформление предметов конского оголовья, декорированных культовой символикой Диониса-Загрея. S-видные и Г-образные скифские псалии служат объектом исследования на предмет соответствия их формы начертаниям начальной буквы в греческом имени Загрея на костяных пластинках из Ольвии, которые являются первым эпиграфическим свидетельством проникновения орфического учения в Северное Причерноморье. Результаты выявляют семантическое наполнение формы скифских псалиев, имитирующей начертание буквы дзета – начальной буквы в имени Диониса-Загрея или служащая обозначением семёрки – числа, магического для приверженцев дионисийского культа и орфизма как религиозно-философского учения. Символики дионисийского культа и орфического учения, использованная скифами при изготовлении элементов декора конского снаряжения, выполняла апоторопеическую и мистическую функции для посвящённых или приближённых к этому культу, или служила определённым отличительным знаком в обществе. Дальнейшее изучение скифских артефактов на предмет наличия дионисийской символики позволят проследить степень распространения культа Диониса, произвести сравнительную характеристику с другими зонами скифо-сибирского мира и раскрыть семантическую нагрузку звериных образов в связи с формой изделий, декорированных в скифском зверином стиле.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Северное Причерноморье, дионисийская символика, культ Диониса-Загрея, орфизм, скифские псалии.

Введение

В период греческой колонизации VI–V вв. до н. э. культ Диониса и примыкавший к нему орфизм получили широкое распространение в Северном Причерноморье. В современной истории и археологии вопросы, связанные с региональной спецификой формирования и развития дионисийского культа и орфизма, а также распространения и отношения к нему автохтонного окружения греческих городов, являются малоизученными и актуальными.

Как предполагают исследователи, распространение культа Диониса с VI в до н. э. было обусловлено земледельческим характером экономики греческих колоний, определившим значимость покровителей плодородия земли – Деметры, Коры и Диониса – в мировоззрении северопричерномор-

ских греков. В скифском пантеоне отсутствовало божество, близкое по функциям к Дионису – богу плодородия, виноградарства и виноделия, поскольку скифы не культивировали виноград и не занимались виноделием. Первоначально это препятствовало проникновению дионисийского культа в среду варваров, но осваиваясь с греческой традицией винопития, скифы восприняли и некоторые стороны почитания бога вина (Винокуров, 2002, с. 38; Кузина, 2008, с. 4, 18; Кузина, 2011, с. 650; Русяева, 1978, с. 88).

В «Истории» Геродота сообщается, что основная часть скифов проявляла враждебность к заимствованию эллинских обычаев и религии, но вместе с тем женатый на гречанке скифский царь Скил имел дом в Ольвии и был посвящён в таинства Диониса-Вакха

(Геродот, 1972, с. 76–78). Письменные свидетельства о культе Диониса в древнегреческих городах Северного Причерноморья дополняются данными эпиграфики, нумизматики и археологическими материалами. Так, на основе анализа изображений на памятниках торевтики и посуде, происходящих из погребений варварской знати, М.В. Русяева выдвинула предположение, что вакхические мистерии пропагандировались греками в скифской среде (Русяева, 1995, с. 22–33).

Как отмечает Н.В. Кузина, обнаруженные в скифских курганах в степях Северного Причерноморья, Приднепровья и Побужья изображения Диониса и его спутников – сатиров, силенов и менад – широко представлены на нашивных бляшках и пластинках, служивших украшениями головных уборов, парадных и погребальных одежд варварской знати (Онайко, 1970; Артамонов, 1966; Русяева, 1995; Фиалко, 2003), на чеканной посуде, а также встречаются в декоре оружия и конской сбруи (Кузина, 2011, с. 651).

Цель работы – на скифском археологическом материале восточноевропейской зоны изучить оформление предметов конского оголовья, декорированных символикой культа Диониса-Загрея. Объект исследования – S-видные и Г-образные скифские псалии. Предмет исследования – соответствие формы псалий тем начертаниям начальной буквы в греческом имени Загрея, которые ранее были выявлены на костяных пластинках из Ольвии и являются первым эпиграфическим свидетельством проникновения орфического учения в Северное Причерноморье.

Методологической основой работы является общенаучный гипотетико-дедуктивный метод, построенный на принципах объективности, историзма и системности при использовании синхронно-диахронического подхода

к рассмотрению исторических фактов и комплексного подхода к источникам, состоящим в интеграции письменной традиции, данных эпиграфики и археологических материалов.

Результаты и их обсуждение

Обрядовая практика мистерий-триетерид в честь Диониса-Загрея отражает древнейшие черты дионисийского культа, восходящие ещё к первобытной эпохе. С VI в. до н. э. мистерияльная сторона культа Диониса испытывала влияние религиозно-философского учения – орфизма, который составил одно из направлений в дионисийстве. В конце VI–V вв. до н. э. получает распространение орфический культ Диониса, где бог выступал в архаической ипостаси Загрея – покровителя душ умерших, способствующего их возрождению. В V–IV вв. до н. э. орфическое учение широко распространилось от Великой Греции до Северного Причерноморья (Кузина, 2008, с. 17; Кузина, 2011, с. 650). Как отмечает А.С. Русяева, сущность орфизма, провозглашавшего идею бессмертия в потустороннем мире, возможность избавления от мучений после смерти и нравственное очищение человека после посвящения в орфические таинства, заключалась в мистическом учении, происходящем из земледельческой магии (Русяева, 1978, с. 88).

А.С. Русяева предполагает, что появление в Ольвии в IV–II вв. до н. э. сравнительно большого количества букраниев и секир местного производства указывает на возрождение древнейшей формы культа Диониса-Загрея и на его своеобразие с элементами каких-то религиозно-философских учений (Русяева, 1978, с. 101). Дионис имел в Ольвии самостоятельный культ, официально признанный и доступный благодаря своим празднествам и ритуалу широким массам населения (Русяева, 1978, с. 103). Косвенным свидетельством

существования орфизма в северопонтийском регионе является бронзовое зеркало, найденное в архаическом погребении Ольвии (Розанова, 1968, с. 248–250). К культу Диониса-Загрея и связанному с ним орфическому религиозно-философскому учению относятся обнаруженные в районе ольвийского теменоса костяные пластинки V в. до н. э., в которых имя бога упоминается в сочетании с названием его почитателей – орфиков. Граффити на костяных пластинках впервые в эпиграфике показали связь этого учения с религией Диониса-Загрея и стали первым прямым свидетельством проникновения в Ольвию орфических учений (Русяева, 1978, с. 87–95).

Согласно выводам А.С. Русяевой, не только по материалу, качеству изготовления и совместному нахождению, но и по содержанию они объединены между собой: о связи этих граффити с культом Диониса свидетельствует сокращенное написание его имени на всех трех пластинках. На первой из них имя Диониса находится в сочетании со словом «орфики» (Русяева, 1978, с. 90). Как отмечает А.С. Русяева, по условиям находки пластинки датируются V в. до н. э., и палеографический анализ не противоречит этой датировке. На всех трёх пластинках прочерчены *альфа* и знак, напоминающий **Z**, – числовые обозначения единицы и семерки в их мистическом или магическом смысле. Хотя *дзета* на всех трёх пластинках и не соответствует её ранней форме, подобное воспроизведение этой буквы объясняется скорописью или магическим обозначением семерки. Исследовательница не исключает также, что **Z** могла быть первой буквой от слова *Ζαυρέυς* (Русяева, 1978, с. 88–90).

На пятой костяной пластинке изображён бегущий конь с опущенной вниз головой (Русяева, 1978, с. 89, рис. 5; 6, 5), в схематическом изобра-

жении гривы которого, как предполагает А.С. Русяева, прочерчена *альфа*, а в нижнем правом углу пластинки прочерчена *дзета* – эти две буквы, как и на предыдущих пластинках, интерпретируются как символ расчленения и единения Загрея-Диониса (Русяева, 1978, с. 95). К этому сюжетному плану исследовательница причисляет и рисунок в виде прямоугольника, разделенного на семь частей с семью овалами внутри, на оборотной стороне второй костяной таблички (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6–2б). «Видимо, из мифа о расчленении Титанами Диониса на семь частей и воссоединении его в единое целое, – отмечает А.С. Русяева, – проистекает особое увлечение орфиков мистикой чисел, в особенности единицей и семеркой, которое в учении пифагорейцев превратилось в своеобразную философию чисел и числовых отношений» (Русяева, 1978, с. 91).

В ряде работ нами были изучены дионисийские мотивы в восточноевропейском скифском зверином стиле (Добровольский, 2023; Добровольский и др., 2023; Добровольский, Умиткалиев, 2023а; Добровольский, Умиткалиев, 2023б).

Поскольку изображения Диониса и его спутников широко представлены в декоре скифской конской сбруи (Кузина, 2011, с. 651), в этой статье рассмотрим такой важный элемент конского оголовья, как псалии, в ракурсе символической связи их формы с орфическим учением.

Узда как приспособление для езды на верховой или упряжной лошади в евразийских степях появилась в эпоху энеолита (Телегин, 1973, с. 136–139). Главным предназначением псалиев было предотвращать смещение удил, но также к ним прикреплялись разветвлённые боковые ремни оголовья (Могилов, 2008, с. 23).

Как отмечает Ю.В. Полидович, на период XVII–XV вв. до н. э. при-

ходится расцвет древнего типа узды, основой которой являлись щитковые и желобчатые костяные псалии, подавляющая часть которых была декорирована различными геометрическими композициями. В последующие века эпохи поздней бронзы бытовал иной тип псалий – костяной или роговой стержень с тремя отверстиями, только изредка декорированный геометрическими композициями (Полидович, 2004а, с. 143).

В предскифский период в комплект узды часто входили украшенные геометрическим орнаментом бляшки и обоймы (Тереножкин, 1976), изредка бронзовые псалии украшались рельефными выступами (Вальчак, 2000), а костяные – геометрическим орнаментом (Тереножкин, 1961; Колотухин, 1982). В большинстве случаев в предскифский период типичной формой декора псалий было оформление концов стержней в виде «шляпок», «шишечек», иногда лопастей. Начало скифской эпохи обозначилось появлением псалий, оформленных в скифском «зверином стиле»: на раннескифское время приходится наибольшее количество псалий с зооморфным оформлением (Полидович, 2004а, с. 143).

В VII–VI вв. до н. э. бытовало несколько типов псалий, различающихся по форме и материалу (Іллінська, 1961; Ильинская, 1968, с. 106–108). В большинстве случаев – это костяные пластинчатые псалии с тремя отверстиями, железные трехпетельчатые стержневидные псалии с загнутым верхним концом. Также в небольшом количестве встречаются бронзовые или железные псалии, подражающие костяным, и псалии роговидной формы. С конца VI–V вв. до н. э. получили распространение двудырчатые псалии – новый тип, с иной системой крепления с удилами и, возможно, с иным типом узды (Полидович, 2004а, с. 145–153).

По форме бронзовые и железные псалии делятся на четыре типа: 1) прямые стержневидные; 2) S-видно изогнутые; 3) стержневидные с загнутым концом (Г-образные); 4) серповидные или С-видные (Смирнов, 1961, с. 82–84; Петренко, 1967, с. 36–38; Ильинская 1968: 117; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 93; Махортых, 1991, с. 70–71). О.Д. Могилов разделяет скифские псалии по количеству отверстий на два подкласса (с тремя/двумя отверстиями); по материалу изготовления – на восемь групп (костяные/серебряные/бронзовые/железные/комбинированные); по способу оформления отверстий – на 13 отделений; по форме и оформлению концов и способу соединения удил с псалиями – на 69 типов. Все псалии являются вариациями пяти основных разновидностей: прямые, с согнутым концом, С-, S- и Г-видные (Могилов, 2008, с. 23–24).

Скифские псалии восточноевропейской зоны, имеющие, согласно приведенным классификациям, S-видную и Г-образную форму, рассмотрим на предмет схожести их формы с начертаниями буквы *дзета* на костяных пластинках из Ольвии. Сгруппируем псалии согласно особенностям их формы и декорирования завершений.

1. Псалии, форма которых образована полнофигурным изображением животного (V–IV вв. до н. э.)

Форма псалий схожа с начертанием буквы *дзета* на оборотной стороне второй пластинки в верхнем правом углу (как отмечает А.С. Русяева, это «знак в виде перевернутой *сигмы* или же неряшливо исполненная *дзета*») (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6, 2б) (рис. 1: 1–8).

Форма псалий схожа с начертанием буквы *дзета* на первой пластинке – в правом верхнем углу знак типа Z, но более вытянутый (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6, 1а) (рис. 1: 9, 10, 11).

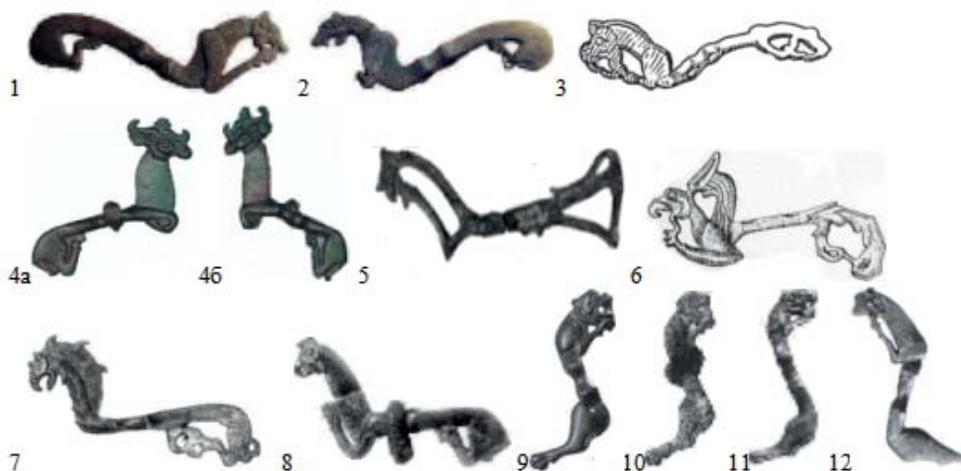

Рис. 1. Бронзовые псалии, форма которых является полнофигурным изображением животного. 1-2 – скопл. 13 рит. компл., к. 1, мог. Псенафа (Эрлих, Канторович, 2017, с. 391, рис. 2: 1, 2); 3 – коллекция Мерля де Массоно («Майкопский клад») (Эрлих, Канторович, 2017, с. 392, рис. 3); 4а-б – Уляпский могильник, к. 2, рит. пл. (Канторович, 2015, с. 1444, рис. 1); 5 – Хут. Шунтук (разруш. компл.) (Канторович, 2015, с. 1517, рис. 1); 6 – Тузлинский могильник (Канторович, 2015, с. 1615, рис. 1); 7 – Станица Кужорская, к. 1, конская мог., набор № 7 (Канторович, 2015, с. 1615, рис. 2); 8 – «Майкопский клад» (Канторович, 2015, с. 1615, рис. 3); 9-11 – Семибратние курганы, к. 4 (Эрлих, Канторович, 2017, 393, рис. 4: 1, 3, 4); 12 – «Майкопский клад» (Эрлих, Канторович 2017: 393, рис. 4: 5).

Fig. 1. Bronze cheekpieces, the shape of which is a full-figure image of an animal.

Форма псалиев схожа с начертанием буквы *дзета* на первой пластинке – в третьем ряду в крайней позиции справа (как отмечает А.С. Русяева, это «буква N, или же, если смотреть сбоку, знак, напоминающий Z») (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6, 1а) (рис. 1: 12).

2. Псалии, завершения которых являются редуцированными изображениями животных по типу α-ω (изображения протомы и конечности) (V–IV вв. до н. э.)

Форма псалиев схожа с начертанием буквы *дзета* на оборотной стороне второй пластинки в верхнем правом углу («знак в виде перевернутой *сигмы* или же неряшливо исполненная *дзета*») (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6, 2б) (рис. 2: 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9а–б).

Форма псалиев схожа с начертанием буквы *дзета* на оборотной стороне второй пластинки снизу (как отмечает А.С. Русяева, «внизу *дзета* того же

типа, что на предыдущей пластинке») (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6, 2б) (рис. 2: 6, 8).

3. Псалии, завершения которых являются редуцированными изображениями животных по типу α-ω (изображения головы/отдельных её элементов и конечности/её элемента) (VI–IV вв. до н. э.)

Форма псалиев схожа с начертанием буквы *дзета* на первой пластинке – в правом верхнем углу (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6, 1а) (рис. 3: 1, 2, 4, 5, 6, 8).

Форма псалиев схожа с начертанием буквы *дзета* на первой пластинке – в третьем ряду в крайней позиции справа (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6, 1а) (рис. 3: 17, 18, 19).

Форма псалиев схожа с начертанием буквы *дзета* на пятой пластинке («Вертикальная черточка этой буквы согнута дугой и сильно вытянута кни-

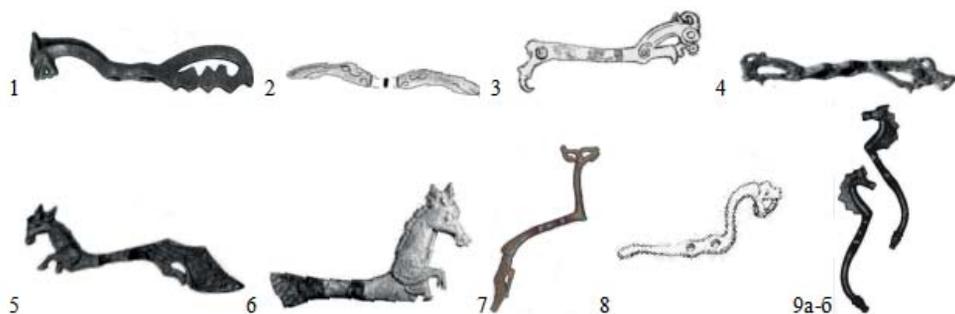

Рис. 2. Бронзовые псалии, завершения которых являются редуцированными изображениями животных по типу $\alpha - \omega$ (изображения протома и конечности). 1 – Уляпский мог., к. 5, рит. площ. (Канторович, 2015, с. 1409, рис. 8); 2 – Южн. Елизаветинский кург. (к. 4/1913 г.) (Канторович, 2015, с. 1492, рис. 3); 3 – Майкопский район (Канторович, 2015, с. 1501, рис. 6); 4 – «Майкопский клад» (Канторович, 2015, с. 1501, рис. 7); 5 – 2-й Семибратний курган (Канторович, 2015, с. 1527, рис. 1); 6 – 2-й Семибратний курган (Канторович, 2015, с. 1527, рис. 2); 7 – Станица Кужорская, к. 1 (Канторович, 2015, с. 1462, рис. 1); 8 – Ставрополье, р. Мамайка (Канторович, 2015, с. 1408, рис. 5); 9а-б – Уляпский мог., к. 5, рит. площ. (Канторович, 2015, с. 1652, рис. 1).

Fig. 2. Bronze cheekpieces, the ends of which are reduced images of animals of the $\alpha - \omega$ type (images of protoma and limbs).

зу») (Русяева, 1978, с. 88–89, рис. 6, 5) (рис. 3: 11, 12, 13, 14, 15, 16, 21–27).

Форма псалиев схожа с начертанием буквы *дзета* на оборотной стороне второй пластинки снизу (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6, 2б) (рис. 3: 28).

4. Псалии, завершения которых являются редуцированными изображениями животных по типу $\alpha - \alpha$ (изображения головы/отдельных её элементов на обоих завершениях) или по типу $\omega - \omega$ (изображение элемента конечности на обоих завершениях) (VI–IV вв. до н.э.)

Форма псалиев схожа с начертанием буквы *дзета* на четвёртой пластинке (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6, 4а) (рис. 3: 1, 11).

Форма псалиев схожа с начертанием буквы *дзета* на первой пластинке (в правом верхнем углу знак типа Z, но более вытянутый) (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6, 1а) (рис. 3: 2–10).

5. Псалии, завершения которых не декорированы или декорированы не зооморфно (VI–IV вв. до н.э.)

А.Д. Могиллов приводит классификацию S-видных и Г-образных псалиев в восточноевропейской зоне

лесостепного пояса и их аналогии в степном поясе. По нашим наблюдениям, среди них **Г-образные** псалии – бронзовые со срезанно-коническим завершением (Могиллов, 2008, рис. 68: 12) – имеют форму, схожую с начертанием буквы *дзета* на оборотной стороне второй пластинки снизу (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6–2б) (рис. 5: 1); железные с коротким концом, загнутым под прямым углом (Могиллов, 2008, рис. 80: 1–5, 8, 16–19), и железные с гулькой на конце (Могиллов, 2008, рис. 80: 15) имеют форму, схожую с начертанием буквы *дзета* на пятой пластинке (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6-5) (рис. 5: 2, 3).

Приведём перечень **S-видных псалиев**, форма которых схожа с начертанием буквы *дзета* в правом верхнем углу на первой пластинке (Русяева, 1978, с. 89, рис. 6-1) (рис. 5: 4–15):

1) бронзовые: простые (Могиллов, 2008, рис. 69: 1–9) (рис. 5: 4); декорированные гульками на концах (Могиллов, 2008, рис. 69: 10–13) (рис. 5: 5); с рифлёным стержнем и с гульками (Могиллов 2008, рис. 69: 14) (рис. 5: 6); с рифлёным стержнем (Могиллов,

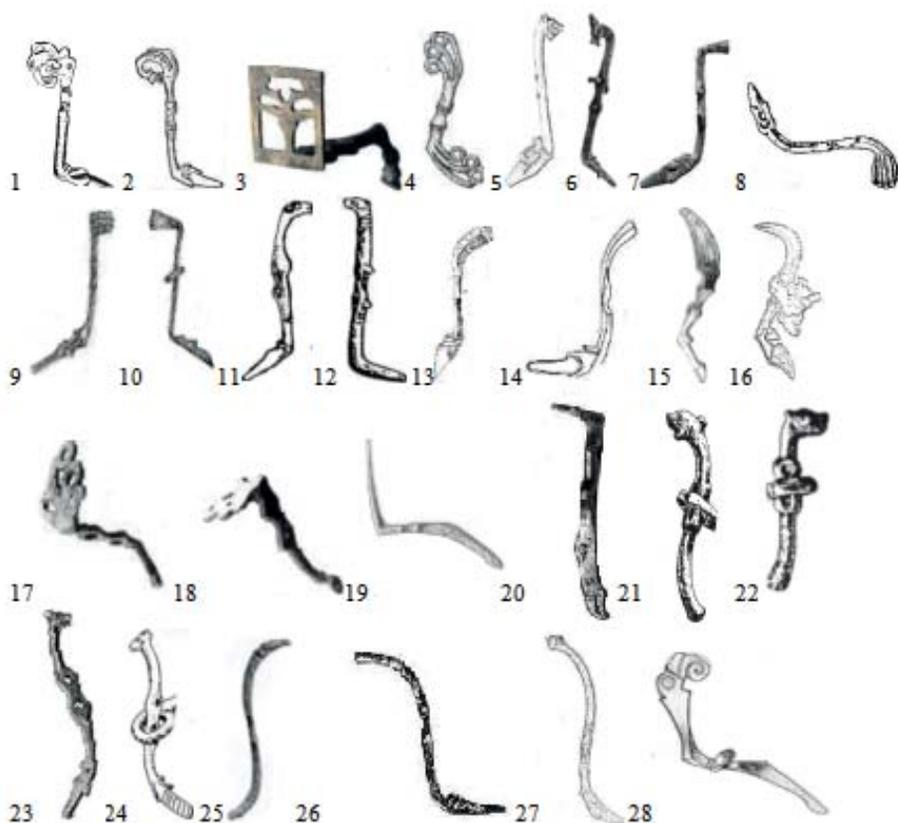

Рис. 3 Бронзовые и железные псалии, завершения которых являются редуцированными изображениями животных по типу $\alpha - \omega$ (изображения головы/ отдельных её элементов и конечности/ её элемента). 1 – Волковцы, к. 4, п. 4 (Могилов, 2008, рис. 72: 1а); 2 – Стеблев, к. 3 (Канторович, 2015, с. 1479, рис. 16); 3 – Большая Близнаца (Канторович, 2015, с. 1464, рис. 1); 4 – Уляпский мог., к. 2, рит. пл., конь 2 (Канторович, 2015, с. 1479, рис. 17); 5 – Осетия, СОГОМИАЛ (Канторович, 2015, с. 1554, рис. 8); 6 – Аксютинцы, к. 1 (1883–1885 гг.) (Канторович, 2015, с. 1554, рис. 9); 7 – «Майкопский клад» (Канторович, 2015, с. 1554, рис. 4); 8 – Первомаевка Херсонской обл., к. 2, п. 1 (Канторович, 2015, с. 1428, рис. 1); 9 – Николаевка Одесской обл., к. 8, п. 14 (Канторович, 2015, с. 1428, рис. 2); 10 – Скифская могила, бок. гробн. (Канторович 2015: 1428, рис. 3); 11 – Роменский уезд (Канторович 2015: 1514, рис. 1); 12 – Хитцы (Канторович 2015: 1514, рис. 2); 13 – Первомаевка, группа I, к. 4, п. 1, (Канторович, 2015, с. 1554, рис. 1); 14 – Аксютинцы, к. 2 (1883–1885 гг.) (Канторович, 2015, с. 1554, рис. 2); 15 – Семибратние курганы, к. 2 (Канторович, 2015, с. 1555, рис. 5); 16 – Семибратние курганы, к. 2 (Канторович, 2015, с. 1555, рис. 6); 17 – Могильник Лебеди-III, п. 1-3 (Каменецкий, 2011, рис. 223: 1); 18 – Могильник Лебеди-III, п. 1-3 (Каменецкий, 2011, рис. 223: 2); 19 – Южный Елизаветинский курган (к. 4/1913 г.) (Канторович, 2015, с. 1492, рис. 1); 20 – Елизаветинские курганы, к. 7/1917 г. (Канторович, 2015, с. 1492, рис. 6); 21 – Макеевка, к. 491 (Могилов, 2008, рис. 78: 20); 22 – Макеевка, к. 491 (Могилов, 2008, рис. 78: 21); 23 – Гайманова могила, центр. гр. (№2) тризна, компл. № 5 (Канторович, 2015, с. 1408, рис. 7); 24 – Русская Тростянка, к. 13 (Канторович, 2015, с. 1408, рис. 9); 25 – Елизаветинская, к. 7/1917 г. левый (Канторович, 2015, с. 1510, рис. 1); 26 – Волковцы, к. 1/1897 г., узд. №4 (Канторович, 2015, с. 1554, рис. 3); 27 – Песочин, к. 9 (Канторович, 2015, с. 1554, рис. 10); 28 – Южный Елизаветинский курган (к. 4/1913 г.) (Канторович, 2015, с. 1492, рис. 2).

Fig. 3. Bronze and iron cheekpieces, the end of which are reduced images of animals of the $\alpha - \omega$ type (images of a head/its individual elements and a limb/its element).

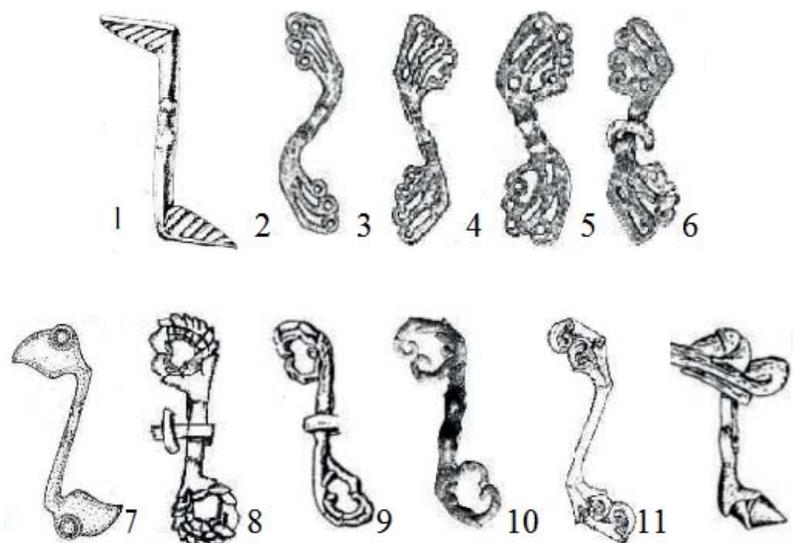

Рис. 4. Бронзовые псалы, завершения которых являются редуцированными изображениями животных по типу $\alpha - \alpha$ или $\omega - \omega$. 1 – Малая Цимбалка, впускное погр. (Канторович, 2015, с. 1549, рис. 2); 2 – Уляпский могильник, к. 2, рит. пл., конь 8 левый (Канторович, 2015, с. 1479, рис. 18); 3 – Уляпский могильник, к. 2, рит. пл., конь 8 правый (Канторович, 2015, с. 1479, рис. 19); 4 – Уляпский могильник, к. 2, рит. пл., конь 9 (Канторович, 2015, с. 1479, рис. 20); 5 – Уляпский могильник, к. 2, рит. пл., конь 12 (Канторович, 2015, с. 1479, рис. 21); 6 – Песочинский могильник, к. 2 (Канторович, 2015, с. 1604, рис. 2); 7 – Перещепино, к. 15, п. 1 (Канторович, 2015, с. 1613, рис. 1); 8 – Плавинищи, к. 484 (Канторович, 2015, с. 1613, рис. 3); 9 – «Майкопский клад» (Канторович, 2015, с. 1613, рис. 4-1); 10 – Ак-Бурун (Канторович, 2015, с. 1613, рис. 6); 11 – Журовка, к. 400 (Канторович, 1956, рис. 6).

Fig. 4 Bronze cheekpieces, the end of which are reduced images of animals of the type $\alpha - \alpha$ or $\omega - \omega$.

2008, рис. 69: 16) (рис. 5: 7); с ромбическим сечением завершений (Могилов, 2008, рис. 70: 1–3) (рис. 5: 8); с уплощёнными завершениями (Могилов, 2008, рис. 70: 4–8) (рис. 5: 9);

2) комбинированные (биметаллические) (железный центр и серебряные (шаровидные) завершения) (Могилов, 2008, рис. 73: 7, 8) (рис. 5: 10); железный центр, с одной стороны бронзовое шаровидное завершение и недекорируемое с другой (Могилов, 2008, рис. 73: 9, 10) (рис. 5: 11); железный центр и бронзовые (шаровидные) завершения с противоположных сторон (Могилов, 2008, рис. 73: 11–17) (рис. 5: 12);

3) железные простые (недекорированные) (Могилов, 2008, рис. 76: 21–32; 77; 78: 1, 2) (рис. 5: 13); с гульками на концах (Могилов, 2008, рис.

78: 3–19) (рис. 5: 14), с уплощёнными концами (Могилов, 2008, рис. 79: 3–13) (рис. 5: 15).

А.И. Иванчик высказал предположение, что различного рода «шишешки» – это изображения фаллосов (Иванчик, 2001, с. 184). Мы также склонны видеть в этом декоре апотропеическую функцию.

Поскольку заклятия, прорицания и магические амулеты были характерны для орфиков, А.С. Русяева допускает, что процарапанные на костяных пластинках из Ольвии буквы *альфа* и *дзета* как обозначение единицы и семёрки служили символично-мистическими знаками растерзания и возрождения в монаде единого бога (Русяева, 1978, с. 92, 95).

Как предполагает Ю.В. Полидович, в скифское и особенно раннескифское

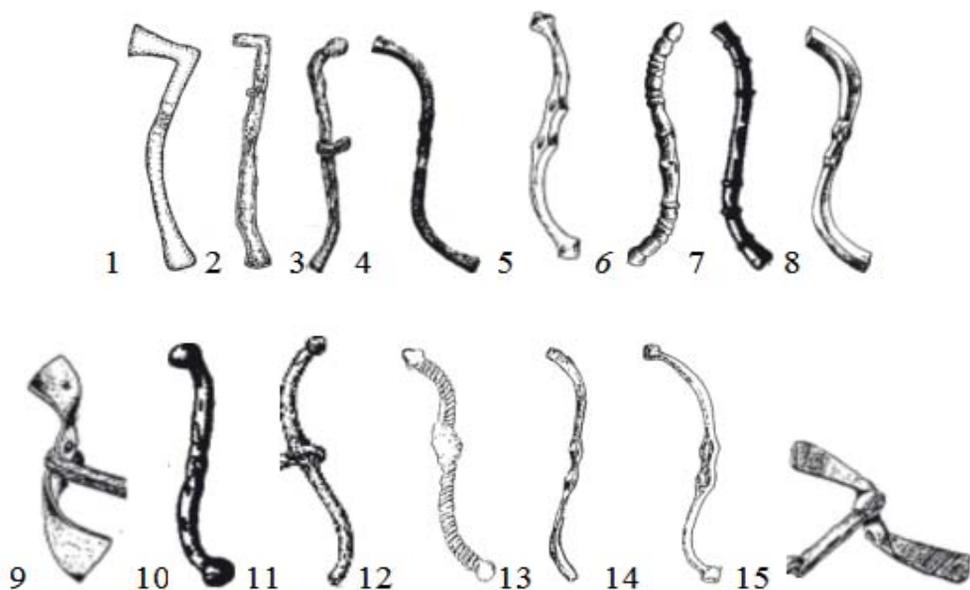

Рис. 5. Псалии, завершения которых не декорированы или декорированы незооморфно. 1 — бронзовые двудырчатые псалии, Куриловка (Могилев, 2008, с. 283, рис. 68: 12); 2 — железные двудырчатые псалии, Перещепино, к. 13 (Могилев, 2008, с. 295, рис. 80: 3); 3 — железные двудырчатые псалии, Олефирщина, к. 2 (Могилев, 2008, с. 295, рис. 80: 15); 4 — бронзовые двудырчатые псалии, Волковцы, к. I (Могилев, 2008, с. 284, рис. 69: 6); 5 — бронзовые двудырчатые псалии, Умань, к. 4, погр. 3 (Могилев, 2008, с. 284, рис. 69: 13); 6 — бронзовые двудырчатые псалии, Софиевка, курган (Могилев, 2008, с. 284, рис. 69: 14); 7 — бронзовые двудырчатые псалии, Мастюгино, к. 29/21 (Могилев, 2008, с. 284, рис. 69: 16); 8 — бронзовые двудырчатые псалии, Стайкин Верх, к. 2 (Могилев, 2008, с. 285, рис. 70: 1); 9 — бронзовые двудырчатые псалии, Журовка, к. 400 (Могилев, 2008, с. 285, рис. 70: 7); 10 — комбинированные (железо и серебро) псалии, Мастюгино, к. 29/21 (Могилев, 2008, с. 288, рис. 73: 7); 11 — комбинированные (железо и бронза) псалии, Стайкин Верх, к. 3 (Могилев, 2008, с. 288, рис. 73: 10); 12 — комбинированные (железо и бронза) псалии, Умань, к. 4, погр. 3 (Могилев, 2008, с. 288, рис. 73: 15); 13 — железные двудырчатые псалии, Борзна, к. 2 (Могилев, 2008, с. 291, рис. 77: 9); 14 — железные двудырчатые псалии, Умань, к. 4, погр. 3 (Могилев, 2008, с. 293, рис. 78: 14); 15 — железные двудырчатые псалии, Кулешовка, к. 425 (Могилев, 2008, с. 294, рис. 79: 4).

Fig. 5. Cheekpieces the ends of which are not decorated or decorated non-zoomorphically.

время псалии кроме функционального предназначения имели важное смысловое значение. Заложено оно было, вне зависимости от формы псалиев, в их зооморфном оформлении, имевшем магическую подоснову и обусловленном контекстом погребального обряда (Полидович, 2004б, с. 210). Возникновение местного феномена зооморфного оформления псалиев в скифское время было обусловлено реализацией специфических иранских мифологических представлений, воспринятых многими неиранскими

кочевыми или оседлыми народами; исчезают зооморфно оформленные псалии одновременно с исчезновением всего скифского «звериного стиля» на рубеже IV–III вв. до н. э. (Полидович, 2004а, с. 160–161). Но вопросы семантики искусства звериного стиля и содержания его образов остаются дискуссионными и до сих пор нерешёнными в скифологии. Скифо-сибирский звериный стиль, как отмечает Е.Ф. Королькова, остаётся одним из самых интересных и загадочных феноменов древней художественной

культуры (Королькова, 2015, с. 161).

Результаты нашего исследования показывают, что глубокое семантическое наполнение имела сама форма скифских псалиев, имитирующая начертание буквы *дзета* – начальной буквы в имени Диониса-Загрея – или служащая обозначением *семёрки* – числа, магического для приверженцев дионисийского культа и орфизма как религиозно-философского учения.

Как отмечает Н.В. Кузина, дионисийский культ играл важную роль в формировании официальной идеологии античных государств Северного Причерноморья, выступая в качестве интегрирующего фактора и обеспечивая религиозное, политическое и этнокультурное единство греческого населения Северного Причерноморья с остальным эллинским миром (Кузина, 2008, с. 23). Исследователи полагают, что обилие в погребениях варварской знати памятников торевтики с изображением сатиров, Пана, менад и самого Диониса, не имевшего аналогов в скифском пантеоне, объясняется целенаправленным распространением греками дионисийского культа и связанных с ним персонажей в среде скифской элиты в IV–III вв. до н. э., которая восприняла основные элементы культа Диониса и включила его в число почитаемых божеств (Русяева, 1995, с. 33, с. 37–38; Русяева, 2005, с. 69; Кузина, 2011, с. 652).

Н.В. Кузина предполагает, что культ Диониса служил своеобразным политическим инструментом для устойчивости внешнеэкономических и культурных контактов с окружающими племенами и был «критерием эллинизации» осваиваемых греками чужих земель. Изображения Диониса

на бляшках использовались для пропаганды правящей династии среди эллинизированного варварского населения, а почитание Диониса было внешним выражением его приверженности официальной идеологии и лояльности боспорским правителям (Кузина, 2008, с. 19; Кузина, 2011, с. 653). Причём использование изображений дионисийского круга было регламентированным: как отмечает Е.Е. Фиалко, изображения самого Диониса найдены только в погребениях скифских царей и их родственников, а бляшки с изображениями сатиров более широко представлены в погребениях знати и жреческих захоронениях (Фиалко, 2003, с. 129).

Таким образом, можно полагать обоснованным использование скифами при изготовлении элементов декора конского снаряжения, в частности псалиев, такой символики дионисийского культа и орфического религиозно-философского учения, которая для посвящённых или приближённых к этому культу выполняла бы апотропеическую и мистическую функции или же служила в обществе определённым отличительным знаком.

Результаты исследования, а также дальнейшее изучение скифских артефактов на предмет наличия дионисийской символики позволят проследить степень распространения культа Диониса, в частности в восточноевропейской зоне, и расширят данные для его сравнительной характеристики с другими зонами скифо-сибирского мира. Необходимым полагаем установить также и объём семантической нагрузки звериных образов в связи с формой изделий, декорированных в скифском зверином стиле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.: «Артгиз», «Советский художник», 1966. 120 с.
2. Вальчак С.Б. Основные мотивы орнаментации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начале раннего железного века // Скифы и сарматы в VII–III вв.

до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 138–144.

3. *Винокуров Н.И.* Античный социум: культ вина и винограда // Боспорские исследования. 2002. Вып. II. С. 27–88.

4. *Геродот.* История в 9 кн. Перевод и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. Кн. IV. 600 с.

5. *Добровольский Л.С.* Апотропеические образы восточноевропейского скифского звериного стиля // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 86–104. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/86-104.

6. *Добровольский Л.С., Сыдыков Е.Б., Умиткалиев У.У., Каженова Г.Т.* Семантика образов «грифоно-гиппокампа» и «рогатой рыбы» в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны // Поволжская археология. 2023. № 1(43). С. 113–126. DOI: 10.24852/ра2023.1.43.113.126.

7. *Добровольский Л.С., Умиткалиев У.У.* Семантика сюжета «терзания копытного кошачьим хищником или грифоном» в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны // Археология Евразийских степей. 2023а. № 5. С. 23–37.

8. *Добровольский Л.С., Умиткалиев У.У.* Орфический миф в искусстве скифов Северного Причерноморья // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 9 (75). № 3. 2023б. С. 3–18.

9. *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф, 2001. 324 с.

10. *Іллінська В.А.* Скіфська вузда VI ст. до н.е. (за матеріалами Посулля) // Археологія. 1961. Т. XXIII. С. 38–61.

11. *Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулля). Киев: Наукова думка, 1968. 268 с.

12. *Каменецкий И.С.* История изучения меотов. М.: ТАУС, 2011. 384 с.

13. *Канторович А.Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дисс... докт. ист. наук. М., 2015. 1724 с.

14. *Королькова Е.Ф.* Следы невиданных зверей (к проблеме трактовки фантастических образов) // Материалы и исследования по археологии Евразии / АСГЭ. Вып. 40 / Научный ред. Т.Б. Сенченко. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 157–188.

15. *Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифского времени Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.

16. *Колотухин В.А.* Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму // СА. 1982. № 1. С. 105–119.

17. *Кузина Н.В.* Культ Диониса в античных государствах Северного Причерноморья: содержание, общественно-политический аспект, локальная специфика. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. 24 с.

18. *Кузина Н.В.* К вопросу о распространении культа Диониса среди местного варварского населения Северного Причерноморья // Материалы Междун. науч. конф. «Боспорский феномен. Население, языки, контакты» (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.) / Ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 649–654.

19. *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М.: Наука, 1981. 125 с.

20. *Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка, 1991. 136 с.

21. *Мозилов О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: Інститут археології НАН України, 2008. 440 с.

22. *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. / САИ. Вып. Д1–27. М.: Наука, 1970. 216 с.

23. *Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. / САИ. Вып. Д1–4. М.: Наука, 1967. 180 с.

24. *Полидович Ю.Б.* Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности // Археологический альманах. № 15 / А.Н. Усачук. Донецк: ДОКМ, 2004а. С. 143–165.

25. *Полидович Ю.Б.* Раннескифские зооморфно оформленные псалии как воплощение фигуры животного // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Вип. XI / Отв. ред. П.П. Толочко. Запоріжжя: Запорізький державний університет, 2004б. С. 206–210.

26. Розанова Н.П. Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. К 100-летию со дня рождения акад. С.А. Жебелёва. 1867–1967 / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. Л.: Наука, 1968. С. 248–251.
27. Русяева А.С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. 1978. № 1. С. 87–104.
28. Русяева А.С. Региональные особенности культа Диониса в Причерноморье // Боспорские исследования. 2005. Вып. IX. С. 65–83.
29. Русяева М.В. Основний сюжет на пекторалі з Товстої Могили // Археологія. 1992. № 3. С. 34–46.
30. Русяева М.В. Діонісійські сюжети на пам'ятках торевтики із скіфських курганів // Археологія. 1995. № 1. С. 22–33.
31. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.
32. Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ: Наукова думка, 1973. 172 с.
33. Тереножкін А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961. 245 с.
34. Тереножкін А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 223 с.
35. Фиалко Е.Е. Золотые бляшки из кургана Огуз // РА. 2003. № 1. С. 124–133.
36. Эрлих В.Р., Канторович А.Р. Псаали с уникальным изображением кошачьего хищника из ритуального комплекса могильника Псенафа в контексте скифского звериного стиля // Археологія і давня історія України, 2017, вып. 2 (23). С. 390–396.

Информация об авторах:

Добровольский Любомир Степанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (г. Астана, Республика Казахстан); lubomirdobrovolskiy@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

Умиткалиев Улан Умиткалиевич, кандидат исторических наук, доцент. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (г. Астана, Республика Казахстан); uumitkaliev@bk.ru <https://orcid.org/0000-0002-7870-0045>

Z-SYMBOLS IN THE INTERPRETATION OF THE SEMANTICS OF THE CONFIGURATION OF S- AND Г-SHAPED SCYTHIAN CHEEK-PIECES OF THE EASTERN EUROPEAN ZONE

L.S. Dobrovolskiy, U.U. Umitkaliev

The work deals with the issue of the regional specificity of the formation and development of the Dionysian cult and Orphic teachings, common in the Northern Black Sea region during the Greek colonization of the 6th–5th centuries BC. On the extensive Scythian archaeological material of the Eastern European zone, the design of horse headbands decorated with cult symbols of Dionysus-Zagreus is being studied. S-shaped and Г-shaped Scythian cheek-pieces serve as an object of study to determine whether their configuration corresponds to the inscriptions of the initial letter in the Greek name Zagreus on bone plates from Olbia, which are the first epigraphic evidence of the penetration of the Orphic teaching into the Northern Black Sea region. The results reveal the semantic content of the shape of the Scythian cheek-pieces, imitating the inscription of the letter zeta, the initial letter in the name of Dionysus Zagreus, or serving as the designation of number seven, a magical number for adherents of the Dionysian cult and Orphism as a religious and philosophical doctrine. The symbols of the Dionysian cult and the Orphic teachings, used by the Scythians in the manufacture of decorative elements for horse equipment, performed an apothropeic and mystical function for those initiated or close to this cult, or served as a certain distinctive sign in society. Further study of Scythian artifacts for the presence of Dionysian symbolism will allow us to trace the extent of the spread of the cult of Dionysus, as well as make a comparative description with other areas of the Scythian-Siberian world and reveal the semantic load of animal images in connection with the shape of products decorated in the Scythian animal style.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Northern Black Sea region, Dionysian symbolism, cult of Dionysus-Zagreus, Orphism, Scythian cheek-pieces.

REFERENCES

1. Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha (Treasures from Scythian Burial Mounds in the Collection of the State Hermitage Museum)*. Prague; Leningrad: "Artiiia"; "Sovetskii khudozhnik" Publ. (in Russian).

2. Val'chak, S. B. 2000. In Gulyaev, V. I., Ol'khovskiy, V. S. (eds.) *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkeologiya (Scythians and Sarmatians in the 7th – 3rd Centuries BC: Palaeoecology, Anthropology and Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 39–44 (in Russian).
3. Vinokurov, N. I. 2002. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* II, 27–88 (in Russian).
4. Herodot. *Istoriia v 9 knigakh (Herodotus. History in 9 books)*. 1972. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Dobrovolskiy, L. S. 2023. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 2, 86–104 (in Russian).
6. Dobrovolskiy, L. S., Sydykov, E. B., Umitkaliev, U. U., Kazhenova, G. T. 2023. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* 43 (1), 113–126 (in Russian).
7. Dobrovolskiy, L. S., Umitkaliev, U. U. 2023. In *Arkeologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 23–37 (in Russian).
8. Dobrovolskiy, L. S., Umitkaliev, U. U. 2023. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. T. 4(70) (Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences. Vol. 9 (75) (3). 3–18 (in Russian)*.
9. Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmeriytsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkeologii vostochnoevropeyskikh stepei i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni (Epy Cimmerians and Scythians. Cultural-historical and chronological issues of archaeology of the Eastern European steppes and the Caucasus of the pre- and Early Scythian time)*. Moscow: “Paleograf” Publ. (in Russian).
10. Il'inskaya, V. A. 1961. In *Arkeologiya (Archaeology)* 23, 39–61 (in Ukrainian).
11. Il'inskaya, V. A. 1968. *Skify dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ya (kurgany Posul'ya) (Scythians of the Dnieper forest-steppe Left Bank (burial mounds of Sula River area))*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
12. Kamenetskiy, I. S. 2011. *Istoriya izucheniya meotov (The history of the meats study)*. Moscow: “TAUS” Publ. (in Russian).
13. Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskii zverinyi stil' Vostochnoi Evropy: klassifikatsiia, tipologiya, khronologiya, evoliutsiia (Scythian Animal Style of Eastern Europe: Classification, Typology, Chronology, Evolution)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
14. Korol'kova, E. F. 2015. In Senichenkova, T. B. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkeologii Evrazii (Materials and Studies on Eurasian Archaeology)*. Series: *Arkeologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 40. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 157–188 (in Russian).
15. Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryi, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskogo vremeni Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezh'ya (Sites of the Scythian Period of the Forest-Steppe Right Bank of the Dnieper)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
16. Kolotukhin, V. A. 1982. In *Sovetskaia Arkeologiya (Soviet Archaeology)* (1), 105–119 (in Russian).
17. Kuzina, N. V. 2008. *Kul't Dionisa v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya: soderzhanie, obshchestvenno-politicheskii aspekt, lokal'naya spetsifika (The cult of Dionysus in the ancient states of the Northern Black Sea region: content, socio-political aspect, local specifics)*. PhD Thesis. Ivanovo: Ivanovo State University (in Russian).
18. Kuzina, N. V. 2011. In Vakhtina, M. Yu., et al. (eds.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Bosporskii fenomen. Naselenie, iazyki, kontakty” (Sankt-Peterburg, 22–25 noiabria 2011 g.) (Proceedings of International Research Conference (Bosporan Phenomenon. Population, Languages and Contacts) (Saint Petersburg, November 22–25, 2011))*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 649–654 (in Russian).
19. Maslennikov, A. A. 1981. *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v VI–II vv. do n. e. (The population of the Bosporan state in the VI–II centuries BC)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
20. Makhortykh, S. V. 1991. *Skify na Severnom Kavkaze (Scythians in the North Caucasus)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
21. Mogilov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifs'koï dobi u Lisostepu Skhidnoi Evropy (Inventory of a Horse from the Scythian Period in the Forest-Steppe Area of Eastern Europe)*. Kiev; Kamianets-Podil'skiy: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
22. Onayko, N. A. 1970. *Antichnyi import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v IV–II vv. do n. e. (Antique imports to the Dnieper and the Bug region in the IV–II centuries BC)*. Series: *Svod Arkeologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1–27. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
23. Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ya v V–III vv. do n. e. (The Right Bank of the Middle Dnieper Region in the 5th–3rd cc. BC)*. Series: *Svod Arkeologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1–4. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
24. Polidovich, Yu. B. 2004. In Usachuk, A. N. (ed.). *Psalii. Elementy upryazhi i konskogo snaryazheniya v drevnosti (Psaliis. Elements of harness and horse equipment in ancient times)*. Series: *Arkeologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 15. Donetsk: Donetsk Regional Museum of Local Lore, 143–165 (in Russian).

25. Polidovich, Yu. B. 2004. In Tolochko, P. P. (ed.). *Starozhитnosti Stepovogo Prichernomor'ya i Krimu (Antiquities of the Steppe Black Sea region and Crimea)* XI. Zaporozhye: Zaporozhye State University Publ., 206–210 (in Russian).

26. Rozanova, N. P. 1968. In Gaydukevich, V. F. (ed.). *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. S.A. Zhebeleva. 1867–1967 (The ancient history and culture of the Mediterranean and the Black Sea region. To the 100th anniversary of the birth of academician S.A. Zhebelev. 1867-1967)*. Leningrad: “Nauka” Publ., 248–251.

27. Rusaeva, A. S. 1978. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1, 87–104 (in Russian).

28. Rusaeva, A. S. 2005. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* IX, 65–83 (in Russian).

29. Rusaeva, M. V. 1992. In *Arkheologiya (Archaeology)* 3, 34–46 (in Ukrainian).

30. Rusaeva, M. V. 1995. In *Arkheologiya (Archaeology)* 1, 22–33 (in Ukrainian).

31. Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of the Sauromatians)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

32. Telegin, D. Ya. 1973. *Seredn'ostogivs'ka kul'tura epokhi midi (Sredny Stog culture Eneolithic period)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

33. Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskiy period na dneprovskom Pravoberezh'e (Pre-Scythian Period on the Dnieper Right Bank)*. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ. (in Russian).

34. Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitsy (The Cimmerians)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

35. Fialko, E. E. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 124–133 (in Russian).

36. Erlikh, V. A., Kantorovich, A. R. 2017. In *Arkheologiya i davnia istoriia Ukraїni (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2 (23), 390–396 (in Russian).

About the Authors:

Dobrovolskyi Liubomyr S. Department of Archaeology and Ethnology. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pushkin str., 11, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; lubomirdobrovolskiy@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>

Umitkaliev Ulan U. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Archaeology and Ethnology. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Pushkin str., 11, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan; umitkaliev@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7870-0045>

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА ДОНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

© 2024 г. Ю.Д. Разуваев

В статье характеризуется керамический комплекс поселений городецкой культуры, распространенных во второй половине I тыс. до н.э. в лесостепной части бассейна Дона. Его составляет лепная глиняная посуда кухонного назначения, столовая утварь практически отсутствует. Гончарные изделия имели как заглаженную, так и рельефно оформленную внешнюю поверхность («рогожную», «сетчатую», «бороздчатую»). Основной минеральной примесью, добавлявшейся в формовочную массу при их изготовлении, являлась дресва (дробленые минеральные породы). Часто применялись песок и шамот (дробленая керамика). Доминирующим типом посуды были горшки, об облике которых дают представление 24 реконструированных экземпляра. Выделены три основных и несколько единичных разновидностей формы этих сосудов. Менее многочисленны банки и чашки, которых в «целом» виде найдено три. Значительная часть сосудов была неорнаментированной, но большинство украшали по верху пальцевые защипы, насечки, проколы и наколы. Распространение в городецкой среде хорошо профилированных горшков, вытеснивших баночные формы, объясняется хозяйственным взаимодействием со скифоидной культурой, ареал которой охватывал южную часть региона.

Ключевые слова: археология, бассейн Дона, скифская эпоха, городецкая культура, лепная керамика.

Лепная керамика, главным образом та, что покрыта характерными «рогожными» («псевдорогожными») отпечатками, является основным признаком поселений городецкой культуры раннежелезного века (Миронов, 1995, с. 68–69). Зачастую она служит фактически единственным источником исторических сведений (Зудина, 2010, с. 107). К сожалению, в поселенческих слоях по всему ареалу культуры – в бассейнах Оки, Волги и Дона, находят, как правило, разрозненные керамические черепки. Вполне понятно, что обломки не дают целостного представления о гончарных изделиях. Тем не менее существующие типологии городецкой посуды вынужденно создавались именно на их основе (Вихляев, 1986; 1992; 2000; Миронов, 1972).

Локальный район культуры в лесостепном Подонье археологически известен неплохо (Левенко, Миронов,

1976; Разуваев, 2009; Сарапулкина, 2009). Однако можно смело сказать, что изучение его керамического комплекса находится в начальной стадии. Общей классификации городецкой посуды Подонья посвящена лишь одна работа (Сарапулкина, 2008а, 2008б). Да и ей присущ уже отмеченный методический недочет – опора на фрагментированные материалы².

К настоящему времени представительные керамические серии получены на городищах Александровка (Разуваев, 2022), Дубики (Разуваев, 2015), Крутогорье («Малый Лепяг») (Козмирчук, Разуваев, 2001), Мухино (Земцов, Разуваев, Уваркин, 2017), Перехваль-2 (Бирюков, 1993), Рябинки (Разуваев, Моисеев, 2011), Сырское (Сарапулкина, Бирюков, 2006) и неукрепленных поселениях Каменка (Бирюков, Разуваев, 2009), Ксизово-17 (Обломский, Разуваев, 2009), Студеновка-3 (Медведев, 1993), Чер-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00030 «Изучение этнической структуры оседлого населения донской лесостепи в скифо-сарматскую эпоху по керамическим материалам», <https://rscf.ru/project/23-28-00030/>.

товичское-6 (Бирюков, Голотвин, 2009), Ярок-5 и Кривец-4 (Обломский, Разуваев, 2013). Из фрагментов удалось восстановить или графически реконструировать 27 сосудов. В данной статье представлены итоги морфологического анализа этой подборки, дополненной сохранившимися на неполный профиль сосудами и выразительными фрагментами. Думается, что полученные результаты будут содействовать более полной характеристике керамики донских поселений.

Археологически целая посуда рассматривалась единым массивом, что связано со слабой разработанностью хронологии региональных памятников. История последних началась не ранее VI в. до н. э., в котором, судя по радиоуглеродным датировкам среднеокских городищ, появилась «рогожная» керамика (Фоломеев, 1993, с. 21). Завершилась же, вероятно, на рубеже эр (Разуваев, 2022, с. 62). О позициях тех или иных древностей в этих рамках судить пока можно, в общем-то, по косвенным данным. Предметов, которые могли бы выступить хроноиндикаторами, получено мало.

На городецких поселениях встречаются как тонкостенные (5–8 мм), так и более массивные сосуды, подвергавшиеся костровому обжигу в окислительной или, реже, в восстановительной среде. Поверхность гончарных изделий, как правило, коричневого или серого цвета, часто – пятнистая. Черепки в изломе двух- или трехслойные.

Судя по недавно полученным данным³, сосуды изготавливались преимущественно из тощих глин, как правило содержавших искусственные минеральные примеси (отошители): песок, дресву (дробленые магматические породы) и шамот (дробленая керамика) в различных сочетаниях. Чаще всего применялись трехсоставные рецептуры формовочных масс: песок + дресва и песок + дресва +

шамот. Ведущим неглинистым компонентом керамики была дресва, которая уже традиционно воспринимается как отличительный признак посуды донских поселений. В других районах городецкой культуры нередко доминировали простые рецепты составления формовочных масс, технологическая роль дресвы была менее значимой (Салугина, 2000, с. 224, 226).

По характеру обработки внешней поверхности городецкие сосуды распределяются на четыре группы: «рогожные», покрытые оттисками штампа с прямоугольными ячейками различной величины; гладкостенные, более или менее тщательно заглаженные; «сетчатые» («текстильные») с отпечатками, похожими на тканые или ниточные; «бороздчатые» («штрихованные»), имеющие на тулове прочерченные линии (рис. 1–5). Первые две группы являются самыми представительными, другие многократно уступают в численности. Процентное соотношение их на поселениях заметно различается. Количественное преобладание «рогожной» и «сетчатой» посуды является показателем древности поселений. С течением времени доля такой керамики уменьшалась (Мионов, 1976, с. 8).

Отпечатки крупно- или мелкоячеистого штампа могут располагаться правильными рядами, придавая сосудам «нарядный» вид. Правда, нередко ими оформлялось лишь тулово, горловина же оставалась заглаженной. Иногда «рогожные» или «сетчатые» отпечатки размещались и на срезе венчика (рис. 4: 8; 5: 1). На одном горшке прямоугольные вдавления покрывали горловину не только снаружи, но отчасти и изнутри (рис. 5: 3).

Надо полагать, что тщательную выделку изделий обуславливали эстетические запросы некоторых мастеров. Впрочем, во многих случаях отпечатки нанесены весьма небрежно, покрывают лишь отдельные участки

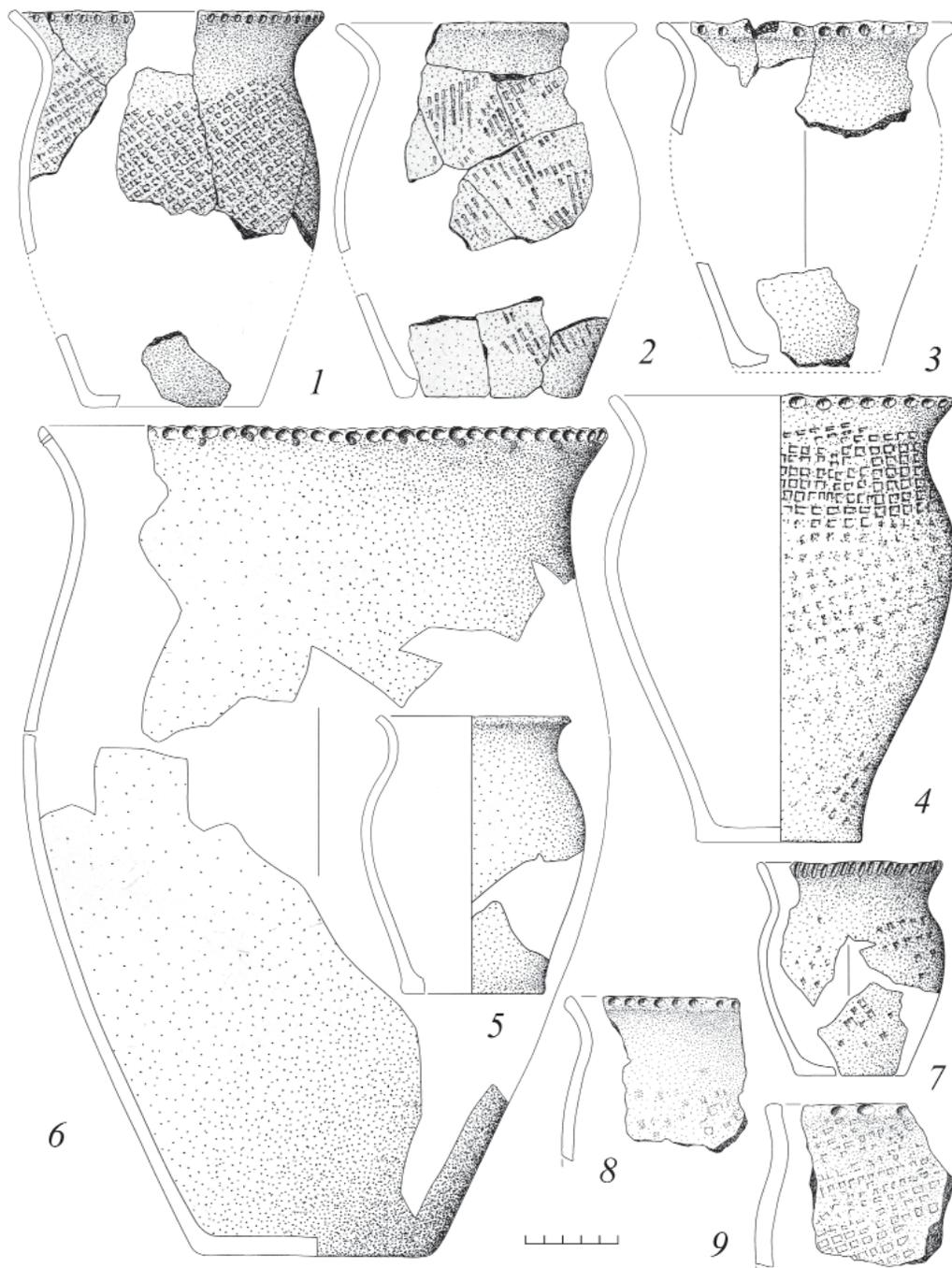

Рис. 1. Сосуды с «рогожной» (1, 2, 4, 7–9) и заглаженной (3, 5, 6) поверхностью. 1, 2 – Александровка; 3 – Дубики; 4 – Каменка; 5 – Крутогорье («Малый Лепаг»); 6, 7 – Сырское; 8, 9 – Ксизово-17.

Fig. 1. Vessels with “matting” (1, 2, 4, 7–9) and a smoothed (3, 5, 6) surface. 1, 2 – Aleksandrovka; 3 – Dubiki; 4 – Kamenka; 5 – Krutogor'e (“Malyj Lepiag”); 6, 7 – Syrskoe; 8, 9 – Ksizovo-17.

поверхности сосуда или затерты. Эта особенность внешнего оформления, кстати сказать, присущая городецкой посуде повсеместно (Миронов, 1972, с. 40), нередко затрудняет атрибуцию черепков на неоднослойных поселениях.

В керамическом комплексе абсолютно преобладают горшки. Об их облике можно судить по 24 археологически целым экземплярам. Хотя их число на порядок меньше порога репрезентативности (Генинг, 1992, с. 95), тем не менее оказалось возможным выделить размерные группы и устойчивые разновидности форм сосудов.

Сравнение максимальных параметров (высота и диаметр тулова), представленных на корреляционном графике (рис. 6: I), позволило распределить горшки на три размерные группы: малые, средние и крупные.

Первую группу составили восемь сосудов высотой от 100 до 136 мм. Во вторую группу вошли 12 горшков, высота которых от 172 до 240 мм. Три крупных горшка имели высоту от 260 до 314 мм, еще один – 445 мм.

Классификация горшков осуществлялась по методу наложения форм (Бобринский, 1972). Визуально были сопоставлены профилировки сосудов, нормированные к единой высоте (рис. 6: II). В результате по принципу близости пропорций и профилей 20 горшков были разделены на три основные разновидности формы, еще четыре выделены в качестве единичных.

Все три разновидности формы – это профилированные сосуды с плавно отогнутой, как правило дуговидной в профиле, шейкой и выделенными плечиками. Стенки их тулова в придонной части ровные или с небольшим прогибом.

Первая разновидность – семь «рогожных» и гладкостенных горшков разных размеров (рис. 1: 1–7). Они имеют вытянутые пропорции: сред-

нее соотношение высоты и диаметра тулова составляет 1,27.

Вторая разновидность – десять горшков с «рогожной», заглаженной и «бороздчатой» поверхностью, также относящиеся к трем размерным группам (рис. 2: 1–8; 3: 1, 2). Они менее вытянутых, в сравнении с типом I, пропорций: среднее соотношение высоты и диаметра тулова составляет 1,13.

Третья разновидность – один небольшой гладкостенный и два средне-размерных «сетчатых» сосуда (рис. 3: 5, 6, 8). Они еще более «приземисты»: среднее соотношение высоты и диаметра тулова составляет 0,98.

Четыре горшка по пропорциям близки этим разновидностям формы, но отличаются профилировкой. Один из них, имеющий редкие «сетчатые» отпечатки, имеет маловыраженные плечики и почти прямую отогнутую шейку (рис. 3: 7). Другой, маленький «рогожный», обладает слабо профилированным туловом (рис. 3: 9). Третий горшок, крупный «рогожный», характеризуется высоко поднятыми плечиками и относительно короткой шейкой (рис. 3: 10).

Своеобразен слабопрофилированный сосуд, имеющий неровно заглаженное тулово, расчерченное узкими линиями (рис. 5: 6). Подобная «штрихованная» керамика в эпоху раннего железа была распространена в западных регионах лесной зоны Восточной Европы (Егорейченко, 2006). Но сомнительно, что публикуемый сосуд являлся предметом столь далекого импорта. Тем более что на местных «бороздчатых» сосудах можно найти узкие линии (рис. 4: 9).

Большинство встречаемых на поселениях черепков, как с гладкой, так и с рельефной поверхностью, по видимому, осталось от сходных с вышеописанными форм горшков (рис. 1: 8; 2: 9; 3: 4, 11, 12; 4: 1–3, 6–9, 11–13; 5: 1–3, 7).

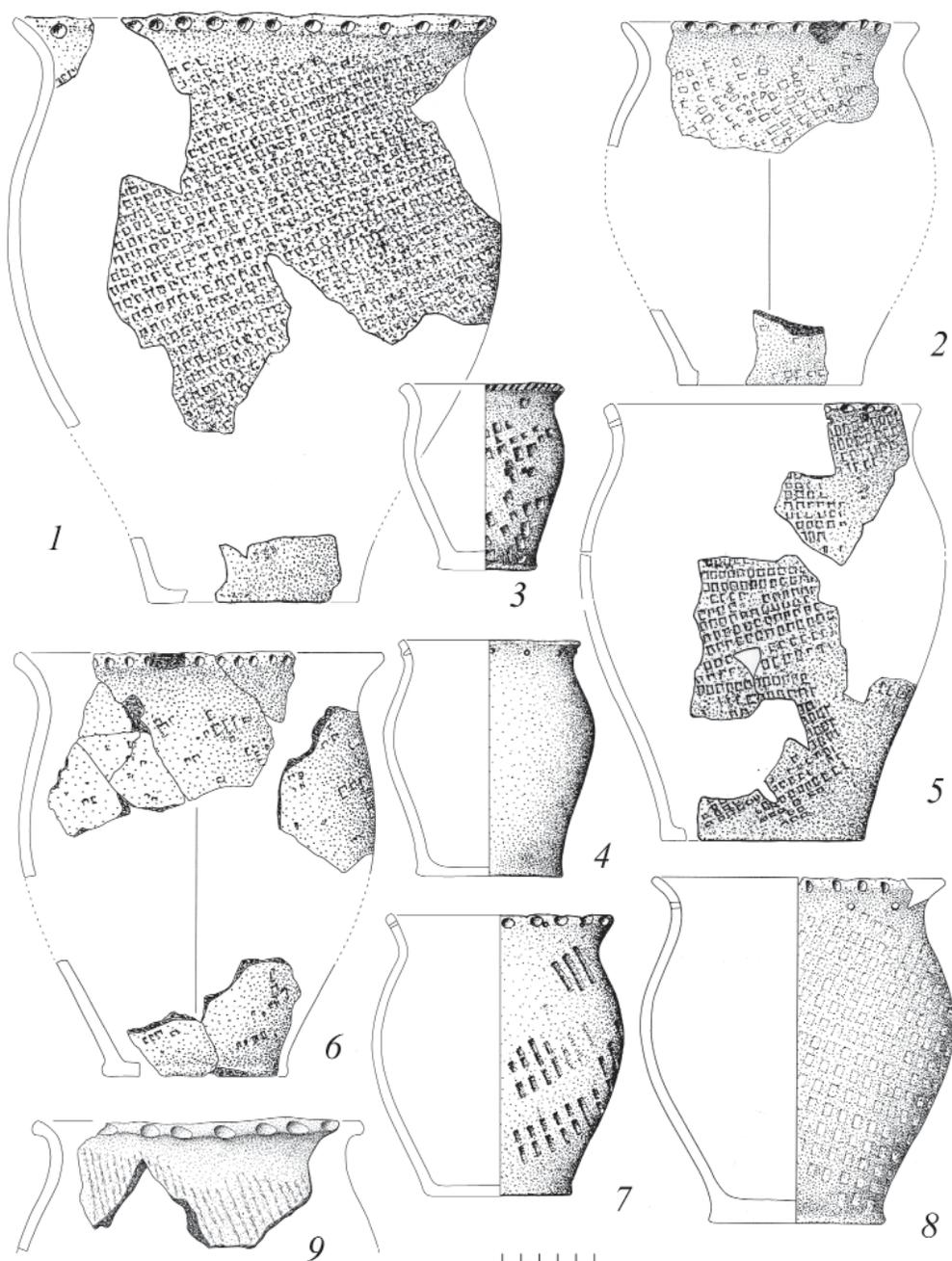

Рис. 2. Сосуды с «рогожной» (1–3, 5–8), заглаженной (4) и «сетчатой» (9) поверхностью. 1, 2 – Александровка; 3, 4 – Студеновка-3; 5, 6 – Дубики; 7 – Перехваль-2; 8 – Замятино-5; 9 – Мухино.

Fig. 2. Vessels with a “matting” (1–3, 5–8), a smoothed (4) and a “mesh” (9) surface. 1, 2 – Aleksandrovka; 3, 4 – Studenovka-3; 5, 6 – Dubiki; 7 – Perchval'-2; 8 – Zamiatino-5; 9 – Mukhino.

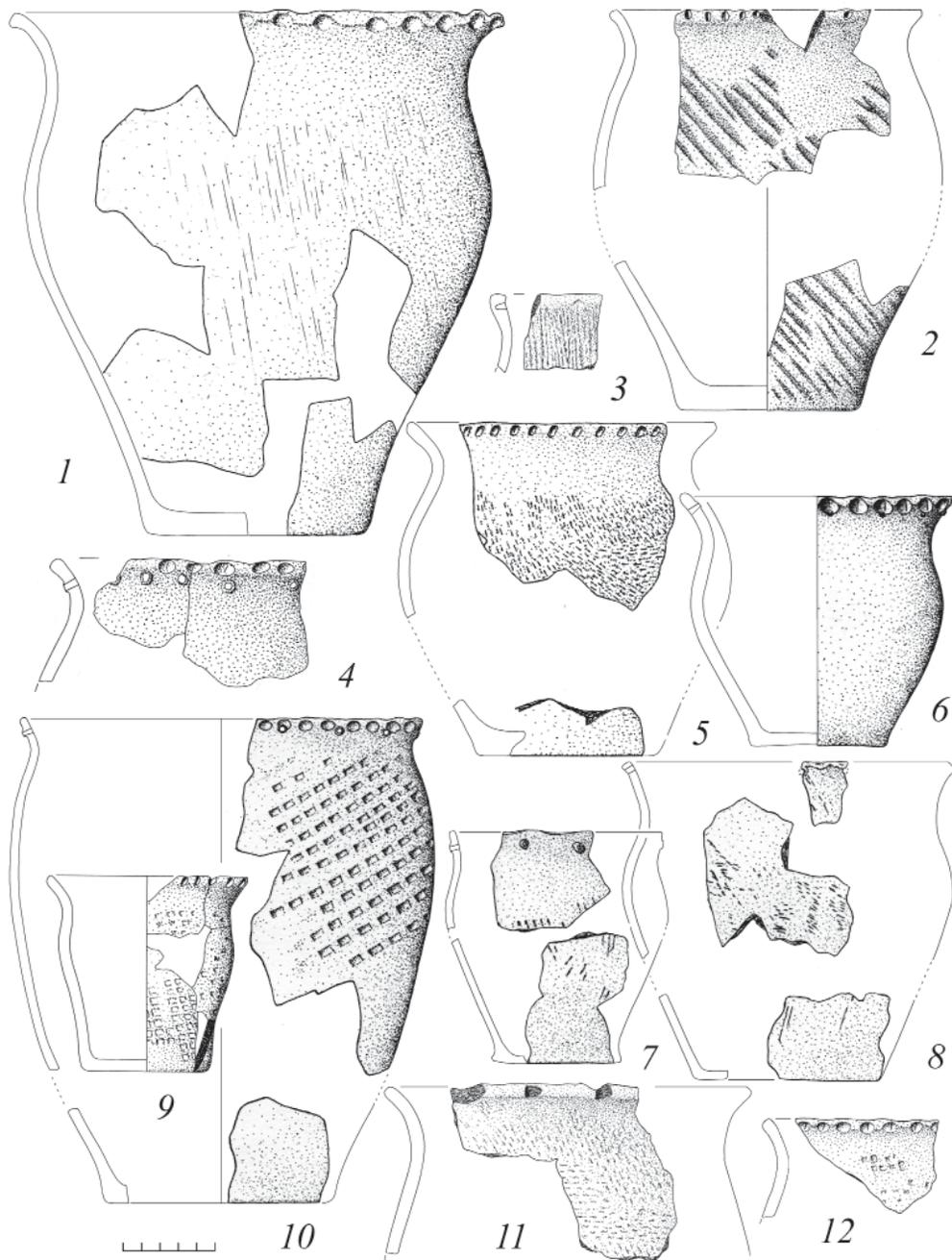

Рис. 3. Сосуды с заглаженной (1, 4, 6), «бороздчатой» (2), «рогожной» (3, 9, 10, 12) и «сетчатой» (5, 7, 8, 11) поверхностью. 1 – Рябинки; 2 – Сырское; 3 – Кривец-4; 4 – Александровка; 5, 12 – Каменка; 6 – Студеновка-3; 7, 8 – Дубики; 9 – Верхнее Казачье; 10 – Перехваль-2; 11 – Мухино.

Fig. 3. Vessels with a smoothed (1, 4, 6), a “groove” (2), a “matting” (3, 9, 10, 12) and a “mesh” (5, 7, 8, 11) surface. 1 – Riabinki; 2 – Syrskoe; 3 – Krivets-4; 4 – Aleksandrovka; 5, 12 – Kamenka; 6 – Studenovka-3; 7, 8 – Dubiki; 9 – Verkhnee Kazach'e; 10 – Perehval'-2; 11 – Mukhino

Вместе с тем немалая часть обломков принадлежит горшкам с прямой шейкой, плавно или довольно резко отогнутой относительно плечиков (рис. 1: 9; 3: 3; 5; 4). Заметным числом фрагментов представлены сосуды с вертикальной шейкой и слабо выраженными плечиками (4: 4, 10). Для них характерно особое оформление венчика: верхний срез его бывает расплюснен и имеет выступы с одной или обеих сторон. Такие горшковидные сосуды распространены по всему ареалу городецкой культуры, появляются на самом раннем ее этапе (Вихляев, 1986, с. 201, рис. 3, II; Миронов, 1972, с. 41; 1976, с. 18, 20).

В комплекте с горшками обитатели городецких поселений изредка использовали глиняные крышки. Известно несколько плоских дисков, среди которых есть и покрытые «рогожей».

Заметную часть кухонной утвари составляли банки. Это открытые сосуды с вертикальными или немного расширяющимися кверху стенками, иногда имевшие едва выделенную шейку (рис. 5: 8–14). Банки являются характерным элементом керамических комплексов раннегородецких памятников (Вихляев, 1986, с. 201; Миронов, 1970, с. 76; 1976, с. 18).

Не менее пятой части сосудов были без орнамента. Но большинство украшалось, хотя и незатейливо, по верху. Наносились пальцевые защипы по венчику, нередко сочетающиеся с проколами по шейке. Некоторые сосуды имели только проколы, внутренние или внешние наколы.

Орнаментальные проколы и наколы давно расцениваются исследователями как показатель архаичности керамики (Алихова, 1962, с. 90; Либеров, 1962, с. 70; Миронов, 1976, с. 16). В Подонье на посуде скифоидной культуры они пропадают к IV в. до н. э. (Медведев, 1999, с. 42), но городецкими гончарами могли приме-

няться, судя по имеющимся наблюдениям, и в более позднее время.

Сосуды еще украшались насечками или вдавлениями палочки по венчику, защипами по верхнему его срезу.

Все вышеназванные виды орнамента были широко распространены в лесостепной и лесной зонах. Принято считать, что в городецкой культуре они появились под скифским влиянием (Миронов, 1974, с. 88; Трубникова, 1950, с. 123–124).

Следует особо остановиться на таком орнаментальном приеме, как вдавления направленной под острым углом щепки или палочки, нанесенные по верхнему срезу венчика и/или по шейке, или тулову сосуда. Керамика с таким орнаментом была распространена во второй половине I тыс. до н. э. в бассейне Верхней Оки (Никольская, 1959, с. 32). «Тычковый» орнамент был широко представлен и западнее, на территории юхновской культуры (Левенок, 1963, с. 90), в городецком же ареале он сравнительно редок (Миронов, 1974, с. 93).

В отличие от кухонной, столовую посуду охарактеризовать практически невозможно. Причина заключается в почти полном ее отсутствии, что характерно, впрочем, для всей культуры (Вихляев, 2000, с. 20). С большой натяжкой сосудами, предназначенными для приема пищи и питья, можно считать банки, характеризующиеся большей открытостью формы и меньшими размерами (рис. 5: 12–14), а также чаши (рис. 5: 15), известные в единичных экземплярах. На городецких поселениях Подонья нет кувшинов, мисок и кружек. По-видимому, там если и изготавливались специализированные керамические емкости, то в мизерном количестве. Недостаток столовой утвари не восполнялся и торговлей с южными соседями – носителями скифоидной культуры, чьи поселения в донской лесостепи непосредственно соседствовали с горо-

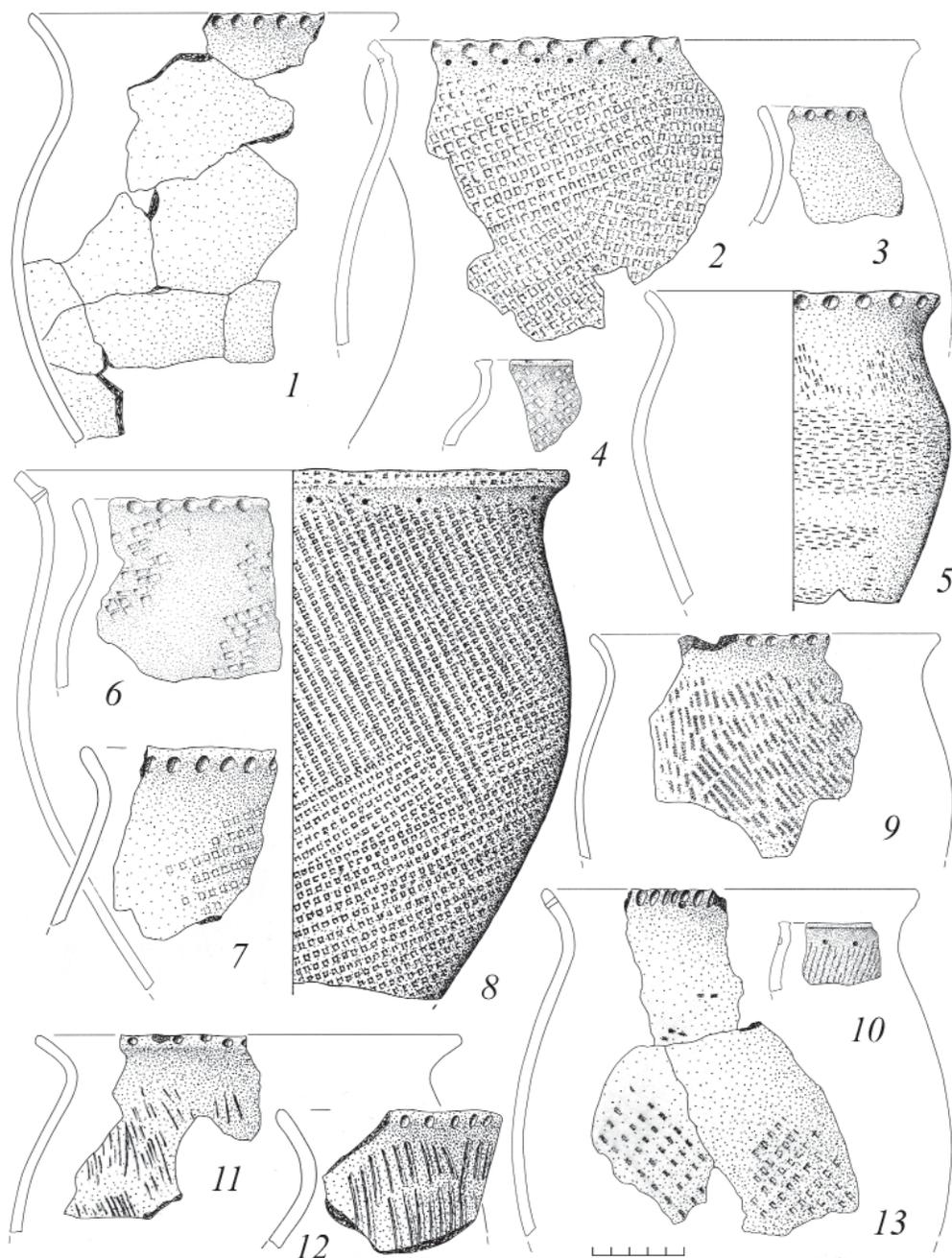

Рис. 4. Сосуды с заглаженной (1, 3), «рогожной» (2, 4, 6–9, 13) «сетчатой» (5, 10) и «бороздчатой» (11, 12) поверхностью. 1, 3, 7, 12 – Александровка; 2, 5, 8 – Ксизово-17; 4, 10 – Чертовичское-6; 6 – Чертовитцы; 9, 11 – Сырское; 13 – Крутогорье («Малый Лепяг»).

Fig. 4. Vessels with smoothed (1, 3), a “matting” (2, 4, 6–9, 13) a “mesh” (5, 10) and a “groove” (11, 12) surface. 1, 3, 7, 12 – Aleksandrovka; 2, 5, 8 – Ksizovo-17; 4, 10 – Chertovitskoe-6; 6 – Chertovitsy; 9, 11 – Syrskoe; 13 – Krutogor’e (“Malyi Lepiag”).

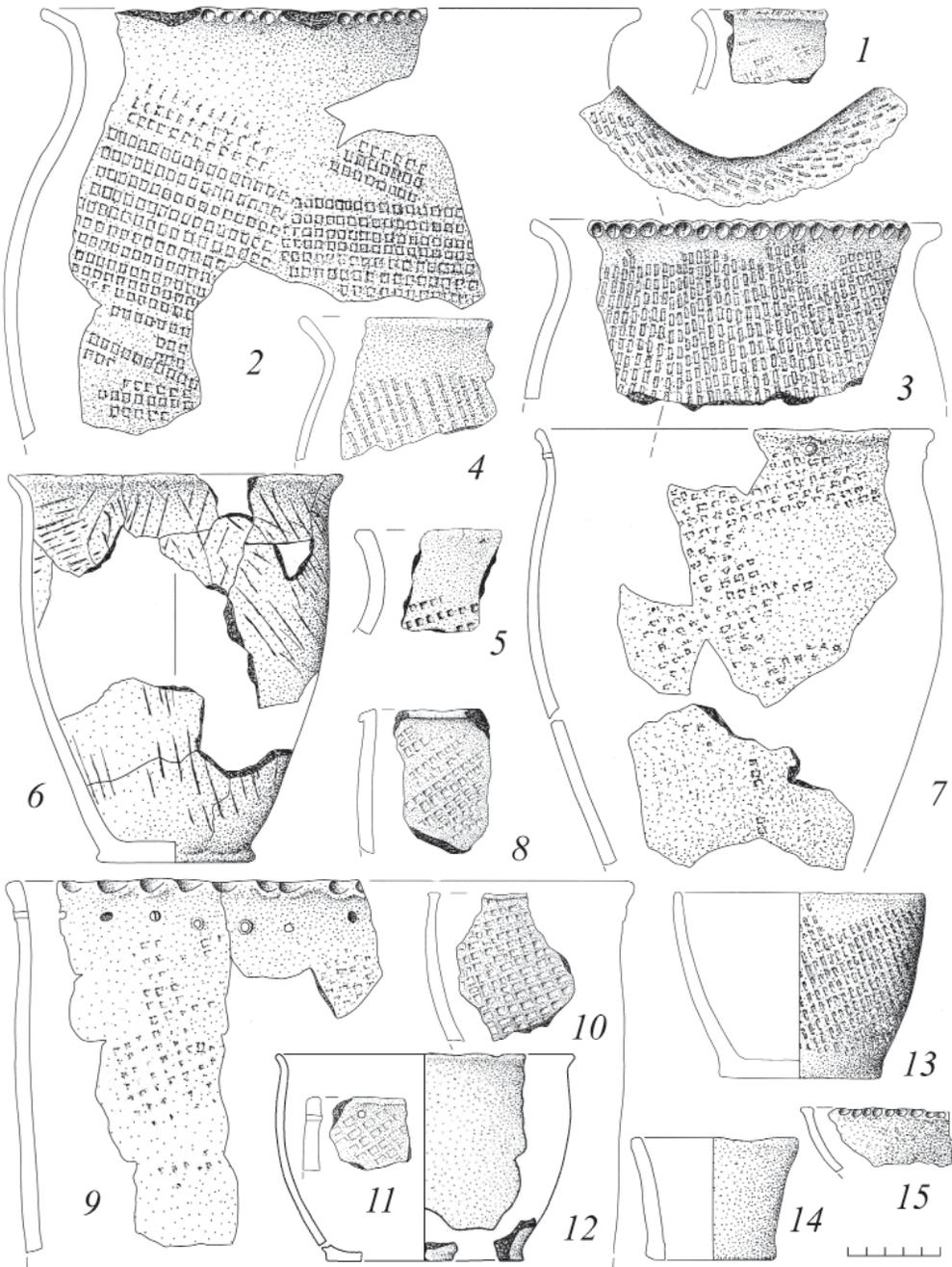

Рис. 5. Сосуды с «рогожной» (1–5, 7–11, 13), «бороздчатой» (6) и заглаженной (12, 14, 15) поверхностью. 1, 11 – Ксизово-17; 2–4, 13, 14 – Сырское; 5, 6, 15 – Александровка; 7 – Ярок-5; 8 – Стрельбище-4; 9 – Кривец-4; 10 – Мостище; 12 – Дубики.

Fig. 5. Vessels with a “matting” (1–5, 7–11, 13), a “groove” (6) and a smoothed (12, 14, 15) surface. 1, 11 – Kszizovo-17; 2–4, 13, 14 – Syrskoe; 5, 6, 15 – Aleksandrovka; 7 – Yarak-5; 8 – Strel’bishhe-4; 9 – Krivets-4; 10 – Mostishche; 12 – Dubiki

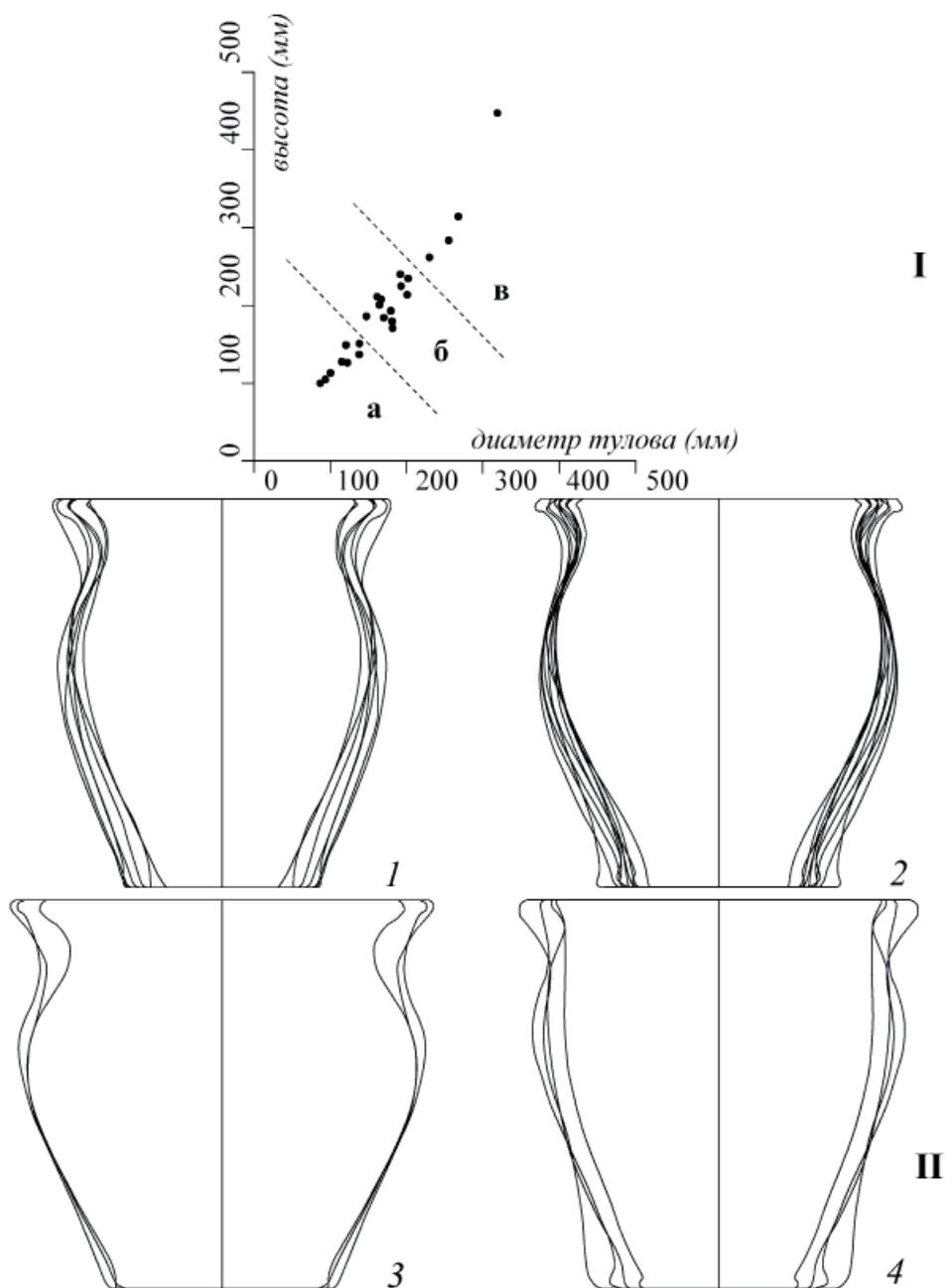

Рис. 6. Корреляционный график максимальных размеров (I) и нормированные по высоте профилировки (II) «целых» горшков. Размерные группы сосудов: а – малые (рис. 1: 5, 7; 2: 3, 4, 7; 3: 6, 7, 9), б – средние (рис. 1: 1–4; 2: 2, 5, 6, 8; 3: 2, 5, 8; 5: 6), в – крупные (рис. 1: 6; 2: 1; 3: 1, 10). 1 – первая разновидность формы (рис. 1: 1–7), 2 – вторая разновидность формы (рис. 2: 1–8; 3: 1, 2), 3 – третья разновидность формы (рис. 3: 5, 6, 8), 4 – единичные формы (рис. 3: 7, 9, 10; 5: 6).

1: 5, 7; 2: 3, 4, 7; 3: 6, 7, 9), б – средние (рис. 1: 1–4; 2: 2, 5, 6, 8; 3: 2, 5, 8; 5: 6), в – крупные (рис. 1: 6; 2: 1; 3: 1, 10). 1 – первая разновидность формы (рис. 1: 1–7), 2 – вторая разновидность формы (рис. 2: 1–8; 3: 1, 2), 3 – третья разновидность формы (рис. 3: 5, 6, 8), 4 – единичные формы (рис. 3: 7, 9, 10; 5: 6).

Fig. 6. The correlation schedule of the maximum size (I) and the and rationed in the height of profiling (II) “entire” pots. Dimensional groups of blood vessels: a – small (Fig. 1: 5, 7; 2: 3, 4, 7; 3: 6, 7, 9), б – medium (Fig. 1: 1–4; 2: 2, 5, 6, 8; 3: 2, 5, 8; 5: 6), в – large (Fig. 1: 6; 2: 1; 3: 1, 10). 1 – first variety of form (Fig. 1: 1–7), 2 – second variety of form (Fig. 2: 1–8; 3: 1, 2), 3 – third variety of form (Fig. 3: 5, 6, 8), 4 – single forms (Fig. 3: 7, 9, 10; 5: 6).

децкими. Практически не поступала и посуда античного производства (Разуваев, 2017, с. 18).

Хорошо профилированные горшки с плавно отогнутой шейкой по форме практически аналогичны скифоидным сосудам. Как показало сопоставление параметров и профилировок небольшой серии тех и других, степень близости порой превышает 90% (Разуваев, 2007). Сходство усиливает еще и однотипность таких видов орнамента, как пальцевые защиты и насечки по краю венчика, проколы и наколы по шейке.

По мнению некоторых исследователей, трансформация городецкого керамического комплекса на Дону стала следствием этнической миксации, приведшей к утрате носителями культуры своей самобытности (Медведев, 1999, с. 45; Сарапулкина, 2010, с. 23). Однако говорить об этом вряд ли правомерно, если иметь в виду все доступные материальные свидетельства (Разуваев, 2019). Воздействие

одной культуры на керамическое производство другой вполне может быть следствием хозяйственных контактов (Шнирельман, 1990). При взгляде на некоторые из публикуемых здесь горшков (рис. 1: 4, 6; 3: 7–10) создается впечатление, что они отражают процесс адаптации городецких гончаров к заимствованным формам (Бобринский, 2018). Впрочем, этот сюжет должен стать темой отдельного исследования.

В наборе посуды опосредованно отражается комплекс питания, в наибольшей степени сохраняющий этничность (Арутюнов, 1989, с. 219–221). Тот факт, что в городецкой среде так и не появились столовые сосуды, можно расценивать как свидетельство устойчивости этнокультурных традиций. Сам по себе ограниченный ассортимент форм показателен: он свидетельствует об относительно невысоком уровне общественного развития (Цетлин, 2014, с. 375).

Примечания

² К тому же автор необоснованно включила в общую схему «текстильную» керамику Пекшевского городища, оговорив, правда, ее разительное отличие от керамики других поселений (Сарапулкина, 2008а, с. 229, прим. 14).

³ Речь идет о результатах микроморфологического исследования 80 керамических образцов, проведенного М.А. Кульковой (РГПУ им. А.И. Герцена), которой автор выражает свою благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. № 113 / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 86–129.
2. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.
3. Бобринский А.А. Метод количественной оценки сходства и различия форм керамики // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972. С. 332–335.
4. Бобринский А.А. Механизмы встраивания и адаптации новых форм сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 60–62.
5. Бирюков И.Е. Городище Перехвальское II // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры, 1993. С. 51–60.
6. Бирюков И.Е., Голотвин А.Н. Поселение Чертовичское VI на р. Воронеж (бассейн Верхнего Дона) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2009. С. 162–185.
7. Бирюков И.Е., Разуваев Ю.Д. Поселение скифо-сарматского времени у с. Каменка на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2009. С. 137–152.

8. *Вихляев В.И.* Керамика Новошпеневого городища в Мордовии // СА. 1986. № 1. С. 198–208.
9. *Вихляев В.И.* Новые раскопки Теньгушевского городища (городецкий комплекс) // Древние поселения Примокшанья / Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Вып. 104 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. С. 76–103.
10. *Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Ист.-социол. ин-т Мордовского гос. ун-та им. Н.П. Огарева, 2000. 132 с.
11. *Генинг В.Ф.* Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев: Наукова Думка, 1992. 188 с.
12. *Егорейченко А.А.* Культуры штрихованной керамики. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2006. 207 с.
13. *Земцов Г.Л., Разуваев Ю.Д., Уваркин С.В.* Городищескифского и гуннского времени у с. Мухино в правобережье Верхнего Дона // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А.М. Обломского / РСМ. Вып. 19 / Ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2017. С. 285–297.
14. *Зудина В.Н.* О состоянии изученности культур оседлого населения раннего железного века в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожской археологической экспедиции / Краеведческие записки. Вып. 15 / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 101–110.
15. *Козмирчук И.А., Разуваев Ю.Д.* Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологической сборник. Вып. 2 / Отв. ред. А.Н. Бесуднов. Липецк: Липецкий госпедуниверситет, 2001. С. 71–88.
16. *Левенок В.П.* Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // СА. 1963. № 3. С. 79–96.
17. *Левенок В.П., Миронов В.Г.* К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону // СА. 1976. № 2. С. 15–32.
18. *Либеров П.Д.* Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. № 113 / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 5–85.
19. *Медведев А.П.* Поселение раннего железного века Студеновка 3 // Археология Доно-Волжского бассейна / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ, 1993. С. 79–90.
20. *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1999. 160 с.
21. *Миронов В.Г.* Хвалынские городища и их роль в истории городецких племен Поволжья // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 39 / Ред. П.Д. Степанов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1970. С. 67–83.
22. *Миронов В.Г.* Посуда городецкого слоя Березниковского городища (предварительное сообщение) // Античный мир и археология. Вып. 1 / Отв. ред. В.Г. Борухович. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1972. С. 37–45.
23. *Миронов В.Г.* К вопросу об орнаментике городецкой посуды // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Т. XIX. Вып. 4. Петрозаводск: Петрозаводский госуниверситет, 1974. С. 85–95.
24. *Миронов В.Г.* Памятники городецкой культуры и проблема ее локальных вариантов: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1976. 24 с.
25. *Миронов В.Г.* Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры, 1995. С. 68–89.
26. *Никольская Т.Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э. // МИА. № 72. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 152 с.
27. *Обломский А.М., Разуваев Ю.Д.* Материалы скифского времени с верхнедонского поселения Ксизово 17 // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13 / Отв. ред. В.В. Килейников. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2009. С. 176–185.
28. *Обломский А.М., Разуваев Ю.Д.* Исследования поселений городецкой культуры в верховьях р. Воронеж // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. Вып. 4 / Отв. ред. С.И. Андреев. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2013. С. 39–54.
29. *Разуваев Ю.Д.* К вопросу о взаимодействии городецкого и скифоидного населения Верхнего Дона (по керамическим материалам) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Международная Нижневожская археологическая конференция. Волго-

град, 12–15 ноября 2007 г.: тезисы докладов / Отв. ред. А.В. Кияшко, А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 62–65.

30. *Разуваев Ю.Д.* История изучения городецких древностей лесостепного Подонья // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. И.Е. Сафонов. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2009. С. 163–174.

31. *Разуваев Ю.Д.* Фортификационно-жилой комплекс скифского времени на городище у деревни Дубики // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (266). С. 148–151.

32. *Разуваев Ю.Д.* Античный керамический импорт на поселениях скифского времени в донской лесостепи: картографическое исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 2. С. 15–24. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.2.2

33. *Разуваев Ю.Д.* Оседлые этносы скифской эпохи в донской лесостепи: опыт сравнения хозяйственно-бытовых укладов // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 63–70. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-63-70

34. *Разуваев Ю.Д.* Александровское городище на окраине г. Ельца (к вопросу о культурной преемственности в скифо–сарматское время) // Археологическое наследие. 2022. № 1 (5). С. 57–72.

35. *Разуваев Ю.Д., Моисеев А.В.* Городище скифо-сарматского времени у с. Рябинки в правобережье Верхнего Дона (раскопки 2009 г.) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14 / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Воронежский госпединститут, 2011. С. 209–219.

36. *Салугина Н.П.* Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 216–246.

37. *Сарапулкина Т.В.* Керамический комплекс городецкой культуры на Дону // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов II Международной науч. конференции, посвященной 100-летию М.Р. Полесских. Вып. 2. Т. 1 / Отв. ред. В.В. Ставицкий. Пенза, 2008а. С. 227–236.

38. *Сарапулкина Т.В.* Керамический комплекс городецкой культуры на Дону (дополнения к предыдущей публикации) // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. материалов II Международной научной конференции, посвященной 100-летию М.Р. Полесских. Вып. 2. Т. 2 / Отв. ред. В.В. Ставицкий. Пенза, 2008б. С. 65–70.

39. *Сарапулкина Т.В.* Историографический обзор изучения городецкой культуры в Подонье // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 15(70). Вып. 12. С. 96–103.

40. *Сарапулкина Т.В.* Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010. 25 с.

41. *Сарапулкина Т.В., Бирюков И.Е.* Керамика Сырского городища городецкого времени // Археологическое изучение центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 года) / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2006. С. 194–199.

42. *Трубникова Н.В.* Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами // КСИИМК. Вып. XXXIV / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 122–128.

43. *Фоломеев Б.А.* Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Вып. 3 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань, 1993. С. 3–21.

44. *Цетлин Ю.Б.* Формы сосудов как объект анализа и источник исторической информации // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 374–378.

45. *Шнирельман В.А.* Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // КСИА. Вып. 201 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука. С. 49–56.

Информация об авторе:

Разуваев Юрий Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент. Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж, Россия); razuvaevyd@mail.ru

CERAMIC DISHES WARE FROM THE DON SETTLEMENTS OF GORODETS CULTURE

Yu.D. Razuvaev

The author characterizes the ceramic complex of the Gorodets culture settlements, widespread in the second half of the 1st millennium BC in the forest-steppe part of the Don basin. It consists of molded earthenware for kitchen purposes; there are practically no tableware. The pottery had both a smoothed and relief-shaped outer surface (“matting”, “mesh”, “grooved”). The main mineral impurity added to the molding mass during their manufacture was grus (crushed mineral rocks). Sand and chamotte (crushed ceramics) were often used. The dominant type of dishes were pots, the appearance of which is given by 24 reconstructed specimens. Three main and several single varieties of shape of these vessels have been identified. Less numerous are jars and cups, of which three were found in their “whole” form. A significant part of the vessels were undecorated, but most ones were decorated with finger tucks, notches, punctures. The spread of well-profiled pots in the Gorodets environment, which replaced jar forms, is explained by economic interaction with the Scythian culture, whose area covered the southern part of the region.

Keywords: archaeology, Don basin, Scythian era, Gorodets culture, molded ceramics.

REFERENCES

1. Alikhova, A. E. 1962. In Melyukova, A. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 113. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 86–129 (in Russian).
2. Arutyunov, S. A. 1989. *Narody i kul'tury: razvitiye i vzaimodeystviye (Peoples and cultures: development and interaction)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1972. In *Tezisy dokladov na sektsiyakh, posvyashchennykh itogam polevykh issledovaniy 1971 g. (Theses of papers on sections devoted to the results of field research of 1971)*. Moscow, 332–335 (in Russian).
4. Bobrinsky, A. A. 2018. In Tsetlin, Yu. B. (ed.). *Formy glinyanykh sosudov kak ob'yekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod (Shapes of Clay Vessels As a Subject of Study. Historical-and-Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 60–62 (in Russian).
5. Biriukov, I. E. 1993. In Cheliapov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Area)* 3. Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 51–60 (in Russian).
6. Biriukov, I. E., Golotvin, A. N. 2009. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 4. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 162–185 (in Russian).
7. Biriukov, I. E., Razuvaev, Yu. D. 2009. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 4. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 137–152 (in Russian).
8. Vikhliaev, V. I. 1986. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 73–90 (in Russian).
9. Vikhliaev, V. I. 1992. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Drevnie poseleniya Primokshan'ya (Ancient settlements of the Moksha Region)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 104. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 76–103 (in Russian).
10. Vikhliaev, V. I. 2000. *Proiskhozhdenie drevnemordovskoi kul'tury (Origins of the Ancient Mordovian Culture)*. Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev (in Russian).
11. Gening, V. F. 1992. *Drevnyaya keramika. Metody i programmy issledovaniya v arkheologii (Ancient ceramics. Research methods and programs in archaeology)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
12. Egorichenko, A. A. 2006. *Kul'tury shtrikhovannoy keramiki (Cultures of stroke ceramics)*. Minsk: Belarusian State University (in Russian).
13. Zemtsov, G. L., Razuvaev, Yu. D., Uvarin, S. V. 2017. In Rodinkova, V. E., Rumiantseva, O. S. (eds.). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur: k 60-letiyu A.M. Oblomskogo (Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbaric World and the Birth of the Slavic Cultures: Dedicated to the 60th Anniversary of A.M. Oblomsky)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheolo-

The study was carried out by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00030 «Study of the ethnic structure of the sedentary population of the Don forest-steppe in the Scythian-Sarmatian era based on ceramic materials», <https://rscf.ru/project/23-28-00030/>.

- giai slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 19. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 285–297 (in Russian).
14. Zudina, V. N. 2010. In Kuznetsova, L. V. (ed.). *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (40 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition)*. Series: Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History) XV. Samara: "Ofort" Publ., 101–110 (in Russian).
 15. Kozmirchuk, I. A., Razuvaev, Yu. D. 2001. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 2. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 71–88 (in Russian).
 16. Levenok, V. P. 1963. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 79–96 (in Russian).
 17. Levenok, V. P., Mironov, V. G. 1976. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 15–32 (in Russian).
 18. Liberov, P. D. 1962. In Melyukova, A. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 113. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 5–85 (in Russian).
 19. Medvedev, A. P. 1993. In Siniuk, A. T. (ed.). *Arkheologiya Dono-Volzhskogo basseina (Archaeology of the Don and Volga Basin)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 79–90 (in Russian).
 20. Medvedev, A. P. 1999. *Rannii zheleznyi vek lesostepnogo Podon'ia. Arkheologiya i etnokul'turnaia istoriia I tysiacheletia do n. e. (Early Iron Age of the Forest-Steppe Don Region. Archaeology and Ethnocultural History of the 1st Millennium BC)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
 21. Mironov, V. G. 1970. In Stepanov, P. D. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii i etnografii Mordovskoi ASSR (Studies on the Archaeology and Ethnography of Mordovia ASSR)* Series: Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skiogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy) 39. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 67–83 (in Russian).
 22. Mironov, V. G. 1972. In Borukhovich, V. G. (ed.). *Antichnyy mir i arkheologiya (Antique world and archaeology)* 1. Saratov: Saratov State University Publ., 37–45 (in Russian).
 23. Mironov, V. G. 1974. In *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Petrozavodsk State University)* Vol. 19, no. 4. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 85–95 (in Russian).
 24. Mironov, V. G. 1976. *Pamiatniki gorodetskoj kul'tury i problema ee lokal'nykh variantov (Sites of the Gorodets Culture and the Problem of Its Local Variants)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
 25. Mironov, V. G. 1995. In Cheliapov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Area)* 4. Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 68–89 (in Russian).
 26. Nikolskaya, T. N. 1959. *Kul'tura plemen basseyna Verkhney Oki v I tysiacheletii n. e. (Culture of the tribes of the Upper Oka basin in the first millennium AD.)* 72. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
 27. Oblomsky, A. M., Razuvaev, Yu. D. 2009. In Kileynikov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskiye pamiatniki Vostochnoy Evropy (Archaeological monuments of Eastern Europe)* 13. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute Publ., 176–185 (in Russian).
 28. Oblomsky, A. M., Razuvaev, Yu. D. 2013. In Andreev, S. I. (ed.). *Tambovskiy drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravniny (Tambov antiquities. Archaeology of the Oka-Don Plain)* 4. Tambov: Tambov State University Publ., 39–54 (in Russian).
 29. Razuvaev, Yu. D. 2007. In Kiyashko, A. V., Skripkin, A. S. (eds.) *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya (Issues of the Archaeology of the Lower Volga Region)*. Volgograd: Volgograd State University Publ., 62–65 (in Russian).
 30. Razuvaev, Yu. D. 2009. In Safonov, I. E. (ed.). *Arkheologiya vostochnoevropeskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Voronezh: Voronezh State University, 163–174 (in Russian).
 31. Razuvaev, Yu. D. 2015. In *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University)* 266 (1), 148–151 (in Russian).
 32. Razuvaev, Yu. D. 2017. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 2 (22), 15–24 (in Russian).
 33. Razuvaev, Yu. D. 2019. In *Ural'skiy istoricheskij vestnik (Ural Historical Journal)* 1 (62), 63–70 (in Russian).
 34. Razuvaev, Yu. D. 2022. In *Arkheologicheskoye nasledie (Archaeological heritage)* (1), 57–72 (in Russian).
 35. Razuvaev, Yu. D., Moiseev, A. V. 2011. In Fediunin, I. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoy Evropy (Archaeological Sites of Eastern Europe)* 14. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 209–219 (in Russian).
 36. Salugina, N. P. 2000. In Vasil'eva, I. N., Matveeva, G. I. (eds.). *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e (History of*

the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day. Early Iron Age and Middle Ages). Moscow: "Nauka" Publ., 216–246 (in Russian).

37. Sarapulkina, T. V. 2008. In Stavitsky, V. V. (ed). *Arkheologiya vostochnoyevropeyskoy lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)* 2 (1). Penza, 227–236 (in Russian).

38. Sarapulkina, T. V. 2008. In Stavitsky, V. V. (ed). *Arkheologiya vostochnoyevropeyskoy lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)* 2 (1). Penza, 65–70 (in Russian).

39. Sarapulkina, T. V. 2009. In *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika (Belgorod State University Scientific Bulletin. Series History. Political science. Economy. Computer science)* (15), 96–103 (in Russian).

40. Sarapulkina, T. V. 2010. *Gorodetskaya kul'tura na Verkhnem i Srednem Donu. (The Gorodets culture on the Upper and Middle Don)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

41. Sarapulkina, T. V., Biryukov, I. E. 2006. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Arkheologicheskoe izuchenie tsentral'noi Rossii (Archaeological Study of Central Russia)*. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 194–199 (in Russian).

42. Trubnikova, N.V. 1950. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 34. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 122–128 (in Russian).

43. Folomeev, B. A. 1993. In Chelyapov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki Srednego Pooch'ya (Archaeological monuments of the Middle Pooch'ye)* 3. Ryazan, 3–21 (in Russian).

44. Tsetlin, Yu. B. 2014. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 236, 374–378 (in Russian).

45. Shnirelman, V. A. 1990. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 201. Moscow: "Nauka" Publ., 49–56 (in Russian).

About the Author:

Razuvaev Yury D. Candidate of Historical Sciences. Voronezh State Pedagogical University. Lenin St., 86, Voronezh, 394043, Russian Federation; razuvaevyd@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

ЗНАКИ НА НАКОНЕЧНИКАХ СТРЕЛ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

© 2024 г. Р.Р. Саттаров, А.А. Красноперов, Э.В. Камалеев

В публикации рассматриваются наконечники стрел из памятников пьяноборской культуры с различными знаками, нанесенными на изделия в процессе изготовления и использования. В ходе непосредственной работы с музейными коллекциями удалось выявить 38 экземпляров наконечников стрел с метками, которые происходят из 15 погребений пьяноборских могильников и одного поселенческого памятника. Варианты назначения нанесения знаков могут быть различны: от случайных до целенаправленных. Проведенный анализ показал, что часть знаков является лишь следами разметки материала при изготовлении изделия, другая часть может являться специально нанесенными знаками в процессе изготовления или в процессе использования. Считать знаки элементами систем письменности оснований нет. Хронологически рассмотренные находки соответствуют I в. до н.э. – II в. н.э. Распространение знаков на наконечниках стрел из пьяноборских памятников, вероятно, является эпохальным явлением, характерным для среднесарматского времени. Знаки являются не прямым копированием и точным заимствованием, а переработкой идеи маркирования предметов, с использованием собственных традиций начертания знаков.

Ключевые слова: археология, Прикамье, ранний железный век, пьяноборская культура, костяные наконечники стрел, бронзовые наконечники стрел, знаки.

Среди категорий инвентаря пьяноборской культуры своей представительностью выделяются наконечники стрел из бронзы, кости и железа. Они представлены как интеррегиональными (металлические), так и местными (костяные) типами. Находки наконечников в последние годы стали объектом пристального внимания в обсуждении вопросов хронологии начального периода пьяноборской культуры (Саттаров, 2017; Зубов, Саттаров, 2018; Саттаров, Камалеев, 2022; Красноперов, 2021; 2023). Типология металлических наконечников опирается на соответствующие разработки для сарматской паноплии, типология же костяных пока находится на стадии обсуждения. В ходе непосредственной работы с музейными коллекциями, проводимой авторами в рамках самостоятельных исследований, удалось выявить одну деталь, ранее не отмеченную для этой группы

находок, – различные знаки, нанесенные на наконечники в процессе изготовления и использования.

Цель настоящей работы – привлечь внимание исследователей к характеристике находок, которая ранее оставалась «невидимой» в коллекциях, а также предварительно наметить контекст обстоятельств возникновения и распространения выявленных особенностей.

В сводке Б.Б. Агеева на 1982 г. было учтено 149 бронзовых и 982 костяных наконечников стрел (Агеев, 1992, с. 45). С того времени количество обнаруженных наконечников стрел существенно выросло. Только бронзовых в сводке Р.Р. Саттарова отмечено 543 экз. (Саттаров, 2019). Однако знаки на наконечниках стрел были известны лишь в материалах Чиатавского могильника (Мажитов, 1959, табл. I: 9) и Тойгузинского II городища (Бугров, 2000, рис. 3: 21). Новейшие

¹ Работа осуществлена в рамках государственного задания по теме «Исследование преемственности и трансформации археологических культур Северной Евразии», № 730000Р.16.1.ОН17АА10000; «Культурные интеграции населения Южного Урала в древности, средневековье и Новое время: факторы, динамика, модели», № 223020700851-6.

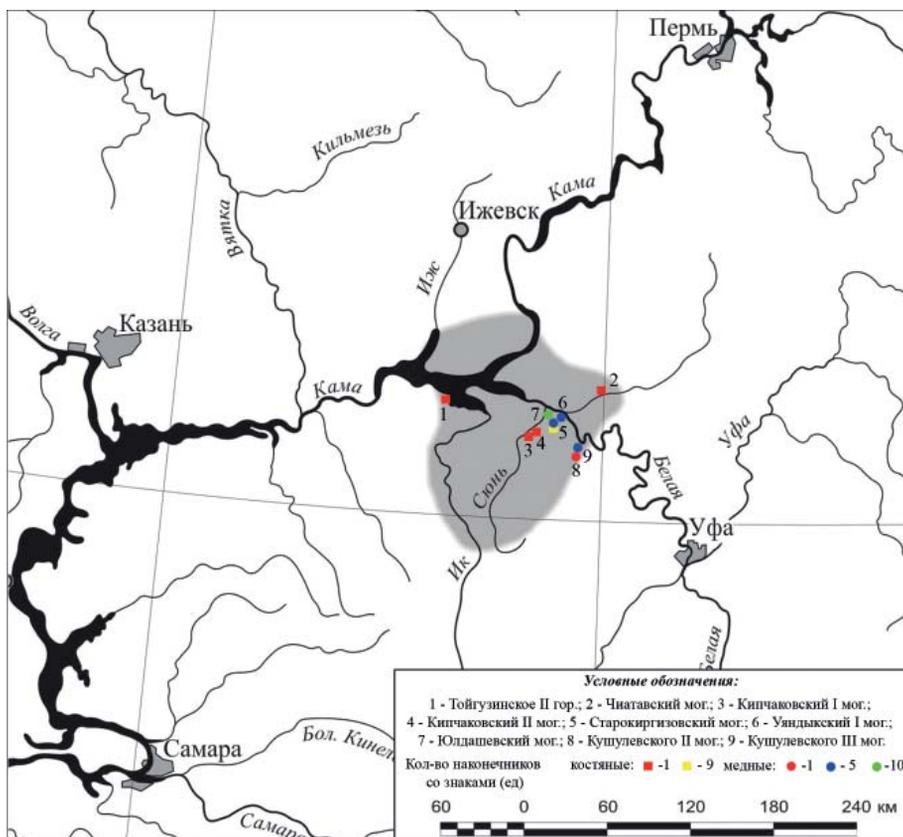

Рис. 1. Карта памятников и количественное распределение наконечников стрел со знаками по памятникам пьяноборской культуры.

Fig. 1. Map of sites and quantitative distribution of arrowheads with marks on the Piana Bor culture sites.

исследования пьяноборских памятников в Икско-Бельском междуречье позволили существенно расширить базу данных.

На сегодняшний день удалось выявить 38 экземпляров наконечников стрел со знаками, которые происходят из 15 погребений пьяноборских могильников и одного поселенческого памятника (рис. 1):

Бронзовые (рис. 2):

Погребение 35 Уяндыкского I могильника, 2 экз. (рис. 2: 3, 4);

Погребение 38 Уяндыкского I могильника, 3 экз. (рис. 2: 5–7);

Погребение 1 Кушулевского II могильника, 1 экз. (рис. 2: 23);

Погребение 306 Кушулевского III могильника, 5 экз. (рис. 2: 8–12);

Погребение 128 Юлдашевского могильника, 10 экз. (рис. 2: 13–22);

Погребение 51 Старокиргизовского могильника, 2 экз. (рис. 2: 1–2);

Погребение 84 Старокиргизовского могильника, 3 экз. (рис. 2: 24–26).

Костяные (рис. 3):

Погребение 18 Чиатавского могильника, 1 экз. (Мажитов, 1959, табл. I: 9) (рис. 3: 1);

Раскоп I, участок Б2 Тойгузинского II городища, 1 экз. (Бугров, 2000, рис. 3: 21) (рис. 3: 2);

Погребение 34 раскопа II Кипчаковского I могильника, 1 экз. (Зубов и др., 2021, рис. 11: 24) (рис. 3: 13);

Погребение 8 Кипчаковского II могильника, 1 экз. (Саттаров, 2020, илл. 7: 7) (рис. 3: 3);

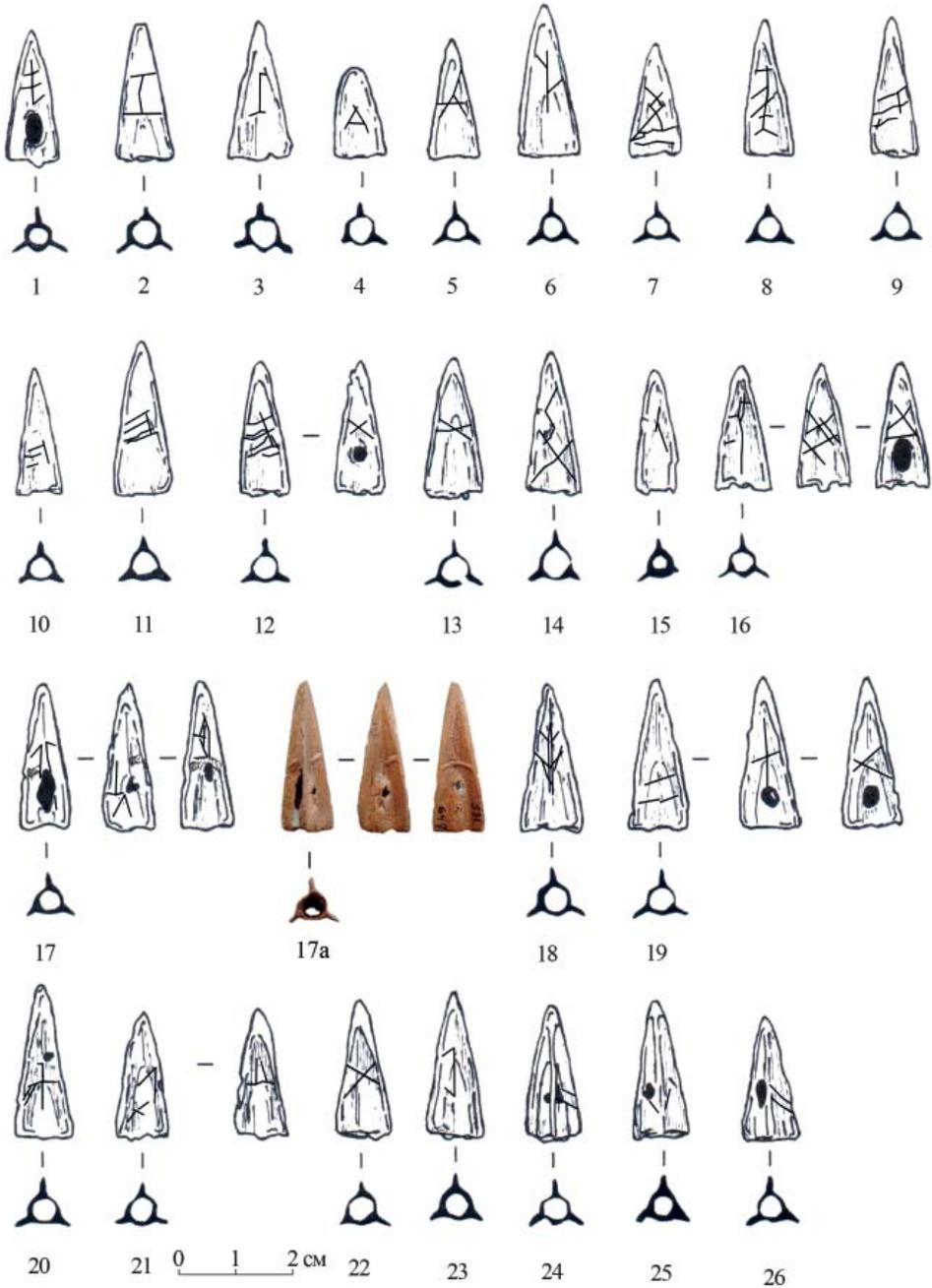

Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел со знаками из памятников пьяноборской культуры:
 1–2 – Старокиргизовский мог., п. 51 (1972); 3–4 – Уяндыйский I мог., п. 35;
 5–7 – Уяндыйский I мог., п. 38; 8–12 – Кушулевский III мог., п. 306;
 13–22 – Юлдашевский мог., п. 128; 23 – Кушулевский II мог., п. 1;
 24–26 – Старокиргизовский мог., п. 84 (2018).

Fig. 2. Bronze arrowheads with marks from sites of the Pyany Bor culture:
 1–2 – Staroye Kirgizovo burial ground, burial 51 (1972); 3–4 – Uyandykovo I burial ground, burial 35;
 5–7 – Uyandykovo I burial ground, burial 38; 8–12 – Kushulevo III burial ground, burial 306;
 13–22 – Yuldashevo burial ground, burial 128; 23 – Kushulevo II burial ground, burial 1;
 24–26 – Staroye Kirgizovo burial ground, burial 84 (2018).

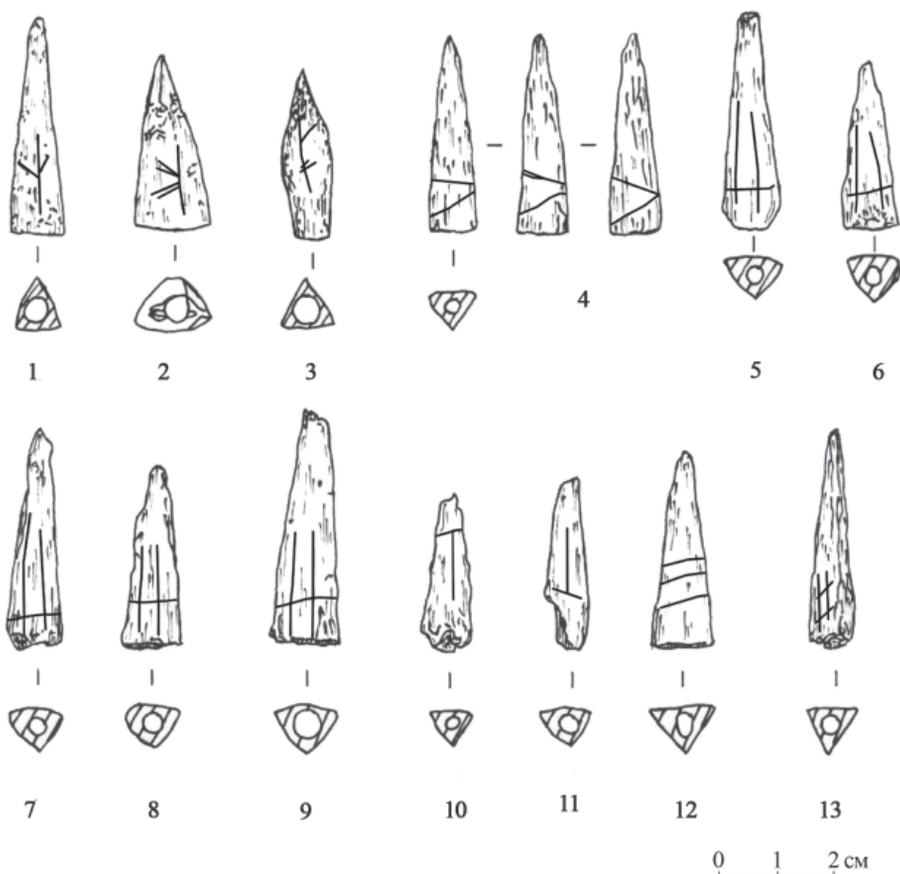

Рис. 3. Костяные наконечники стрел со знаками из памятников пьяноборской культуры: 1 – Чиатавский мог., п. 18; 2 – Тойгузинское II гор., 3 – Кипчаковский II мог., п. 8; 4 – Старокиргизовский мог., п. 20; 5-9 – Старокиргизовский мог., п. 29, 10 – Старокиргизовский мог., п. 12; 11 – Старокиргизовский мог., п. 53; 12 – Старокиргизовский мог., п. 85; 13 – Кипчаковский I мог., п. 34 раскопа II.

Fig. 3. Bone arrowheads with marks from sites of the Piany Bor culture: 1 – Chiatav burial ground, burial 18; 2 – Toiguzino II hillfort, 3 – Kipchakovo II burial ground, burial 8; 4 – Staroye Kirgizovo burial ground, burial 20; 5-9 – Staroye Kirgizovo burial ground, burial 29; 10 – Staroye Kirgizovo burial ground, burial 12; 11 – Staroye Kirgizovo burial ground, burial 53; 12 – Staroye Kirgizovo burial ground, burial 85; 13 – Kipchakovo I burial ground, burial 34 of the excavation II.

Погребение 20 Старокиргизовского могильника, 1 экз. (рис. 3: 4);

Погребение 29 Старокиргизовского могильника, 5 экз. (рис. 3: 5-9);

Погребение 53 Старокиргизовского могильника, 1 экз. (рис. 3: 11);

Погребение 85 Старокиргизовского могильника, 1 экз. (рис. 3: 12).

Сопровождающие комплексы не очень информативны в хронологическом плане и содержат местные типы находок, хронология которых обоснована недостаточно.

В большинстве случаев знаки процарапаны тонким резцом по одной из граней (только в одном случае для костяных и в четырех – для бронзовых все три грани отмечены метками²). Целенаправленность нанесения знаков подтверждается наконечником из погребения 128 Юлдашевского могильника (колл. МАЭ, № 531/647) (рис. 2: 17), на котором при изготовлении были сделаны конструктивные или декоративные ребра, а метки нанесены поперек.

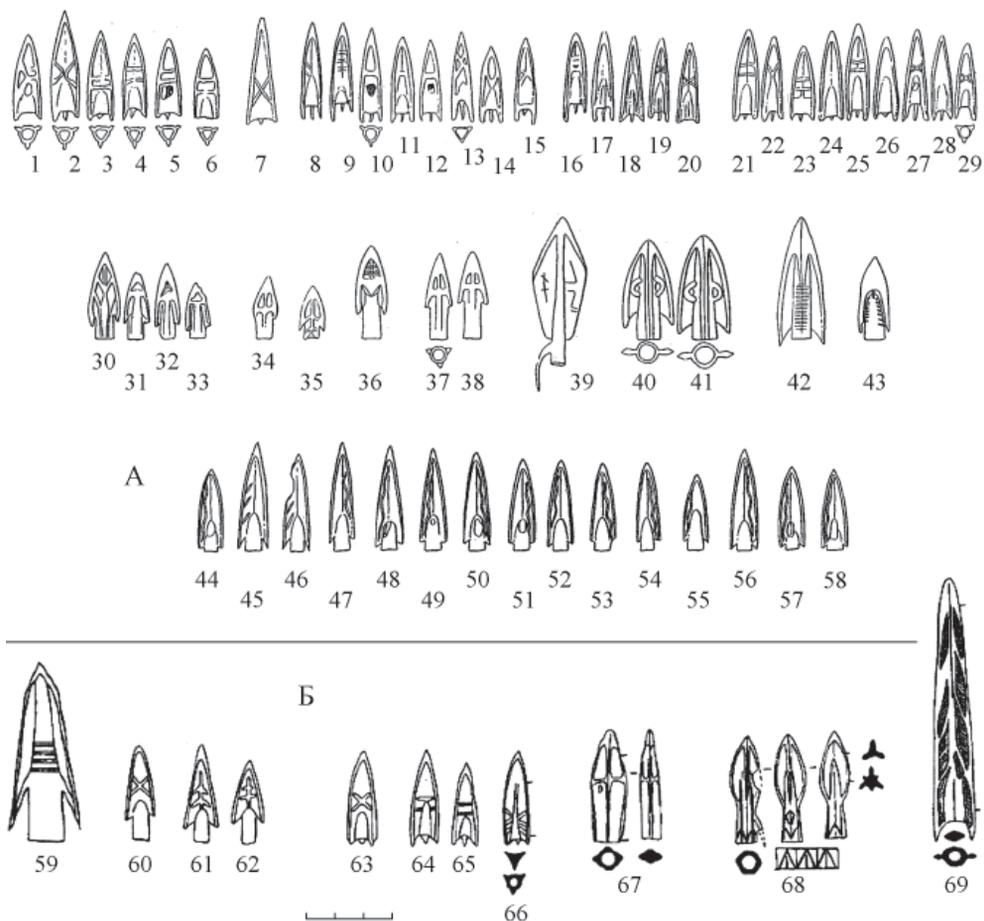

Рис. 4. Наконечники стрел (бронзовые) со знаками и литыми «ребрами» из сарматских (А) и ананьинских и кара-абызских (Б) памятников. 1–6 – Ново-Кумакский; 7 – Бердянская Гора; 8–20 – Любимовка/Лапасина; 21–29 – Благодословенское; 30–33, 36, 40, 41, 43 – Мечет-Сай; 34, 35 – Соболевский; 37, 38, 42 – Черниговский; 39 – Камышин; 44–58 – Blumenфельд (Смирнов, 1961, рис. 12: А, 15:1, 7, 8, 16-А:5–19, 19-А: 42, 43, 23-А: 1, 2, 14–18, 23, 31: 66, 67, 69–75, 32: 25–29, 33: 28–32, 34, 35, 38, 34: 6, 36:40–44, 48); 59 – нет данных; 60 – Релка; 61–62 – Шиповский; 63–65 – Охлебининский; 66 – Биктимировский I; 67 – Котловский; 68 – Ст.Ахмыловский; 69 – Ананьинский (Кузьминых, 1983, табл. LII: 74, 75, 80–82, 95, 97, XLIII: 41, 44, XLIV: 67, XLVI: 59).

Fig. 4. Arrowheads (bronze) with marks and moulded "ribs" from the Sarmatian (A) and Ananyino and Kara-Abyz (B) sites. 1–6 – Novy Kumak; 7 – Berdyanskaya Gora; 8–20 – Lyubimovka/Lapasina; 21–29 – Blagoslovenskoye; 30–33, 36, 40, 41, 43 – Mechet-Sai; 34, 35 – Sobolevsky; 37, 38, 42 – Chernigovskiy; 39 – Kamyshin; 44–58 – Blumenfeld (Smirnov, 1961, figs. 12: A, 15:1, 7, 8, 16-A:5-19, 19-A: 42, 43, 23-A: 1, 2, 14-18, 23, 31: 66, 67, 69-75, 32: 25-29, 33: 28-32, 34, 35, 38, 34: 6, 36:40-44, 48); 59 – no data; 60 – Relka; 61–62 – Shipovo; 63–65 – Okhlebinino; 66 – Biktimirovo I; 67 – Kotlovka; 68 – Elder Akhmylovo; 69 – Ananyino (Kuzminykh, 1983, tables LII: 74, 75, 80-82, 95, 97, XLIII: 41, 44, XLIV: 67, XLVI: 59).

Знаки на наконечниках стрел в других культурах

Для раннесарматской эпохи известны немногочисленные находки литых наконечников с дополнитель-

ными «ребрами», расположенными поперек головки, под углом к втулке («елочкой»), иногда перекрещивающиеся (Смирнов, 1961, рис. 16А: 18, 19, 19А: 43, 22: Б-1, 23: А-1, 2, 14, 23,

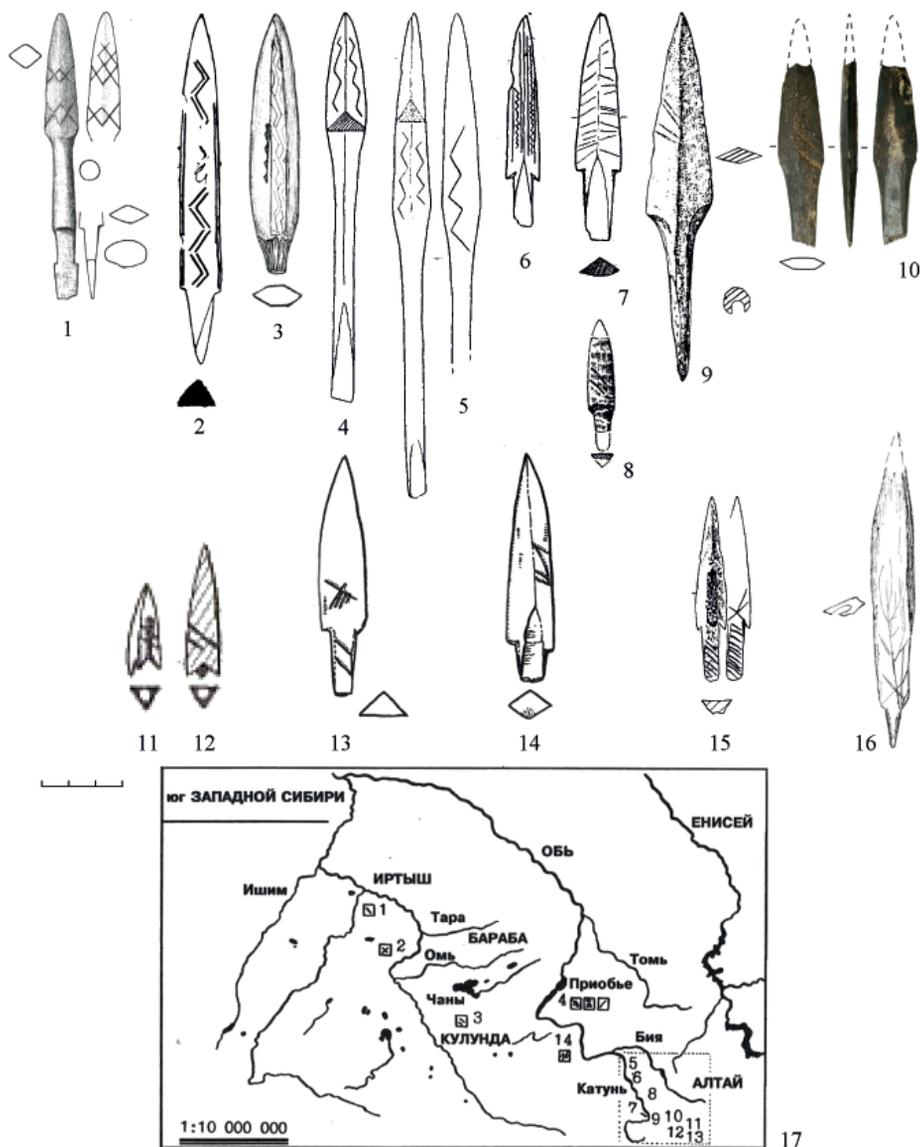

Рис. 5. Наконечники стрел (костяные) со знаками вне пьяноборской культуры.

1 – Дьяково городище (Кренке, 2019, рис. 104: 15); 2 – Каменный Мыс, к.3/п.25 (Троицкая, 1979, табл. VII: 1); 3, 10, 16 – Усть-Полуй (Гусев, 2017, рис. 17: 5; Алексашенко, 2011, рис. 3: 7, 9); 4–7 – Айдашинская (Молодин и др., 1980, табл. XXXII: 7, 19, табл. XL: 4, 5); 8 – Обские Плесьи II; 15 – Фирсово XIV, п. 319 (Фролов, 2008, рис. 121: 42, 135: 15); 9 – Старый Сад 1, к.33/п.6 (Полосьяк, 1987, рис. 67: 5);

11, 12 – Уландрык IV, к.2 (Кубарев, 1987, табл. LXXV: 39); 13 – Коконовка;

14 – Быстровка I; 17 – карта распространения (зона концентрации) наконечников стрел со знаками в южной Сибири и на Алтае (Бородовский, 1997, рис. 16: 2, 4, 5).

Fig. 5. Arrowheads (bone) with marks from outside the Piani Bor culture area. 1 – Dyakovo hillfort (Krenke, 2019, fig. 104: 15); 2 – Kamenny Mys, barrow 3/ burial 25 (Troitskaya, 1979, table VII: 1); 3, 10, 16 – Ust-Polui (Gusev, 2017, fig. 17: 5; Aleksashenko, 2011, fig. 3: 7, 9); 4–7 – Aidashinskaya (Molodin et al, 1980, table XXXII: 7, 19, table XL: 4, 5); 8 – Obskie Plesyi II; 15 – Firsovo XIV, burial 319 (Frolov, 2008, figs. 121: 42, 135: 15); 9 – Stary Sad 1, barrow 33 / burial 6 (Polosomak, 1987, fig. 67: 5); 11, 12 – Ulandryk IV, barrow 2 (Kubarev, 1987, table LXXV: 39); 13 – Kokonovka; 14 – Bystrovka I; 17 – map of distribution (concentration zone) of arrowheads with marks in Southern Siberia and Altai (Borodovskiy, 1997, fig. 16: 2, 4, 5).

31: 59, 66, 69, 71, 73, 75, 32: 25, 28, 29, 33: 28, 29, 34, 38, 36: 40–44, 48, 37: 9; Могильников, 1997, рис. 44: 1, 2) (рис. 4: А). Являются они декоративными или конструктивными, не очень ясно, не исключена двойная функция. Эти наконечники включены в состав больших колчаных наборов, большинство стрел в которых орнамента не имеют. Определенно декоративную функцию имели знаки в виде «змейки» (Смирнов, 1961, рис. 16А: 5–17, 21Б: 23), но они найдены только в одном комплексе. Также нефункциональным является знак в виде крестика (Смирнов, 1961, табл. 12: А). С.В. Кузьминых, характеризуя стрелы ананьинских памятников (рис. 4: Б), выделил экземпляры с дополнительными ребрами («елочкой», крестом, линиями) как в отдельные типы С-20 (Кузьминых, 1983, табл. XLIII: 41, L: 42), С-49 (Кузьминых, 1983, табл. XLVI: 59), так и описал в общих группах С-26 (Кузьминых, 1983, табл. XLIII: 44, L: 1), С-34 (Кузьминых, 1983, табл. XLIV: 67, LI: 74, 75, 80, 81, 82, 95), С-50 (Кузьминых, 1983, табл. XLVI: 82). Но и здесь находки единичны. Практически все знаки на раннесарматских и ананьинских стрелах нанесены в процессе изготовления и являются конструктивными элементами стрел (дополнительными ребрами жесткости?). Это не позволяет раннесарматские или ананьинские наконечники рассматривать как источник идеи нанесения меток.

Еще реже встречаются костяные наконечники со знаками (рис. 5). Среди разнообразных «костеносных» культур с многочисленными, в том числе орнаментированными, костяными предметами в культурах штрихованной керамики стрелы со знаками не отмечены ни разу, в дьяковской опубликован один «уникальный» (Кренке, 2011, с. 48, тип. 11, гр. 1) экземпляр с двумя-тремя рядами нарезных крестиков (рис. 5: 1) из пло-

хо документированных раскопок XIX в. из нижнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011, рис. 84: б/н; 2019, рис. 104: 15). Ни одного экземпляра не найдено в ананьинских древностях, известных авторам лично, в том числе и по коллекциям НМ РТ (г. Казань), МАЭ (г. Уфа) и УдГУ (г. Ижевск). Среди огромной коллекции костяных изделий Усть-Полуя на одном наконечнике имеется пара нарезанных линий (Гусев, 2017, рис. 17: 5), но есть сомнения, являются ли они сознательно нанесенными (рис. 5: 10). В коллекции МАЭ есть еще два наконечника с орнаментом. Изображение представляет собой вертикальные (вдоль длинной оси) и слегка наклонные линии, образуя композицию, напоминающую ветви дерева (Алексащенко, 2011, рис. 3: 7) и зигзаг (Алексащенко, 2011, рис. 3: 9) (рис. 5: 3, 16). Один экземпляр известен в железном веке Барабы (Полосьмак, 1987, рис. 67: 5) (рис. 5: 9), еще один, с зигзагом, опубликован из материалов кулайской культуры (Троицкая, 1979, табл. VII: 1) (рис. 5: 2). Четыре наконечника со знаками происходят из Айдашинской пещеры (Молодин и др., 1980, табл. XL: 4, 5; табл. XXXII: 7, 19) (рис. 5: 4–7), но это из нескольких сотен (!) наконечников. Единичны находки и на Алтае (Кубарев, 1987, табл. LXXV: 39; Фролов, 2008, рис. 121: 42, 135: 15) (рис. 5: 8, 11, 12, 15).

Таким образом, из опубликованных и проверенных данных в европейской части России отмечен всего один костяной наконечник стрелы. Очень редки они в западной Сибири. Некоторое количество подобных находок известно в памятниках южной Сибири и Алтая. Хронология этих находок не разработана, и не может быть определена точнее, чем «железный век». Отсутствие датировок, территориальная удаленность – при очень ограниченных реально отмеченных случаях прямых контактов

Рис. 6. Копья с сарматскими знаками из «германских» памятников (Воронятов, 2012б, рис. 5, 8, 10, 11; с изменениями).

Fig. 6. Spears with Sarmatian marks from "Germanic" sites (Voronyatov, 2012b, figs. 5, 8, 10, 11; with changes).

между Прикамьем и Алтаем – не позволяет рассматривать наконечники этой группы как источник идеи нанесения меток. Общее сходство деталей форм знаков указывает лишь на общие принципы начертания, а не на прямые заимствования.

Такая редкость только отчасти может быть объяснена плохой сохранностью костяных изделий. Вероятен фактор загрязненности поверхности и невнимательности. Так, в сводной таблице по памятникам Приобья и Прииртышья А.П. Бородовский при-

№	знак	значе- ние
+6	↘	ä
+1	↙	č
14	↓	q при o ü
39	↘	l²
26	↘	š¹
3	↘	č при i
20	↘	η
4	↗	p
7	↗	ÿ/i
13	↘	l¹
35	↘	r²

№	знак	значе- ние
31	➤	m
40	▷	q при ĩ
17	>	o/u
33	⋈	t¹
15	з	nč
28	⋈	d¹
25	М	ld/lt
5	ƶ	k
23	Ɔ	g

№	знак	значе- ние
30	↗	q
6	h	t²
32	h	ö/ü
8	h	a/ä
18	l	s²
19	х	d²

Рис. 7. Виды знаков на пьяноборских наконечниках стрел (А), виды знаков различных систем письменности: прототюркской (Б) (Кызласов, 1994, табл. XXXVI; с изменениями), германского старшего рунического письма (В) (Кызласов, 1994, табл. XXXVIII: I; с изменениями), виды знаков, встреченные на наконечниках стрел Сибири и Алтая (Г) (Бородовский, 1997, рис. 16: 6; с изменениями).

Fig. 7. Types of marks on Piany Bor arrowheads (A), types of marks of different writing systems: Proto-Turkic (Б) (Kyzlasov, 1994, table XXXVI; with changes), Germanic older runic script (B) (Kyzlasov, 1994, table XXXVIII: I; with changes), types of marks on arrowheads from Siberia and Altai (Г) (Borodovsky, 1997, fig. 16: 6; with changes).

водит больше пунктов и большее разнообразие форм знаков (Бородовский, 1997, рис. 16), чем отмечается в публикациях. Например, у А.П. Бородовского подобная находка обозначена в могильнике Быстровка-1, к. 4/п. 2 (Бородовский, 1997, рис. 16: 1, 2), в публикации памятника Т.Н. Троицкой (1983) никак не отмечена и не упомина-

нута; у А.П. Бородовского – в могильнике Кононовка (Бородовский, 1997, рис. 16: 5–2), а в публикациях В.А. Могильникова (1972а; 1972б) сведений нет. Аналогичная ситуация и в пьяноборской культуре – в публикациях (Васюткин, 1982; Пшеничнюк, 1986а; 1986б; Агеев, Мажитов, 1986) знаки не отмечены.

Учитывая соотношение предметов со знаками и без и находки стрел со знаками и без в одних и тех же наборах, можно быть уверенным в редкости самого факта нанесения знаков на стрелы.

Интерпретация. Возможные варианты назначения знаков

Очевидно, что знаки, нанесенные в процессе изготовления, и знаки, нанесенные в процессе использования предметов, будут иметь разное назначение. Первые – запланированные, вторые могут быть как запланированными, так и окказиональными.

Знаки (в целом) могут быть³:

- меткой собственности (какого-то конкретного лица или семьи, т. е. узкой, ограниченной группы);
- меткой принадлежности (территории, «государства», большой группы лиц, «герб клана»);
- меткой обстоятельств (найденная, подаренная, «за участие» и т. д.);
- меткой-апотропеем (оберег, «на удачу»);
- статусным символом;
- меткой-подражанием («потому что так принято делать», подражание при невозможности иметь оригинал);
- меткой мастера;
- иметь иррациональное значение⁴.

Этнография и археология дают все варианты (последний случай сразу исключим как недоказуемый на имеющемся материале).

Самым распространенным вариантом являются знаки личной или малой групповой собственности – тамги или нишан. Они подробно описаны как для сарматских групп в Причерноморье (напр.: Драчук, 1975) и Закаспии (Ольховский, Яценко, 2000; Ольховский, 2001), так и в этнографии (напр.: Анпилогов, 1964). Близок по значению второй вариант, так же известный у сарматских групп, когда тамги правителей территориально распространялись шире коренных владений (Воронятов, 2012а, с. 5). С

сарматскими знаками связана большая группа находок статусных символов и апотропеев. В среде германских племен широко распространяется обычай украшать оружие или ножны для оружия сарматскими тамгами (Воронятов, Мачинский, 2010; Воронятов, 2011; 2012а; Яценко, Добжаньска, 2012), которые сейчас оцениваются как результат трофеев (Симоненко, 2010, с. 69; Воронятов, 2012б, с. 421–422) (рис. 6). Знаки встречаются на бытовых вещах (Воронятов, 2012в), конской сбруе (Симоненко, 2010, с. 217–219; Воронятов, 2013а) и сосудах, в том числе римского производства, но попавших в неримскую среду (Воронятов, 2009).

Форма знаков может быть простой и сложной (процесс образования последних из элементов специально рассмотрен С.А. Яценко (Яценко, 2001; Тамги..., 2019). Именно по сложным знакам удалось проследить ареалы, в т. ч. сделать выводы о локальных группах племен или государств (Карышковский, 1982). Со знаками, состоящими из одной-двух черт, такие выводы делать опрометчиво.

Форма знаков на пьяноборских стрелах и их соответствия

Некоторая часть простых штрихов интерпретации не поддается. Мы не можем быть уверены, чем является одиночная линия на предмете – следом раскройки материала, случайной царапиной. Другие варианты находят параллели в этнографических материалах – родовых знаках простых начертаний: несколько линий, прямых или наклонных.

Знаки с наклоном влево встречаются реже.

Знаки в виде вертикальной линии и отходящих влево от нее вверху и в центре двух коротких наклонных (Кызласов, 1994, табл. I: 14, III: 27, IV: 11, VI: 11, VII: 6, и далее) (рис. 2: 23) (но не трех или четырех⁵) встречаются часто.

Встречаются знаки в виде вертикальной и отходящей от ее (верхнего или нижнего) конца вправо (Кызласов, 1994, табл. I: 16, IV: 6,22, VII: 20,22, и далее)⁶ или влево (Кызласов, 1994, табл. I: 19, V: 20, VI: 9,20, и далее)⁷ наклонной (но не горизонтальной; но не одновременно двух в одну сторону).

Встречаются знаки в виде прямой и углов сверху и снизу (Кызласов, 1994, табл. XVI: 1, XIX: 46, XX: 27, XXIII: 15, и далее)⁸ (но не горизонтальных).

Повсеместно распространены знаки в виде птичьей лапки (Кызласов, 1994, табл. I: 24, IV: 9, V: 5, VI: 10, VII: 11, и далее)⁹ (рис. 3: 1) (вверх; несколько реже вниз).

На двух наконечниках (Тойгузино, Кипчаково II) встречен схематичный знак, который можно описать как изображение «животного» (рис. 3: 2, 3).

Варианты форм сгруппированы на рис. 7: А. Какой-либо закономерности пары «знак – памятник» выявить не удалось.

Проблема интерпретации заключается в том, что все сопоставительные материалы относятся к существенно другим эпохам и обстоятельствам. Больше всего в литературе разработаны знаки властных кланов сарматских обществ и знаки письменности тюркских групп. Первые довольно существенно отличаются геометрией и принципами знакообразования (образцы см. рис. 6), вторые внешне похожи, но не совпадают хронологически. Третья группа этнографическая, где можно найти практически любые варианты, но они еще дальше отстоят по времени от рассматриваемых, а их прямая генетическая связь не доказана.

Сходство форм знаков объясняется в силу свойств материала для письма и орудий письма. Для рунических алфавитов, *изобретенных для вырезания на дереве*, горизонтальные и

закругленные линии отсутствовали. Знаки образуются вертикальными и под углом к ним короткими наклонными (Гузев, Кляшторный, 2009, с. 150). Знаки с округлыми и дугообразными элементами разрабатывались для нанесения не на дерево (Кызласов, 1994, с. 153–154, табл. XXXVIII), хотя количество потенциально возможных линейных форм велико, на практике выбираются простые формы (линии, треугольники, квадраты) (Гузев, Кляшторный, 2009, с. 153) (образцы см. рис. 7: Б, В). Закругленные формы (напр., на сарматских тамгах) изначально изобретались либо для нанесения на жестких (камень, металл), либо, наоборот, очень пластичных (глина) материалах, которые позволяют держать такую форму без искажений.

Среди рассмотренных вариантов хронологически близкой является традиция нанесения знаков у различных групп среднесарматского населения. В контексте находок важно отметить, что известные нам примеры знаков, нанесенных в процессе изготовления стрел, связаны с сарматской средой, равно как и тамги/нишан и германское оружие с тамгами. Традиция маркировать предметы именно знаками (без учета декоративных и/или функциональных ребер на наконечниках) появляется в среднесарматское время и связывается с волной (волнами?) проникновения кочевых групп с востока, которые и сформировали «среднесарматскую культуру» (Симоненко, 1992, с. 161; Скрипкин, 1996, с. 165). Можно предполагать, что знаки являются эпохальным явлением именно этого периода истории (Воронятов, 2013б). Важно, что пьяноборская культура в основном синхронна среднесарматскому времени, а на пьяноборских памятниках импортные изделия, поступавшие через посредничество среднесарматских групп, составляют большинство (Саттаров, 2019д). При

этом полного сходства, до тождества, быть не может.

Таким образом, на основе проведенного выше анализа можно сделать следующие выводы:

- тщательный осмотр почищенных предметов показал наличие ранее не замечаемых характеристик – знаков на предметах;

- часть знаков (рис. 3: 4–9, 12), наиболее вероятно, является лишь следами разметки материала при изготовлении изделия;

- другая часть знаков (рис. 2, 3: 1–3, 10, 11, 13) может являться специально нанесенными производителями или пользователями в процессе изготовления или в процессе использования метками;

- считать знаки элементами систем письменности оснований нет;

- характер начертания позволяет предположить, что первоначально традиция возникла для мягких волоконистых материалов (дерево);

- традиция нанесения различных знаков именно на наконечники стрел достаточно редка; в Европейской части России – единичные случаи (вероятно, декоративная функция); чуть

более распространены в археологических памятниках Сибири, Алтая;

- хронологически рассмотренные находки относятся к пьяноборской культуре раннего железного века, что соответствует в целом среднесарматскому времени;

- именно для среднесарматского времени очень характерно маркирование оружия и бытовых предметов знаками личной или групповой собственности;

- ареал в целом совпадает с областями расселения различных сарматских групп, происхождение которых связано с восточными областями; но тамги сарматских типов – в лесную зону, к германским племенам;

- распространение знаков на наконечниках стрел из пьяноборских и кара-абызских¹⁰ памятников, вероятно, является эпохальным явлением, характерным для среднесарматского времени (I в. до н. э. – II в. н. э.), но является не прямым копированием и точным заимствованием, а переработкой идеи маркирования предметов, с использованием собственных традиций начертания знаков.

Примечания:

² Слова «метки» и «знаки» используются как синонимы, дополнительной специальной нагрузки не имеют.

³ Другие списки предлагают В.С. Ольховский (2001, с. 107–108), С.А. Яценко (Тамги..., 2019, с. 19–21).

⁴ Нельзя исключать и случайный фактор для простых линий и черт: в процессе изготовления, использования, или археологизации.

⁵ Исключительный случай (Кызласов, 1994, табл. XI: 9).

⁶ «i» в орхонском (Кызласов, 1994, табл. XXXVI; Гузев, Кляшторный, 2009, с. 172).

⁷ «p» или «l» в орхонском (Кызласов, 1994, табл. XXXVI; Гузев, Кляшторный, 2009, с. 173).

⁸ «ã» в орхонском (Кызласов, 1994, табл. XXXVI).

⁹ «ĕ при i» в орхонском (Кызласов, 1994, табл. XXXVI; Гузев, Кляшторный, 2009, с. 173).

¹⁰ Авторы благодарны Е.А. Ахметовой (г. Уфа), сообщившей о знаках на бронзовых наконечниках стрел в материалах могильника «Новые Турбаслы-7, селище» при обсуждении статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
2. Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 75–94.

3. *Алексащенко Н.А.* Лук и стрелы Усть-Полуя // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах северной Евразии. Замятинский сборник. Вып. 2 / Ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2011. С. 207–218.
4. *Антилогов Г.Н.* Бортные знамена как исторический источник (По Путивльским и Рьельским переписным материалам конца XVI и 20-х годов XVII в.) // СА. 1964. № 4. С. 151–169.
5. *Бородовский А.П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (2 пол. 2 тыс. до н.э. – 1 пол. 2 тыс. н.э.). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1997. 224 с.
6. *Бугров Д.Г.* К вопросу о костяных наконечниках стрел пьяноборской культуры (по материалам Тойгузинского II городища) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ТГИМ, 2000. С. 83–92.
7. *Васюткин С.М.* Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Под ред. В.А. Иванова, А.Х. Пшеничнюка. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 125–144.
8. *Воронятов С.В.* О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Науч. ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 80–98.
9. *Воронятов С.В.* Наконечник копья с сарматской тамгой из погребения, открытого в 1841 г. в Керчи: к функции и статусу предмета // Материалы Междун. науч. конф. «Боспорский феномен. Население, языки, контакты» (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.) / Ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб: Нестор-История, 2011. С. 154–160.
10. *Воронятов С.В.* Аджимушкайское копье – боспорское знамя // Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина. Заседание 18.01.2012 / Сост.: И.Д. Ермолаев, В.Г. Вилинбахов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012а. С. 3–11.
11. *Воронятов С.В.* Алано-сарматские мотивы в инвентаре «королевского» погребения позднеримского времени около Мушова в Южной Моравии // Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев: КНТ, 2012б. С. 417–432.
12. *Воронятов С.В.* Оселки с сарматскими тамгами // Культуры степной Евразии и их взаимодействия с древними цивилизациями. Кн. 1 / Ред. В.А. Алёшкин и др. СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012в. С. 54–57.
13. *Воронятов С.В.* О назначении сарматских тамг в церемониальном конском снаряжении // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб: Нестор-История, 2013а. С. 296–302.
14. *Воронятов С.В.* Центральная Азия и Северное Причерноморье: параллели предметов с тамгами // НАВ. Вып. 13 / Отв. ред. А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонский. Волгоград: Издатель, 2013б. С. 48–59.
15. *Воронятов С.В., Мачинский Д.А.* О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Германия – Сарматия. Вып. II. Курск; Калининград: Издательство, 2010. С. 57–77.
16. *Гузев В.Г., Кляшторный С.Г.* Древняя письменность Великой степи. // Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура тюркоязычных народов России и сопредельных стран / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. М.: Вост. лит.-ра. 2009. С. 146–176.
17. *Гусев А.В.* Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995, 2006–2015 гг. // Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1 / Археология Арктики. Вып. 4 / Науч. ред. О.Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. С. 4–103, 157–218.
18. *Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 175 с.
19. *Зубов С.Э., Саттаров Р.Р.* Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребений Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 210–214.
20. *Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М.* Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 261–300. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.261.300>.

21. *Карышковский П.О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. В.П. Ванчугов, Г.А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1982. С. 66–82.
22. *Красноперов А.А.* К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 4-1: бронзовые наконечники стрел // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 221–249.
23. *Красноперов А.А.* К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 4-2: бронзовые наконечники стрел // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 310–325.
24. *Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
25. *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019. 392 с.: 225 илл.
26. *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
27. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
28. *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. 328 с.
29. *Мажитов Н.А.* Чиатавский могильник // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: б/и, 1959. С. 100–113.
30. *Могильников В.А.* Коконовские и саргатские курганы – памятники эпохи раннего железа западносибирской лесостепи // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / МИА. № 153 / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1972а. С. 19–133.
31. *Могильников В.А.* Раскопки 1967 г. в Коконовке // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / МИА. № 153 / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1972б. С. 134–149.
32. *Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пушинский научный центр РАН, 1997. 196 с.
33. *Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.* Айдашинская пещера. Новосибирск: Наука, 1980. 208 с.
34. *Ольховский В.С.* Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. Вып. 7 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир, М.: ИА РАН, 2001. С. 100–109.
35. *Ольховский В.С., Яценко С.А.* О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устьурте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / Отв. ред. В.С. Ольховский. М.: ГЕОС, 2000. С. 295–315.
36. *Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
37. *Пшеничниук А.Х.* Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничниук. Уфа: БФ АН СССР, 1986а. С. 26–44.
38. *Пшеничниук А.Х.* Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничниук. Уфа: БФАН СССР, 1986б. С. 45–74.
39. *Саттаров Р.Р.* К вопросу о применении импортных бронзовых наконечников стрел населением пьяноборской культуры // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: мат-лы XI Всероссийской научно-практической конф. молодых ученых / Отв. ред. Э.В. Камалеев. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2017. С. 103–106.
40. *Саттаров Р.Р.* Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н. э. – II в. н. э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019.
41. *Саттаров Р.Р.* Мужской головной убор из Кипчаковского II могильника пьяноборской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Слово, 2020. С. 208–217.
42. *Саттаров Р.Р., Камалеев Э.В.* Бронзовые восьмеркообразные застёжки как хронологические маркеры пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 225–247.
43. *Симоненко А.В.* Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3. С. 148–163.
44. *Симоненко А.В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. Saint Petersburg: Нестор-История, 2010. 328 с.

45. Скрипкин А.С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1. С. 160–169.
46. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.
47. Тамги доисламской Центральной Азии / Отв. ред. Р.Х. Сулейманов. Самарканд: МИЦАИ, 2019. 452 с.
48. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.
49. Троицкая Т.Н. Могильник Быстровка-1 как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: НГПИ, 1983. С. 31–50.
50. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
51. Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
52. Яценко С.А., Добжаньска Г. Германские парадные копья II–III вв. н.э. с сарматскими знаками // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Труды ГИМ. Вып. 191 / Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. С. 275–282.

Информация об авторах:

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), заместитель директора по научной работе, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sattarov.r@rambler.ru

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка, литературы УФИЦ УРО РАН (г. Ижевск, Россия); alexander.kaa@mail.ru

Камалеев Эльвир Винерович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); kamaleev-ilvir@mail.ru

MARKS ON ARROWHEADS FROM SITES OF THE PIANY BOR CULTURE

R.R. Sattarov, A.A. Krasnopeorov, E.V. Kamaleyev

The article deals with arrowheads from sites of the Piany Bor culture with various marks applied to the items in the process of manufacture and use. In the course of work with museum collections, we managed to identify 38 arrowheads with marks, which come from 15 burials of Piany Bor burial grounds and one settlement monument. The purpose of markings can be different: from casual to purposeful. The analysis has shown that some of the marks are only traces of marking of the material during the manufacture of the item, the other part can be specially applied signs in the process of manufacture or while using. There is no reason to consider the marks as elements of writing systems. Chronologically the considered finds correspond to the I century BC – II century AD. The spread of marks on arrowheads from Piany Bor sites is probably an epochal phenomenon characteristic of the Middle Sarmatian time. The marks are not a direct copying and exact borrowing, but a reworking of the idea of marking of objects, using their own traditions of inscription of marks.

Keywords: archaeology, Kama region, Early Iron Age, Piany Bor culture, bone arrowheads, bronze arrowheads, marks.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Piany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

The work was carried out as a part of the State Task on the theme "Research of continuity and transformation of archaeological cultures of Northern Eurasia", No. 730000P.16.1.ON17AA10000; "Cultural integrations of the population of the Southern Urals in ancient times, Middle Ages and modern era: factors, dynamics, models", No. 223020700851-6.

2. Ageev, B. B., Mazhitov, N. A. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iyakh Beloi (Archaeological Research in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 75–94 (in Russian).
3. Aleksashenko, N. A. 2011. In Khlopachev, G. A. (ed.). *Predmety vooruzheniya i iskusstva iz kosti v drevnikh kul'turakh severnoy Evrazii (Bone Armament and Art in the Ancient Cultures of Northern Eurasia)*. Series: *Zamyatninskyy sbornik (Zamyatninsky of Papers)* 2. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 207–218 (in Russian).
4. Anpilogov, G. N. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 151–169 (in Russian).
5. Borodovskiy, A. P. 1997. *Drevnee kostoreznoe delo yuga Zapadnoy Sibiri (2 pol. 2 tys. do n.e. – 1 pol. 2 tys. n.e.) (Ancient bone-cutting in the south of Western Siberia (2nd floor: 2 thousand BC – 1 floor: 2 thousand A.D.))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
6. Bugrov, D. G. 2000. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennyye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 273–285 (in Russian).
7. Vasiutkin, S. M. 1982. In Ivanov, V. A. Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Priural'e v epokhu bronzy i rannego zheleza (Cis-Urals Region in the Bronze and Early Iron Ages)*. Ufa: Bashkiria Branch of the USSR Academy of Sciences, 125–144 (in Russian).
8. Voronyatov, S. V. 2009. In Furas'ev, A. G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoy i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and the Danube)*. Saint-Petersburg: Faculty of philology and arts of Saint-Petersburg State University, 80–98 (in Russian).
9. Voronyatov, S. V. 2011. In Vakhtina, M. Yu., et al. (eds.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoy konferentsii "Bosporskii fenomen. Naselenie, iazyki, kontakty" (Sankt-Peterburg, 22–25 noiabria 2011 g.) (Proceedings of International Research Conference (Bosporan Phenomenon. Population, Languages and Contacts) (Saint Petersburg, November 22-25, 2011))*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 154–160 (in Russian).
10. Voronyatov, S. V. 2012. In Ermolaev, I. D., Vilinbakhov, V. G. (comp.). *Geral'dika – vspomogatel'naya istoricheskaya distsiplina. Zasedanie 18.01.2012 (Heraldry is an auxiliary historical discipline. Meeting on 18.01.2012)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 3–11 (in Russian).
11. Voronyatov, S. V. 2012. In Simonenko, A. V. (ed.). *Zoloto, kon' i chelovek (Gold, horse and man)*. Kiev: "KNT" Publ., 417–432 (in Russian).
12. Voronyatov, S. V. 2012. In Alekshin, V. A. (ed.). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami (Cultures of Steppe Eurasia and Their Interactions with Ancient Civilizations)* 1. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 54–57 (in Russian).
13. Voronyatov, S. V. 2013. In Vakhtina, M. Yu., et al. (eds.). *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke (The Bosporan Phenomenon: Greeks and Barbarians on the Crossroads of Eurasia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 296–302 (in Russian).
14. Voronyatov, S. V. 2013. In Skripkin, A. S., Yablonsky, L. T. (eds.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 13. Volgograd: Volgograd State University, 48–59 (in Russian).
15. Voronyatov, S. V., Machinskiy, D. A. 2010. In *Germaniya – Sarmatiya*. Iss. II. Kursk; Kaliningrad: "Izdatel'stvo" Publ., 57–77 11 (in Russian).
16. Guzev, V. G., Klyashotnyi, S. G. 2009. In Klyashotnyi, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2007–2008: Istoriia i kul'tura tiurkoiazychnykh narodov Rossii i sopredel'nykh stran (Collected Papers on Turkic Studies 2007–2008: History and Culture of the Turkic-Speaking Peoples of Russia and Adjacent Countries)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 146–176 (in Russian).
17. Gusev, A. V. 2017. In Korochkova, O. N. (ed.). *Ust'-Poluy: materialy i issledovaniya. T. 1. (Ust'-Polui: materials and research. Vol. 1) Arkheologiya Arktiki (Arctic Archaeology)* 4. Ekaterinburg: "Delovaya pressa" Publ., 4–103, 157–218 (in Russian).
18. Drachuk, B. C. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya (Sign systems of the Northern Black Sea region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
19. Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 210–214 (in Russian).
20. Zubov, S. E., Sattarov, R. R., Tagirov, F. M. 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 261–300 (in Russian).
21. Karyshkovskiy, P. O. In Vanchugov, V. P., Dzis-Rajko, G.A. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Archaeological monuments of the North-Western Pontic)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 66–82 (in Russian).
22. Krasnopeorov, A. A. 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 221–249 (in Russian).
23. Krasnopeorov, A. A. 2023. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 310–325 (in Russian).

24. Krenke, N. A. 2011. *Diakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the Moscow River basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium BC)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
25. Krenke, N. A. 2019. *Drevnosti basseyna Moskvy-reki ot neolita do srednevekov'ya: etapy kul'turnogo razvitiya, formirovanie proizvodvashchey ekonomiki i antropogennogo landshafita (Archaeology of Moskva River Basin from the Neolithic to the Middle Ages)*. Moscow; Smolensk: "Svitok" Publ. (in Russian).
26. Kubarev, V. D. 1987. *Kurgany Ulandryka (Barrows of Ulandryk)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
27. Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
28. Kyzlasov, I. L. 1994. *Runicheskie pis'mennosti evraziyskikh stepey (Runic scripts of the Eurasian steppes)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
29. Mazhitov, N. A. 1959. In Smirnov, A. P., Kuzeev, R. G. (eds.). *Bashkirskiy arkheologicheskiy sbornik (Bashkir Archaeological Collection of Papers)*. Ufa. 100–113 (in Russian).
30. Mogil'nikov, V. A. 1972. In Smirnov, K. F. (ed.). *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni (Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian period)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 153. Moscow: "Nauka" Publ., 19–133 (in Russian).
31. Mogil'nikov, V. A. 1997. In Smirnov, K. F. (ed.). *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni (Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian period)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 153. Moscow: "Nauka" Publ., 134–149 (in Russian).
32. Mogil'nikov, V. A. 1997. *Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tysyacheletiya do n. e. (Population of the Upper Ob river region in the middle – second half of the I millennium BC.)*. Moscow: Pushchino Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
33. Molodin, V. I., Bobrov, V. V., Ravnushkin, V. N. 1980. *Aydashinskaya peshchera (Aydashinskaya cave)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
34. Ol'khovskii, V. S. 2001. In Munchaev, R. M. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical and Archaeological Almanac) 7*. Armavir; Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 100–109 (in Russian).
35. Ol'khovskiy, V. V., Yatsenko S. A. 2000. In Ol'khovskiy, V. S. *Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii (Archaeology, paleoecology and paleodemography of Eurasia)*. Moscow: "GEOS" Publ., 295–315 (in Russian).
36. Polos'mak, N. V. 1987. *Baraba v epokhu rannego zheleza (Baraba in the Early Iron Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
37. Pshenichniuk, A. Kh. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iyakh Beloi (Archaeological Research in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 26–44 (in Russian).
38. Pshenichniuk, A. Kh. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iyakh Beloi (Archaeological Research in the Belaya Mouth Area)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 45–74 (in Russian).
39. Sattarov, R. R. 2017. In Kamaleev, E. V. (ed.). *Etnosy i kultury Uralo-Povolzhia istoriia i sovremennost' (Ethnic Groups and Cultures of the Ural-Volga Region: History and Modernity)*. Ufa: "Institute of Ethnological Studies" Publ., 103–106 (in Russian).
40. Sattarov, R. R. 2019. *Importnye predmety v p'ianoborskoi kul'ture (konets II v. do n.e. – II v. n.e.) (Imports in the Pyany Bor Culture (end of the 2nd c. BC – 2nd c. AD))*. PhD Diss. Kazan (in Russian).
41. Sattarov, R. R. 2020. In Turetskiy, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region) 8*. Samara: "Slovo", Publ., 208–217 (in Russian).
42. Sattarov, R. R., Kamaleev, E. V. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) (3)*, 225–247 (in Russian).
43. Simonenko, A. V. 1992. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History) (3)*, 148–163 (in Russian).
44. Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (The Sarmatian Riders of the Northern Black Sea Region)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
45. Skriplin, A. S. 1996. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History) (1)*, 160–169 (in Russian).
46. Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Armament of the Sauromatians)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
47. In Suleimanov, R. Kh. (ed.). 2019. *Tamgi doislamskoi Tsentral'noi Azii (Tamgas of pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: "IICAS" Publ. (in Russian and English).

48. Troitskaya, T. N. 1979. *Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e (Kulayka Culture in the Novosibirsk Ob Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
49. Troitskaya, T. N. 1983. In Troitskaya, T. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki lesostepnoy polosy Zapadnoy Sibiri (Archaeological sites of the forest-steppe zone of Western Siberia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute, 31–50 (in Russian).
50. Frolov, Ya. V. 2008. *Pogrebal'nyy obryad naseleniya barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. – II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov) (Funeral Rites of the Population in the Barnaul Ob Region in VI BC–II AD (Based on Soil Burial Grounds))*. Barnaul: "Azbuka", Publ. (in Russian).
51. Yatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoiazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ia (Tamga Symbols of Iranian-Speaking Ancient and Medieval People)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
52. Yatsenko, S. A., Dobzhan'ska, G. 2012. In Zhuravlev, D. V., Firsov, K. B. (eds.). *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushhinoy (Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period. In Memory of Irina Ivanovna Guschina)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 191. Moscow: State Historical Museum, 275–282 (in Russian).

About the Authors:

Sattarov Ruzil R. Candidate of Historical Sciences. Associated professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Krasnopeorov Alexander A. Candidate of Historical Sciences. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Lomonosov St., 4, Izhevsk, 426004, Udmurt Republic, Russian Federation; alexander.kaa@mail.ru

Kamaleev Elvir V. Candidate of Historical Sciences. Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Russian Federation; kamaleev-ilvir@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

PALEOANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF OSTEOLOGICAL MATERIAL FROM THE MYNTOBE BURIAL GROUND¹

© 2024 M. Gursoy, B.A. Baitanayev, E. Acar, B.S. Sizdikov

The article deals with the paleoanthropological analysis of the skeletons unearthed from the Myntobe necropolis and dated to the II – IV centuries AD. Myntobe necropolis is located 2 km south of Gani Muratbayev village in the Keles district of Turkestan province. The burial ground consists of more than 600 randomly located mounds of various sizes. All mounds have a dirt embankment. Archaeological excavations were carried out at the burial ground in 2017 and 2022, as a result of which burials in the catacombs and naus were unearthed. An analysis of the burial tradition and recovered material allows researchers to speak about the belonging of these burials to the Kangli tribes. Since the burials date back to the Kangli period, the theoretical part reveals the issues of the location and political structure of the tribes and, most importantly, the determination of the paleopathology of the Myntobints by conducting a macroscopic analysis of the discovered skeletons. The results of the analysis allowed for drawing preliminary conclusions about lifestyle, social life, and nutritional status. When writing the theoretical part of the article, electronic textbooks and resources from the book fund of the National Library of Kazakhstan and the library of the International Kazakh-Turkish University named after Kozh Ahmet Yasawi were used. In total, 9 skeletons were selected for paleoanthropological and paleopathological analysis, from mounds No. 3, No. 6, and No. 7. Paleoanthropological reasoning in the main section is written on the basis of materials in Turkish and English from the collections of Turkish libraries. The skeletons found were analyzed macroscopically and many diseases were identified, such as osteoarthritis (joint deformity), osteopathy, ankylosing spondylitis, heel spurs, thickening of the cranial bone, and deformity of the mandibular joint. Preliminary conclusions about the paleopathology of the discovered skeletons are made.

Keywords: archaeology, paleoanthropology, Keles, burial ground, burial traditions, Kangli period, Myntobe.

Introduction

Myntobe necropolis is located 2 km south of Gani Muratbayev village in Keles district, on the high terrace at the confluence of Keles and Syrdarya rivers. Necropolis has not been extensively explored until now. Several excavations have been carried out in the necropolis in question before. But archaeologists have not found any burials here. Therefore, until 2017, it was not even determined to which culture the cemetery belonged. In 2017, excavations were carried out in kurgan number 3 by Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University Archaeology Research Institute, and as a result, a catacomb grave in which five individuals were buried

was identified. The excavated skeletons were preserved in the Archaeology Research Institute Laboratory of Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University in Turkestan. The aforementioned institute employee, Muzaffer Gursoy, prepared a project on “Research of burial mounds in the lower reaches of the Keles River in the framework of Archaeology and Interdisciplinary Sciences” in 2022 and presented it to the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, and this project was supported by the ministry. In the same year, several kurgans were explored in the Myntobe necropolis. In particular, a total of three individuals were identified

¹ The article was prepared on the basis of the scientific project “Research of burial mounds in the lower reaches of the Keles River in the framework of Archaeology and Interdisciplinary Sciences” funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, individual registration number (AP13068455).

with in situ and scattered skeletons in kurgan number 6. It is understood that this kurgan was robbed in ancient times and that the skeletons were dispersed by the robbers. Excavations were then carried out in kurgan number 7, and only one individual was found 5 meters below the top of the pile. It has been observed that this individual has been very poorly preserved, depending on the ratio of soil structure and moisture. Since the researches in this necropolis are more recent, the paleoanthropological status of the society here has remained unclear until today. However, the paleoanthropological examination of the skeletons, together with this article, will provide information about the lives of the inhabitants of Myntobe. In a way, this article forms the first basis of the paleoanthropological data of the region under investigation.

Since this research is for paleoanthropological evaluation, first of all, the people living in the Kangli culture were identified. Variations and paleopathological conditions observed on the skeletons have been determined. While variations enable the detection of genetic closeness between people, pathological conditions provide information about the natural environment of the person and the lifestyle and social status of the society. Therefore, to better reveal the cause of the diseases detected in individuals, it is useful to briefly touch on the Kangli subject and their lifestyle, considering the natural structure of the Keles river and also that the Myntobe necropolis belongs to the Kangs. In the article, information about the geographical features of the Keles region will be given, and the Kangli subject (name, inhabited regions, lifestyle) will be examined. Again, in this article, information about the kurgans excavated in 2017 and 2020, burial structures, burial customs, burial gifts, and determination of paleoanthropological data on the

skeletons unearthed in kurgans 3, 6, and 7 and based on this, it is aimed to make an estimation on the lifestyle and socio-economic status of the individuals in Myntobe.

In accordance with these purposes, the geographical features of the Keles region, the origin of the name Kangli, the regions he lived in, and the way of life were discussed. The kurgans, burial structures, and burial customs investigated in the Myntobe necropolis were examined in an integrated way with the collected information. Then, a paleoanthropological analysis of the skeletons was made. In the conclusion part, the scientific results obtained are presented.

Material – Method

Topics such as Kangli and geographical features are covered within the written materials. Sources were obtained from the National Library in Kazakhstan, the Central Library of Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, and many electronic databases. Afterward, the written materials obtained were read with great care and the necessary information was classified and written down in a systematic way.

A total of nine skeletons were evaluated for paleoanthropological studies. The skeletons from the excavation were cleaned. Then, macroscopic observations were made and diseases and variations in the bones were determined. The diseased bones were shot with a Canon brand camera. In the conclusion part, the diseases observed on the skeletons were interpreted in relation to the lifestyle of the Kang people and the geographical possibilities of the region.

Gender estimations were made by macroscopic analysis using the resources of WEA (Wea, 1980), J.E Buikstra and D.H. Ubelaker (Buikstra, Ubelaker, 1994), and T.D. White and P.A. Folkens (White, Folkens, 2005). C.O. Lovejoy

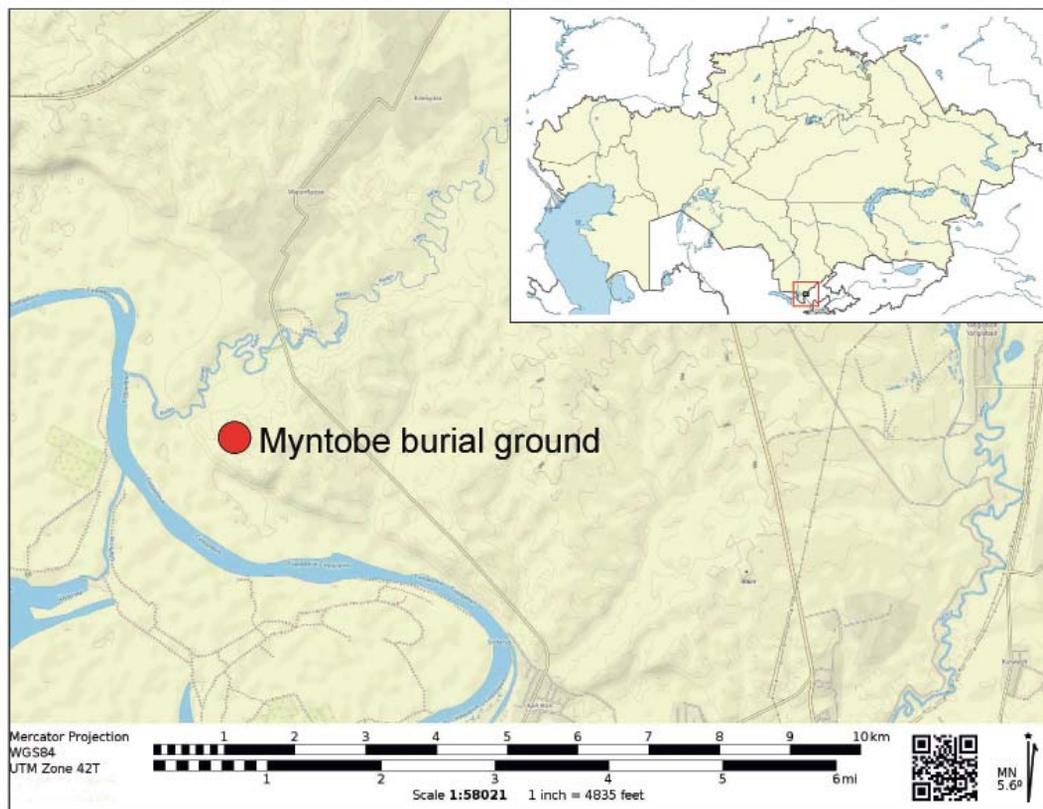

Fig. 1. Map location of Myntobe necropolis.

Рис. 1. Карта локализации некрополя Мынтобе.

(Lovejoy et. al., 1985) auricular surface morphologies, G. Olivier (Olivier, 1969) closure degrees of cranial sutures, D.R. Brothwell (Brothwell, 1981) molar tooth wear degrees, T.W. McKern and T.D. Stewart (McKern, Stewart, 1957) clavícula and symphysis pubis, epiphyseal fusions were evaluated and age determination was made. The lengths of the skeletons were calculated according to the regression formulas of K. Pearson (Pearson, 1899) and M. Sağır (Sağır, 2000). For the diagnosis of pathology and variation, R.W. Mann (Mann, Hunt, Lozanoff, 2005), A.C. Aufderheide and C. Rodriguez-Martin (Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998), J.E. Buikstra and D.H. Ubelaker (Buikstra, Ubelaker, 1994), T.D. White and P.A. Folkens (White, Folkens, 2005), T. Waldron (Waldron, 2009), R.W. Mann

(Mann, Hunt, Lozanoff, 2016) sources were taken as reference.

The geographical feature of the Keles region

Myntobe necropolis is located at the intersection of Keles plain with Syrdarya. This plan is the living center of Varanus reptiles. The Kazakhs call this reptile Keles and the plane in question is named after this reptile. Keles plain is located between the borders of Kazakhstan and Uzbekistan and extends to Mugaltau in the east, Ogem Mountain in the north, and Syrdarya River in the west. Keles, Kurkeles, Shyrshyk, and Angren rivers feed the plain. While there are steep and narrow valleys on the upper side of the Keles river, the rugged steppe dominates the lower part. The aforementioned river originates from the western slopes of Karzhantau and Kazigurt Mountain, and

flows into the Syrdarya river, passing through Saryagash and Keles districts in the southwest direction. This is where the Myntobe necropolis is located (Fig. 1). Both sides of the Syrdarya river, 2 km south of the necropolis, are covered with bushes. Spindle and jingle are grown here. The rough terrain on both sides of the Keles River is covered with vegetation peculiar to the steppe. This region has a continental climate. Summers are hot and winters are mild. In winter, very thin snow falls in this region and it melts quickly. The climatic conditions and the opportunities offered by the place have prepared a favorable environment for the communities in this region. The Stone Age found here (Nysanbaeva, 2002, p. 482; Margulan, 1950, p. 16-17; Nasretdinov, 1963, p. 46-56; Nasretdinov, 1964, p. 21-27), the Bronze Age (Grigorev, 1948, p. 47-67; Maksimova et. al., 1968, p. 175-176; Maksimova, 1974, p. 37), the Iron Age (Akishev, 1963, p. 16-17; Margulan, 1950; Ageeva, 1958, p. 8) and archaeological remains from the middle ages show that people have lived in this region since ancient times. Especially when we look at the history books, it is understood that the Kang people lived here between the 2nd centuries BC and the 7th centuries AD.

The Kangs

In the 2nd century BC, the Kang people appeared on the stage of history and continued their existence until the 7th century. The community in question lived in Central Asia, in the Fergana region, in the area downstream of Syrdarya, on large lands extending from the Karatau slopes to the Talas River and Keles region. According to scientists, the Kang people emerged after the "Migration of Tribes" in the second half of the 2nd century BC (Qozybaev, 1996, p. 272).

In Chinese travel books, there is information about the regions where the Kang people live and their central

cities. In this regard, scientists such as N.Ya. Bichurin (Bichurin, 1950, p. 190), A.N. Bernstham (Bernstham, 1998), S.P. Tolstov (Tolstov, 1948, p. 20-24), L.M. Levina (Levina, 1971, p. 250) have put forward their own ideas by doing research. As a matter of fact, it is noticed that there is no common approach among researchers on this subject.

According to L.M. Levina, the borders of the Kangli country include the vicinity of Karatau, the Tashkent region, the middle and downstream of the Syrdarya river, and the Kuandarya and Zhanadarya regions. L.M. Levina divided the Kangli culture into three "Kauinshy", "Otyrar – Karatau" and "Zhetyasar" based on the ceramics recovered in the middle and downstream of the Syrdarya River in Tashkent (Levina, 1971, p. 250). Myntobe necropolis is located in the "Kauinshy" cultural environment.

The Kangli originally lived on the banks of the Syrdarya River and on the slopes of Karatau. Over time, it became stronger and dominated the lands from Tashkent to Khorezm. It added Fergana and Sogdian lands to the country's borders towards the end of the 1st century BC (Mynzhan, 1994, p. 91).

S. Zholdasbaiuly clearly stated, based on archaeological research, that the Kangs lived in the southern region of Kazakhstan, on the northern and southern slopes of Karatau, on the shores of the Aral Sea, Syrdarya and Talas (Zholdasbaiuly, 1995, p. 42).

The territory of the Kangli State consists of fertile mountain slopes, river valleys, large steppe areas, and deserts due to its geographical location. The economy of those living in small towns has developed on the basis of the possibilities of nature. In the downstream of the Syrdarya River, in the Zerevshan Valley, and in the Tashkent region, settled culture developed and many settlements and cities were established. The lifestyle of the people living in these regions was based on semi-nomadic

livestock and agriculture. For example, communities in the Zhetyasar cultural district downstream of the Syrdarya River engaged in agriculture using rivers, ponds, and small irrigation systems that did not require much effort. Around Kok-Mardan Tumulus in the Otrar region, old irrigation systems are very well preserved. As a result of the research carried out here, it was determined that artificial ponds were built from the soil on the old beds of the Aris River and the fields and gardens were irrigated by means of wastes. Thanks to the aerial observations, traces of old waste streams, channels and small ponds were detected. The remains of barley, wheat, millet, melons, watermelons, apples, grapes, apricots, and other crops were found during the excavations of the Kangli mound (Qozybaev, 1996, p. 282).

During the excavations carried out in Kostobe, Botaitobe, Aktobe, and other mounds remains of grain, various stone grinders, and stone mills were found. Many granaries were found inside the chambers made of clay (Zholdasbaiuly, 1995, p. 45). In addition, bones of sheep, goats, cows, horses and wild animals such as deer, mountain sheep, steppe deer, and wild boar were found during the excavations. All this shows that the Kang people were engaged in hunting as well as animal husbandry. Keles region has been home to nomadic and settled cultures for many years. Therefore, it exhibits a cultural mosaic structure. For example, cities specific to settled culture and kurgan tombs specific to nomadic culture are integrated into a cultural environment. The communities in the Keles region were engaged in animal husbandry and agriculture during the Kangli period. This is evidenced by the 20 km long Zakh canal on the right bank of the Shirshik River near Tashkent (Qozybaev, 1996, p. 272-287).

Archaeological data show that the Kang, like other steppe communities, built kurgans for their deceased relatives.

From Kang kurgans were identified catacombs (Borisov, 1940, p. 301-311), naus (sagana) (Baipakov, 2005, p. 174; Maksimova, 1974, p. 95), and sklep-type tombs (Levina, 1996, p. 61).

The Kangites initially used catacomb tombs. For the catacomb tombs, the earthen ground is dug down in steps, the dromos is formed, and a burial chamber is made that intersects the other end of this dromos at a right angle. The burial chamber is sometimes 6 -7 meters deep. Generally, multiple burials were made in the Catacombs and their entrances were closed with mud or raw bricks (Podushkin, 2000). Archaeologists commented that burials were made at certain times through the dromos and that the catacombs may belong to a family member. As a matter of fact, the fact that a single individual was buried in the catacomb grave excavated in 2022 proves that this type of burial was made in single burials.

In later periods, the Kang people built naus for their deceased relatives. For the naus, the ring-shaped platform is first prepared by compacting the mud to the ground level. On top of this, a wall is built with a slight inward inclination so that one or two rectangular burial chambers are formed inside. In nauses, dromos are usually made in the south or southwest corner. The entrances are closed with bricks or mud. The benches along the walls and the top are plastered with mud. The dead are laid on the benches (Smagulov, 2011, p. 119-141; Bogomolov, 2005, p. 191).

Archaeologists determined that in both types of tombs, the skeletons of old individuals were gathered in a corner and replaced with new burials. This shows that the tombs have been used many times over the years. Pots, knives, swords, items made of bone, arrowheads, bronze mirrors, earrings, beads, bracelets and other finds unearthed in the tombs prove that the Kanglis had belief in the afterlife (Baipakov, 2005, p. 174). The

Fig. 2. Aerial view of Myntobe nekropolis.
Рис. 2. Вид с воздуха на некрополь Мынтотобе.

information we have given above also supports the kurgan data in the Myntobe necropolis.

A brief history of the archaeological research carried out in the Myntobe necropolis.

Myntobe necropolis is located 2 km south of Gani Muratbayev village in Keles district, on the high terrace at the confluence of Keles and Syrdarya rivers. Rough lands lie on the north and east sides of the necropolis. On the south, there is a steep slope with a depth of 20 m and the Syrdarya river is 1 km away from this slope. Keles River passes on the west side. The kurgans in the Myntobe Necropolis stretch for 2 km from east to west and for 1,5 km from north to south. As a matter of fact, it is also noticed that the kurgans are arranged in a single row on some hills. The diameter of the

kurgans in the necropolis is 6 – 33 m, and the height is 0,65 – 4,30 m. Most of the kurgans are circular in shape (Fig. 2). There are also drop-shaped ones among them. The necropolis in question belongs to the Kangli culture.

No research was carried out in the Myntobe cemetery until the 21st century. Excavations here were initiated by A.N. Podushkin. The aforementioned archaeologist excavated in two kurgans, which stood on the edge of the slope south of the cemetery and were destroyed by the downward slide of the soil, in 2016-2017. No finds were obtained from these kurgans, which can be described as salvage excavations in a sense (Podushkin, 2018, p. 101).

In 2017, the Kazakh National University archaeological research team under the direction of M. Eleuov excavated the bork-shaped kurgan in the

center of the necropolis. As a matter of fact, no burial traces were found from the kurgan.

In the same year, excavations were carried out in this cemetery by the archaeologists of Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. In the kurgan number 2, a circular naus tomb (a burial structure built with raw bricks and mud at ground level) was unearthed. It was observed that this tomb was robbed in the early period. Therefore, no finds were found, except for a few human bones. Later, excavation was carried out in kurgan number 3 and a catacomb grave with dromos containing five individuals was found. This is very important as it is the first tomb identified in the Myntobe cemetery (Zhetybayev, 2020, p. 409).

In 2018, A.N. Podushkin excavated the kurgan near the western corner of the cemetery and uncovered a catacomb tomb. The scientist found utensils, beads and arrowheads along with four individuals lying scattered in this grave (Podushkin, 2019, p. 163). After this date, the work in the Myntobe necropolis was suspended until 2022. In 2022, with a three-year project supported by the Ministry of National Education, archaeologists of Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University started archaeological research again. While the naus tomb was unearthed from the 6th kurgan excavated at this date, the catacomb grave was found from the 7th kurgan. In particular, the burial tradition, burial structures and individuals of the burial tradition, burial structures and individuals in chronological order, unearthed by the archaeologists of Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University in 2017 and 2022, are discussed in an integrated way.

A total of 9 skeletons were obtained, 5 skeletons in kurgan number 3 opened in Myntobe in 2017, 3 skeletons in kurgan number 6 opened in 2020, and 1 skeleton in kurgan number 7 opened in 2022. The

preservation status of the skeletons is poor due to the nature of the soil.

Although the number of skeletons is low, it is insufficient for us to obtain information about the profile of the society that lived in the period, but more data will be obtained with the excavations to be carried out in the coming years. At the same time, ancient DNA studies will support anthropological and archaeological studies. Whether these individuals are related or not will be revealed as a result of ancient DNA Studies This study is important as it is the first time that skeletons belonging to the Kangli community have been reached.

Excavation results and paleoanthropological evaluation in kurgan number 3

This kurgan was unearthed in 2017 as a result of excavations carried out in partnership with Kazakh-Turkish archaeologists. The diameter of the number 3 kurgans was calculated as 13 m and the height as 1,70 m. After measuring, a margin (0,35 m in width) was left along the east-west direction to divide the kurgan into two sectors. The southern part of the said share is designated as the “A” half and the northern part as the “B” half (Fig. 3, 1). The excavation was started in the “B” half and continued until the main ground at a depth of 1,95 m. After the masonry in the “B” half was removed, the structural feature of the kurgan was tried to be determined by the observations made on the section. Thus, it was understood that the top layer was covered with 0,5 m thick grass (naturally growing plants formed a layer over time), humus soil was under the turf, and stone was not used for the construction of the kurgan. Then, in order to detect the “grave trace”, the section in the “B” half and the main floor were cleaned smoothly.

As a result of the studies, no grave traces were found. Therefore, excavations were continued in the “A” half. After the masonry was removed, a

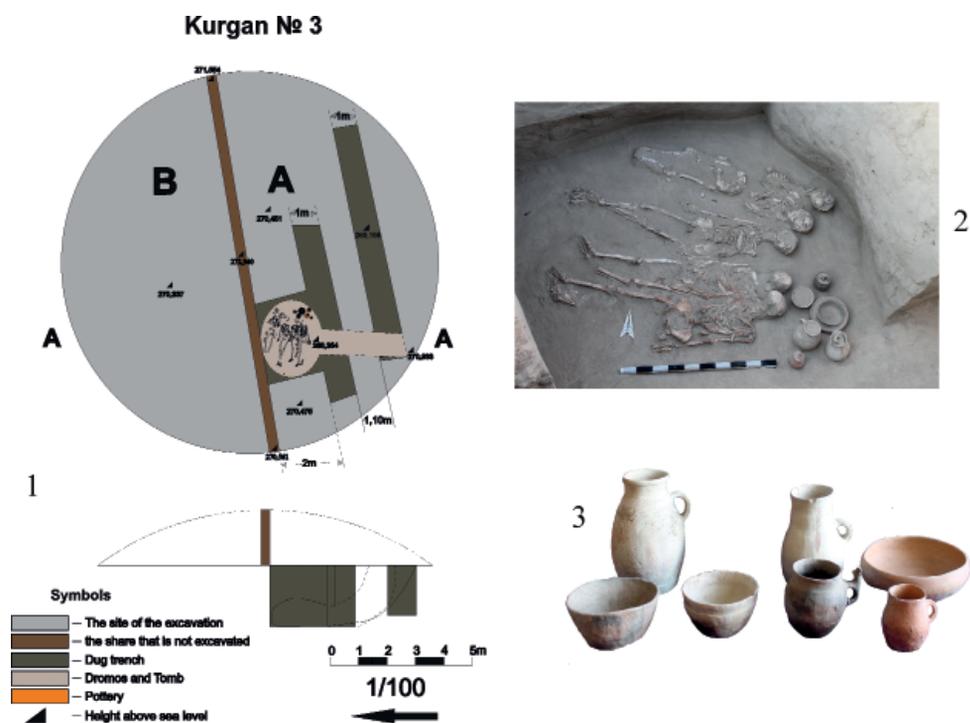

Fig. 3. Kurgans No. 3. 1 – kurgan No 3 plan; 2 – skeletons lying in the catacomb Tomb; 3 – ceramics.

Рис. 3. Курганы № 3. 1 – план Кургана № 3; 2 – скелеты, лежащие в катакомбной гробнице; 3 – керамика.

"grave trace" was tried to be determined here, according to the previous method. No traces of burial were found. After failing to detect the "grave trace" on the vertical surface of the left share and on the main floor, "drainage opening method" was applied. Starting from the southernmost skirt of the "A" half, a drainage measuring 8,20 m in length, 1 m in width and 2,40 m in depth was dug on the main ground in the east-west direction (Fig. 3, 1). At the western end of the opened drainage, a 0,37 m deep and 0,87 m wide earth fill was found down over the main ground. After this filling continued to a depth of 2 m, a hard clayey layer was exposed at the bottom. Then, in order to understand whether the fill continues to the north, a second drainage was dug with a length of 6 m, a width of 1 m and a depth of 2,40 m and 1,10 m north of the first drainage.

With the opening of the second drainage, it was determined that the filling seen in the first drainage continued towards the north.

Especially when the second drainage reaches a depth of 2,40 m, the trace of the dromos with a height of 1,65 m was determined in the section formed between the first and the second drainage. In addition, with the opening of the second drainage, a catacomb tomb with an entrance width of 0,85 m and a height of 0,70 m was found. A small red slipped, the loop-handled pot was found, which was left at the head of the 1st and 2nd skeletons on the south side of the tomb. The dromos, which is 1,65 m high at the skirt of the kurgan, descends or narrows by 0,70 m towards the burial chamber where the skeletons lie. After the soil in the burial chamber was completely cleared, it was seen that five

individuals were buried there by turning to the east. Individuals were identified as the 1st, 2nd, 3rd, 4th, and 5th skeletons from south to north (Fig. 3, 2).

The first skeleton was laid on its back with its head turned to the east, right at the entrance of the catacomb tomb. While both legs of the individual are left longitudinally, the left arm is placed under the hip bone. The individual's right arm extended along the left side of the second skeleton. The skull and left leg of the 1st skeleton were very poorly preserved. One red slipped and two white slipped pots, one red slipped plate and one white slipped bowl were left on the head of the individual (Fig. 3, 3). A stone bead, a bone bead piece, a bronze object (cylinder) and an iron bowl were found in the said bowl.

The 2nd skeleton was laid on its back, on the right side of the 1st skeleton, with its head turned to the east. Its two legs are located longitudinally. While the left arm of the individual is placed under the hip bone, the right arm is placed on the hip bone. At the head end of the 1st and 2nd skeletons, a white slipped bowl and a zoomorphic pot with a handle (slightly sooty surface) were found. In addition, an arrowhead was found at the foot of the 2nd skeleton.

The 3rd skeleton head was turned to the east and was laid in a cross-legged position. While the right arm of the individual is left next to the body, the left arm is placed under the hip bone. While it was found around the right wrist (a stone button with iron solder on it?), a bead was found on the tip of the right-hand finger.

The 4th individual was laid on his back with his head turned to the east. The iron knife remains and a stone button were found on the left side of the skeleton, whose arms were poorly preserved.

Since the skeleton belonging to the 5th individual was very poorly preserved, the laying style could not be determined.

Since the skeleton belonging to the fifth individual was very poorly preserved, the laying style could not be determined. Two talus were found on the left side.

Paleoanthropological evaluation in kurgan number 3

The individual numbered Bintepe No 3-1 (2017) was determined to be male as a result of anthropological examinations. According to the clavicular and acicular facet aging method, it was determined that the individual was over 60 years old. Height was calculated according to the humerus. The individual's height is $163,686 \pm 4,61$ cm according to M. Sağır (Sağır, 2000) and 158,908 cm according to K. Pearson (Pearson, 1899). While osteoarthritis may occur for an unknown reason, it may also occur due to genetic, environmental factors, aging, and physical behaviors R.W. Mann (Mann, Hunt, Lozanoff 2005, p. 15, p. 17). Schmorl's nodule occurs when damage to the end plate of the vertebra reduces the pressure on the nucleus and transfers the load to the annulus, and the end plates become herniated. It can be seen in different ways on the vertebral surface (Waldron, 2009).

Osteoarthritis in the lateral epicondyles of the right and left humerus (Fig. 4, 1), Schmorl's nodule in 5 lumbar vertebrae (Fig. 4, 2), joint deformation (arthritis) in the articular facets of the right and left coxa and sacrum (Fig. 4, 3) were observed. The low degree of wear in the molar teeth in the mandible of this elderly individual may give an idea that this individual is better fed. Apart from this, the presence of arthritis is normally compared to age. Arthritis observed especially in the lumbar vertebrae and pelvis also shows that this individual does heavy physical work throughout his life.

The structure of the individual numbered Bintepe No 3-2 (2017) shows that he is male. The height of this individual, aged 18-21, was calculated according to the radius. The individual's

Fig. 4. Bones belonging to the first skeleton (1, 2, 3). 1 – arthritis observed in the lateral epicondyle of the humerus in a 60-year-old man; 2 – Schmorl's nodule in the vertebra of a 60 year old man; 3 – osteoarthritis in the coxae of a 60-year-old man. Bones of the third skeleton (4, 5). 4, 5 – osteoarthritis in the styloid in the distal left ulna of a 60-year-old man.

Рис. 4. Кости первого скелета (1, 2, 3). 1 – артрит латерального надмыщелка плечевой кости у мужчины 60 лет; 2 – узел Шморля в позвонке мужчины 60 лет; 3 – остеоартроз тазиков у мужчины 60 лет. Кости третьего скелета (4, 5). 4, 5 – остеоартроз шиловидного отростка дистального отдела левой локтевой кости у мужчины 60 лет.

height is 161.595 ± 4.62 cm according to Sağır, and 154,616 cm according to Pearson. The high degree of molar wear indicates that this individual is mostly fed hard foods such as grains or fibrous foods.

It has been determined that the individual numbered Bintepe No 3-3 (2017). According to the clavicular and articular facet aging method, it can be said that this individual is 60+ years old. The high degree of molar wear can be interpreted as both age and diet being hard foods. Due to the poor preservation of the skeleton of this individual, the height could not be calculated. There is osteoarthritis in the left ulna styloid (Fig. 4, 4-5.). Osteoarthritis was observed in the right and left coxa and a small degree of osteophytes due to osteoarthritis in 2 lumbar vertebrae.

It has been determined that the individual numbered Bintepe No 3-4 (2017) is a 15-18-year-old adolescent whose epiphyses have not yet been fused.

Since the skeleton of individual Bintepe No 3-5 (2017) is poorly preserved, there is no gender criterion. However, according to molar tooth wear, it can be said that the individual is young between the ages of 18-25.

Excavation results and paleoanthropological evaluation in kurgan number 6

This kurgan, which was excavated in 2022, is located on the ridge starting from the northeast of the cemetery and extending towards the south. Keles river is located 310 m north of the kurgan, while Syrdarya river is located 1 km west of the kurgan. A.N. Podushkin,

Fig. 5: Individuals buried in naus.

Рис. 5: Захороненные в наусе.

who conducted research here in 2017-2018, stated that there were several king kurgans in the cemetery (Podushkin, 2019, p. 153). The king kurgan mentioned by A.N. Podushkin may have been the number 6 kurgan, since it is larger in both diameter and height compared to other kurgans. This kurgan is “drop” shaped. The northeastern part of the kurgan is higher than the southwestern part. It measures 20-17 m in diameter and 3,3 m in height. Initially, it was speculated that there might be a naus here, based on the topographical appearance of the kurgan and previous years experience. In order to confirm this, a sounding pit (10 m in length, 1,5 m in width) was dug in the south-north direction of the central part of the kurgan.

Very hard raw brick pieces were seen at a depth of 0,4 m from the top point. Afterward, the earth pile began to be removed from the top of the kurgan, covering the entire area. During the excavation, body fragments of 21 plain vessels and a bottom part were found from the kurgan heap.

When the entire soil was cleared and the excavation depth reached 2 m, the naus with dromos of 5,5 m in diameter, made of raw bricks and clay, were exposed at ground level (Fig. 5). It was prepared for a 0,49 m high platform with clay blocks underneath. On top of this, a wall with a slight inward inclination was built with raw bricks. The wall thickness is 1,60-1,70 m. Its height with the platform is 1,38 m. There is a 2,5x2 m burial chamber in the middle. The dromos of the building are in the northeast and southwest directions. Its length is 2,65 m and its inner width is 0,6 m. Its edge thickness is 0,55 m and its height is 0,85 m. The inner surface and base are light yellow clay plaster. The dromos extend to the middle burial chamber and a «II»-shaped bench was built next to it. The benches are located 0,5 cm above the base of the dromos. Its width is 0,75 m. During the excavation, traces of fire were found on the edge of the benches. It is possible to associate these traces with the ritual performed with a set of fires. After the burial chamber

Fig. 6. 1 – Myntobe No 6-1 (2022). 42–45 years old male individual with osteoarthritis in his third metatarsal; 2 – Myntobe No 6-1 (2022). Calcaneal spur in a 42–45-year-old male.

Рис. 6. 1 – Мынтобе № 6-1 (2022 г.). Мужчина 42–45 лет с остеоартрозом третьей плюсневой кости; 2 – Мынтобе № 6-1 (2022). Пяточная шпора у мужчины 42–45 лет.

was cleaned, an individual preserved in situ on the eastern wall of the room and human bones lying scattered on the left side of the room were found (Fig. 4). In addition, one transparent bead, which escaped the robbers' eyes, was found. Anthropological analyzes were carried out on the scattered human bones, and as a result, it was understood that the bones in question belonged to two adults and a child. Therefore, the human skeleton and parts in the grave were determined as №1, №2 and №3 individuals.

№1 individual was laid on its back longitudinally on the eastern wall of the naus and its head was turned to the south. The right arm of the individual is placed on the hip bone and the left arm is placed next to it. Its two legs are left longitudinal. The individual is very poorly preserved. The named individual №2 was found scattered on the left side of the first individual, right in the middle of the burial chamber. Only the foot bone, scapula, clavicle and skull were preserved in situ. From this, it was understood that this individual was oriented towards the south. The bones of the individual named №3 belong to a child. It was found scattered in the burial chamber. The skull fragment, radius and ulna bones remained from the skeleton.

Since none of its bones were preserved in place, the laying shape and direction of the skeleton could not be determined.

Paleoanthropological evaluation in kurgan number 6

It has been determined that the individual Myntobe 6-1 (2022) is male. According to the articular facet, it is between 42–45 years old. There are Schmorl's nodules in 2 lumbar vertebrae, arthritis in the proximal end of the fibula, arthritis in the anterior facets of the right and left patella, arthritis in the right 1st and 3rd metatarsals (Fig. 6, 1), and in the 1st distal phalanges of the right foot. Calcaneal spurs may occur in elderly individuals with ankylosing spondylitis (AS), diffuse idiopathic skeletal hyperostosis (DISH), and mechanical pull in the Achilles tendon or plantar fascia (Mann, Hunt, Lozanoff, 2005, p. 363). A calcaneal spur (Fig. 6, 2) was observed in the posterior part of the left calcaneus of this individual.

The bones of the individual numbered Myntobe No 6-2 (2022) were badly damaged. However, it can be said that she is a woman according to her morphological structure. According to the articular facet, it is between 50–55 years old. Osteophytes were observed in 1 vertebra of this individual.

Fig. 7. Kurgan number 7. 1 – view before excavation; 2 – pots standing on the ground level under the kurgan pile; 3 – “T” shaped catacomb; 4 – the individual found in “T” shaped catacomb tomb.

Рис. 7. Курган № 7. 1 – вид до раскопок; 2 – горшки, стоящие на уровне земли под курганным штабелем; 3 – катакомбы Т-образной формы; 4 – человек, найденный в катакомбной гробнице «Т» – образной формы.

The bones of Myntobe No 6-3 (2022) belong to the child. However, since the bones are very damaged, there is no criterion for age determination.

Excavation results and paleoanthropological evaluation in Kurgan number 7

After the work in the number 6 kurgan was completed, excavations were started in the number 7 kurgan in the southwest of the necropolis. This kurgan is located on sloping land in the northeast and southwest directions on the edge of the natural drainage, which is not very deep. Its shape is drop-shaped. Its diameter is 14 m and its height is 1,30 m (Fig. 7, 1).

This kurgan was excavated by dividing the northeast and southwest sectors. The northeast sector is designated as the “A” half and the southwest sector as the “B” half. Before the excavation, a georadar survey was

conducted to determine the architectural features of the kurgan. As a result, it was determined that stone was not used as a building material in the kurgan. Before the excavation, the cairn was covered with various vegetation. Therefore, the kurgan was first cleared of these plants. Later, excavation was started in the “A” half. At a depth of 0,90 meters from the upper point, the rim of three vessels was seen above the old ground level. Afterward, the soil covering these containers was meticulously cleaned. As a result, it was determined that these were pitchers, double-handled pots and a small red slipped vase (Fig. 7, 2).

Two of them are handmade and one is wheel made. Traces of fire can be noticed on the outer surface of the pot. Based on this, it can be assumed that dead food was cooked in the said vessel. All these containers were removed by

Fig. 8. 1 – the appearance of worn teeth; 2 – diploë thickening in the cranium of a 32–43-year-old female individual with the code Myntobe No 7 (2022); 3 – the temporomandibular joint disorder in the mandible of a 32–43-year-old female individual with the code Myntobe No 7 (2022) is shown in a circle. The double mental foramen is shown in a square.

Рис. 8. 1 – внешний вид изношенных зубов; 2 – утолщение диплоэ в черепе женщины 32–43 лет с кодом Мынтобе № 7 (2022 г.); 3 – кружком показано поражение височно-нижнечелюстного сустава нижней челюсти у женщины 32–43 лет с кодом Мынтобе № 7 (2022). Двойное подбородочное отверстие показано квадратом.

labeling. After the pots were removed, cleaning works were carried out in the excavated area in order to detect grave traces. As a matter of fact, no grave traces were found in and around the area where the vessel was found. After that, the excavation area was expanded as a drainage excavation towards the southwest skirt of the kurgan. When the excavation depth reached 2,80 m from the upper point, cleaning works were carried out in the inner part of the drainage. As a result, a trace of a rectangular dromos was found in the southwest corner of the drainage. This dromos starts from the ground level on the southwestern skirt

of the cairn and extends down to 4,6 m in the northeast direction. Thus, it was connected to the tomb at a depth of 5 m in a “T” shape at a right angle in the southeast-northwest direction (Fig. 7, 3). Such tombs are referred to as catacombs in scientific publications. During the excavation, it was seen that the entrance of the catacomb tomb was in the form of an arch. The tomb measures 2.20x0.75 m.

The face of this individual is facing the three vessels above the old ground level under the kurgan heap, that is, facing north (Fig. 7, 4). The black remains found on the grave floor show

that an organic mattress was laid under the body. No finds were found from the burial chamber during the excavation. After that, the excavations were terminated and the skeletal remains were collected and anthropological studies were carried out on the skeleton.

Paleoanthropological evaluation in kurgan number 7

The skeleton, which was given the code Myntobe No 7 (2022), was identified as a female. According to the clavicular aging method, this individual was found to be between the ages of 32-43. The advanced degree of tooth wear indicates (Fig. 8, 1) that this individual was fed hard foods in bad conditions. Cribra orbitalia and porotic hyperostosis are symptoms of anemia (Fig. 8, 2). These lesions often occur with diplotene enlargement of the skull in response to bone marrow hypertrophy (Walker et al., 2009). Diploe thickening shows that he has anemia due to his diet (Fig. 8, 2). Temporomandibular joint disorders appear more frequently in past societies due to changes in diet, use of teeth as tools, and biomechanical stress on jaw muscles (Burt et al., 2013, p. 8). The individual has a minor temporomandibular joint disorder in the mandible (Fig. 8, 3). Periostitis occurs due to infection of the soft tissue to the bone, a specific disease, and osteitis or the involvement of osteomyelitis on the bone surface or trauma (Morse, 1978). They have periostitis in their tibia. There is a double mental (accessory) foramen in the left mandible of the individual (Fig. 8, 3).

Discussion Conclusion

There are a total of 9 skeletons found from Kurgan 3, Kurgan 6 and Kurgan 7. These 9 skeletons are important because

they represent the first skeletons found belonging to the Kangli period. Of the skeletons whose sex was estimated, 4 were male, 2 were female, 1 was an adolescent and 1 was a child. The gender of 1 individual could not be determined. According to the aging table of Buikstra and Ubelaker (1994), 1 individual is a child and 1 individual is an adolescent. According to the aging table of Buikstra and Ubelaker (1994), 1 individual is a child and 1 individual is an adolescent. Two individuals (one male, whose gender cannot be determined) are young adults. Two individuals (1 female and 1 male) are middle adults. 3 individuals (2 male and 1 female) are advanced adults. Molar wear in individuals shows that the diet of these individuals is grain-based. The joint deformations observed in the advanced adult male individuals in the Kurgan No. 3 give the impression that they do heavy physical work both in terms of age and in the geography they are located. The presence of osteoarthritis and calcaneal spurs in the middle-adult male individual in Kurgan No. 6 shows that this individual also did heavy physical work and experienced mechanical strain. The symptoms of anemia in the female individual in kurgan 7 indicate that the individual is malnourished. At the same time, the temporomandibular joint deformation observed in this individual shows that the individual used his chin in works such as basket knitting throughout his life.

With the excavations to be carried out and more skeletons to be unearthed, detailed and valuable information will be obtained about the mysterious Kangli society, which has an important place in Central Asia.

REFERENCES

1. Ageeva, E. I, Pasevich, G. I. 1958. From the history of settled settlements and cities of Southern Kazakhstan. In *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. Vol. V, 8–33 (in Russian).
2. Akishev, K. A, Kushaev, G. A. 1963. *The ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili River Valley*. Almaty: AN Kaz SSR Publ. (in Russian).

3. Aufderheide, A. C., Rodriguez-Martin, C. 1998. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. New York: Cambridge University Press.
4. Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A. 2005. *Early medieval necropolises of Southern Kazakhstan*. Almaty: Baur (in Russian).
5. Bernshtam, A. N. 1998. *Selected works on Archaeology and history of Kyrgyz and Kyrgyzstan* vol. II (in Russian).
6. Bichurin, N. Ya. 1995. *Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times*. Vol. II, 190–198 (in Russian).
7. Bogomolov, G. I. 1950. Development of burial structures of Early Medieval Chacha. In: Anarbaev A. A. (ed.) *History of Uzbekistan in material culture and written sources*. Toshkent: Fan nashrijoti, 187–191 (in Russian).
8. Borisov, A. Ya. 1940. About the meaning of the word “naus”. In *Proceedings of the Department of the East of the State Hermitage*. Vol. III, 301–311 (in Russian).
9. Brothwell, D. R. 1981. *Digging Up Bones. Ithaca*. New York: Cornell University Press (in English).
10. Buikstra, J. E., Ubelaker, D. H. 1994. *Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Fayetteville, Arkansas: Arkansas Archaeological Survey Research. Series 44* (in English).
11. Burt, N. M., Semple, D., Watherhouse, K., Lovell, N. C. 2013. *Identification and Interpretation of Joint Disease in Paleopathology and Forensic Anthropology*. Canada: Charles C. Thomas Publisher (in English).
12. Grigoriev, G.V. 1948. *The Keless steppe in archaeological terms. (To the history of the culture of the ancient Saks)*. *Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeology series*. Vol. 1, no. 46, 47–67 (in Russian).
13. Levina, L. 1971. *Ceramics of the Lower and Middle Syr Darya in the I millennium AD*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
14. Levina, L. 1996. *Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. I millennium B.C. – I millennium A.D*. Moscow: "Oriental Literature" RAS (in Russian).
15. Lovejoy, C. O., Meindl, R. S., Pryzbeck, T.R., Mensforth, R. P. 1985. *Chronological Metamorphosis of the auricular surface of the Ilium: A new method for the determination of adult skeletal age at death*. *American Journal of Biological Anthropology* vol. 68, no.1, 15–28.
16. Mann, R. W., Hunt, D. R. 2005. *Photographic Regional Atlas of Bone Disease. A Guide to Pthologic and Normal Variations in the Human Skeleton*, 3 Edition. Charles C. Thomas Publisher.
17. Mann, R. W, Hunt, D. R., Lozanoff, S. 2016. *Photographic Regional Atlas of Non-Metric Traits and Anatomical Variants in the Human Skeleton*. Charles C. Thomas Publisher.
18. Maksimova, A. G, Mershhiev M. S, Vainberg, B. I, Levina, L. M. 1968. *Antiquities of Chardara (Archaeological research in the area of the Chardara Reservoir)*. Almaty: Nauka Publ. (in Russian).
19. Maksimova, A. G. 1974. Tombs of the Nausa type near the village of Chaga. In K. A. Akishev (ed.) *Into the depths of centuries*. Almaty: Nauka, 95–118 (in Russian).
20. Margulan, A. H. 1950. *From the history of cities and the construction art of ancient Kazakhstan*. Almaty: Nauka Publ., 122 (in Russian).
21. McKern, T. W, Stewart, T. D. 1957. *Skeletal Age Changes in Young American Males. Technical Report. EP-45. Natick (MA). Quartermaster Research and Development Command*. 179 p.
22. Morse, D. 1978. *Ancient Disease in the Midwest. Second Edition*. Illinois State Museum, no 15.
23. Mynzhan, N. 1994. *Brief History of Kazakh*. Almaty: Zhalyn (in Kazakh).
24. Nasretdinov, H. K. 1963. Exploration of traces of the Stone Age in the Bostandyk district in 1959. History of material culture of Uzbekistan. In *Uzbekistan Fanlar Akademiasi Neshriyoti*, no. 4. Toshkent, 46–50 (in Russian).
25. Nasretdinov, H. K. 1964. Cave Obirahmat. History of material culture of Uzbekistan. In *Uzbekistan Fanlar Akademiasi Neshriyoti*, no. 5. Toshkent, 21–27 (in Russian).
26. Nysanbaeva, A. (ed). 2002. *National Encyclopedia “Kazakhstan”*. Almaty: 10 vols. Vol. 4., 481 (in Kazakh).
27. Olivier, G. 1969. *Practical Anthropology*. Charles C. Thomas.

28. Pearson, K. 1899. Mathematical contribution on the theory of evolution: V. On the reconstruction of the stature of Prehistoric Races. In *Philosophical Transactions of the Royal Society* 192, 169–244.

29. Podushkin, A. N., Donets, A. G. 2018. About the initial study of archaeological sites in the Myntobe tract. In Omarov, G. Q. (ed.). *X Orazbayev readings. Materials of the international scientific and methodological conference*. Almaty: Kazakh University, 99–104 (in Russian).

30. Podushkin, A. N. 2019. New archaeological complexes of Kylyshzhar and Myntobe burial grounds. In *Margulan readings. Materials of the International Archaeological scientific and Practical Conference dedicated to the 95th anniversary of the birth of the outstanding Kazakh archaeologist K.A. Akishev*. Nur-Sultan, 153–169 (in Russian).

31. Podushkin, A. N. 2000. *Arys culture of Southern Kazakhstan IV century BC – VI century AD*. Turkestan: MKTU Press (in Russian).

32. Sağır, M. 2000. *Uzun Kemik Radyografilerinden Boy Formülü Hesaplaması. (Basılmamış Doktora Tezi)*. Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Fizik ve Paleoantropoloji (Fizik Antropoloji) Anabilim Dalı. Ankara (in Turkish).

33. Smagulov, E. A. 2011. *Ground crypts of the Borizhar burial ground*. A. Z. Beysenov (ed). Problems of the Archaeology of Kazakhstan. 3rd edition. Almaty, 119–141 (in Russian).

34. Tolstov, S. P. 1948. *Ancient Khorezm*. Moscow: MGU Publ. (in Russian).

35. Qozybaev, M. (ed.). 1996. *History of Kazakhstan*. Almaty: Atamura (in Kazakh).

36. Waldron, T. 2009. *Paleopathology*. Cambridge University Press.

37. Walker, P. L., Bathurst, R. R., Richman, R., Gjerdrum, T., Andrushko, V. A. 2009. The Causes of Porotic Hyperostosis and Cribra Orbitalia: A Reappraisal of the Iron-Deficiency-Anemia Hypothesis. In *American Journal of Physical Anthropology* 139 (2), 109–125.

38. White, T. D., Folkens, P. A. 2005. *The Human Bone Manual*. Elsevier Publ.

39. WEA. 1980. Workshop of European Anthropologist. Recommendations for Age and Sex Diagnoses of Skeletons. In *Journal of Human Evolution* vol. 9, no. 7, 518–549.

40. Zhetybayev, K. M., Sizdikov, B. S., Gursoy, M. 2020. The results of archaeological research carried out in the Myntobe burial ground. In *Bulletin of the Abai Kazakh National Pedagogical University*. Series History and Political and Social Science no. 3 (66), 409–419 (in Kazakh).

41. Zholdasbaiuly, S. 1995. *Ancient and medieval Kazakhstan*. Almaty: «Ana tili» (in Kazakh).

About the Authors:

Gursoy M. Ph.D. Associate professor, Leading researcher. Research Institute of Archaeology, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz

Baitanayev Bauyrzhan A. Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str. 28, 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan; baytanaev@mail.ru

Acar Emel. Ph.D. Research Assistant. Hitit University (Uchtutlar District North Campus Ring Road Boulevard, 19030, Chorum, Republic of Turkey); emelacar@hitit.edu.tr

Sizdikov Bagdaulet S. Ph.D. Leading researcher. Research Institute of Archaeology. Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University. B. Sattarkhanov Ave., 29B, Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan; bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz

ПАЛЕОНТОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ МОГИЛЬНИКА МЫНТОБЕ

М. Гурсой, Б.А. Байтанаев, Э. Ажар, Б.С. Сиздиков

В данной статье освещены результаты палеоантропологического анализа остеологического материала из могильника Мынтобе, датируемого II–IV веками н.э. Мо-

Статья подготовлена на основе научного проекта «Исследование курганов в нижнем течении реки Келес в рамках археологии и междисциплинарных наук», финансируемого Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан. индивидуальный регистрационный номер (AP13068455)

гильник Мынтобе расположен в 2 км южнее села Гани Муратбаева Келесского района Туркестанской области. Могильник состоит из более 600 бессистемно расположенных курганов разного размера. Все курганы с грунтовой насыпью. На могильнике в 2017 и 2022 годах были проведены археологические раскопки, в результате которых были вскрыты захоронения в катакомбах и наусе. Анализ погребальной традиции и подъемный материал позволяют исследователям говорить о принадлежности этих погребений племенам канглы. Поскольку погребения относятся к периоду канглы, теоретическая часть раскрывает вопросы расположения и политического устройства племен и, главное, определению палеопатологии мынтобинцев путем проведения макроскопического анализа обнаруженных скелетов. Результаты анализа позволили сделать предварительные выводы об образе жизни, социальной жизни и состоянии питания. При написании теоретической части статьи использовались электронные учебники и ресурсы из книжного фонда Национальной библиотеки Казахстана и библиотеки Международного казахско-турецкого университета имени Кожа Ахмета Ясави. Всего для палеоантропологического и палеопатологического анализа было отобрано 9 скелетов, из курганов № 3, № 6 и № 7. Палеоантропологические рассуждения в основном разделе написаны на основе материалов на турецком и английском языке из фондов библиотек Турции. Найденные скелеты были проанализированы макроскопически и выявлены многие заболевания, такие как остеоартроз (деформация суставов), остеофиты, анкилозный спондилит, пяточная шпора, утолщение черепной кости, деформация нижнечелюстного сустава. Сделаны предварительные выводы о палеопатологии обнаруженных скелетов.

Ключевые слова: археология, палеоантропология, Келес, могильник, погребальные традиции, период канглы, Мынтобе.

Информация об авторах:

Гурсой Музафер, PhD, ассоциированный профессор, ведущий научный сотрудник. Научно-исследовательский институт археологии. Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz

Байтанаев Бауыржан Абишевич, Академик Национальной академии наук Республика Казахстан, доктор исторических наук. Институт археологии имени А.Х. Маргулан. проспект Достык, 44, 050010 (г. Алматы, Республика Казахстан); bayтанаев@mail.ru

Ажар Эмель, PhD, научный сотрудник. Университет им. Хитит, (Учтутлар, Район Северный кампус Кольцевая дорога Бульвар, 19030, Чорум, Турция; emelacar@hitit.edu.tr

Сиздиков Багдаулет Сапарбаевич, PhD, ведущий научный сотрудник. Научно-исследовательский институт археологии. Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан); bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСА ЧОБУРАК-I)¹

© 2024 г. Н.Н. Серегин, А.А. Тишкин, С.С. Матренин, Т.С. Паршикова

Статья посвящена введению в научный оборот и разноплановому исследованию коллекции клинкового оружия, сформированной в результате раскопок погребений жужанского времени некрополя Чобурак-I. Данный памятник расположен в Чемальском районе Республики Алтай. Анализируемая серия предметов вооружения ближнего боя включает три меча и шесть боевых ножей, выявленных в захоронениях четырех взрослых мужчин и одного подростка. Установлено, что комплекс длинноклинкового рубяще-режущего оружия представлен однолезвийными клинками без перекрестия и навершия, с полусегментовидным острием. Сохранившиеся боевые ножи с треугольным сечением клинка выделены в два типа, отличающихся прямой и наклонной в сторону лезвия рукоятью. Публикуемая коллекция демонстрирует характерные образцы вооружения кочевников Центральной Азии IV–V вв. н.э. Новые материалы раскопок подтверждают тезис о том, что мечи являлись статусной категорией предметов у населения Алтая эпохи Великого переселения народов. Захоронения с такими изделиями, исследованные в составе некрополя Чобурак-I, отличались представительным составом инвентаря, и, судя по имеющимся данным, принадлежали военачальникам или особо отличившимся профессиональным воинам.

Ключевые слова: археология, клинковое оружие, Алтай, жужанское время, булан-кобинская культура, хронология, социальная история, интерпретация.

Введение

Важной составляющей паноплии народов Азии в раннем железном веке и Средневековье выступал комплекс предметов, предназначенных для ведения боя на короткой дистанции. Наибольшей универсальностью и эффективностью в нем вплоть до распространения огнестрельного оружия характеризовались средства рубяще-режущего, режуще-колющего и колющего действия. Имеющиеся на сегодняшний день результаты исследований археологических памятников Алтая различных культур демонстрируют специфику оружия ближнего боя, обусловленную закономерностями развития военного дела у конкретных групп населения, этнокультурными, социальными и мировоззренческими особенностями, а также состоянием самих находок, фиксируемых в процессе раскопок. Нет сомнений в том, что указанная

группа предметов вооружения представляет собой весьма информативный источник для изучения различных аспектов истории кочевников рассматриваемого региона.

Распространение клинкового оружия является одним из свидетельств довольно высокого уровня милитаризации населения Алтая эпохи Великого переселения народов. Различные аспекты анализа и интерпретации таких изделий, обнаруженных в погребальных комплексах булан-кобинской археологической культуры, представлены в ряде публикаций.

Первый опыт исследования оружия ближнего боя населения булан-кобинской культуры принадлежит Ю.С. Худякову (1986), давшему в рамках сравнительного анализа вооружения средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии характеристику мечам из погребений могильника Берель (раскопки

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование»).

В.В. Радлова в 1865 г.). В последующие годы археолог ввел в научный оборот результаты изучения кинжалов из объектов некрополя сяньбийского времени Улуг-Чолтух-I (Худяков, 2002).

В серии публикаций различного уровня, а также в диссертационных работах представлены итоги исследования клинкового оружия из нескольких показательных комплексов Алтая эпохи Великого переселения народов. Коллекция таких предметов получена в 1980-е гг. А.С. Васютиным в процессе раскопок памятника Кок-Паш в Восточном Алтае. Анализ этих находок позволил подтвердить датировку объектов данного некрополя предтюркским периодом (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 23–24). Изучение короткоклинкового оружия из могильников сяньбийского времени Булан-Кобы-IV и Белый-Бом-II (Центральный Алтай) осуществлено Ю.Т. Мамадаковым (1990). Археолог представил развернутую таксономическую систематизацию боевых ножей «булан-кобинцев», а также обратил внимание на датирующие элементы ножен. Опубликованные и новые образцы клинкового оружия из памятников Алтая II в до н. э. – V в. н. э. рассмотрены горно-алтайскими археологами в обобщающей монографии (Соенов, Эбель, 1992, с. 41–42), а также в кандидатской диссертации (Эбель А.В., 1998).

Большое значение для осмысления уровня развития оружия ближнего боя кочевников эпохи Великого переселения народов имела публикация клинков из могильника Дялян, относящегося к позднему этапу булан-кобинской культуры. Ю.В. Тетериным (2004) предпринята хронологическая интерпретация мечей, боевых ножей и кинжала с привлечением актуальных аналогий из памятников Алтая, а также археологических комплексов

других регионов Северной и Центральной Азии III–V вв. н. э.

Подробный анализ клинкового оружия населения Алтая жужанского времени осуществлен В.В. Горбуновым (2006, с. 72, 81–82) на основе развернутой классификации и типологии материалов из семи погребальных комплексов (Берель, Верх-Уймон, Дялян, Катанда-I, Кок-Паш, Усть-Бийке-III, Яломан-II). Археологом выделены датирующие морфологические признаки изделий, а также оценена степень влияния на эволюцию оружия ближнего боя «булан-кобинцев» передовых военных традиций кочевников Центральной Азии. В дальнейшем разработки В.В. Горбунова использовались авторами настоящей публикации при изучении оружия ближнего боя из некрополей Карбан-I и Степушка (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 56–59; Серегин и др., 2022, с. 58–61).

Представленный краткий обзор имеющегося опыта исследований свидетельствует о высокой степени информативности рассматриваемой категории находок из памятников Алтая эпохи Великого переселения народов и актуальности дальнейшей работы, направленной на введение их в научный оборот и разноплановую интерпретацию. В настоящей статье представлена серия образцов оружия с длинным (мечи) и коротким (ножи) клинком, зафиксированных в ходе раскопок объектов некрополя Чобурак-I.

Характеристика источников

Погребально-поминальный памятник Чобурак-I расположен к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). В составе этого разновременного комплекса археологической экспедицией АлтГУ под руководством одного из авторов статьи раскопана серия объектов булан-кобинской культуры, составляющих локальный некрополь (Серегин и др., 2022; и др.).

Рис. 1. Карта-схема расположения погребально-поминального комплекса Чобурак-I.
Fig. 1. Map-scheme of the location of the Choburak-I complex.

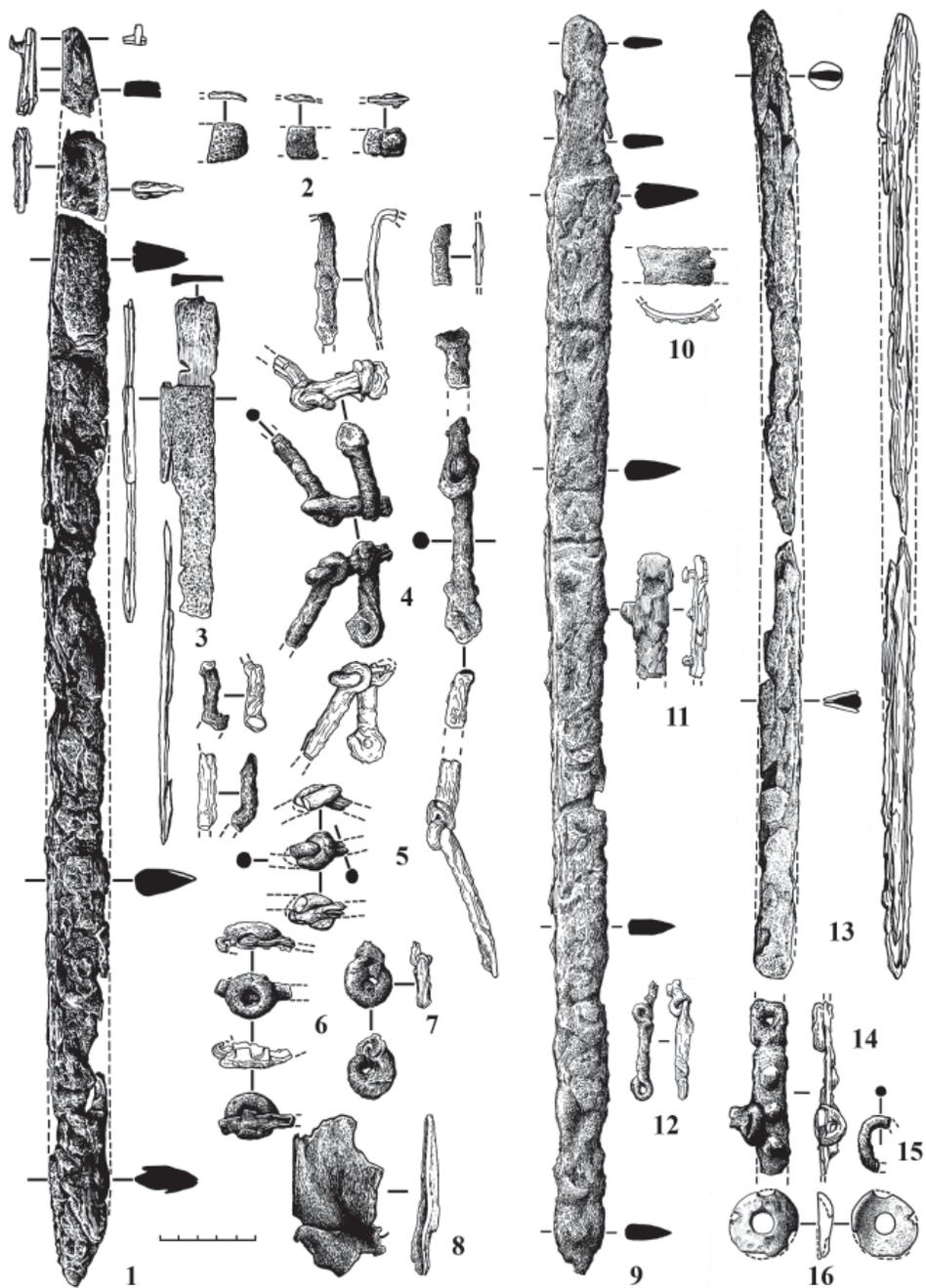

Рис. 2. Мечи с деталями ножен из объектов некрополя Чобурак-I: 1-8 – курган № 30; 9-12 – курган № 30а; 13-16 – курган № 38.

Fig. 2. Swords with scabbard details from objects of the Choburak-I necropolis: 1-8 – mound № 30; 9-12 – mound № 30а; 13-16 – mound № 38.

Комплекс длинноклинкового рубяще-режущего оружия из погребений комплекса Чобурак-I представлен тремя железными мечами, обнаруженными в погребениях взрослых мужчин (курганы № 30, 30а, 38).

Курган № 30. Меч находился у левого бока мужчины (от локтя до колена) и был ориентирован острием к ступням. Данный экземпляр имеет однолезвийный треугольный в сечении клинок (длина 55,6 см, ширина 3,1 см, толщина спинки 1,1 см) с полусегментовидным окончанием, образованным переходом лезвия по дуге в прямую спинку. Ближе к острию зафиксировано линзовидное сечение полотна. Поражающая часть плавно переходит в прямой черен (длина 9,5 см) с одним штифтом для крепления органической основы рукояти без перекрестия и навершия (рис. 2: 1). Меч был помещен в ножны, от которых сохранились железные детали: фрагменты обкладок в виде тонких пластин (рис. 2: 2, 3); крепление из нескольких витых звеньев, два из которых имеют окончание в виде пластин со шпеньком (рис. 2: 4); пластина с кольцом на длинной стороне (рис. 2: 6); полуобойма с кольцом (рис. 2: 7); обломок крепежного звена (рис. 2: 5). Под мечом зафиксирован небольшой фрагмент кожаного покрытия деревянной основы ножен (рис. 2: 8).

Курган № 30а. Меч достаточно хорошей сохранности лежал вдоль правой руки мужчины и был обращен острием к ногам умершего человека. Этот образец имеет также однолезвийный треугольный в сечении клинок (длина 58 см, ширина 3 см) с прямой спинкой (толщина 0,7–1 см) и полусегментовидным окончанием, прямой гладкий черен (длина 7,7 см) для насаживания рукояти без перекрестия и навершия, обозначенный двумя плечиками (рис. 2: 9). С мечом выявлены железные элементы ножен – обломок изогнутой пластины

прямоугольной формы, возможно от окантовки устья (рис. 2: 10), прямая пластина вытянуто-прямоугольной формы с тремя шпеньками от бортика (рис. 2: 11) и звено витой цепочки для подвешивания (рис. 2: 12).

Курган № 38. В области живота умершего мужчины сохранился обломок однолезвийного треугольного в сечении клинка длиной 43 см, шириной 2,3 см с прямой спинкой (толщина 1 см) и утраченным острием. Поражающая часть плавно переходит в наклоненный в сторону лезвия черен (длина 6,6 см) гладкой рукояти без перекрестия и навершия (рис. 2: 13). Рядом с мечом зафиксированы фрагмент бортика ножен в виде железной пластины прямоугольной формы с шпеньками и одним кольцом (рис. 2: 14), фрагмент железного кольца (рис. 2: 15) и костяная дисковидная застежка с отверстием в центре (рис. 2: 16).

Короткоклинковое режущее оружие из могильника Чобурак-I включает вещественные находки шести боевых ножей² из четырех объектов. Данные изделия входили в состав сопроводительного инвентаря погребений трех взрослых мужчин (курганы № 30, 32, 38) и одного подростка (курган № 29а).

Курган № 29а. В области тазовых костей, с правой стороны, найден обломок клинка железного ножа (длина 11,4 см, ширина 2 см) с треугольным сечением (рис. 3: 1). Рядом с ним зафиксированы железные детали ножен: бортик из двух пластин-накладок прямоугольной формы с округлыми концами, которые соединялись между собой двумя (?) шпеньками с полусферическими шляпками (рис. 3: 2), а также фрагмент железной окантовки устья ножен (рис. 3: 3).

Курган № 30. У правого бедра найдены два железных боевых ножа с однолезвийным треугольным в сечении клинком, прямой спинкой, черешковой рукоятью без перекрестия

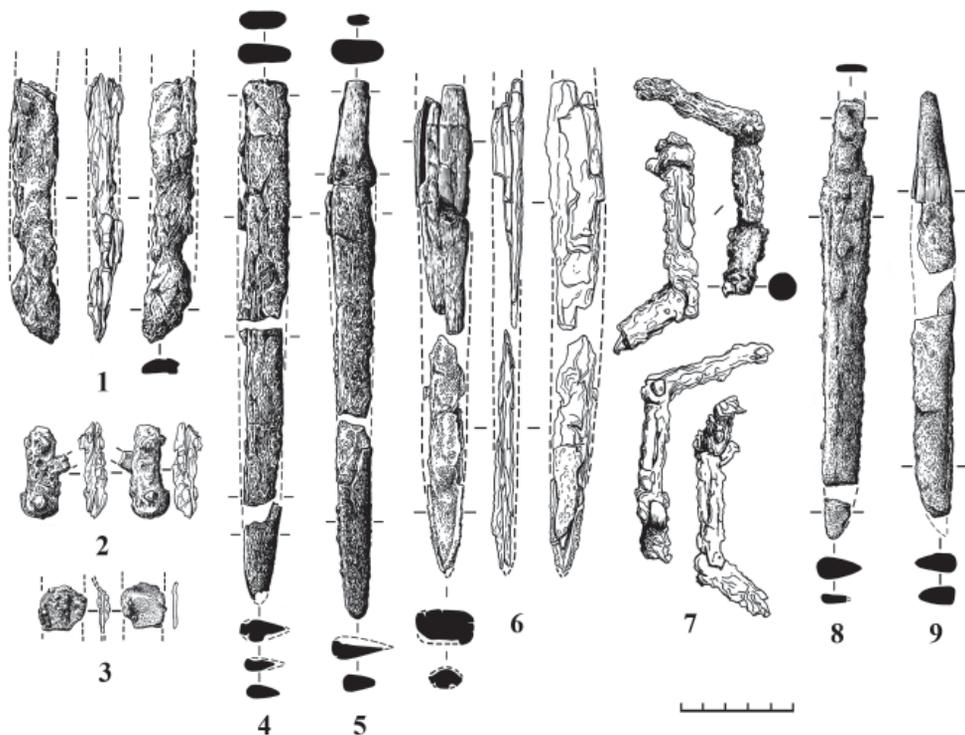

Рис. 3. Боевые ножи с деталями ножен из объектов некрополя Чобурак-I: 1–3 – курган № 29а; 4–5 – курган № 30; 6–7 – курган № 32; 8–9 – курган № 38.

Fig. 3. Combat knives with scabbard details from objects of the Choburak-I necropolis: 1–3 – mound № 29а; 4–5 – mound № 30; 6–7 – mound № 32; 8–9 – mound № 38.

и навершия. Нож с меньшей длиной поражающей части (около 17 см) был с прямой рукоятью без плечиков (рис. 3: 4). Экземпляр с лезвием длиной 19,8 см имел одно плечико и наклонный черен гладкой рукояти (рис. 3: 5).

Курган № 32. Железный нож лежал в области пояса человека с правой стороны. Клинок со слегка выгнутой спинкой был значительно поврежден коррозией, из-за чего его сечение приобрело форму овала и прямоугольника с округлыми углами. Удалось установить, что лезвие достигало в длину 20 см при ширине 2,1 см. Черен рукояти обломан (рис. 3: 6). Изделие было помещено в ножны с железными деталями: бортик в виде вытянуто-прямоугольной пластины, к которой фиксировалась цепочка (?) (рис. 3: 7).

Курган № 38. Обнаружены два железных боевых ножа. Экземпляр, находившийся у таза человека с левой стороны, имеет однолезвийный треугольный в сечении клинок длиной 16 см, шириной 1,8 см с прямой спинкой и острым окончанием. Переход поражающей части в наклонный черенок гладкой рукояти без перекрестия и навершия обозначен двумя плечиками (рис. 3: 8). Второй нож обнаружен на поясе справа. Данный образец снабжен клинком (длина 15 см с треугольным сечением, ширина 2 см) с прямой спинкой, без выраженного перехода в рукоять (рис. 3: 9).

Анализ и интерпретация материалов

Предметы вооружения ближнего боя из погребений некрополя Чобурак-I характеризуются различ-

ной степенью сохранности, что определило возможности их анализа и хронологической интерпретации.

Обнаруженные мечи демонстрируют вариативность расположения в погребениях – у левого бока от локтя до колена, вдоль правой руки, на теле человека (в области живота). У мечей из курганов № 30 и 30а морфологические признаки конструкции, важные для определения их датировки, сохранились в полном объеме. Ключевыми параметрами обозначенных изделий являются короткий однолезвийный клинок длиной немногим более 50 см и шириной около 3 см с треугольным поперечным сечением и полусегментовидным окончанием, а также прямой гладкий черен для рукояти без перекрестия и навершия. Определенным своеобразием отличается меч из кургана № 38. Часть полотна, в том числе острие, утрачены, однако можно утверждать, что данный однолезвийный клинок также был небольшой длины.

Железные однолезвийные мечи, снабженные полусегментовидным окончанием клинка, зафиксированы ранее всего в центральноазиатском регионе у ханьцев и хунну (Худяков, 1986, с. 43–44, 217; Erdely, 2000, р. 169). В Средней и Северной Азии подобные изделия встречены в памятниках второй половины III–IV вв. н. э. и второй половины IV–V вв. н. э. (Худяков, 1986, с. 79, 120; Горбунов, 2006, рис. 49: 4–6). Такое оформление клинка в дальнейшем стало характерным для многих мечей раннего Средневековья.

Принимая во внимание известные аналогии, мечи из курганов № 30 и 30а памятника Чобурак-I представляется возможным датировать в рамках IV–V вв. н. э. Похожие экземпляры оружия с гладкой рукоятью обнаружены в погребениях булан-кобинской культуры второй половины IV–V вв. н. э. из могильников Берель и Верх-

Уймон (Горбунов, 2006, с. 59, 111; Соенов, 2017, с. 120)³. Сохранившийся фрагментарно однолезвийный меч из кургана № 38 также относится к образцам, появившимся в воинском арсенале населения Алтая не ранее IV в. н. э. Железные детали ножен, зафиксированные у рассмотренных экземпляров длинноклинкового оружия, получили широкое распространение в снаряжении «булан-кобинцев» в IV–V вв. н. э. (Матренин, 2017, с. 17–25).

В случае с боевыми ножами, несмотря на корродированность металла у четырех экземпляров, удалось установить информативные морфологические характеристики, на основании которых осуществлена их классификация по следующим показателям (Горбунов, 2006, с. 75–79): материал изготовления (группа); форма поперечного сечения клинка (разряд); форма окончания клинка (раздел); положение рукояти относительно центральной продольной оси клинка (отдел); наличие/отсутствие перекрестия (тип); индивидуальные детали оформления рукояти (вариант).

В результате выделены одна группа, один разряд, один раздел, два отдела, два типа боевых ножей, включающих по одному варианту.

Группа I. Железные.

Разряд I. С треугольным клинком.

Раздел I. Острое окончание. Лезвие дугообразно переходит в прямую или слегка выгнутую спинку.

Отдел I. С прямой рукоятью.

Тип I. Без перекрестия. *Вариант а* – без навершия, с гладким череном. Включает два экземпляра из курганов № 30 и 38. Длина клинков с прямой спинкой составляет соответственно 15 и 17 см, максимальная ширина – 1,8 и 2 см. Поражающая часть переходит в рукоять без выраженных плечиков-уступов (рис. 3: 4, 9).

Отдел II. С наклонной рукоятью.

Тип 2. Без перекрестия. *Вариант а* – без навершия, с гладким череном. Включает два экземпляра из курганов № 30 и 38, имеющих клинки с прямой спинкой. Длина лезвия составляет соответственно 16 и 19,8 см, наибольшая ширина – 1,8 и 2 см. Переход поражающей части в рукоять обозначен одним или двумя плечиками-уступами (рис. 3: 5, 8).

Практика оружиеведческих исследований показывает, что обозначенные типы боевых ножей получили широкое распространения на обширных территориях в различные хронологические периоды и практически не имеют выраженных характеристик этнографического характера⁴. Ранние, актуальные для датирования аналогии рассмотренным экземплярам зафиксированы в Центральной Азии в памятниках хунну (II в. до н. э. – I в. н. э.) и сяньби (конец I–III вв. н. э.) (Коновалов, 1976, табл. XVI: 5, 8; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, с. 183, рис. 19; Яремчук, 2005, рис. 81: 1; и мн. др.). Подобные изделия широко представлены в Туве в комплексах улуг-хемской (I в. до н. э. – начало III вв. н. э.) и кокэльской (III–V вв. н. э.) культур (Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81: 69; Памятники..., 2010, с. 44; и др.).

На Алтае боевые ножи из железа получили распространение со II в. н. э., вероятно, под влиянием позднехуннской или раннесяньбийской военной традиций и являлись наиболее распространенным средством ведения рукопашного боя у «булан-кобинцев» во II–V вв. н. э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 58–59; Серегин и др., 2022, с. 58–59).

Расположение зафиксированных боевых ножей в захоронениях некрополя Чобурак-I варьировало незначительно: в области тазовых костей с правой (три случая) или левой стороны (один случай), у правого бедра (два случая) покойного. Острием они

были направлены вертикально или под значительным углом к поясу, в направлении ступней умерших людей.

Боевые ножи были помещены в погребения в деревянных ножнах, о чем свидетельствуют следы глена на клинках. Следует отметить, что сильно фрагментированный экземпляр из кургана № 29а (рис. 3: 1) имел ножны с железным бортиком, состоявшим из двух пластин-накладок прямоугольной формы с округлыми концами, соединенных друг с другом двумя (?) шпеньками с полусферическими шляпками (рис. 3: 2), а также с железной окантовкой устья (рис. 3: 3). Массивный клинок с обломанным череном из кургана № 32 (рис. 3: 6) находился в ножнах, снабженных бортиком в виде вытянуто-прямоугольной пластины, к которой крепились железная цепочка (?) (рис. 3: 7). Сохранившиеся железные детали футляров ножей из могильника Чобурак-I имеют датированные аналогии в экипировке булан-кобинских воинов IV–V вв. н. э. (Матренин, 2017, с. 17–25).

Заключение

Проанализированная серия клинкового оружия из объектов некрополя Чобурак-I демонстрирует распространение развитых средств ведения ближнего боя у населения булан-кобинской культуры Алтая жужанского времени. Сравнительное исследование присутствующих в рассматриваемом комплексе коротких однолезвийных мечей без перекрестия и навершия, с полусегментовидным острием показывает, что подобные образцы рубяще-колющего оружия появились у воинов рассматриваемого региона не ранее IV в. н. э. под влиянием военного дела кочевников Центральной и Средней Азии. Аналогичные мечи относятся к показательным элементам погребального инвентаря «булан-кобинцев» второй половины IV–V вв. н. э. Сохранившиеся боевые ножи с треугольным сечением клинка вы-

делены в два типа, отличающихся прямой и наклонной в сторону лезвия рукоятью. Данные экземпляры режущего оружия получили распространение у населения Алтая под воздействием позднехуннской или раннесяньбийской военной традиций и достаточно часто встречаются во II–V вв. н. э. Основой для их хронологической атрибуции выступают найденные железные детали ножен, встречающиеся в погребальных комплексах эпохи Великого переселения народов.

Материалы раскопок некрополя Чобурак-I подтверждают сделанные ранее заключения о том, что мечи являлись статусной категорией оружия у населения Алтая жужанского времени. Владельцами таких предметов были взрослые мужчины, занимавшие наиболее высокое положение в социуме кочевников. Судя по имеющимся сведениям, мечи помещались в погребения военачальников и осо-

бо отличившихся профессиональных воинов (Горбунов, 2006, с. 74; Сергеев, Матренин, 2020, с. 39, 91, 93–94, 109–110). Следует отметить, что все захоронения с обозначенным клинковым оружием из комплекса Чобурак-I включали весьма представительный набор предметов вооружения, а также другой многочисленный инвентарь. Показательно, что на площади рассматриваемого некрополя эти объекты (курганы № 30, 30а, 38) расположены весьма компактно, в непосредственной близости друг от друга.

В целом рассмотренные предметы вооружения ближнего боя отражают сложные процессы, происходившие на Алтае в жужанское время. Дальнейший анализ материалов раскопок некрополя Чобурак-I позволит детализировать многие аспекты истории кочевников данного региона и обширных сопредельных территорий Центральной Азии в этот пока еще слабо изученный период.

Примечания

² Авторы исходят из тезиса о том, что к боевым ножам относятся экземпляры с длиной клинка не менее 12–13 см и шириной спинки (обуха) не менее 0,3 см (Горелик, 2003, с. 11; Горбунов, 2006, с. 75–76).

³ В.И. Соеновым (2017, с. 120) сформулировано предположение о том, что прототипом коротких однолезвийных мечей у «булан-кобинцев» могли быть боевые ножи с массивным длинным, слегка искривленным лезвием и выпуклой спинкой, характерные для второй четверти I тыс. н. э.

⁴ Нельзя исключать, что ножи такой конструкции могли иметь специфичные черты в оформлении рукоятей из органического материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
2. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
3. Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие до н.э. – IV в. до н.э.). СПб.: Атлант, 2003. 336 с.
4. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 248 с.
5. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
6. Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 196–205.
7. Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
8. Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования / Ред. Д.Г. Савинов и др. СПб.: ЭлекСис, 2010. 274 с.

9. *Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П.* Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 276 с.

10. *Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

11. *Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.* Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. №1. С. 122–133.

12. *Соенов В.И.* Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2017. №8 (20). С. 117–142.

13. *Соенов В.И., Эбель А.В.* Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск: ГАПИ, 1992. 116 с.

14. *Тетерин Ю.В.* Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2004. С. 37–82.

15. *Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В.* Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.

16. *Төрбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У.* Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар: Улсын багшийн их сургууль Монголын түүхийн тэнхим, 2003. 295 т. (на монг. яз.).

17. *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

18. *Худяков Ю.С.* Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. В.В. Горбунов, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 79–87.

19. *Эбель А.В.* Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.

20. *Яремчук О.А.* Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии. Дисс. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

21. *Erdelyi I.* Archaeological Expeditions in Mongolia. Budapest: Mundus Hungarian University, 2000. 261 p.

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); matrenins@mail.ru

Паршикова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, заместитель директора Музея археологии Алтая. Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); taty-parshikova@yandex.ru

BLADE WEAPONS OF ALTAI POPULATION IN ROURAN PERIOD (BY THE MATERIALS OF THE CHOBURAK-I COMPLEX)

N.N. Seregin, A.A. Tishkin, S.S. Matrenin, T.S. Parshikova

The article presents the study of the collection of bladed weapons, obtained during the excavations of the Rouran period burials on Choburak-I necropolis. This site is located in the Chemal district of the Altai Republic. The analyzed series of weapons includes three swords and six combat knives found in the burials of four adult men and one teenager. It has been established that the complex of long-bladed weapons is represented by single-edged blades without crosshairs and pommel, with a semi-segmental tip. The surviving combat

This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10037 «Early Turks of Central Asia: interdisciplinary historical and archaeological research»).

knives with a triangular blade section are divided into two types, distinguished by a straight handle and a handle inclined towards the blade. The published collection demonstrates typical examples of weapons of the nomads of Central Asia of the 4th – 5th centuries AD. New excavation materials confirm the thesis that swords were a status category of weapons among the population of Altai during the Great Migration period. Burials with such items, investigated as part of the Choburak-I necropolis, differed in the representative composition of the inventory, and, judging by the available data, belonged to military leaders or especially distinguished professional soldiers.

Keywords: archaeology, bladed weapons, Altai, Rouran period, Bulan-Koby culture, chronology, social history, interpretation.

REFERENCES

1. Bobrov, V. V., Vasiutin, A. S., Vasiutin, S. A. 2003. *Vostochnyi Altai v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Eastern Altai in the Era of the Great Migration)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ. (in Russian).
2. Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). (Altai Population's Military Science in 3th – 4th Century A.D. Part II. Offensive weaponry (arms))*. Barnaul: State University (in Russian).
3. Gorelik, M. V. 2003. *Oruzhie Drevnego Vostoka (IV tysyacheletie do n.e. – IV v. do n.e.) (Weapons of the Ancient East (IV millennium BC – IV century BC))*. Saint Petersburg: “Atlant” Publ. (in Russian).
4. Kononov, P. B. 1976. *Khunnu v Zabaykal'e (Pogrebal'nye pamyatniki) (Xiongnu of Transbaikalia (Burial sites))*. Ulan-Ude: “Buryat. kn. izd-vo” Publ. (in Russian).
5. Mamadakov, Yu. T. 1990. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n. e. (The culture of the population of the Central Altai in the first half of the I millennium AD)*. PhD Diss. Novosibirsk (in Russian).
6. Mandelshtam, A. M., Stambul'nik, E. U. 1992. In Moshkova, M. G. (ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: “Nauka” Publ., 196–205 (in Russian).
7. Matrenin, S. S. 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya II v. do n.e. – V v. n.e. (Equipment of Altai Nomads (the 2nd Century BC – 5th Century AD))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
8. In Savinov, D. G. 2010. *Pamyatniki kokel'skoy kul'tury Tuvy: materialy i issledovaniya (Monuments of the Kokel culture of Tuva: materials and research)*. Saint Petersburg: “ElekSis” Publ. (in Russian).
9. Seregin, N. N., Demin, M. A., Matrenin, S. S., Umanskiy, A. P. 2022. *Northern Altai in the Great Migration period (on the materials of the Karban-I archaeological complex)*. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
10. Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2020. *Social history of the population of Altai in the era of nomadic empires*. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
11. Seregin, N. N., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Parshikova, T. S. 2022. In *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii (Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii)* 1 (56), 122–133 (in Russian).
12. Soenov, V. I. 2017. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 8 (20). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 117–142 (in Russian).
13. Soenov, V. I., Ebel', A. V. 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni (The mounds of the Hunno-Sarmatian era on the Upper Katun.)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Pedagogical Institute Publ. (in Russian).
14. Teterin, Yu. V. 2004. In *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii (Military Arts of the Peoples of Siberia and Central Asia)* 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 37–82 (in Russian).
15. Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Shmidt, A. V. 2018. *Altay v syan'bijsko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) (Altay in the Xianbei-Rouran Period (based on the Stepushka Site))*. Barnaul: Altay University Publ. (in Russian).
16. Törbat, Ts., Amartyvshin, Ch., Erdenebat, U. 2003. *Egiyn golyn sav arkeologiyin dursgaluud (khyrliyn yees mogolyn ye) (Aegean Basin archaeological sites (bronze to Mughal period))*. Ulaanbaatar: State Pedagogical University Department of Mongolian history (in Mongolian).
17. Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Arms of the Medieval Nomads of the Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
18. Khudiakov, Yu. S. 2002. In Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. (eds.). *Materialy po voennoy arkeologii Altaia i sopredel'nykh territorii (Materials on the Military Archaeology of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University Publ., 79–87 (in Russian).

19. Ebel', A. V. 1998. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Gornogo Altaya v gunno-sarmatskuyu epokhu (Armament and military affairs of the population of the Altai Mountains in the Hunno-Sarmatian era)*. PhD Tesis. Barnaul (in Russian).

20. Yaremchuk, O. A. 2005. *Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik khunno-syan'biyskoy epokhi stepnoy Daurii (The Zorgol-I burial ground is a monument of the Hunno–Xianbian epoch of steppe Dauria)*. PhD Diss. Chita (in Russian).

21. Erdelyi, I. 2000. *Archaeological Expeditions in Mongolia*. Budapest: Mundus Hungarian University.

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Altai State University. Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nikolay-seregin@mail.ru

Tishkin Aleksey A. Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department. Altai State University. Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

Matrenin Sergey S. Candidate of Historical Sciences. Altai State University. Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; matrenins@mail.ru

Parshikova Tatyana S. Candidate of Historical Sciences. Altai State University. Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; taty-parshikova@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

БУСТАНАЕВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ БАШКОРТОСТАНА¹

© 2024 г. А.Г. Колонских, Р.Р. Саттаров, А.Г. Ситдииков

В статье публикуются результаты первых археологических раскопок на территории нового памятника эпохи великого переселения народов на северо-западе Башкортостана – Бустанаевского курганного могильника, расположенного на территории Бураевского района Республики Башкортостан. Памятник обнаружен в 2011 г., археологические исследования начались в 2015 г. под руководством А.Г. Колонских. Исследования памятника ведутся в рамках совместных исследований Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. При исследовании кургана №45 было обнаружено одно одиночное погребение. Наряду с плохо сохранившимся костяком, в погребении обнаружен археологический материал, представленный двумя сосудами, наконечниками стрел и элементами ременной гарнитуры, выполненной в геральдическом стиле, костями лошади и железными удилами. Полученные данные позволяют предполагать, что некрополь оставлен носителями кушнаренковской археологической культуры, предварительная датировка погребения конец 6 – начало 7 в. н.э.

Ключевые слова: археология, Эпоха Великого переселения народов, Приуралье, Бустанаевский курганный могильник, кушнаренковская культура, курган, погребение, керамика.

Проблема прародины венгров и культурогенеза раннесредневекового населения Поволжья и Приуралья является одной из значимых научных проблем исторической науки. Обращение к этой теме обусловлено большой ролью угорских народов в формировании средневековых евразийских этносов и их влиянием на важные мировые процессы от Сибири до Западной Европы. К сожалению, ограниченность исторических источников затрудняет исследования при изучении данных научных проблем. В решении этих вопросов важную роль играют сведения, полученные в ходе археологических исследований.

Новым объектом археологии, дополняющим источниковую базу в исследованиях средневековой истории народов Поволжья и Приуралья, является Бустанаевский курганный

могильник, исследования которого ведутся в ходе совместных исследований Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.

Бустанаевский курганный могильник расположен в 2 км северо-восточнее д. Бустанаево Бураевского района Республики Башкортостан. В 300 м юго-западнее некрополя находится одноименное городище бахмутинской культуры (ОАН «Бустанаевское городище») (рис. 1). Некрополь занимает вершину коренной террасы (высотой около 100 метров от уровня уреза воды) водораздела рр. Быстрый Танып и Гарейки. Площадка памятника задернована, покрыта широколиственным лесом с густым подлеском (рис. 2). Площадь объекта достигает 1,5 га.

¹ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания по теме: «Культурные интеграции населения Южного Урала в древности, средневековье и Новое время: факторы, динамика, модели», № АААА-А21-121012290083-9; «Исследования преемственности и трансформации археологических культур Северной Евразии», № 730000Р.16.1.ОИ17АА10000;

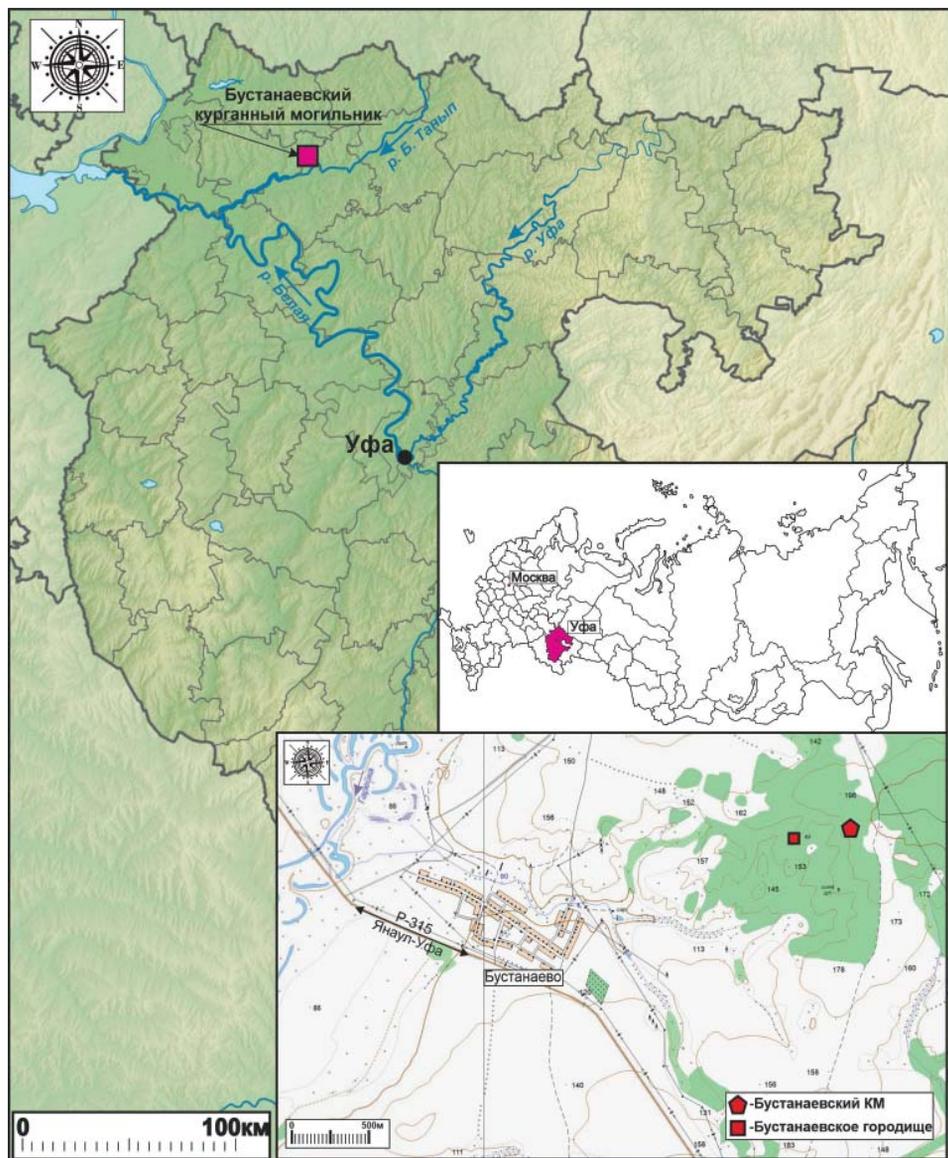

Рис. 1. Бустаевский курганный могильник.
Месторасположение. Ситуационный план.

Fig. 1. Bustanaevo burial mound. Location. Situational plan.

Погребальный памятник обнаружен экспедиционным отрядом в составе Р.Р. Руслановой, В.И. Мухаметдинова, М.М. Румянцева и Е.В. Берсенева в ходе проведения мониторинга археологических памятников Буреевского района Республики Башкортостан под руководством Н.Б. Щербакова (Щербаков, 2011, с. 3). Данные об объекте не были включе-

ны в археологический отчет. В 2015 г. археологическая разведка на территории Буреевского района была проведена А.Г. Колонских, результатом работ стало обследование площадки курганного могильника, составление топографического плана и подробная фотофиксация (Колонских, 2017).

В планиграфии могильника фиксируется три группы концентрации кур-

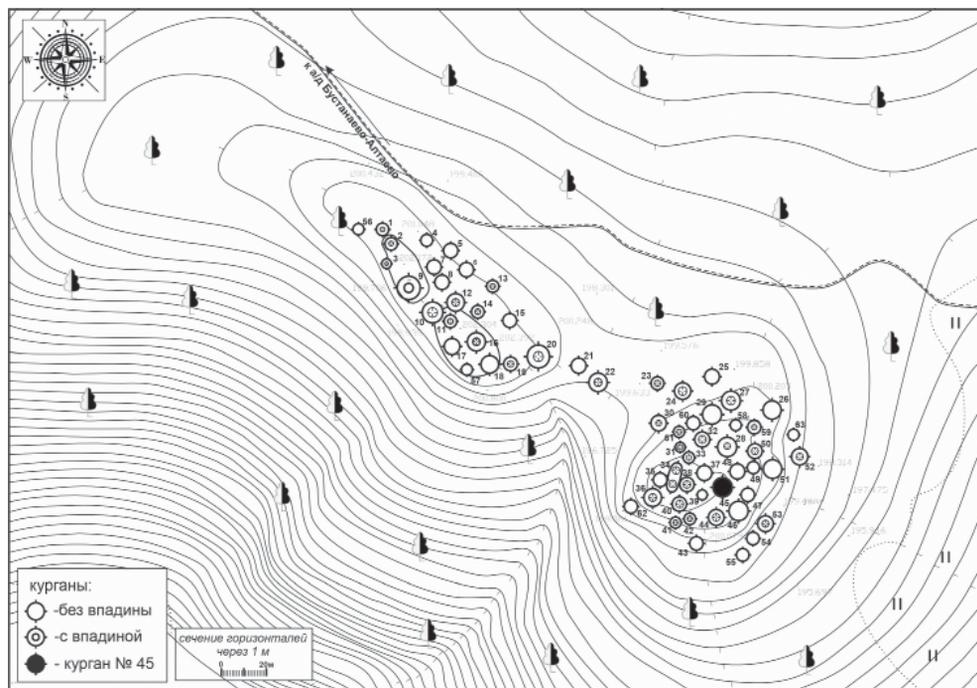

Рис. 2. Бустанаевский курганный могильник. Топографический план.

Fig. 2. Bustanaevo burial mound. Topographic plan.

ганных насыпей (всего 63 кургана): северо-западная группа – 22 насыпи; центральная группа – 2 насыпи; юго-восточная – 39 насыпей.

В 2018 г. на памятнике впервые начались стационарные археологические раскопки (Ахатов, 2020, Колонских, 2020). Был исследован курган № 45, публикация результатов исследования которого является целью настоящей работы.

Курган № 45 находится в юго-восточной части юго-восточной группы некрополя. Площадка, на которой расположен курган, относительно ровная с небольшим понижением в восточном направлении. Насыпь земляная, округлой формы, задернована, к моменту исследования была покрыта слоем лесной подстилки и густой растительностью. Диаметр насыпи 6,5 м, высота 0,5–0,6 м.

Раскопом была охвачена вся визуально фиксируемая насыпь, а также часть межкурганного пространства.

Выбор этой методики позволил получить дополнительные данные, так как за пределами исследованной насыпи и на полах кургана был обнаружен археологический материал (развал сосуда, наконечник стрелы, остеологический материал), который является неотъемлемой частью погребального обряда.

Планиграфические наблюдения (рис. 3)

Верхний слой насыпи кургана покрыт слоем лесного опада. Толщина подстилки составляет в среднем от 3 до 6 см. В ходе расчистки слоя растительности в юго-западном секторе раскопа на уровне дневной поверхности был обнаружен фрагмент керамики (рис. 4: 1), который не имел привязки к каким-либо конструкциям или слоям. Фрагмент неорнаментирован, является стенкой сосуда, судя по составу формовочных масс и толщине менее 0,4 см, относится к кушнаренковской керамической традиции. Вы-

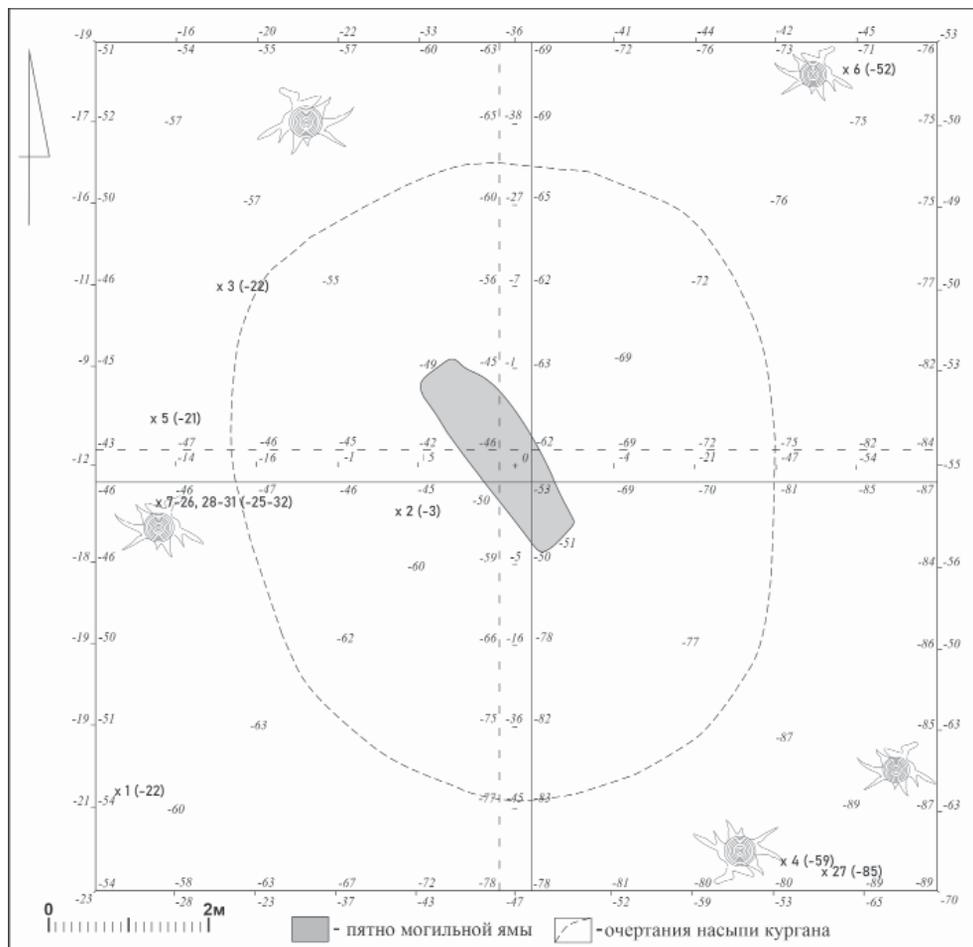

Рис. 3. Бустанаевский курганный могильник. Курган 45.
План раскопа с локализацией находок.

Fig. 3. Bustanaevo burial mound. Kurgan 45. Excavation plan with localization of finds.

явить его отношение к обнаруженным развалам сосудов кургана 45 не удалось.

В ходе зачистки чётко проявились границы насыпи кургана, а за её пределами гумусовый слой имел примесь в виде суглинка тёмно-коричневого оттенка. Во всех секторах раскопа были обнаружены находки, представленные остеологическим материалом (рис. 4: 2, 4), фрагментами керамики (рис. 4: 3, 5) и наконечником стрелы ромбической формы, обнаруженным за пределами насыпи кургана. Эта находка подтвердила актуальность вы-

бора методики исследования межкурганного пространства (рис. 3; 4: 6).

В ходе исследования второго горизонта картина несколько изменилась. В центре насыпи кургана преобладал слой гумусированного суглинка серовато-черного оттенка. Ближе к полам насыпи всё чаще в нем стали фиксироваться вкрапления светлого суглинка. Граница между слоем насыпи и материком стала различима довольно чётко.

Находки в основном концентрировались у западной бровки, за пределами насыпи кургана, фиксировались в

Рис. 4. Бустанаевский курганный могильник. Курган 45. Находки первого горизонта. Нумерация соответствует рис. 3. Нумерация соответствует рис. 3.

1, 3, 5 – керамика, 2 – фаланга лошади, 4 – фрагмент кости, 6 – железо.

Fig. 4. Bustanaevo burial mound. Kurgan 45. Findings of the first horizon. The numbering corresponds to Fig. 3. 1, 3, 5 – ceramics, 2 – phalanx of a horse, 4 – bone fragment, 6 – iron.

виде скопления и, вероятно, представляли собой фрагменты развала сосуда 3 (рис. 5: 7–26, 28–31). Сосуд сильно фрагментирован и реконструкция его форм и размеров невозможна. Кроме фрагментов керамики обнаружены фрагменты угля как в виде скопления – очень тонкой едва уловимой прослойки в западных секторах раскопа, так и в виде относительно крупного фрагмента (рис. 5: 27).

Пятно могильной ямы, заполненное темно-коричневым слоем гумусированного суглинка, обрамленное по краям ярко-охристым слоем материкового суглинка с примесью песка и мелкой окатанной гальки, проявилось в ходе снятия 3 условного пласта. Во всех секторах в непосредственной близости к могильной яме были зафиксированы скопления угля в виде тонких прослоек.

В центре кургана была зафиксирована могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии юго-восток – северо-запад.

Яма имела четкие границы и была заполнена перемешанным грунтом из материкового суглинка и гумуса из верхних слоёв насыпи. Могильная яма имела следующие размеры: 2,35×0,65 м.

Стратиграфия кургана (рис. 6).

Наиболее мощными в плане стратиграфии оказались два слоя. Первый – гумусированный слой серовато-черного оттенка, комковато-мелкозернистой структуры, насыщенный остатками корневых систем деревьев и лесной растительности. Мощность слоя не превышала 20–25 см и имела приблизительно схожие показатели на протяжении всего раскопа.

Вторым наиболее распространенным слоем является слой гумусированного суглинка, который представляет собой описанный выше гумусовый слой и слой материкового суглинка. Мощность его также находилась в пределах 20–25 см. Этот слой грунта был основным при сооружении кургана. Распространение его

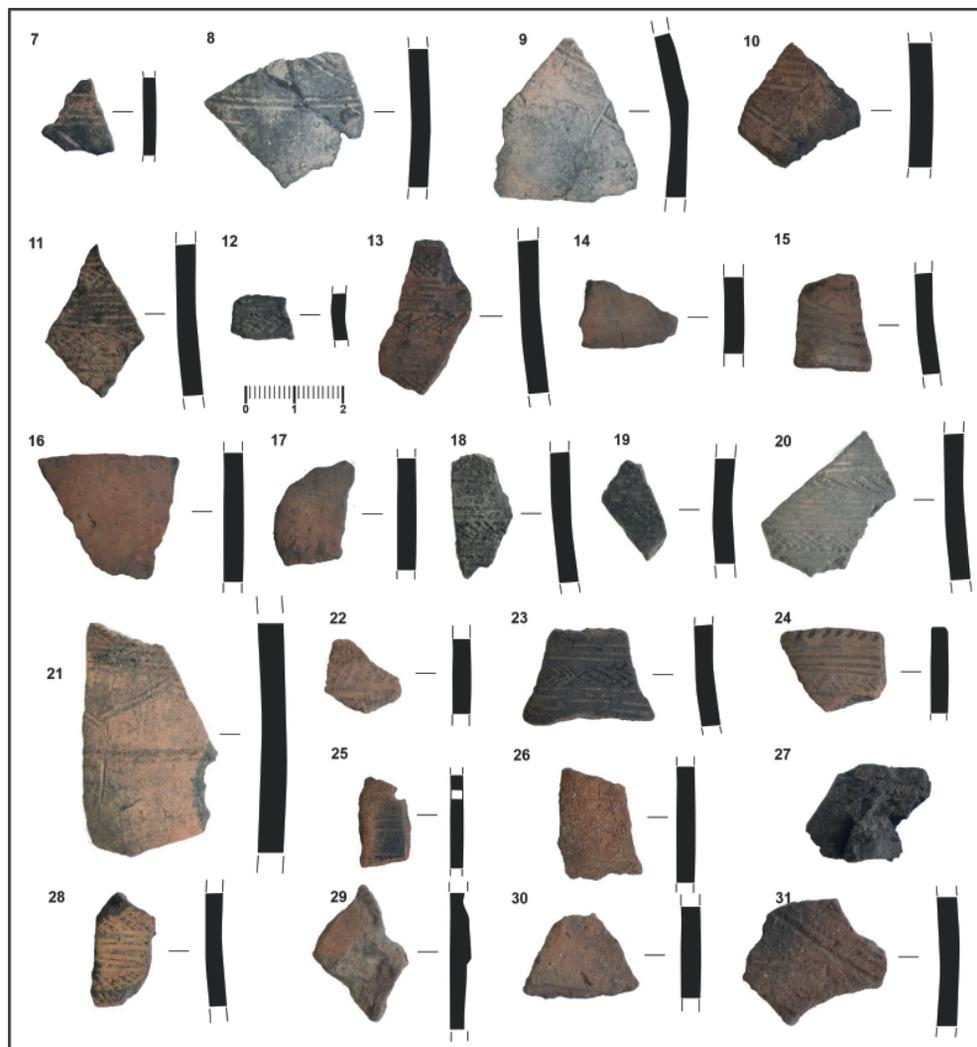

Рис. 5. Бустанаевский курганный могильник. Курган 45. Находки второго горизонта. Нумерация соответствует рис. 3. 7-26, 28-31 – керамика, 27 – уголь.

Fig. 5. Bustanaevo burial mound. Kurgan 45. Finds of the second horizon. The numbering corresponds to Fig. 3. 7-26, 28-31 – ceramics, 27 – coal.

в раскопе связано непосредственно с насыпью, за её пределами гумусовый слой лежал на материке. Под ним залегает слой погребенной почвы, состоящий из материкового суглинка и небольшого включения гумуса, который, вероятно, и придаёт ему более тёмный, чем у материка, оттенок. Слой древней почвы нарушен могильной ямой и практически отсутствует за пределами насыпи.

Подстилающим для описанных слоёв является слой плотного материкового суглинка. Фрагменты данного слоя фиксируются в виде относительно мощных (до 15–20 см) линз на поверхности погребенного дёрна в непосредственной близости к могильной яме и, вероятно, являются следами выкида, организованными в ходе рытья могилы.

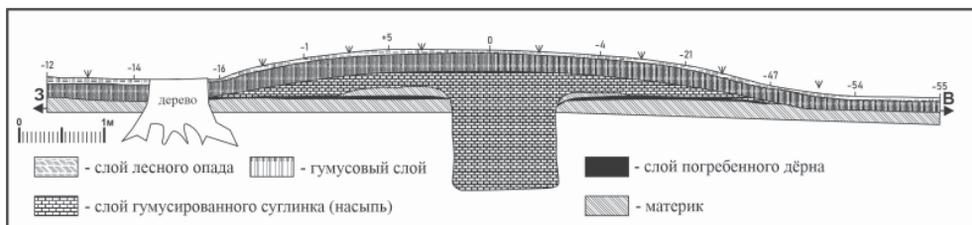

Рис. 6. Бустанаевский курганный могильник. Курган 45.
Профиль бровки по линии запад-восток.

Fig. 6. Bustanaevo burial mound. Kurgan 45. Edge profile along the west-east line.

Результаты наблюдения за стратиграфической и планиграфической ситуацией позволяют реконструировать конструкцию кургана. После выбора места для погребения на уровне дневной поверхности была вырыта могильная яма глубиной около 90 см. Вынутый при рытье могилы грунт (материковый) впоследствии стал частью насыпи кургана. Для засыпки могилы использовался слой материкового грунта, вынутый при рытье могилы, а также слой дерна и суглинки, взятый с площадки вокруг погребения. Этот слой стал основой насыпи кургана.

Описание погребения (рис. 7)

Погребение имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами (рис. 3). Длина могильной ямы 235 см, ширина в юго-восточной части 57 см, в северо-западной части 50 см, в месте наибольшего расширения 64 см. Глубина могильной ямы 79–91 см от уровня материка. Дно могильной ямы неровное и имеет небольшое углубление в центре могилы. Заполнение погребения состояло из материкового суглинки и примеси гумуса с преобладанием первого.

Стенки могильной ямы вертикальные, но неровные, без каких-либо дополнительных ступеней, подбоев или заплечиков. Под сосудом 1 в западной длинной стенке было сделано небольшое углубление.

Могила ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Сохранившиеся фрагменты костяка демонстри-

руют, что погребенный был уложен головой на северо-запад, что является традиционным для погребально-го обряда кушнаренковских племен (Иванов, 1999, с. 57). Osteологический материал представлен плохо сохранившимися фрагментами черепа, правой и левой плечевых, а также бедренных костей.

В погребении обнаружен археологический материал. Самым многочисленным являются цветковидные четырёхлепестные накладки, к элементам поясного набора также относятся фрагмент пряжки, наконечник ремня. Наряду с ними в погребении найдены: два сосуда, пять наконечников стрел, элементы конского снаряжения, фрагменты ножа, подвеска (рис. 8, 9).

В погребении обнаружено два развала сосудов кушнаренковского типа. Сосуды находились в северо-западной части погребения, локализовались в районе головы и верхней части туловища погребенного. Сосуд 1 имеет хорошую сохранность, он стоял западнее головы погребенного в небольшой выемке западной длинной стенки могильной ямы. Сосуд 2 располагался в 18 см юго-восточнее первого. Сосуд 2 лежал на боку и был раздавлен. Оба сосуда изъяты из погребения вместе с содержимым. В ходе камеральной обработки внутри сосуда 2 были обнаружены фрагменты костей (ребро барана?), вероятно являющиеся остатками заупокойной пищи.

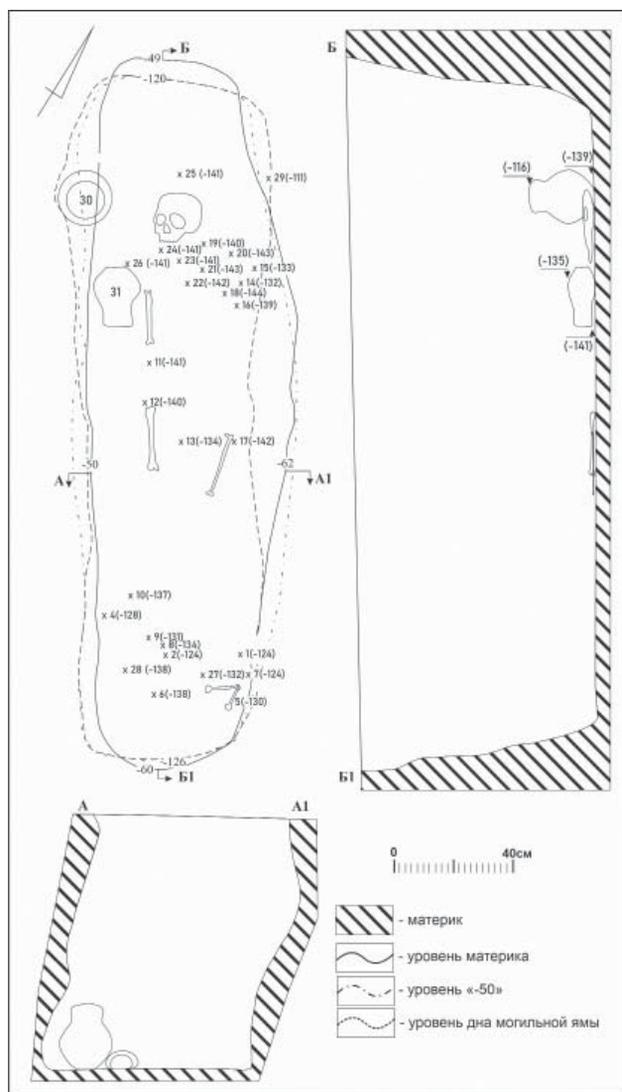

Рис. 7. Бустанаевский курганный могильник.
Курган 45. План и профили погребения
Fig. 7. Bustanaevo burial mound. Kurgan 45.
Burial plan and profiles

Фрагменты керамических сосудов также были обнаружены в насыпи кургана. Скопление керамики в северо-западном углу юго-западного сектора является развалом сосуда 3. Данный развал был обнаружен в корнях дерева и потому очень фрагментирован. Сосуд 3, вероятно, фиксирует элемент погребального обряда либо постпогребальной практики (наряду с находками костей лошади и угля в на-

сыпи кургана) населения кушнаренковской культуры.

Сосуд 1 (рис. 9: 1). Имеет хорошую сохранность, размеры и форма поддаются реконструкции. Размер 23×19 см. Диаметр горла 12,5 см. Представляет собой лепной сосуд крупных и высоких пропорций, тонкостенный, с высокой горловиной и широким туловом. Имеет отогнутую наружу шейку и плоское дно. Орнамент расположен горизонтальными рядами по венчику, шейке, плечу и дну сосуда, тулово не орнаментировано. Узор располагается горизонтальными зонами, состоящими из таких элементов, как косые насечки по срезу устья, ряды прочерченных горизонтальных линий, мелкая косая сетка, ряд наклонных отпечатков гребенчатого (из трёх зубцов) штампа, мелкие наклонные насечки в форме «ёлочки», обращенной в разные стороны. Придонная часть и дно имеют орнамент в виде горизонтальных прочерченных параллельных линий, ряда косых пересекающихся прочерченных линий, образующих узор в виде буквы «Л», крестовой орнамент из двух прочерченных параллельных линий, пересекающихся в центре дна, данные линии в верхней части также украшены косыми насечками.

Толщина стенок варьируется от 0,2 см до 0,7 см с наименьшим значением по средней части тулова и наибольшим утолщением по днищу и венчику. Внешняя сторона сосу-

да хорошо обработана и заглажена. Внутренняя часть сосуда разглажена рельефным предметом, оставившим следы неглубоких расчёсов.

Формовочные массы представлены глинистым веществом с примесью пылевидного (менее 0,5 мм) кварцевого песка окатанных и в большинстве неокатанных фракций. Наряду с пылевидным встречаются единичные фрагменты песка мелкого размера (0,5–0,9 мм). Вероятно, пылевидный песок является калиброванной примесью, то есть искусственной, просеянной. Наряду с минеральными примесями в формовочных массах сосуда 1 обнаружены фрагменты органики. Они выражены небольшим количеством обугленного вещества различных размеров, но чаще мелкого (менее 0,9 мм). Данное вещество является остатками фрагментированных стеблей (листьев и корней) растений. Их форма продолговатая, иногда длина достигает 3–4 мм. Наряду с остатками обугленных растений формовочные массы имеют множество мелких пор, что также может являться следами введения органических растворов. Вероятно, органическим веществом, вводимым в состав формовочных масс, являлся навоз или выжимка из навоза (Бобринский, 1978, с. 102–104, Васильева, Салугина, 2021, с. 94).

Сосуд 2 (рис. 9: 2). Фрагментирован, лепной, высоких пропорций (кувшинообразный), тонкостенный (0,3–0,4 см), с высокой горловиной, дно плоское, орнаментирован. Высота сосуда 20 см, ширина горла 9,5 см, ширина по расширению тулова 13,5 см. Орнамент расположен горизонтальными рядами по венчику, шейке, плечу, придонной части и днищу, средняя часть тулова не имеет орнамента. Узор орнамента представлен мелкими наклонными насечками в форме «ёлочки», мелкой косой сеткой, косыми насечками, рядами прочерченных горизонтальных линий по

шейке, плечико сосуда украшено рядами прочерченных горизонтальных линий и косыми пересекающимися прочерченными линиями, образующими узор в виде буквы «Л». Этот орнамент имеет визуальное сходство с хвостовиком и оперением стрелы, данное замечание актуально как для сосуда 1, так и для сосуда 2.

Внешняя поверхность сосуда хорошо обработана и разглажена. Внутренняя поверхность обработана менее тщательно и имеет следы расчёсов.

Характер формовочных масс аналогичен составу сосуда 1. При этом имеются и некоторые отличия. В первую очередь это значительно большее количество примеси пылевидного неокатанного песка. Встречаются единичные песчинки размером 1,5–2 мм. Важным отличием являются также более крупные фракции растительности (листья, стебли), размеры некоторых достигают 1–2 см. На одном из сколов обнаружено обугленное зернышко размером 1×1,5 мм, что в очередной раз может быть подтверждением включения в формовочные массы навоза.

Сосуд 3 (рис. 5: 7–26, 28–31). Сохранность плохая, сильно фрагментирован, а потому реконструкция формы и габаритов сосуда не является возможной. Лепной тонкостенный (0,3–0,5 см), орнаментирован. Орнамент расположен горизонтальными рядами по венчику и шейке, представлен мелкими косыми вдавлениями по срезу устья, двумя рядами перекрестных косых насечек (образующих форму буквы «Х»), одним рядом косых насечек, косыми пересекающимися прочерченными линиями, образующими узор в виде буквы «Л».

Наличие фрагмента орнаментированного дна, венчика, верхней части тулова и нескольких фрагментов неорнаментированного тулова позволяет предположить, что орнаментом

Рис. 8. Бустанаевский курганный могильник. Курган 45. Находки из погребения.
Нумерация соответствует рис. 7

Fig. 8. Bustanaevo burial mound. Kurgan 45. Finds from the burial.
The numbering corresponds to Fig. 7

была покрыта не вся поверхность сосуда.

Важным наблюдением является наличие фрагмента орнаментированной стенки сосуда 3 со следами сквозного отверстия (рис. 5: 25). Подобные отверстия обычно трактуются исследователями как следы ремонта (Останина, 1997, с. 99).

Внешняя часть сосуда обработана относительно тщательно и разглажена, при этом на поверхности сосуда фиксируются неглубокие кратеры и неглубокие следы заглаживания. Внутренняя часть сосуда и в особенности днище имеют следы расчёсов.

Формовочные массы данного сосуда представлены глинистым веществом с большим количеством примеси в виде неокатанного пылевидного

песка (дресвы?). Органическая примесь представлена фрагментами обугленных растений и следов их выгорания. Как и в предыдущих случаях, вероятным является включение в состав формовочных масс просеянного песка, а также органического состава (навоза или его выжимки).

Наконечник стрелы, черешковый с уступом, четырехгранный в сечении (рис. 4: 6). Коррозирован. Обнаружен за пределами насыпи кургана в северо-восточном секторе в ходе снятия первого пласта.

Железный предмет (рис. 8: 1). Сильно коррозирован, в двух фрагментах. Обнаружен у восточной длинной стенки, в районе бедренной кости. Ввиду плохой сохранности идентификация затруднена.

Рис. 9. Бустанаевский курганный могильник. Курган 45.
Сосуды из погребения. Нумерация соответствует рис. 7
Fig. 9. Bustanaevo burial mound. Kurgan 45. Vessels from the burial.
The numbering corresponds to Fig. 7

Нож железный с прямой спинкой (рис. 8: 2). Фрагментирован, коррозирован. Обнаружен в юго-восточной части могилы в районе ног погребенного.

Пряжка (фрагмент рамки), бронзовая (рис. 8: 3).

Пряжка В-образная (рис. 8: 4), бесщитковая, прямоугольного сече-

ния, железная. Язычок не сохранился. Размеры 2,8×2×0,4 см.

Удила железные, двухсоставные кольчатые (рис. 8: 5).

Поводное кольцо (*псаллий?*), восьмеркообразное, железное (рис. 8: 6). Фрагментировано. Обнаружено в ногах погребенного в южной части могилы.

Поводное кольцо, овальное (рис. 8: 7). Сохранилось в виде шести фрагментов. Изготовлено из железа. Обнаружено в южной части могилы в ногах.

Пряжка (рис. 8: 8) прямоугольно-рамчатая (подпружная) бесщитковая, железная. Плохой сохранности (в шести фрагментах), коррозирована.

Наконечник стрелы железный, черешковый, с четырехгранным сечением (рис. 8: 9). Коррозирован. Обнаружен в юго-восточной части могилы в районе ног.

Наконечник стрелы железный, черешковый трехгранный (рис. 8: 10). Сильно коррозирован. Обнаружен в южной части могилы в районе ног.

Наконечник стрелы железный, черешковый трехгранный (рис. 8: 11). Коррозирован. Обнаружен в южной части могилы в районе ног.

Наконечник стрелы железный, черешковый с уступом (рис. 8: 12), четырехгранный в сечении. Коррозирован. Обнаружен в центральной части могилы в районе верхнего бедренного сустава (шейки/головки бедра). «In situ» располагался вертикально, острием вниз. Специфика его расположения позволяет предполагать боевое ранение погребенного, однако сохранность остеологического материала не дает возможности определить наличие прижизненных травм, нанесенных этим наконечником. Поэтому данный тезис остается предположением.

Наконечник стрелы железный, черешковый четырехгранный (рис. 8: 13). Коррозирован. Обнаружен в центральной части могилы в районе верхнего бедренного сустава.

Накладка цветковидная четырехлепестковая (рис. 8: 14–24, 26). В общей сложности обнаружено 12 единиц. Плохой сохранности, сильно фрагментированы. Обнаружены в ногах погребенного и в районе груди погребенного.

Фрагменты предмета из белого металла (рис. 8: 25). Сохранность не позволяет определить предмет.

Наконечник ремня (рис. 8: 27) в виде удлиненного геральдического щита, двускатный с двумя круглыми отверстиями. В верхней части орнаментирован двумя параллельными линиями. На оборотной стороне сохранился один шпенек. Выполнен из цветного металла. Обнаружен в юго-восточной части могилы в районе ног. Под наконечником сохранился фрагмент кожаного ремня.

Наконечник ремня (рис. 8: 28) в виде геральдического щита с четырьмя круглыми отверстиями. В нижней части также имеется отверстие (вероятно, для шпенька). Обнаружен в районе ног погребенного.

Подвеска колоколовидная (рис. 8: 29). Из цветного металла. Внутри подвески сохранилась часть шнура для её подвешивания. Шнурок кожаный (установлено с помощью бинокуляра МБС-10), для крепления подвязан в узелок. Находилась в северо-западной части погребения, обнаружена в длинной стенке могильной ямы.

Преобладающим типом находок стали ременные цветковидные накладки (12 экз.). Эти находки являются элементом ременной гарнитуры. Наряду с сохранившимися шпеньками для крепления нередко сохраняются и фрагменты кожаного ремня. Известны очень близкие аналогии из Манякского могильника и Ново-Биккинского кургана, где автор датирует их VII в н. э. (Мажитов, 1981, с. 12–18, рис. 6: 3; 8: 13). Схожие накладки отмечены в курганах Алтая и Тувы, там время бытования подобных типов вещей имеет широкий диапазон VI–IX вв. н. э. (Овчинникова, 1990, с. 30, рис. 23: 19).

Железные наконечники стрел, подобные обнаруженным в кургане 45, имеют немало аналогий в регионе. Трёхгранные наконечники из тур-

баслинских погребений Ф.А. Сунгатов датирует второй половиной VI – первой половиной VII в. (Сунгатов, 1998, с. 86). Листовидные (плоские) ромбические в сечении, черешковые наконечники стрел с уступом также встречены в материалах Бирского и Манякского могильников, а их время бытования – конец VI – VII вв. (Султанова, 2000, с. 45–46, 78–79; Мажитов, 1981, с. 11, рис. 4:10).

Фрагмент рамки бронзовой пряжки обнаружен в отвале в ходе расчистки погребения, поэтому точная локализация в могиле неизвестна. Язычок не сохранился. Имеет сходство с пряжками геральдического стиля VII в н. э. (Мажитов, 1981, с. 14, рис. 6: 9; Мингалев, Юкова, 2017, с. 124, рис. 2: 8; Голдина и др., 2018, с. 518, табл. 362: 9–12).

Железные удила имеют широкую географию (Предуралье, Прикамье, Алтай, Монголия) и хронологию бытования (Голдина, 2012, табл. 193: 1–2, Горбунов, 2022, с. 192–194; Серегин, 2018, с. 178). Наиболее близкие встречены в погребении с цветковидными накладками Манякского могильника (Мажитов, 1981, с. 14, рис. 6: 7).

Наконечники ремня из Бустанаево хорошо известны по материалам региона и уверенно датируются концом VI – третьей четвертью VII в. н. э. (Белявская, с. 119, рис. 69: 50).

Остальные железные предметы имеют очень плохую сохранность, а

потому не могут быть использованы для датировки. То же касается и колоколовидной подвески, обнаруженной в районе головы погребенного. Плохая сохранность её верхней и нижней части затрудняет идентификацию и подбор аналогий данной находки.

Таким образом, исследованное погребение позволяет предварительно датировать его в пределах конца VI–VII в н. э. В этот временной диапазон вполне попадает и керамика. Все обнаруженные сосуды (и фрагменты) относятся к гончарной традиции кушнаренковского населения. В целом керамика и вещи позволяют считать Бустанаевский курганный могильник, либо как минимум его часть, одним из наиболее ранних некрополей кушнаренковской археологической культуры наряду с ранними погребениями Манякского могильника и Ново-Биккинским курганом.

Большой удачей можно считать сохранность как захоронений, так и площадки памятника в целом. Могильник задернован и никогда не распахивался, что в большой степени актуализирует его значение для решения фундаментальных научных задач. Ярким примером этому служит развал сосуда 3, фрагменты угля и остеологический материал, зафиксированный в насыпи и на поверхности кургана. Вероятно, эти находки являются не чем иным, как элементом погребального обряда и постпогребальных практик кушнаренковского населения.

Благодарности: Авторы выражают благодарность Р.Р. Руслановой, В.И. Мухаметдинову, М.М. Румянцеву, Е.В. Берсеневу за любезно предоставленную информацию, глубокую признательность коллегам И.И. Бахшиеву, А.Т. Ахатову, Э.В. Камалееву, А.И. Тузбекову за помощь в полевых исследованиях Бустанаевского курганного могильника, а также всем, кто принял участие в раскопках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахатов А.Т. Научный отчет об итогах археологических раскопок Бустанаевского курганного могильника на территории Бураевского района Республики Башкортостан в 2018 году. Уфа, 2020 // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН (без номера).
2. Белявская О.С. Хронология ремесленных изделий Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. Дисс.... канд. ист. наук. Уфа, 2023. 599 с.

3. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
4. *Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Не боги горшки обжигают. Самара: Слово, 2021. 328 с.
5. *Голдина Р.Д.* Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 21 / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 472 с.
6. *Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В.* Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск: УдГУ, 2018. 720 с.
7. *Горбунов В.В.* Удила и псалии эпохи Великого переселения народов из памятников Лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 190–197.
8. *Иванов В.А.* Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
9. *Колонских А.Г.* Отчет об итогах разведочных археологических исследований на территории Дюртюлинского, Калтасинского, Янаульского и Бураевского районов Республики Башкортостан в 2015 г. Уфа, 2017 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 51808.
10. *Колонских А.Г.* Отчет об итогах археологических раскопок Бустанаевского курганного могильника на территории Бураевского района Республики Башкортостан в 2019 г. Уфа, 2020 // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 64776.
11. *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII в. 1981. М.: Наука. 166 с.
12. *Мингалев В.В., Юшкова М.К.* Хронология могильников Пыштайн I–III // Труды КАЭЭ. Вып. XII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2017. С. 114–124.
13. *Овчинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.
14. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III – V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.
15. *Серегин Н.Н.* Удила и псалии из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 2 (100). С. 174–181.
16. *Султанова А.Н.* Бирский могильник: историко-археологическое исследование. Дисс. канд. ист. наук. Уфа, 2000. 225 с.
17. *Сунгатов Ф.А.* Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.). Уфа: Гилем, 1998. 168 с.
18. *Щербаков Н.Б.* Научный отчет о проведении археологической разведки в Бураевском районе Республики Башкортостан в 2011 году по Открытому листу № 996. Уфа, 2011 // Архив ГБУ НПЦ РБ (без номера).

Информация об авторах:

Колонских Александр Геннадьевич, научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия); kontrobazz@mail.ru

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), заместитель начальника по научной работе, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sattarov.rr@rambler.ru

Ситдииков Айрат Габитович, академик Академии наук РТ, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

BUSTANAEOV BURIAL MOUND – A NEW GREAT MIGRATION ERA MONUMENT IN THE NORTH-WEST OF BASHKORTOSTAN

A.G. Kolonskikh, R.R. Sattarov, A.G. Sitdikov

The article publishes preliminary results of archaeological research on mound No. 45, the Bustanaevsky burial mound, located on the territory of the Buraevsky district of the Republic of Bashkortostan. The monument was discovered in 2011, archaeological research began in 2015 under the leadership of A.G. Kolonskikh. Currently, excavations of the necropolis continue in the course of joint research by the Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev and the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov Tatarstan Academy of Sciences. During excavations, one single burial was discovered under the mound. Along with the poorly preserved skeleton, the burial contained archaeological material represented by two vessels, arrowheads and elements of a belt set made in the heraldic style, horse bones and iron bits. The data obtained allow us to assume that the necropolis was left by the bearers of the Kushnarenkovo archaeological culture. The preliminary dating of the burial is the end of the 6th - beginning of the 7th century AD.

Keywords: archaeology, Great Migration of Peoples, Bustanaevo burial mound, Kushnarenkovo culture, mound, burial, ceramics.

REFERENCES

1. Akhatov, A. T. 2020. *Nauchnyy otchet ob itogakh arkheologicheskikh raskopok Bustanaevskogo kurgannogo mogil'nika na territorii Buraevskogo rayona Respubliki Bashkortostan v 2018 godu (Scientific report on the results of archaeological excavations of the Bustanaevsky burial mound on the territory of the Buraevsky district of the Republic of Bashkortostan in 2018)*. Ufa. Scientific Archive of Institute of Ethnological Studies of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Belyavskaya, O. S. 2023. *Khronologiya remennykh garnitur Yuzhnogo Priural'ya III – rubezha VII i VIII vv. (Chronology of belt sets of the Southern Urals from the 3rd – the turn of the 7th and 8th centuries)*. PhD Diss. Ufa (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Vasil'eva, I. N., Salugina, N. P. 2021. *Ne bogi gorshki obzhigayut (It's not the gods who burn the pots)*. Samara: "Slovo" Publ. (in Russian).
5. Goldina, R. D. 2012. *Nevolinskii mogil'nik VII–IX vv. v Permskom Predural'e (Nevolino Burial Ground from 7th–9th cc. in the Perm Cis-Urals)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 21. Izhevsk: Udmurt State University, (in Russian).
6. Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A., Goldina, E.V. 2018. *Mogil'nik VI–IX vv. u d. Verkh-Saya v Kungurskoy lesostepi (Burial ground of 6th–9th centuries near the village Verkh-Saya in Kungur forest-steppe)*. Izhevsk: Udmurt State University Publ. (in Russian).
7. Gorbunov, V. V. 2022. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo nasledii Altayskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 28. Barnaul: Altai State University Publ., 190–197 (in Russian).
8. Ivanov, V. A. 1999. *Drevnie ugry-mad'iary v Vostochnoi Evrope (Ancient Ugric Magyars in Eastern Europe)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
9. Kolonskikh, A. G. 2017. *Otchet ob itogakh razvedochnykh arkheologicheskikh issledovanii na territorii Dyurtyulinskogo, Kaltasinskogo, Yanaul'skogo i Buraevskogo rayonov Respubliki Bashkortostan v 2015 g. (Report on the results of exploratory archaeological research in the territory of Dyurtyulinsky, Kaltasinsky, Yanaulsky and Buraevsky districts of the Republic of Bashkortostan in 2015)*. Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 51808 (in Russian).
10. Kolonskikh, A. G. 2020. *Otchet ob itogakh arkheologicheskikh raskopok Bustanaevskogo kurgannogo mogil'nika na territorii Buraevskogo rayona Respubliki Bashkortostan v 2019 g. (Report on the results of archaeological excavations of the Bustanaevsky burial mound on the territory of the Buraevsky district of the Republic of Bashkortostan in 2019)*. Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F-1, R-1, dossier 64776 (in Russian).

The work was carried out as part of the implementation of the state task on the topic: "Cultural integration of the population of the Southern Urals in antiquity, the Middle Ages and Modern times: factors, dynamics, models", No. AAAAA-A21-121012290083-9; "Research on the continuity and transformation of archaeological cultures of Northern Eurasia", No. 730000R.16.1.ON17AA10000;

11. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany luzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of the Southern Urals, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. Mingalev, V. V., Yushkova, M. K. 2017. In Belavin, A. M. (ed.) *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 12. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 114–124 (in Russian).
13. Ovchinnikova, B. B. 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altai v VI–X vv. (Turkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th – 10th centuries)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
14. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (The Population of the Middle Kama Region in the 3rd – 5th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
15. Seregin, N. N. 2018. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 2 (100), 174–181 (in Russian).
16. Sultanova, A. N. 2000. *Birskii mogil'nik: istoriko-arkheologicheskaja kharakteristika (Birsk Burial Ground: Historical and Archaeological Characteristics)*. PhD Diss. Ufa (in Russian).
17. Sungatov, F. A. 1998. *Turbaslinskaia kultura (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov V–VIII vv n. e.) (Turbasly Culture (based on the burial sites of 5th – 8th centuries AD))*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).
18. Shcherbakov, N. B. 2011. *Nauchnyy otchet o provedenii arkheologicheskoy razvedki v Buraevskom rayone Respubliki Bashkortostan v 2011 godu po Otkrytomu listu № 996 (Scientific report on archaeological exploration in the Buraevsky region of the Republic of Bashkortostan in 2011 according to Open Sheet No. 996)*. Ufa. Archive of the Archaeological Research Department of the State Budgetary Institution of Culture at the Scientific and Production Centre for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage of the Republic of Bashkortostan (in Russian).

About the Authors:

Kolonskikh Alexander G. Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Russian Federation; kontrobazz@mail.ru

Sattarov Ruzil R. Candidate of Historical Sciences. Associated professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Sitdikov Airat G. Academician of the Tatarstan Academy of Sciences. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩ КАРАЯКУПОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

© 2024 г. В.В. Овсянников, Е.В. Русланов, А.А. Хурмаев

В связи с активизацией интереса к мадьярской проблематике в изучении урало-волжских древностей пробудился и интерес исследователей к проблемам кушнаренковско-караякуповских материалов. Несмотря на почти полувековой процесс изучения памятников караякуповской культуры, начавшийся еще в 60-х гг. XX в. Г.И. Матвеевой и активно развивавшийся в дальнейшем в работах В.Ф. Генинга, Н.А. Мажитова, В.А. Иванова, Г.Н. Гарустовича и др., авторы констатируют, что на данный момент караякуповские городища и поселения в целом в археологической литературе представлены незначительно. Целью настоящей работы является показать степень изученности и введения в научный оборот материалов городищ караякуповского типа и пополнить источниковую базу материалом, полученным в ходе новейших исследований ИИЯЛ УФИЦ РАН на Кара-Якуповском и Кушнаренковском городищах. Вся керамика, полученная на Кара-Якуповском городище и большинство керамики с Кушнаренковского городища относятся к караякуповскому типу. Авторы заключают, что на современном этапе изучения караякуповских памятников следует провести более глубокий и систематический анализ поселенческих материалов и обратить особое внимание исследователей на вопросы, связанные с их топографическими особенностями размещения, системой взаимного расположения, внутренней структурой и способов жизнеобеспечения.

Ключевые слова: археология, караякуповская культура, кушнаренковская культура, поселенческие памятники, лесостепное Предуралье, Кара-Якуповское городище, Кушнаренковское городище, эпоха раннего средневековья.

История изучения.

Памятники караякуповского типа, или культуры, получили свое название по городищу у с. Кара-Якупово Чишминского района Республики Башкортостан (рис. 1: 7). Этот памятник известен довольно давно. Он уже упоминается в так называемой «картотеке Коишевского» – каталоге памятников Башкирии, составленном сотрудником краеведческого музея Б.А. Коишевским в довоенные и военные годы (Воробьева, 2018, с. 152). Затем сведения об этом памятнике перекочевывают в каталог, подготовленный И.А. Талицкой (Талицкая, 1952, с. 64, № 411). В 1953–1954 гг. в связи с появлением в Институте истории, языка и литературы (г. Уфа) сектора истории, археологии и этнографии начинается систематическое изучение

археологических памятников Башкирии. В 1954 г. при обследовании Кара-Якуповского и Старо-Калмашевского (Булгар) городищ собрана небольшая коллекция керамики. В научном архиве УФИЦ хранится альбом с зарисовками этих коллекций (рис. 2). Однако в этот период речь об атрибутировании этих коллекций не шла.

В 1962 и 1967 гг. Г.И. Матвеевой предпринимаются масштабные раскопки Кара-Якуповского городища. За два сезона было вскрыто 1060 кв. м площади городища. Были исследованы большая часть центральной площадки памятника и небольшой траншеей оборонительные сооружения. На укрепленной площадке выявлены очаги и слабовыраженные следы легких сооружений (юрт?). Следов стационарных жилищ не найдено.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 “Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование”.

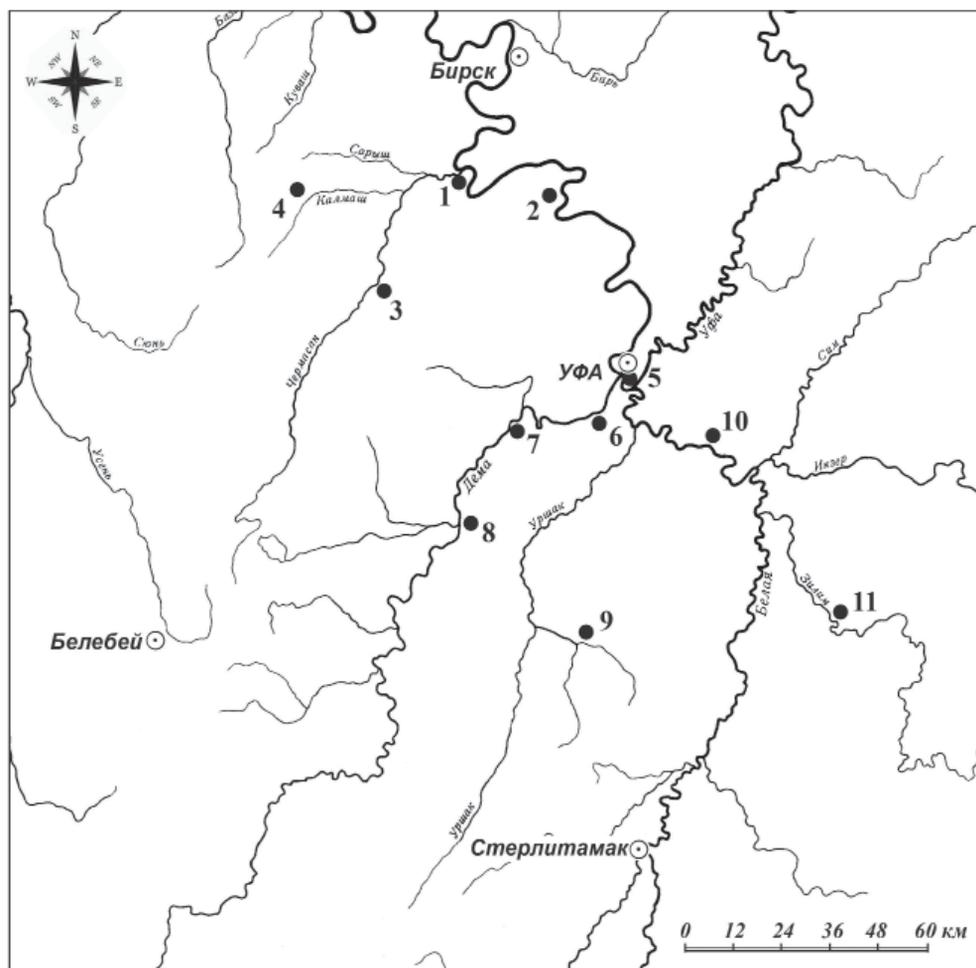

Рис. 1. Карта расположения городищ караякуповской культуры. 1 – Кушнаренково; 2 – Кувыково; 3 – Чатра; 4 – Старокалмашево; 5 – Уфа-2; 6 – Таптыково; 7 – Кара-Якупово; 8 – Чукраклы; 9 – Старомусино; 10 – Шипово; 11 – Имендяшево.

Fig. 1. The settlement map of the Kara-Yakupovo culture hillforts. 1 – Kushnarenkovo; 2 – Kuvykovo; 3 – Chatra; 4 – Starokalmashevo; 5 – Ufa-2; 6 – Taptykovo; 7 – Kara-Yakupovo; 8 – Glukhovo; 9 – Staromusino; 10 – Shipovo; 11 – Imendyashevo.

Получена значительная коллекция керамики и индивидуальных находок. Материалы раскопок частично опубликованы в ряде статейных публикаций (Матвеева, 1968; 1975; 2007). После этих раскопок исследовательницей в литературе ставится вопрос о выделении караякуповской культуры (Матвеева, 1968, с. 120–121).

В это же время в результате совместных усилий археологов республики и в рамках системного обследо-

вания территории к концу 60-х гг. XX века было известно уже 16 поселенческих памятников караякуповского типа, из них – пять городищ (Матвеева, 1968, рис. 1). Наиболее изученным после эпонимного являлось Старо-Калмашевское городище, расположенное у д. Булгар Чекамагушевского района Республики Башкортостан (рис. 1: 4). В 1962 г. на городище были проведены небольшие раскопки под руководством Н.А. Мажитова

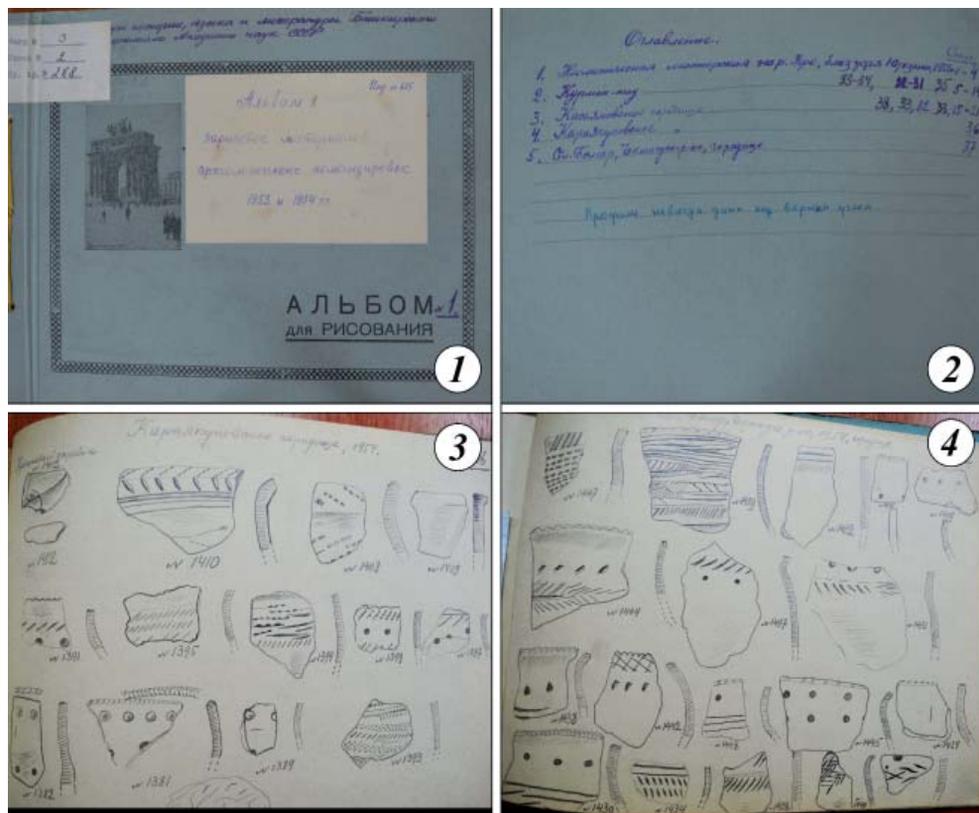

Рис. 2. Альбом с зарисовками археологических коллекций.
1-2 – обложка альбома и её оборот; 3-4 – страницы 36-37
(Научный архив УФИЦ Фонд 3, опись № 2, ед. хр. № 288).

Fig. 2. Album with sketches of archaeological collections.

1-2 – album cover and its turnover; 3-4 – pages 36-37.

(Scientific Archive of the Ufa Federal Research Centre, Fund 3, inventory No. 2, unit number 288).

(вскрыто 176 кв. м) и в 1963 г. – под руководством Г.И. Матвеевой (исследовано 488 кв. м). В результате раскопок получена значительная керамическая коллекция, аналогичная посуде Кара-Якуповского городища, и изучен оборонительный вал. Представительная коллекция была собрана также на Кушнаренковском городище, расположенном у д. Япарка Кушнаренковского района Республики Башкортостан (рис. 1: 1). Здесь в 1959 году провела небольшие исследования комплексная археологическая экспедиция МГУ им. М.В. Ломоносова и КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина под руководством М.С. Акимовой и В.Ф. Ге-

нинга. В результате была получена керамическая коллекция, в основном караякуповского типа (Генинг, 1977, с. 130-133).

Также памятник неоднократно осматривался А.П. Шокуровым, при этом была собрана коллекция керамики и индивидуальных находок. Караякуповская керамика также была найдена при исследовании городища Уфа II (рис. 1: 5) (Ищериков, Мажитов, 1962, табл. III, 4-5) и Имендяшевского городища (рис. 1: 11) (Матвеева, 1973, с. 250). Продолжаются также разведочные работы. По данным Н.А. Мажитова, приведенным в его монографии, к середине 70-х гг. стали

известны 27 поселенческих памятников, из них семь городищ. При этом ареал культуры был распространен и на Башкирское Зауралье (Мажитов, 1977, рис. 11).

Первой попыткой систематизации поселенческих материалов караякуповского типа стала работа Н.А. Мажитова (Мажитов, 1977). В ней автор представил общую типологию посуды как погребальных, так и поселенческих памятников, объединенных им в караякуповскую группу (Мажитов, 1977, с. 70–75). Речь о выделении данных материалов в археологическую культуру в этой работе не шла, как и при анализе остального материала. В целом в этом монографическом исследовании автор старался избегать понятия «археологическая культура» и при анализе южноуральских материалов практически не пользовался этим методическим инструментом, предпочитая такие термины, как «группы», «типы» и «племена», и акцентируя внимание на этнокультурных аспектах исследуемого материала.

В том числе и за это, работа была подвергнута довольно жесткой критике В.Ф. Генингом – долгое время основным оппонентом Н.А. Мажитова (Генинг, 1982). В.Ф. Генинг, в свою очередь, выделяет караякуповский археолого-этнический тип, в который входят, за исключением единичных случаев, те же памятники (Генинг, 1972, рис. 14). Ирония судьбы заключается в том, что выделенные Н.А. Мажитовым культурные группы керамики в дальнейших исследованиях стали ассоциироваться именно с археологическими культурами, в том числе и самим автором (Мажитов, 1981), а критикуемое В.Ф. Генингом выделение бахмутинских и турбаслинских групп, как не состоятельное, также не выдержало проверку временем.

В целом время 50–70-х гг. можно определить как период накопления

информации по караякуповским поселениям и её первичного осмысления. В этот период была введена в научный оборот определенная часть полученных материалов, в основном индивидуальные находки и частично керамика. В целом количество известных памятников с караякуповской керамикой достигает 29, из них девять городищ. Г.И. Матвеевой был поставлен вопрос о выделении этого типа поселенческих памятников в культуру. Н.А. Мажитовым показана связь поселенческих и погребальных памятников через общую керамическую группу. Это в целом позволило определить ареал и хронологические рамки караякуповской культуры. Однако уровень введения информации о караякуповских поселениях в научный оборот и её осмысления по сравнению с погребальными памятниками оставался достаточно низким.

В 70-е годы в советской археологической литературе начинает активно обсуждаться вопрос о местонахождении «Великой Венгрии» – мифической стране, родине дунайских венгров. Поводом становится открытие и исследование ряда погребальных памятников на территории Республики Татарстан: Танкеевского, Больше-Тарханского и, главное, Больше-Тиганского (Халикова, 1976). К началу 80-х гг. караякуповские памятники в рамках этого дискурса начинают у ряда исследователей ассоциироваться с протовенграми (историография вопроса см.: Иванов, 1999, с. 11–18).

В ходе дискуссии о мадьярской прародине в центре внимания оказались в основном погребальные памятники, так как узловыми вопросами стала хронология прикамских и приуральских памятников, а также их этническая принадлежность. Последняя обсуждалась наиболее остро (там же). В результате не сложилась даже единая номенклатура терминов. До сих пор одни исследователи выделяют две

родственные, но различные культуры: кушнаренковскую и караякуповскую, другие те же памятники объединяют под именем кушнаренковской либо караякуповской культуры (историография см.: Матвеева, 2007).

В 80-е гг. прошлого столетия источниковая база для изучения караякуповских городищ продолжала пополняться. Таптыковское городище в течение трех сезонов (1983, 1985–1986) исследовалось И.М. Акбулатовым. Им было вскрыто 620 кв. м. В результате изучена центральная площадка и оборонительные сооружения городища, получена «чистая» караякуповская керамическая коллекция и ряд индивидуальных находок (Археологические памятники..., 1996, с. 131–132, № 135). Керамика городища была проанализирована и опубликована в статье автора раскопок (Акбулатов, 1988). Г.Н. Гарустовичем в 1988 г. на Кара-Якуповском городище заложен небольшой раскоп на оборонительной линии городища. Получена новая информация о её структуре. Результаты работ не публиковались. В 1989 году Н.А. Мажитовым продолжены исследования Имендяшевского городища, где в верхнем горизонте встречен караякуповский керамический комплекс. Материалы также не опубликованы. В 1990 г. В.В. Овсянниковым заложен небольшой (92 кв. м) раскоп на городище Уфа II, где среди прочей была получена коллекция караякуповской керамики (Овсянников, 1992, с. 67–68, рис. 5).

В 90-е гг. полевые исследования на поселениях караякуповской культуры не проводились, за исключением небольших исследований фортификационных сооружений Старо-Калмашевского городища, проведенных в 1993 г. В.В. Овсянниковым.

В этот период материалы укрепленных поселений караякуповского типа были рассмотрены в обобщающих работах. В монографии В.А. Иванова

по угро-мадьярской проблеме были опубликованы статистические расчеты по сравнительной характеристике кушнаренковской и караякуповской керамики (Иванов, 1999). В статистическую выборку караякуповского комплекса были включена керамика Старо-Калмашевского, Кара-Якуповского и Таптыковского городищ. Всего использованы данные по 745 сосудам. Для анализа кушнаренковского комплекса взяты данные по 294 сосудам из Благодатского I, Кузебаевского и Уфа II городищ (Иванов, 1999, с. 47). Наиболее показательным оказались результаты сравнения элементов орнамента. Общим для обеих групп керамики оказался лишь мотив «мелкие насечки по венчику» (Иванов, 1999, с. 49–50). Этот факт и сравнительная характеристика форм погребальной керамики показали значительные различия караякуповского и кушнаренковского керамических комплексов. Это, по мнению автора, является основанием говорить, что оба комплекса представляют собой типологически независимые группы (Иванов, 1999, с. 54).

В диссертации одного из авторов статьи рассмотрены фортификационные сооружения караякуповских городищ. Определены характерные черты оборонительных линий этой группы городищ, статистически выявлена высокая степень близости с саргатскими и бакальскими группами городищ, указывающая на генетические связи караякуповской культуры (Овсянников, 1997, с. 11–13).

Активизация мадьярской проблематики во втором десятилетии текущего столетия в изучении уралоповолжских древностей пробудила интерес исследователей к кушнаренковско-караякуповским памятникам (II-й Международный..., 2013; Материалы IV..., 2018). Однако по сравнению с советским этапом мадьярской дискуссии центр внимания иссле-

дователей смещен в восточный сектор региона, где был исследован ряд погребальных памятников, близких венгерским (Граултры, Уелга и др.). Параллельно накопленная за последнее время информация качественно меняет представления исследователей о бакальской культуре в Зауралье и Западной Сибири, что связано с поисками истоков караякуповского и кушнаренковского керамических комплексов (Проблемы..., 2008).

Некоторые итоги этих новых тенденций подведены в работе С.Г. Боталова (Боталов, 2018). Анализ погребальной и поселенческой керамики кушнаренковского и караякуповского типов привел исследователя к мысли об их синхронности и однокультурности. С.Г. Боталов выделил три хронологических группы в развитии этих керамических комплексов. Наиболее раннюю он относит к IV–VIII вв. н. э. Причем в период IV–VI вв. н. э. происходит, по мнению автора, оформление протокушнаренковских и протокараякуповских групп в недрах бакальской общности. Затем в результате миграции VI в. н. э. вместе с другими зауральскими группами они попадают в лесостепное Предуралье. Здесь в процессе взаимодействия с местным населением (носители бахмутинской и турбаслинской культур) окончательно формируются как самостоятельные культурные образования (Боталов, 2018, с. 506–507, рис. 15). При этом исследователь вводит термин «кушнаренковско-караякуповская культура», постулируя тем самым культурное единство носителей этих керамических традиций. Новый культурный импульс, отразившийся в остатках поселений и курганных могильников с кушнаренковской и караякуповской керамикой в лесостепном междуречье Белой и Ика, затухает в VIII в. н. э. Памятники IX–X вв. караякуповской культуры, расположенные южнее, автор относит к следующей

волне миграции зауральского населения (там же, с. 521).

С точки зрения объяснения феномена практически внезапного появления и столь же быстрого исчезновения караякуповских городищ и селищ в предуральской лесостепи эта концепция как минимум заслуживает внимания. Также точка зрения С.Г. Боталова объясняет территориальную разобщенность укрепленных поселений (результат первой волны миграции) и курганных могильников (вторая волна миграции) караякуповской культуры. Другими словами, городища возводились в процессе освоения и закрепления новых территорий. Однако по каким-то причинам мигранты вынуждены вскоре уйти с занятой территории. Отсюда тонкие слои на всех без исключения городищах и отсутствие крупных могильников в их окрестностях.

Остается вопрос: если караякуповская и кушнаренковская керамика производилась генетически близким населением, находящимся в тесном взаимодействии, то как объяснить наличие поселений с относительно «чистым» караякуповским или преобладанием кушнаренковского керамических комплексов. И как объяснить преобладание в могильниках Предуралья первой миграционной волны керамики кушнаренковского типа (Ново-Биккино, Булгар, Сынтыш-Тамак, Маняк, Бустанаево). Также, на наш взгляд, автор слишком много значения придает влиянию имендяшевской, бахмутинской и турбаслинской керамических традиций на гончарство пришельцев. Первая традиция пресеклась в Предуралье уже в V в. н. э. и не могла как-то влиять на мигрантов в VI в. н. э. По поводу вторых: если сосуды кушнаренковского типа нередки на бахмутинских и турбаслинских могильниках и здесь можно проследить некое взаимовлияние, то горшки караякуповского типа в ино-

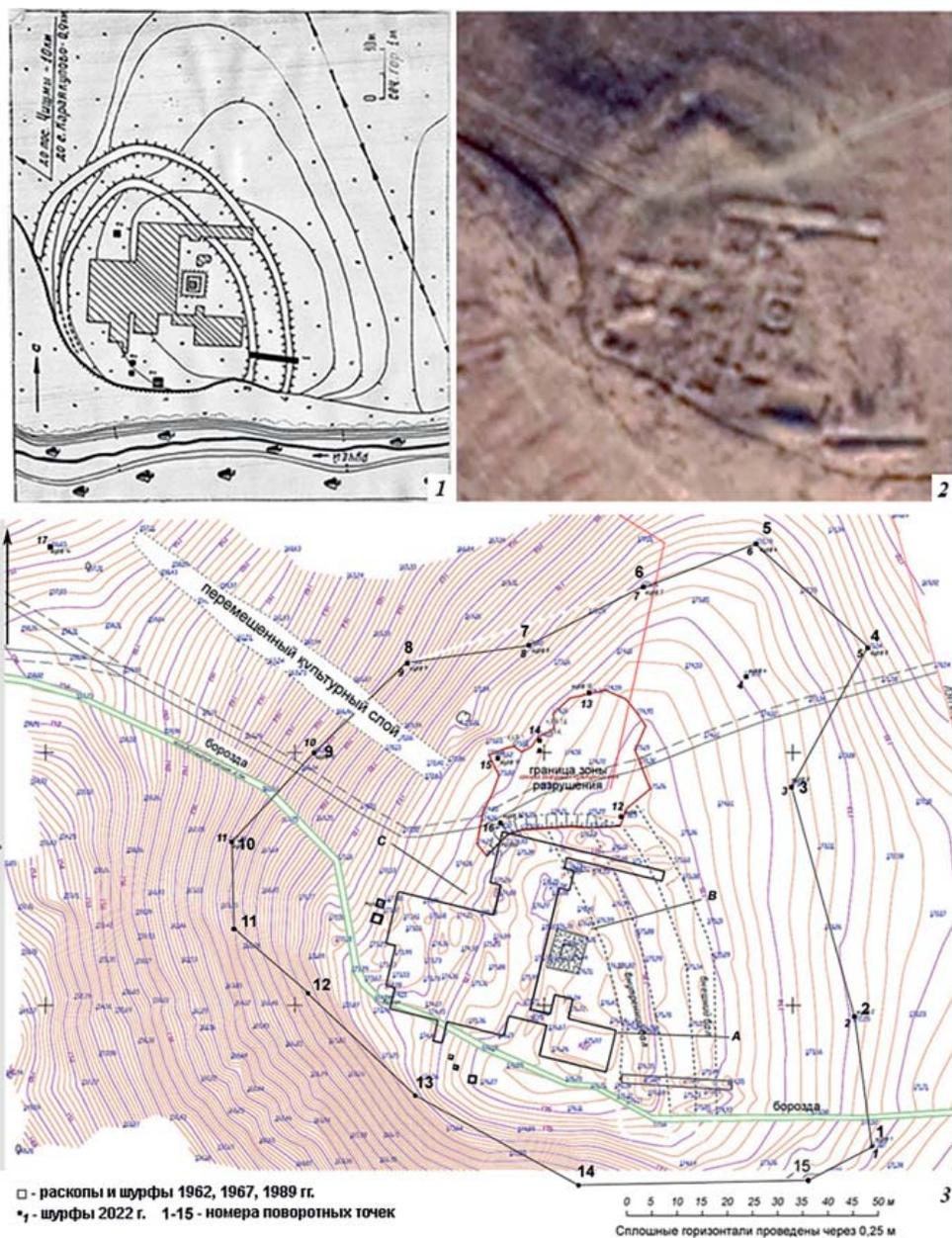

Рис. 3. Кара-Якуповское городище. 1 – глазомерный план 1989 г. выполнен Г.Н. Гарустовичем; 2 – спутниковый снимок 2005 г.; 3 – геодезический план памятника с установленными границами 2022 г.

Fig. 3. Kara-Yakupovo hillfort. 1 – an eye-measuring plan of 1989 was made by G.N. Garustovich; 2 – a satellite image of 2005; 3 – a geodetic plan of the hillfort with established boundaries in 2022.

культурных некрополей Предуралья не известны.

Современные исследования.

Эти и другие вопросы могут получить объяснение только в случае ин-

тенсификации изучения поселений с караякуповской и кушнаренковской керамикой. В настоящее время продолжается накопление источниковой базы поселенческих материалов ка-

раякуповской культуры. В результате возобновления стационарных исследований городища Уфа II с 2006 г. источниковая база по караякуповскому керамическому комплексу начала регулярно пополняться (Мажитов и др., 200 Насечки часто встречаются в сочетании с горизонтальными резными линиями или линиями, нанесенными гребенчатым штампом 7, с. 34–35; Русланов и др., 2016, с. 47).

Исследования поселений караякуповской культуры также продолжают археологической экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН. В 2017 году при обследовании Шиповского городища была выявлена ранее неизвестная цитадель, на которой в том числе найдена керамика караякуповского типа (Савельев и др., 2018). Этот участок памятника из-за труднодоступности остался практически нетронутым антропогенным воздействием и крайне перспективен для исследований. В 2018 году было проведено разведочное обследование Чукраклинского городища. Шурфовка памятника выявила его однослойность и слабую насыщенность культурными остатками. Вся керамика, собранная на городище, относилась к караякуповскому типу (Русланов, 2021, с. 104). В целом установлено, что в настоящее время памятник пригоден для дальнейших исследований, но существует угроза уничтожения от почвенной эрозии склонов памятника, а также от антропогенного воздействия – в непосредственной близости от городища обустроена площадка для нефтяных станков-качалок.

В 2022 году специалисты ИИЯЛ УФИЦ РАН были привлечены в качестве судебных экспертов для установления размеров нанесенного ущерба объекту археологического наследия «Кара-Якуповское городище» в процессе строительных работ. Перед экспертами стояла также задача по уста-

новлению границ Кара-Якуповского городища, так как памятник, стоящий на федеральной охране, таковых не имел. В процессе исследования была произведена геодезическая съемка и составлен топографический план памятника, уточнены сведения о степени сохранности и техническом состоянии памятника, произведено позиционирование памятника в системе WGS-84 и МСК-02. Определены границы ОАН «Кара-Якуповское городище» (рис. 3: 3). На памятнике заложено 17 шурфов размером 1×1 м. В результате проведения работ из шурфов и с поверхности памятника была получена коллекция археологического материала, относящаяся к караякуповской культуре.

На момент обследования с напольной (северо-восточной) стороны городища фиксировалась двойная линия дугообразных валов. Внутренний вал в южной части имеет ширину 9 м и высоту 0,7 м. В северо-восточной – ширину 9,5 м и высоту 0,75 м. Северная часть укреплений к моменту осмотра не прослеживалась. Внутренняя пола внешнего вала фиксируется в 6 м от внешней полы внутреннего вала. В южной части вал имеет ширину 8,5 м и высоту 0,3 м. В северо-восточной – ширину 10 м и высоту 0,5 м. В северной части – ширину 6 м и высоту 0,2 м (рис. 3: 3).

Изучение архивных данных выявило следующую ситуацию. Во время исследований памятника в 1962, 1967 и 1989 гг. оборонительная линия окружала площадку городища с трех сторон, упираясь в обрывистые склоны мыса. Это хорошо показано на глазомерном плане городища 1989 г., основой которому выступил план 1962 г. (рис. 3: 1). В ходе обследования в 2022 г. выявилось, что северная часть линии фортификаций полностью уничтожена строительными работами. При изучении архивных спутниковых фотографий удалось найти

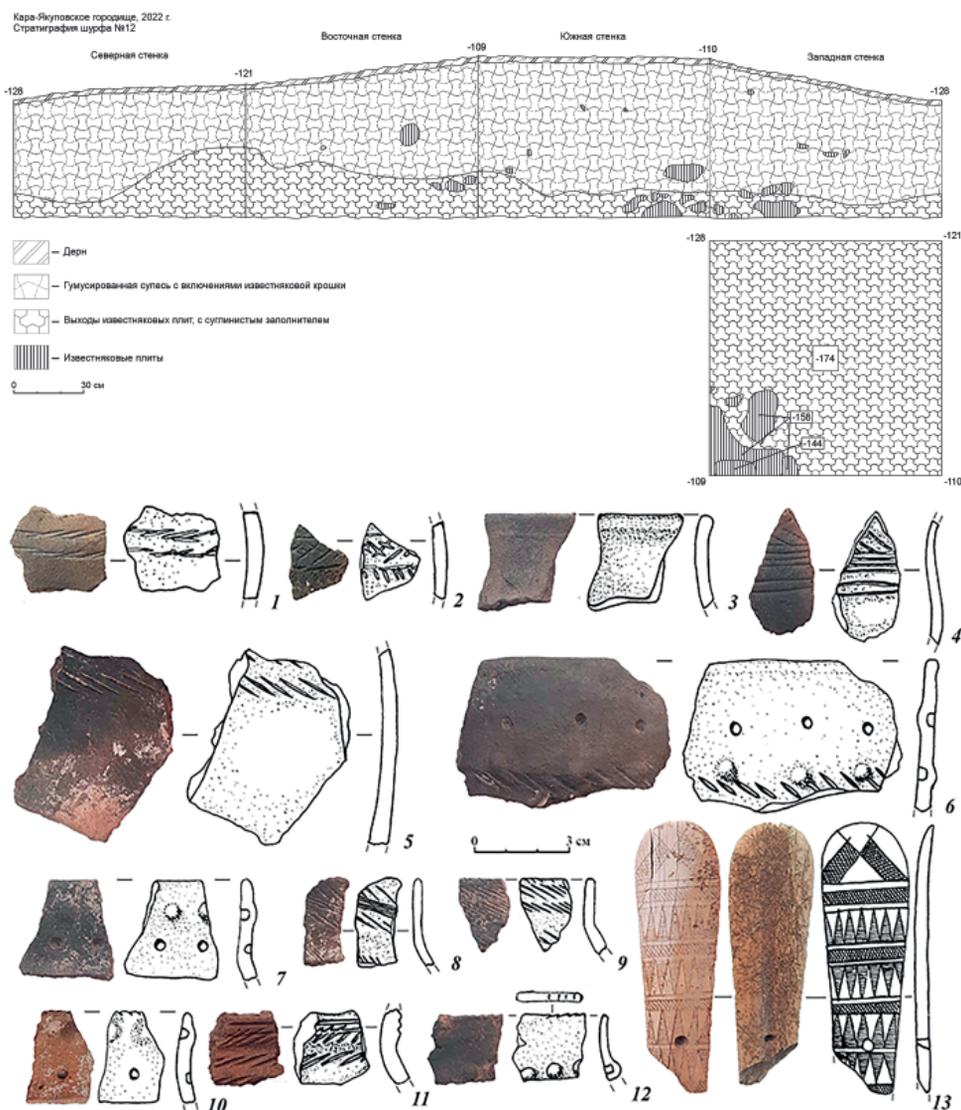

Рис. 4. Кара-Якуповское городище. Планиграфическая и стратиграфическая ситуации шурфа 12; 1–13 – подъемный материал и находки из шурфов.

1–12 – керамика, 13 – кость.

Fig. 4. Kara-Yakupovo hillfort. Planographic and stratigraphic situations of the pit 12; 1–13 – surface finds and finds from the pits. 1–12 – pottery, 13 – bone.

снимок 2005 г., где разрушенная часть памятника еще цела (рис. 3: 2). Судя по ней, северная часть оборонительной линии имела форму почти прямого угла. Именно эта часть защиты городища была разрушена, что очень прискорбно, так как полное исследование этого участка могло бы пролить

свет на способ создания фортификаций караякуповским населением. Как правило, такие углы на линии укреплений возникали, если валы и рвы начинали строить одновременно с двух сторон. Угол образовывался на месте соединения.

Наиболее показательным из за-

Рис. 5. Кушнаренковское городище. Подъемный материал и находки из шурфа. 1–10 – керамика.

Fig. 5. Kushnarenkovo hillfort. Surface finds and finds from the pit. 1–10 – pottery.

ложенных шурфов с точки зрения стратиграфии оказался шурф № 12. Он был заложен у юго-восточной границы разрушенной части памятника. Размеры шурфа 1×1 м. Стратиграфия шурфа приведена по северной стенке: дерн – 0,01 м; гумусированная супесь, насыщенная известняковой крошкой – 0,39 м; материк – средний суглинок, насыщенный известняковой крошкой, – 0,1 м (рис. 4). Глубина шурфа по северной стенке 0,5 м.

В шурфах и на разрушенных участках площадки городища собрано в общей сложности 86 фрагментов лепной керамики (рис. 4: 1–12). Все фрагменты относятся к караякуповскому типу. Также на разрушенном участке площадки городища найден фрагмент костяной накладке вытянуто-овальной формы со сквозным отверстием и резным орнаментом (рис. 4: 13). Находка орнаментирована на лицевой

стороне чередующимся орнаментом в виде вертикальных и наклонных полос, заполненных перекрестной штриховкой, а также остроугольными равнобедренными треугольниками, внутреннюю часть которых заполняет горизонтальная штриховка. На обороте накладки – неглубокий желобок шириной 4 мм на всю длину фрагмента. Размер: 8,5×2,7×0,4 см. Вероятно, это фрагмент накладки рукояти какого-то орудия.

В 2023 году отрядом ИИЯЛ УФИЦ РАН было исследовано Кушнаренковское городище. На памятнике был снят инструментальный план, собран подъемный материал и заложен шурф. Городище расположено на высоком мысу коренной террасы левого берега р. Белой. Мыс образован краем террасы и глубоким оврагом. Площадка ровная, имеет трапециевидную форму и размеры 46×58 м (2668 м²).

С напольной стороны она защищена одним валом и ровом. Длина вала 75 м, ширина 11–23 м, высота до 5 м. Ров длиной около 85 м, шириной около 4 м, глубиной до 1 м. На момент обследования вся территория памятника была покрыта широколиственным лесом с густым подлеском. На поверхности городища фиксируются многочисленные ямы различной формы. Наиболее крупные из них нанесены на план. Происхождение ям неизвестно. Предположительно, часть из них являются остатками каких-то хозяйственных сооружений, часть – следами неких выработок. Подъемный материал встречается редко, в основном в осыпях по краю мыса и в обрывах стенок оврага.

Всего с поверхности собрано 11 фрагментов керамики, по одному фрагменту глиняной обмазки, железного шлака и обожженной кости. В культурном отношении три фрагмента керамики близки бахмутинской (чандарский тип) посуде, остальные – караякуповскому типу (рис. 5: 7, 10).

В центре площадки городища был заложен шурф размером 1×1 м. Общая глубина шурфа 0,6 м. Стратиграфия шурфа проста: серый (лесной) гумус, суглинок и материковая глина. Керамика встречена в двух верхних горизонтах. В первом горизонте 49 фрагментов, во втором – 29 фрагментов. Вся керамика, происходящая из шурфа, относится к караякуповскому типу (рис. 5: 1–6, 8–9).

Общее описание керамического материала.

Все фрагменты, собранные на Кара-Якуповском и Кушнаренкоовском городищах, тонкостенные, имеют в глине примесь мелкого песка и изредка дресвы и шамота. В связи с высокой степенью фрагментированности керамического материала форма и размеры посуды могут быть реконструированы лишь частично. Это низко- и среднегорлые горшки с округлым

днищем (фрагменты плоских днищ не найдены). Форма и пропорции тулова неизвестны. Орнамент наносился на венчике и шейке сосудов. Наиболее распространенные элементы орнамента – это сформированные в оди- три ряда-пояска короткие резные насечки (рис. 4: 1–2, 6, 8, 9, 11; 5: 2–4) или насечки, нанесенные с помощью гребенчатого штампа (рис. 4: 5; 5: 1–6). Насечки часто встречаются в сочетании с горизонтальными резными линиями или линиями, нанесенными гребенчатым штампом (рис. 4: 4, 11; 5: 10). Часто венчик сосудов украшен насечками (рис. 4: 10, 12; 5: 1, 4–5, 7). Редко встречаются такие элементы, как ямки и «жемчужины», сформированные в пояски (рис. 4: 6–7, 10, 12; 5: 1, 5, 8). Еще реже встречаются такие элементы, как бесформенные вдавления и резные насечки, сформированные в крестики (рис. 4: 2; 5: 7–10). Вся керамика из подъемного материала, как и находки из шурфов, относится к посуде караякуповской культуры эпохи раннего Средневековья.

Заключение.

Несмотря на значительную накопленную источниковую базу, караякуповские городища и поселения в целом остаются малоизученными. Как было показано выше, пристального внимания исследователей удостоился лишь керамический комплекс. Его анализ был использован как аргумент культурной идентификации и поисков генетических связей караякуповского комплекса в целом. Вещевой инвентарь караякуповских городищ использовался лишь при определении хронологических позиций памятников. Систематический анализ его состава не проводился. Не анализировались и, возможно, уже утеряны остеологические коллекции, полученные в ходе раскопок. За исключением фортификационных сооружений, организация внутренней структуры и планировка городищ осталась вне поля зрения

исследователей. Топографические особенности размещения поселений, система расселения и хозяйствования караякуповского населения также практически не являлась предметом исследований. Таким образом, сама собой напрашивается необходимость

монографического анализа городищ и поселений караякуповской культуры как имеющего большой исследовательский потенциал для дальнейшего развития урало-поволжской археологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. II-й Международный Мадьярский симпозиум / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. 256 с.
2. *Акбулатов И.М.* Керамика Таптыковского городища эпохи раннего средневековья // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 31–52.
3. Археологические памятники Башкортостана / Отв. ред. Ю.А. Морозов. Уфа: Гилем, 1996. 280 с.
4. *Боталов С.Г.* Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза) / Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: Рифей, 2016. С. 468–531.
5. *Воробьева С.Л.* Коишевский Борис Андреевич (1902–1945 гг.) – первый профессиональный археолог Национального музея Республики Башкортостан // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Сборник научных статей. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИН БашГУ, 2018. С. 145–153.
6. *Генинг В.Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 221–295.
7. *Генинг В.Ф.* Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1977. С. 90–136.
8. *Генинг В.Ф.* Рецензия на «Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с. с илл. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с. с илл.» // СА. 1982. № 1. С. 284–293.
9. *Иванов В.А.* Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
10. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука. 1977. 240 с.
11. *Мажитов Н.А.* Караякуповская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 27–28.
12. *Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Иванов В.А., Саттаров Т.Р., Султанова А.Н., Иванова Е.В.* Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2006 года. Т. I. Уфа: Башкортостан, 2007. 160 с.
13. *Матвеева Г.И.* Памятники I тыс. н. э. левобережья р. Белой // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 113–121.
14. *Матвеева Г.И.* Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып. V / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1975. С. 13–22.
15. *Матвеева Г.И.* О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов // Средневековая археология евразийских степей. Материалы учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. Т. II / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдилов / Археология евразийских степей. Вып. 2. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 75–86.
16. Материалы IV Международного Мадьярского симпозиума // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. 274 с.
17. *Овсянников В.В.* Вооружение и военное дело населения лесостепного Урала в эпоху средневековья (V–XIV вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. 19 с.
18. *Овсянников В.В.* Раскопки городища Уфа II в 1990 году // Башкирский край. Вып. 2 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа: БГОМ, 1992. С. 65–79.

19. Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры / Ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2008. 164 с.

20. Русланов Е.В. Стратиграфия и культурная идентификация городища Чукраклы и селища Кармасан в лесостепном Предуралье // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1 (21). С. 101–109.

21. Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года. Уфа: Древняя Уфа, 2016. 276 с.

22. Савельев Н.С., Курманов Р.Г., Сулейманов Р.Р. Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 242–244.

23. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама (по данным, собранным М.В. Талицким // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. IV / МИА. № 27. М.: Изд-во АН СССР, 1941. 226 с.

24. Халикова Е.А. Ранненеангские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976. № 3. С. 141–156.

Информация об авторах:

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом. Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); atliural@yandex.ru

Русланов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); butleger@mail.ru

Хурмаев Анвар Альбертович, и.о. младшего научного сотрудника. Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); аспирант. УдМИИЯЛ УдМФИЦ УрО РАН (г. Ижевск, Россия); kimi.malini@yandex.ru

CURRENT ISSUES AND PROSPECTS OF STUDY THE KARAYAKUPOVO CULTURE HILLFORTS

V.V. Ovsyannikov, E.V. Ruslanov, A.A. Khurmaev

Due to the increased interest in Magyar issues in the study of Ural-Volga antiquities, the interest of researchers in the issues of Karayakupovo-Kushnarenkovo materials has also awakened. Despite the almost half-century-long process of studying of the Karayakupovo culture sites, which began in the 60s of the XX century by G.I. Matveeva and was actively developed further in the works of V.F. Gening, N.A. Mazhitov, V.A. Ivanov, G.N. Garustovich and others, the authors can state that at the moment the Karayakupovo hillforts in general are poorly represented in the archaeological literature. The purpose of this work is to show the degree of study and introduction into scientific circulation of the materials of the Karayakupovo type hillforts and to replenish the source base with the material obtained during the latest research of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (IHLL UFRC RAS) at the Kara-Yakupovo and Kushnarenkovo hillforts. All the pottery obtained at the Kara-Yakupovo hillfort and most of the pottery from the Kushnarenkovo hillfort belongs to the Karayakupovo type. The authors conclude that at the present stage of studying the Karayakupovo sites, a more in-depth and systematic analysis of settlement materials should be carried out and researchers should pay special attention to issues related to their topographical features of placement, the system of mutual arrangement, internal structure and ways of life support.

The research was carried out with the support of the Russian National Science Foundation grant No. 23-78-10057 “Dynamics of cultural development and development of the Southern Urals from antiquity to becoming part of Russia (IV century BC – XVI century): interdisciplinary archaeological research”

Keywords: archaeology, Karayakupovo culture, Kushnarenkovo culture, settlements, forest-steppe Urals, Kara-Yakupovo hillfort, Kushnarenkovo hillfort, the early Middle Ages.

REFERENCES

1. In Botalov, S. G., Ivanova, N. O. (eds.). 2013. *II Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (II International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: "Rifey" Publ. (in Russian).
2. Akbulatov, I. M. 1988. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Problemy drevnikh ugrov na Iuzhnom Urale (Issues of the Ancient Ugric Peoples in the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Scientific Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 31–52 (in Russian).
3. In Morozov, Yu. A. (ed.). 1996. *Arheologicheskie pamyatniki Bashkortostana (Archaeological Sites of Bashkortostan)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
4. Botalov, S. G. 2016. In *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza) (Archaeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe (issues of cultural genesis))*. Series: Ethnogenesis of Ural peoples. Chelyabinsk: "Rifey" Publ. 468–531 (in Russian).
5. Vorob'eva, S. L. 2018. In Ruslanova, R. R. (ed.). *ArchLab. Arkheologiya Urala: vremya, pamyatniki, lyudi (ArchLab. Archaeology of the Urals: time, monuments, people)* 3. Ufa: Bashkir State University Publ., 145–153 (in Russian).
6. Gening, V. F. 1972. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 221–295 (in Russian).
7. Gening, V. F. 1977. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Studies on the Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 90–136 (in Russian).
8. Gening, V. F. 1982. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 284–293 (in Russian).
9. Ivanov, V. A. 1999. *Drevnie ugry-mad'ary v Vostochnoi Evrope (Ancient Ugric Magyars in Eastern Europe)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
10. Mazhitov, N. A. 1977. *Yuzhnyi Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th–14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Mazhitov, N. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 27–28 (in Russian).
12. Mazhitov, N. A., Sungatov, F. A., Ivanov, V. A., Sattarov, T. R., Sultanova, A. N., Ivanova, E. V. 2007. *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2006 goda (The settlement of Ufa-II. Materials of the 2006 excavations)* 1. Ufa: "Bashkortostan" Publ. (in Russian).
13. Matveeva, G. I. 1968. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* III. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 113–121 (in Russian).
14. Matveeva, G. I. 1975. In Basin, S. G. (ed.). *Iz istorii Srednego Povolzh'ya i Priural'ya (From the history of the Middle Volga region and the Urals)* 5. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 13–22 (in Russian).
15. Matveeva, G. I. 2007. In Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. (eds.). *Srednevekovaya arkheologiya evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)* II. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 2. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 75–86 (in Russian).
16. In Sitdikov, A. G. (ed.). 2018. *Materialy IV Mezhdunarodnogo Mad'yarskogo simpoziuma (Proceedings of the IV International Magyar Symposium. Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes))* 6 (in Russian).
17. Ovsyannikov, V. V. 1997. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya lesostepnogo Urala v epokhu srednevekov'ya (V–XIV vv.) (Armament and military affairs of the population of the forest-steppe Urals in the Middle Ages (5th–15th centuries))*. PhD Thesis. Ufa (in Russian).
18. Ovsyannikov, V. V. 1992. In Rodnov, M. I. (ed.). *Bashkirskii krai (Bashkortostan)* 2. Ufa: Bashkir State United Museum Publ., 65–79 (in Russian).
19. In Botalov, S. G. (ed.). 2008. *Problemy bakal'skoy kul'tury. Materialy nauchno-prakticheskogo seminaru po problemam bakal'skoy kul'tury (Problems of Bakal culture materials of the scientific and practical seminar on the problems of Bakal culture)*. Chelyabinsk: "Rifey" Publ. (in Russian).
20. Ruslanov, E. V. In *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya (Herald of Humanitarian Education)* 1(21), 101–109 (in Russian).
21. Ruslanov, E. V., Shamsutdinov, M. R., Romanov, A. A. 2016. *Rannesrednevekovye drevnosti Ufimskogo poluoostrova. Gorodishche Ufa-II. Materialy arkheologicheskikh raskopok 2015 goda (Early medieval antiquities of the Ufa Peninsula. The hillfort of Ufa-II. Materials of archaeological excavations in 2015)*. Ufa: "Drevnyaya Ufa" Publ. (in Russian).
22. Savel'ev, N. S., Kurmanov, R. G., Sulejmanov, R. R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 242–244 (in Russian).

23. Talitskaya, I. A. 1941. *Materialy k arkheologicheskoy karte basseyna r. Kama (po dannym, sobrannym M.V. Talitskim (Materials for the archaeological map of the Kama River basin (according to the data collected by M. V. Talitsky))*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)*. Vol. IV. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 27. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

24. Khalikova, E. A. 1976. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 141–156 (in Russian).

About the Authors:

Ovsyannikov Vladimir V. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. October Av., 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; atliural@yandex.ru

Ruslanov Evgeny V. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. October Av., 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; butleger@mail.ru

Khurmaev Anvar A. Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. October Av., 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Lomonosov St. 4, Izhevsk, 426004, Udmurt Republic, Russian Federation; kimi.malini@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2024.1.47.234.247>

NEW RESULTS AND IDEAS OF THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON EARLY HUNGARIAN HISTORY IN THE EURASIAN CONTEXT¹

© 2024 A. Türk

In memory of Adrei Mikhailovich Belavin (1958–2024)

As Early Hungarian history is a resource-poor research area, archaeology, a field of science with rapidly increasing resource material, is of paramount importance. It is important to emphasize that in the case of archaeology, there is also a significant expansion in research methods, mainly thanks to the bioarchaeological studies that have started with great momentum. In recent years, the most significant archaeological results of Early Hungarian history were the explosive increase in the number of Subbotsi-type sites associated with *Etelköz* accommodations in the region of the Dniester River. There are now 10–12 sites along the central flow of the Dnieper River. The relations with the neighbouring areas, mainly with the northern, Slavic regions, and with the Byzantine culture in Crimea are well reflected here. In addition to the chronology of the material, its nature is also explicitly consistent with the image drawn by Muslim sources of the 9th-century ancestors of the Hungarians. Further to the east, the Volga elbow in Samara and the wider area of the Southern Urals remain the ones that show the most connections regarding Hungarian ethnic genesis. As a working hypothesis, we can say that the earliest archaeological traces of the ancestors of the Hungarians can be assumed east of the Ural Mountains, in the eastern neighbourhood of the Ural region of Chelyabinsk. A group of people here presumably set off westwards in the early 9th century. In a short time, this community appeared on the left bank of the Volga, and its accommodation area extended to the border of Volga Bulgaria. After that, part of it remained along the Kama River. The other group migrated westwards before the 830s, and settled in the northern foreland of the Black Sea.

Keywords: archaeology, Early Hungarian history, Subbotsi-type archaeological sites, Volga–South Ural region, Western Siberia, Hungarian Conquest period, old Turkic loanwords

Preface. Early Hungarian history, more commonly known as ‘Hungarian prehistory’, is a resource-poor field of research in terms of written remains. Thus, archaeology, as a discipline with continuously and even rapidly growing source material, is of paramount importance in its research. This is a fact even if, from a methodological point of view, the direct historical and ethnic source value of archaeological finds is now judged much more harshly in Hungary than before (Комар, 2018). However, a thorough knowledge of the grassy and forest steppes and forest regions of Eastern Europe, as well as the marked archaeological differences in their micro-regions, at the level of working hypotheses, now provides an opportunity to examine the background of certain movements of the

people known from historical sources. And more recently, our research has been supplemented by scientific studies to extract much more information from the material legacy than before.

The most accepted archaeological model of Early Hungarian history today was based on the excavation results of the 1960s and 1970s in the Soviet Union (Fodor, 1975). For archaeology, the fundamental question of early Hungarian history has not changed much to this day. Namely, that from the archaeological heritage of the area west of the Western Siberian homeland identified by linguistic methods (Klima, 2020), i.e. from the Urals to the Carpathian Basin, what can be linked to the early medieval ancestors of the Hungarians (Bálint, 1994). Can the location of certain accommoda-

¹ The research and article were implemented within the project framework ELKH [2021–2023] - SA-30/2021 and the Árpád dynasty Program, project IV.2.

Fig. 1. Similar type of the archaeological finds in the heritage of the Hungarian Conquest period (10th century AD) in the Carpathian Basin (left 1–23) and in the material of Uyelgi cemetery (right 24–46) (Sergei G. Botalov's and Attila Türk's photos and conception).

Рис. 1. Аналогичный тип археологических находок в наследии периода венгерского завоевания (X в. н.э.) в Карпатском бассейне (слева 1–23) и в материалах могильника Уелги (справа 24–46) (фото и концепция С. Г. Боталова и А. Тюрка).

tion areas assumed on the basis of written sources be also proved in the light of the recent material findings? The latest, actual archaeological results (Fig. 1) and new issues can be summarized as below.

Eastern connections of the Conquest period (10th AD) material

It is well known that the archaeological sites of early Hungarian history are to be found in Eastern Europe, and that the homeland and the supposed former Hungarian accommodation areas were located in *Levédia* and *Etelköz* or *Magna Hungaria* (present-day Russia, Ukraine and Moldova) (Türk–Langó, 2020) (Fig. 2). The archaeological research of early Hungarian history (Fodor, 1975; 2015; Иванов, 1999; Erdélyi, 2008; Комар, 2018; Türk, 2021) has been closely intertwined with the archaeology of the Carpathian Basin from the beginning (Fodor, 2015). This is no wonder, since the Hungarian Conquest period material provides an essential point of reference in the case of both basic research methods applied for the archaeological identification of the ancestors of the Hungarians: the so-called linear approach (from the Urals to the Carpathians), and the retrospective approach (based on the 10th-century legacy of the Carpathian Basin, looking for its eastern antecedents) (Fodor, 1975; Révész, 1998; 2020; Langó, 2007; Türk, 2010; Комар, 2018).

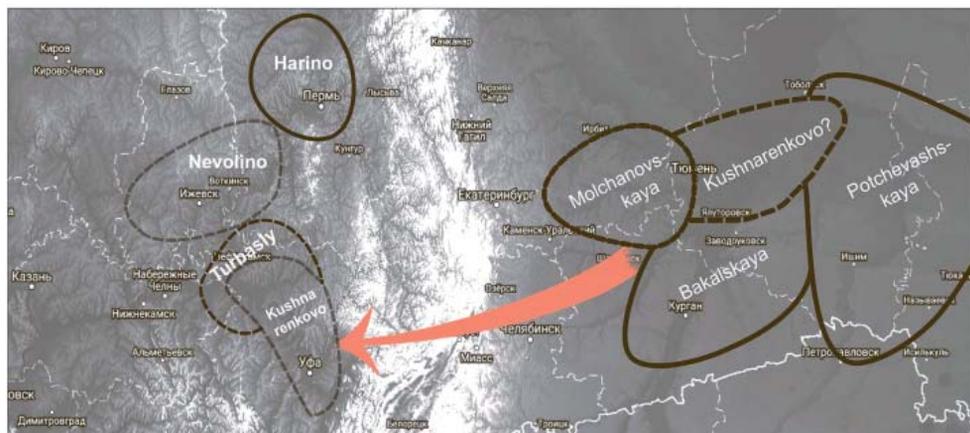
On the basis of the archaeological data available to us today, we can conclude that the 10th-century archaeological heritage of the Carpathian Basin undoubtedly has a 9th-century Eastern European history (Erdélyi, 2008; Türk, 2021). The number of object types with eastern links has increased considerably in the archaeological research of the Conquest period, thanks mainly to a better Hungarian knowledge of the early medieval archaeological heritage of Eastern Europe. Newer types of artefacts include: grip slats for conquest bows, axes and degrees, armrests, pouches with bronze and iron tubes, the tinder holder,

rosette traps, and the conical farmatring ornament of the Karos cemetery, twisted-mouthed bits and loop-eared stirrups, wire-reinforced riding whips and wooden vessels, four-ring hair braids, straight-bladed sabres, the Geszteréd and the Vereb/Tiszaszederkény-type belt mounts, and the strap end from Vereb. In addition to the specific parallels, most of the motifs of 10th-century decorative art and their technical implementation are of Oriental origin and have a network of contacts. In terms of burial practices, partial equestrian or cattle burials, burials under kurgans or into earlier tombs can be mentioned along with the many new specimens of the long-known analogies of eye-covering.

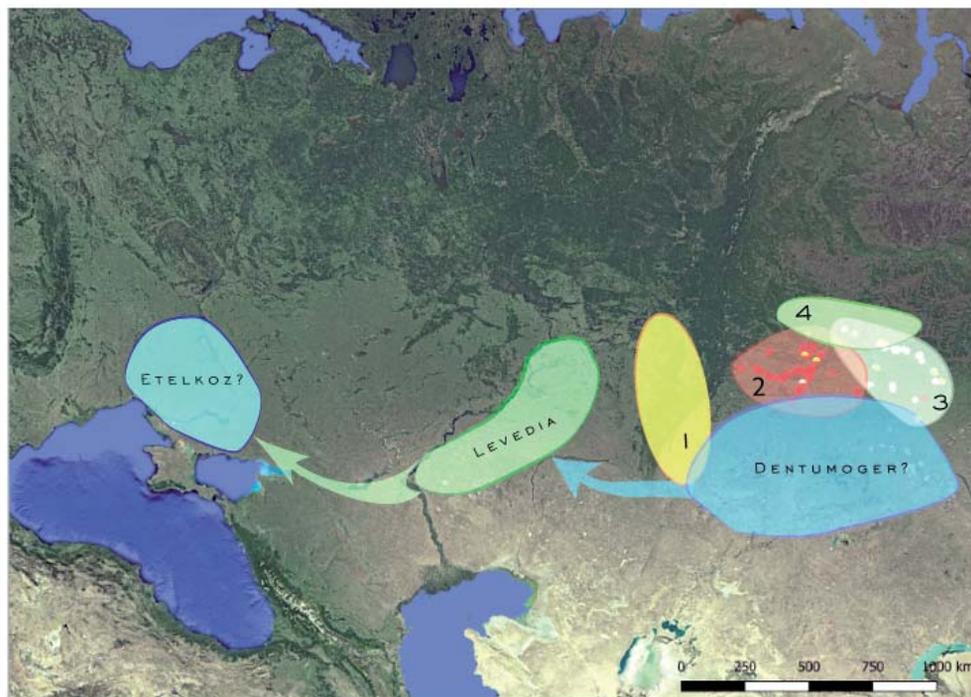
The reciprocity of relations with former neighbours can already be demonstrated in the territory of *Etelköz*, and the imprint of the material culture of the conquerors can be detected by almost all of their former neighbors (Комар, 2018, p. 238–239; Türk, 2021).

The commercial relations reaching the Middle East and Central Asia of the time were confirmed by the appearance of the *taqueté façonné* silk type in Eastern. The eastern parallels of the *taqueté* silks observed in only two burials in the Carpathian Basin are mainly known from the territory of present-day Iran and Israel. This object type has the same distribution as *dirhemlelets* in Eastern Hungary, i.e. this region had significant international connections even in the middle of the 10th century (Türk, 2021).

Research of the Conquest era legacy using scientific methods (e.g. more precise chronological order, genetic connections) resulted in a qualitative leap and an increase in information. Radiocarbon dating has so far isolated nearly a half a dozen Conquest period graves where the buried were probably born in the former accommodation area before the well-known date of the conquest, but died in the Carpathian Basin (Türk, 2021). From these burials i.e. the examination of the

1

2

Fig. 2. 1 – Early medieval archaeological cultures (4th–8th centuries) of east and west side of the Ural Mountains (based on the concept by A. S. Zelenkov); 2 – Theoretical archaeological model of early Hungarian history by N. P. Matveeva et al., 2021. (1 – Karayakupovo culture; 2 – Bakalskoe culture; 3 – Potchevashskaya culture; 4 – Karim-type sites) (Matveeva et al., 2021, рис. 1.)

Рис. 2. 1 – раннесредневековые археологические культуры (IV–VIII вв.) восточного и западного склонов Урала (по концепции А.С. Зеленкова); 2 – теоретическая археологическая-историческая модель ранней истории венгров по Н.П. Матвеевой и др. 2021 (1 – караякуповская культура; 2 – бакальская культура; 3 – потчевашская культура; 4 – местонахождения каримского типа) (Матвеева и др., 2021, рис. 1.)

bone material of the actual homers, we can hope for a number of new results regarding the Eurasian background of the 10th-century Carpathian Basin population (Csáky et al., 2020; Szeifert et al., 2022). An archaeological database of the full, well collected, local findings of the Eastern European region(s) is needed, as well as a sure chronological basis moreover, we must constantly reevaluate the Conquest period legacy of the Carpathian Basin in the light of the increasing eastern finds.

Before the Carpathians: Etelköz and the Subbotsi-type archaeological heritage

While formerly, we have complained to the lack of eastern archaeological parallels as a major obstacle, today we see that groups of sites outline in the legacy of the Ural and the Carpathian region, which are connected both to the 10th-century legacy of the Carpathian Basin and the early medieval finds of the Volga-Ural region (Лифанов, 2005; Сташенков, 2020; Комар, 2008). Such group of sites include Slobodzeya, Glinoye, Plavni and Frumusica in the territory of Moldova and the Transnistrian region of the Republic Moldova, that is, in the region of the Dniester (Щербакoва и др., 2008); as well as the sites along the middle flow of the Dnieper (e.g. Subbotsi, Katerinovka, and Korobchino) in Ukraine (Bokij, Pletnyova, 1989). In the research, these eponymous sites are called Subbotsi-type sites and chronological horizons in the chronological sense (Komar, 2018).

After the „Hungarian-type” new finds mainly discovered in Ukraine between 2007–2011, the number of similar grave assemblages has tenfold increased in Moldova in recent years. Although there are differences in degrees by sites, partially placed horses at the feet of the deceased, burial masks and funerary eye pieces, gold-plated silver (belt) mounts with floral ornaments and often with lined bordering are characteristic of all the

burials listed here. Further features include palmette-decorated sabre mounts, knife sheaths with metal mounts, as well as silver cups and bowls of Khazar origin, the gilded background of which is mostly decorated by punching. The small proportion of the analogous finds of the neighbouring Saltovo sites (Khazar Khaganate) is surprising, while finds reflecting connections with the Volga-South Ural region dominate farther in space and further in time (Türk, 2010; Комар, 2018). The cultural impact of the Subbotsi-type finds and the Saltovo region on the legacy of the conquerors can be mainly – and almost exclusively – observed on prestige goods and weapons. At the same time, even if only on a small scale, the culture of the Hungarians in *Etelköz* had an impact on the population of the neighbouring Khazar Khaganate (e.g. the use of silver, or the appearance of the ornament elements of “*oriental silver*”) (Комар, 2018, p. 252). The relations of the Khazar Khaganate and its 9th-century western neighbours, thus the predecessors of the Hungarians can be explained from an archaeological perspective without the hypothesis of Levedia within the Saltovo culture, and a Hungarian motherland in the Caucasus.

Regarding the chronological order of the Subbotsi-type material, the radiocarbon analyses that have been implemented so far confirmed the results of conventional archaeological chronology, meaning that it can be dated to the second half of the 9th century with great certainty (Türk, 2010, 5. kép; Комар, 2018, p. 239–248). The find material (mostly the imported pottery finds) reflects the connections maintained with neighbouring, primarily northern, Slavic, and southern, Crimean-Byzantine areas, which are also mentioned by written sources (Tóth, 1998; Zimonyi, 1996; Polgár, 2019). Based on the above features, the Subbotsi archaeological horizon most probably outlines the area known from written sources as Etelköz.

Today, Moldavian specialists consider Hungarians as a significant component in the 9th–10th-century history of this region (Квитницкий и др., 2020). An interesting historical/archaeological concept has been published in relation to the Dniester region, according to which this area was a Hungarian sphere of interest and remained under Hungarian cultural influence until the 940s (Рябцева, Рабинович, 2007).

The question of Levedia, the Khazars, and the Saltovo cultural-historical complex

Moving forward in space and time towards the East, we are facing the question of the localization of the accommodation area named *Levédia*. In the region of the Don-Seversky-Donets rivers – where *Levédia* was usually localized by domestic research – there are no archaeological traces referring to a population moving there from the Ural region anytime during the 6th–8th centuries AD, and migrated westwards in the middle of the 9th century. We can also conclude that neither the Subbotsi-horizon nor the Conquest period remains reflect much connection with the Saltovo archaeological culture typical of the Don-Seversky-Donets region in the 8th–10th centuries (Révész, 1998; Türk, 2010; 2021). The latter was previously evaluated as the legacy of the whole onetime Khazar Khaganate, and thus earlier research interpreted it as the archaeological imprint of the Hungarian accommodation area of *Levédia* maintaining connections with the Khazars (Türk, 2010).

We shall remember that Hungarian researchers had already debated on the definition of the Saltiv-Mayaki culture and the evaluation of its influence on the predecessors of the Hungarians (Fettich, 1933; Bálint, 1989; Fodor, 1975; 1994; Révész, 1998; Türk, 2010; Комар, 2018). Today we cannot view this archaeological phenomenon – which has been long divided into so-called geographical variants due to its significant internal differ-

ences (Плетнева, 1999) – as a uniform archaeological culture. Based on the distribution of the archaeological material observed on its two eponymous sites, only the so-called Alan or forest steppe variant can be described by the terminology formerly applied to this archaeological culture (Saltiv-Mayaki culture) (Афанасьев, 1987; 2001). In fact, we may rather define its geographical variants as contemporary but independent archaeological cultures that have a few similar features. It is due to the above considerations that such terminology as “*Saltovo period*”, “*Saltovo culture*”, or “*Saltovo historical-archaeological complex*” (Комар, 1999).

The latest analyses of the archaeological material do not support that the Hungarian tribes stayed in the area of the Khazar Empire for hundreds of years. The parallels earlier considered to be originating from Saltovo either clearly originate from somewhere else (e.g. the wheel-turned biconical clay cauldrons) (Türk, 2010), or also occur in neighbouring regions of the Saltovo culture as import goods or local copies (e.g. belt and horse harness mounts). Consequently, early Hungarians could get acquainted with Saltovo-type artefact types while settled in the neighbourhood of the Khazar Khaganate.

The above conclusions are especially important in light of knowing that the framework of Eastern Europe’s early medieval archaeology has completely took shape by today. These set archaeological frameworks should be considered when forming linguistic-historical concepts, as well as they should be taken into account by other scientific fields related to the subject.

However, it needs to be emphasized that the above data do not deny the fact of the Khazar-Hungarian connections clearly preserved in written sources, only point out the dead-end of localizing *Levédia* in Saltovo/the Don region (Комар, 2018, p. 84–88). Several East-

ern European archaeologists pointed this already to Hungarian researchers. Thus, the presented connections could just as well form in each-other's neighbourhood. It is probable that even the crossing of the Volga could not be possible without the alliance/permission of the Khazars, which may be a further point of reference towards the theory supposing that the initial scene of the Khazar-Hungarian relations (and other ancient Turkish-Hungarian linguistic connections) could be localized to the left bank of the Volga region.

Today, all archaeological arguments support that *Levédia* can be localized east of the Volga River, and this theory can also be confirmed by the data of the DAI (Keszi, 2017; Комар, 2018). The concept of *Levédia* having been located by the Don does not seem to be valid from a linguistic aspect either. The inhabitants of this area were mostly not Turkish speaking but Alanian people who had been populated north in a great number from the northern foreland of the Caucasus in the middle of the 8th century for border protection, speaking an Iranian-type language. A language shift of the Alanian population, and their exchange to Turkish language only occurred in Hungarian literature, without linguistic evidences. Archaeology has reliably revealed the connections of this population with the Hungarians of *Etelköz*, their direct western neighbours in the 9th century (Аксёнов, 2001; Комар, 2018).

Summarizing the analysis of the historical background of ancient Turkish loanwords, we can conclude that the traditional concept should be carefully re-evaluated in light of the modern Eastern European historical-archaeological results and chronological data. In case of supposing a slow early Hungarian migration in several stages (which completely misses archaeological and historical proofs), new sociolinguistic studies should be also considered besides eti-

mological analyses (cf. Sándor, 2014). These actually point out that the bilingualism behind these loanwords is much shorter, and it can even develop during one or two generations in case of sufficiently intense connections.

The region of the Volga-Southern Urals

In the central Volga region – especially near today's city of Samara – we know of some promising sites on the left bank of the Volga. Besides the characteristic metal artefacts revealed in burials, we have to emphasize the frequent occurrence of the settlement pottery typical of the eastern foreland of the Southern Urals, which, in addition appears in several waves, recurringly (Сташенков, 2020). Furthermore, the microregion of Samara also bears importance in respect of identifying the place of the Volga crossing. The most recent finds indicate that the valley of the Samara River east of Samara, towards Orenburg would be worth of further research (Similarly see Botalov, 2013) (Fig. 2).

As we have seen above, the direct neighbourhood of the Novinki-type archaeological legacy with the Hungarian-type finds reasonably raises the possibility of the ancient Turkish-Hungarian linguistic connections in the Volga – Southern Ural region from the 8th–9th century. If we accept *Levédia* as a historical reality, its localization east of the Volga seems supportable from an archaeological perspective. Tamás Keszi has recently arrived to the same conclusion after analyzing the chapters on the Pechenegs in the Byzantine source known as *De administrando imperio* (DAI) (Keszi, 2017). The etymological identification of the mysterious *Hidmas* River with the Kama also seems to strengthen the concept of *Levédia* having been located east of the Volga (Комар, 2018, p. 20–21). Today, we know a great number of Byzantine and Khazarian import artefacts in the Kama Valley, and even their local copies (Белавин, Крыласова,

2022), which are most probably the results of (fur) trade.

The “*Hungarian-type*” find material (Fig. 1) of the Volga-Kama region, and the association of the sudden disappearance of the Nevolino culture in the beginning of the 9th century with the Hungarians (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009) needs to be the subject of further studies. In the past decades, the Kushnarenkovo and Karayakupovo find material has not expanded on the area of the Tatarstan (Halikova, 1976), while a number of new finds that can be linked here has become known in Bashkiria, in the forest steppe region of the Kama River under Perm. Recently, a sabretache-plate has come to light from the latter region as a scattered find, which had eastern characteristics but was a local product, see (Белавин, Крыласова, 2011). However, recently, the most prominent Hungarian-related assemblages have come to light in the eastern area of the so-called great Ural passage, in the trans-Ural microregion (Sineglazovo, Uyelgi) (Fig. 1) (Боталов и др., 2011). At the same time, it has to be mentioned that the theory stating the early medieval settling of the Hungarians or other Ugric-speaking people west of the Ural in Bashkiria (Мажитов, 2013) or in the Kama Valley (Белавин, Крыласова, 2011) received some serious criticism.

The revision of the Eastern European Pecheneg and so called late nomadic find material – often also called in summary as “*late nomadic*” find material – from a Hungarian perspective can also be considered a new research direction. Archaeologists from Volgograd have brought the first examples from the South Ural region, while Moldavian archaeologists have also emphasized the importance of this in respect of Etelköz (Квитницкий, 2020).

Today, we do not know the exact reason and time of the migration starting from the Volga-Ural region yet. The so-far published theories on the 5th–8th-century appearance of the pre-

decessors of the Hungarians west of the Volga were mere “*visions*” completely ignoring Eastern European archaeological results. Oleksiy V. Komar pointed out that although some funeral practices (NW–SE orientation, burials with horse-skin at the feet) had already appeared in the region at the end of the 5th century, they had never occurred together but separately in context of a particular grave (Комар, 2018, p. 78–83).

The so-called first Pecheneg war already supposed by historians earlier might even be a logical idea. The analysis of the archaeological legacy shows that the finds of the Srostki culture of eastern origin, appearing in the eastern foreland of the Urals during the 9th century, can be identified as far as the area of the Kama-Belaya Rivers. Also referring to data of written sources, Olekszij V. Komar has most recently associated the appearance of the Srostki-type finds of the Southern Ural region with the Bashkirs who settled in (Комар, 2018, p. 254). It is common in both theories that the movement took place as a result of some kind of a political-military conflict. We may summarize that the Volga passing did not take place earlier than the beginning of the 9th century (in league with the Khazars), as it had been earlier supposed by Soviet-Russian, and Ukrainian researchers. We cannot trace any archaeological material of Ural origin in Eastern or Southeastern Europe in the period ranging from the 6th century to the end of the 8th century. The passing of the Volga that shall be dated later than suggested by earlier theories may be the most reasonable explanation why there are no written sources on the predecessors of the Hungarians in Eastern Europe, which could be dated earlier than 836.

The most significant prehistorical result of the Volga-Kama region has been undoubtedly provided by archaeogenetics, which has enabled the identification of Hungarians remaining in the East in

the burials of the 10th–14th-century Chiyalek archaeological culture (*Magna Hungaria*) (Гарустович, 1988; Казаков, 2013).

On the northern part of the grassy steppe region through the Ural, the sites of Sineglazovo and Ujelgi are the most well-known and significant from the Hungarians' perspective. In the cemetery of Uyelgi, the biological, and even the kinship connections can be proved with the Hungarians of the Carpathian Basin (Szeifert et al., 2022). According to the traditional concept, the Hungarians moved from the eastern side of the mountains to the west in the middle of the 6th century, perhaps as an eastern impact of the Avar migration. Originally, the Trans-Uralic origin Kushnarenkovo (6th–8th century) and the Karayakupovo (8th–10th century) archaeological cultures were linked with the predecessors of the Hungarians in the western foreland of the Ural, to which the southern variant of the late Lomovatovka culture (8th–10th century) was also added. It was also the migration of the Hungarians to the west that was appointed as the reason for the sudden disappearance of the Nevolino culture in the 9th century (Иванов, 1999; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009).

Recently, several researchers have argued for a migration that bypassed the Ural from the south and took place along the valley of the Ural River, the endpoint of which could be the middle Volga region directly. A new chronological concept has also formed for the date of the crossing: the beginning of the 9th century instead of the middle of the 6th century (Жомар, 2018; Матвеева, 2019). In this question, serious progress can only be expected from a new, more precise chronological synchronization of the medieval archaeological cultures known from the eastern and western foreland of the Ural (Матвеева, 2019).

In the case of the Southwestern Siberian Hungarian homeland supposed to

be in the region of the Tobol-Irtis-Ishim-Ob rivers, and also localized here in the light of the most recent archaeological results (Матвеева, 2019; Зеленков, 2019), a few linguistic aspects are also worth considering regarding the ancient (before 895 AD) Turkish loanwords in the Hungarian language. Archaeologists reckon with the moving in of old Turkic-speaking nomadic peoples to the southern (forest) steppe region of Siberia already from the Late Hun Age. It is important to emphasize that it is not only about the appearance of Altai-region import wares, but the entire spectrum of the archaeological legacy of the Pre-Turkic and Turkic period from the Minusinsk-Altai region can be detected, even in the burial practices. The few genetic traces of Inner Asian origin detected in the archaeological legacy of the conquerors (cf. the influence of the Srostki culture), as well as in the bone material (Szeifert et al., 2022) understandably raise the possibility that the receiving of ancient Turkish loanwords into the Hungarian language began already in the area of the Western Siberian motherland. East of the South Urals, the historical/archaeological context is evidently given for that, Russian researchers already pointed out the beginning of the ancient Turkish-Hungarian language relations earlier (Боталов, 2013). Regarding the chronological frameworks, we may consider a Western Siberian beginning of the Old Turkish-Early Hungarian connections as a real possibility, in case of the earlier chronology placing the moving out of the Hungarians from their homeland in the second half of the 6th century, as well as the more recent one dating it to the beginning of the 9th century.

With archaeological analysis based on the legacy of the Conquest period, we can reach back in early Hungarian history to the 4th–6th century, as far as the early Middle Ages of the Trans-Ural and South-Western Siberian region. We can-

not date the end of the Sargatka culture (4th century BC – 4th century AD) later than the second half of the 4th century, therefore the chronological gap appearing due to the 6th century beginning of the Kusnarenkovo culture traditionally associated with Hungarians can only be filled with the Bakalskoye culture with pottery tradition typical of the late Sargatka period (Боталов, 2013). Lately, Siberian archaeologists have raised the possibility to link the legacy of the Potchevas and Molchanovo cultures with the ancestors of the Hungarians instead of the Bakalskoye culture (Зеленков, 2019). The exact localization of the Western Siberian Hungarian motherland at the Tobol-Irtis-Isim-Ob region is presently the greatest challenge of early Hungarian archaeological research (Матвеева и др., 2021) (Fig. 2).

Summary

Based on the improvements of the last one and a half decade, we may conclude that the archaeological research of early Hungarian history has brought significant results both in a qualitative and quantitative sense. The complex (natural) scientific analysis of the archaeological material revealed possibilities that we had not even dared to hope before. The number of the archaeological finds and sites from the *Etelköz* increased tenfold in the last one and a half decade.

Exceeding even this, the number of Conquest and early Árpáadian period, as well as Eastern European archaic bone samples analysed by the three Hungarian archaeogenetic laboratories and research groups increased in a great number. The number of published or close to be published samples analysed on the level of complete mitochondrial genome (maternal lineage) is around 450, among which, in the case of around 60 men, the paternal lineage was also identified (Csáky et al., 2020; Szeifert et al., 2022).

In summary, we can state about the latest prehistorical results that they can be synchronized in case of most of the scientific areas. Perhaps no similar harmony could be seen before among the data of the various groups of sources: as a result, we can find the eastern connections of the Conquest period legacy where linguists and historians also assume them on the basis of other data. The results of natural scientific analyses particularly remind us, researchers of this period that during our research we shall only raise *questions* that are *formulated correctly* and can be *answered clearly*. Today, besides the constant interpretation of resources, this is the key to move forward in the modern archaeological research of the early Hungarian history.

REFERENCES

1. Afanasyev, G. E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII–X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8th – 10th Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture))*. Series: Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh (Rescue Archaeological Investigations) 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Afanasyev, G. E. 2001. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 2, 43–45 (in Russian).
3. Aksenov, V. S. 2001. In *Severnnyy Kavkaz i kochevoy mir stepey Evrazii: V. Minaevskie chteniya po arkheologii, etnografii i kraevedeniyu Severnogo Kavkaza (The North Caucasus and the nomadic world of the Steppes of Eurasia: V. Minaev readings on archaeology, ethnography and local history of the North Caucasus)*. Stavropol: Stavropol State University Publ., 212–214 (in Russian).
4. Bálint, Cs. 1989. *Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert*. Wien–Köln.
5. Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (The Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: "Vagant" Publ. (in Russian).

6. Belavin, A. M., Krilasova, N. B. 2011. Tarsolyemez Perm környékéről (A pouch plate from the Perm area). In *Folia Archaeologica* 54, 243–256.
7. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2022. In Türk A. (Ed.). Hadak útján. 29th Conference of young scholars on the Migration Period. November 15-16, 2019, Budapest). *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia* 21. Magyar Östörténeti Témacsoport Kiadványok 10. Budapest, 73–84 (in Russian).
8. Bokij, N. M., Pletnyova, Sz. A. 1989. Nomád harcos család 10. századi sírjai az Ingul folyó völgyében (Gräber einer nomadischen Kriegerfamilie aus dem 10. Jh. im Ingul-Flußtal). In *Archaeologiai Értesítő* 116, 86–98.
9. Botalov, S. G. 2013. In Botalov, S. G., Ivanova, N. O. (eds.). *II Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (II International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 139–167 (in Russian).
10. Botalov, S. G., Lukinykh, A. A., Tideman, E. V. 2011. In *Chelyabinskij Gumanitarij (Chelyabinskij Gumanitarij)* 2 (15), 104–114 (in Russian)
11. Csáky, V., Gerber, D., Szeifert, B., Egyed, B., Stégmár, B., Botalov, S. G., Grudochko, I. V., Matveeva, N. P., Zelenkov, A. S., Sleptsova, A. V., Goldina, R. D., Danich, A. V., Mende, B. G., Türk, A., Szécsényi-Nagy, A. 2020. In *Scientific Reports*, 10, 19137. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-75910-z>
12. Erdélyi, I. 2008. *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei*. Budapest (in Hungarian).
13. Fettich, N. 1933. In *Századok* 67, 250–276, 369–399 (in Hungarian).
14. Fodor I. 1975. *Verecke híres útján... A magyar nép őstörténete és a honfoglalás*. Budapest (in Hungarian).
15. Fodor, I. 1994. In Kovács L. (szerk.) *Honfoglalás és régészet*. Budapest, 47–65 (in Hungarian).
16. Fodor, I. 2015. *Vengry: drevnyaya istoriya i obretnie Rodiny (Hungarians: ancient history and the finding of a Homeland)*. Perm: "ZEBRA" Publ. (in Russian)
17. Garustovich, G. N. 1988. In Pshenichiuk, A. Kh. (ed.). *Problemy drevnikh ugrov na Iuzhnom Urale (Issues of the Ancient Ugric Peoples in the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Scientific Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 130–139 (in Russian).
18. Halikova, J. A. 1976. In *Archaeologiai Értesítő* 103, 53–78 (in Hungarian).
19. Ivanov, V. A. 1999. *Drevnie ugry-mad'iary v Vostochnoi Evrope (Ancient Ugric Magyars in Eastern Europe)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
20. Kazakov, E. P. 2013. 2013. In Botalov, S. G., Ivanova, N. O. (eds.). *II Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (II International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 173–181 (in Russian).
21. Keszi, T. 2017. In *Az Intercisa Múzeum Évkönyve* 2, 29–55.
22. Klima, L. 2020. *Válogatott rénhireim. Tudásmorzsa a finnugor kultúra és történelem világából*. Budapest.
23. Komar, A. V. 1999. In *Vita Antiqua* 2, 111–136. (in Russian)
24. Komar, A. V. 2018. *Istoriya i arkheologiya drevnikh mad'yar v epokhu migratsii (History and archaeology of the Ancient Hungarians in the era of migration)*. Budapest (in Russian).
25. Kvitnitskiy, M. V., Tyurk, A., Telnov, N. P., Lisenko, S. D., Sinika, V. S. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 329–340 (in Russian)
26. Langó, P. 2007. *Amit elrejt a föld... A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében*. Budapest (in Hungarian).
27. Lifanov, N. A. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. Donetsk: Donetsk National University, 25–40 (in Russian).
28. Matveeva, N. P. 2019. In Matveeva, N. P. (ed). *Ab origine: arkheologo-etnograficheskiy sbornik (Ab origine: Archaeological and Ethnographic Collection)* 11. Tyumen: Tyumen State University, 44–60 (in Russian).
29. Matveeva, N. P., Gyóni, G., Zelenkov, A. S. 2021. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 2, 147–166 (in Russian).
30. Mazhitov, N. A. 2013. In Botalov, S. G., Ivanova, N. O. (eds.). *II Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium (II International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 84–88 (in Russian).

31. Pletneva, S. A. 1999. *Oчерки khazarскоi археологii (Essays on Khazar Archaeology)*. Moskva; Jerusalem: "Gesharim"; "Mosty kul'tury" Publ. (in Russian).
32. Polgár, Sz. 2019. *Kelet-Európa kereskedelmi kapcsolatai az irott források alapján (kb. 750-1000)*. Budapest (in Hungarian).
33. Révész, L. 1998. In *Móra Ferenc Múzeum Évkönyve – Studia Archaeologica* 4, 523–532.
34. Ryabtseva, S., Rabinovich, R. 2007. In *Revista Arheologica. serie nouă* vol III. nr. 1–2. Chişinău, 195–230. (in Russian)
35. Sándor, K. 2014. In *Iskolakultúra* 2, 76–86 (in Hungarian).
36. Shcherbakova, T. A., Tashchi, E. F., Telnov, N. P. 2008. *Kochevnicheskie drevnosti Nizhnego Podnestrovyia (Po materialam raskopok kurgana u g. Slobodzeya) (The nomadic antiquities of the Lower Transnistria (Based on the materials of the excavations of the mound near the town of Slobodzeya))*. Chisinau: "Elan Poligraf SRL" Publ. (in Russian)
37. Stashenkov, D. A. 2020. *(Drevnie vengry i ikh okruzhenie v Samarskom Povolzhye. Katalog arkhеologicheskikh kollektсий) (Ancient Hungarians and their surroundings in the Samara Volga region. Catalog of archaeological collections)*. Samara: Regional Museum of Local Lore Publ. (in Russian).
38. Szeifert, B., Gerber, D., Csáky, V., Langó, P., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A., Sitdikov, A. G., Gazimzyanov, I. R., Volkova, E. V., P. Matveeva, N. P., Zelenkov, A. S., Poshekhonova, O. E., Sleptsova, A. V., Karacharov, K. G., Ilyushina, V. V., Konikov, B. A., Sungatov, F. A., Kolonskikh, A. G., Botalov, S. G., Grudochko, I. V., Komar, O. V., Egyed, B., Mende, B. G., Türk, A., Szécsényi-Nagy, A. 2022. In *Human Molecular Genetics*, Vol. 31, Issue 19, 3266–3280. <https://doi.org/10.1093/hmg/ddac106>.
39. Tóth, S. L. 1998. *Leveidiától a Kárpát-medencéig*. Szeged (in Hungarian).
40. Türk, A. 2010. In G. Tóth P., Szabó P. (szerk.) *Középkortörténeti tanulmányok 6. A VI. Medievistikai PhD-konferencia (Szeged, 2009. június 4–5)*. Szeged, 261–306.
41. Türk, A. 2021. In Klima, L., Türk, A. (eds.). *Parallel stories. Interdisciplinary Conference on Hungarian Prehistory, organized by the Institute for Archaeology, PÁCU, Budapest, 11–13 November 2020*. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensiae 23. – Magyar Östörténeti Kutatócsoport Kiadványok 2. Budapest 2021, 163–204 (in Hungarian).
42. Zelenkov, A. S. 2019. In Matveeva, N. P. (ed). *Ab origine: arkhеologo-etnograficheskii sbornik (Ab origine: Archaeological and Ethnographic Collection)* 11. Tyumen: Tyumen State University, 24–43 (in Russian).
43. Zimonyi, I. 1996. In Kovács, L., Veszprémy, L. (szerk.) *A honfoglaláskor irott forrásai*. Budapest, 49–59 (in Hungarian).

About the Author:

Türk Attila, PhD, habil. Research Centre for the Humanities. Tóth Kálmán St. 4, Budapest, 1097, Hungary; turk.attila@atbk.hu

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ИДЕИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАННЕЙ ИСТОРИИ МАДЬЯРОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

А. Тюрк

Ранняя венгерская история является областью исследований с весьма ограниченной источниковой базой. Иском образцом археология, как наука с быстро увеличивающимися базами данных, имеет здесь первостепенное значение. Важно подчеркнуть, что для археологии также характерно использование всё большего числа естественнонаучных методов, которые придают импульс новым биоархеологическим исследованиям. Наиболее значительным археологическим достижением для венгерской предьистории в последние годы стало взрывное увеличение числа памятников типа Субботцев, оставленных венгерским населением в бассейне Среднего и Нижнего Днестра. В настоящее время на Среднем и Нижнем Днепре известно 10–12 памятников, которые можно связывать с областью Этелькёз. В находках из них хорошо отражены отношения с соседними, главным образом с северными славянскими районами, а также с византийской культурной средой Крыма. Помимо хронологии археологического материала, его характеристика также явно согласуется с картиной, нарисованной мусульманскими ис-

Исследование и статья выполнено в рамках проекта по приоритетной научной теме ELKH [2021-2023] - SA-30/2021, а также в рамках Программы династии Арпадов, проект IV.2.

точниками о предках венгров IX в. Далее на восток наибольшую связь с венгерским этногенезом демонстрируют памятники Самарской Луки и Южного Урала. В качестве рабочей гипотезы можно утверждать, что самые ранние археологические следы предков венгров известны восточнее Уральских гор, на восток от челябинского Зауралья. Некая группа местного населения, по-видимому, мигрировала на запад. Это объединение появилось вскоре на левом берегу Волги, а его территория простиралась до границы Волжской Булгарии. Позднее часть этого населения осталась в Прикамье. Другая группа мигрировала на запад до 30-х гг. IX в., а затем поселилась на территории Северного Причерноморья.

Ключевые слова: археология, ранняя история венгров, археология, археологические памятники типа Субботцев, Волго-Эпоха обретения родины на Дунае (венг. Nonfoglalás – «обретение родины»), древнетюркские заимствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 198 с.
2. Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. № 2. С. 43–55.
3. Аксенов В.С. Контакты венгров с аланами в IX веке — взаимопроникновение культур // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь: СГУ. 2001. С. 212–214.
4. Bálint, Cs. *Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert.* Wien–Köln, 1989.
5. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: ИПК БГПУ «Вагант», 2009. 285 с.
6. Belavin, A. M., Krilasova, N. B. Tarsolyemez Perm környékéről (A pouch plate from the Perm area) // *Folia Archaeologica.* 2011. № 54. 243–256.
7. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Взаимодействие населения Предуралья и носителей салтово-маяцкой археологической культуры // *Hadak útján. 29th Conference of young scholars on the Migration Period.* November 15–16, 2019, Budapest). *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia.* In Türk A. (Ed.). Budapest, 2022. P. 73–84. DOI 10.55722/Arpad.Kiad.2021.4.1_06
8. Bokij, N.M., Pletnyova, Sz.A. 1989. Nomád harcos család 10. századi sírjai az Ingul folyó völgyében (Gräber einer nomadischen Kriegerfamilie aus dem 10. Jh. im Ingul-Flußtal) // *Archaeologiai Értesítő.* 1989. № 116. P. 86–98.
9. Боталов С.Г. Некоторые аспекты уральской мадьярской проблемы // II Международный Мадьярский симпозиум / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 139–167.
10. Боталов С.Г., Лукиных А.А., Тидеман Е.В. Погребальный комплекс могильника Уелги — новый средневековый памятник в Южном Зауралье // *Челябинский Гуманитарий.* 2011. № 2 (15). С. 104–114.
11. Csáky, V., Gerber, D., Szeifert, B., Egyed, B., Stégmár, B., Botalov, S. G., Grudochko, I. V., Matveeva, N. P., Zelenkov, A. S., Sleptsova, A. V., Goldina, R. D., Danich, A. V., Mende, B. G., Türk, A., Szécsényi-Nagy, A. Early Medieval Genetic Data from Ural Region Evaluated in the Light of Archaeological Evidence of Ancient Hungarians. In *Scientific Reports*, 2020, 10, 19137. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-75910-z>
12. Erdélyi I. *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei.* Budapest. 2008.
13. Fettich N. A levéldiai magyarság a régészet megvilágításában // *Századok* 67, 1933. 250–276, 369–399.
14. Fodor I. Verecke híres útján... A magyar nép őstörténete és a honfoglalás. Budapest, 1975.
15. Fodor I. Leletek Magna Hungáriától Etelközig. In Kovács L. (szerk.) *Honfoglalás és régészet.* Budapest, 1994. P. 47–65.
16. Фодор И. Венгры: древняя история и обретение Родины. Пермь: ЗЭБРА, 2015. 132 с.
17. Гарустович Г.Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале / Ред. Пшеничник А.Х. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 130–139.
18. Halikova J.A. 1976. Ósmagyar temető a Káma mentén. *Magna Hungaria kérdéséhez* // *Archaeologiai Értesítő* 103, 1976. P. 53–78.
19. Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
20. Казаков Е.П. Мадьяры и волжские болгары: этапы взаимодействия // II Международный Мадьярский симпозиум / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 173–181.
21. Keszti T. Levedia, the egg of Columbus and what follows // *Az Intercisa Múzeum Évkönyve.* 2017. no. 2. P. 29–55.

22. Klima L. Válogatott rénhíreim. Tudásmorzsák a finnugor kultúra és történelem világából. Budapest, 2020.
23. Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // *Vita Antiqua*. 1999. № 2. С. 111–136.
24. Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт, 2018. 426 с.
25. Квитницкий М.В., Тюрк А., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Сеника В.С. Два венгерских погребения IX века в Дунай-Днестровских степях // *Stratum plus*. 2020. № 5. С. 329–340.
26. Langó P. Amit elrejt a föld... A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében. Budapest, 2007.
27. Лифанов Н.А. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 4 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. С. 25–40.
28. Матвеева Н.П. Некоторые проблемы изучения средневековой археологии лесостепной зоны Приуралья и Зауралья в свете формирования мадьяр // *Ab Origine*. Археолого-этнографический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 2019. С. 24–43.
29. Матвеева Н.П., Дьёни Г., Зеленков А.С. Проблемы изучения происхождения мадьяр (по урало-сибирским материалам раннего средневековья) // *РА*. 2021. № 2. С. 147–166.
30. Мажитов Н.А. Еще раз о мадьярской проблеме в средневековой истории Южного Урала // II Международный Мадьярский симпозиум / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 84–88.
31. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. Москва; Иерусалим: Гешарим / Мосты культуры, 1999. 280 с.
32. Polgár, Sz. Kelet-Európa kereskedelmi kapcsolatai az írott források alapján (kb. 750-1000). Budapest, 2019.
33. Révész, L. Szempontok a honfoglalás kori leletanyag időrendjének meghatározásához a keleti párhuzamok alapján (Geschichtspunkte zur Bestimmung der Chronologie der landnahmezeitlichen Funde Aufgrund der östlichen Analogien). In Móra Ferenc Múzeum Évkönyve – *Studia Archaeologica*. 1998. № 4. P. 523–532.
34. Рябцева С., Рабинович Р. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX–X вв. // *Revista Arheologică, seria nouă*. 2007. Vol. 3. Nr. 1–2. С. 195–230.
35. Sándor, K. Vámbéry Ármin és a török-magyar nyelvcsere // *Iskolakultúra*. 2014. № 2. P. 76–86.
36. Щербакowa Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея). Кишинев: Elan Poligraf SRL, 2008. 139 с.
37. Сташенков Д.А. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. Самара: СОИКМ им. Алабина, 2020. 122 с.
38. Szeifert, B., Gerber, D., Csáky, V., Langó, P., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A., Sitdikov, A. G., Gazimzyanov, I. R., Volkova, E. V., P. Matveeva, N. P., Zelenkov, A. S., Poshekhonova, O. E., Sleptsova, A. V., Karacharov, K. G., Ilyushina, V. V., Konikov, B. A., Sungatov, F. A., Kolonskikh, A. G., Botalov, S. G., Grudochko, I. V., Komar, O. V., Egved, B., Mende, B. G., Türk, A., Szécsényi-Nagy, A. Tracing genetic connections of ancient Hungarians to the 6th–14th century populations of the Volga-Ural region // *Human Molecular Genetics*. 2022. Vol. 31. Issue 19. P. 3266–3280. <https://doi.org/10.1093/hmg/ddac106>.
39. Tóth S.L. Leveidiától a Kárpát-medencéig. Szeged, 1998.
40. Türk A. A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása // In G. Tóth P., Szabó P. (szerk.) *Középkortörténeti tanulmányok 6. A VI. Medieviztikai PhD-konferencia (Szeged, 2009. június 4–5)*. Szeged, 2010. P. 261–306.
41. Türk A. A korai magyar történelem régészeti kutatásainak aktuális eredményei és azok lehetséges nyelvészeti vonatkozásai (Recent advances in archaeological research on early Hungarian history and their potential linguistic relevance) // *Parallel stories. Interdisciplinary Conference on Hungarian Prehistory, organized by the Institute for Archaeology, PPCU, Budapest, 11–13 November 2020*. Eds.: Klima, L. – Türk, A. *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia* 23. – Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok 2. Budapest, 2021. P. 163–204.
42. Зеленков А.С. О статусе псевдокушаренковской керамики в археологическом контексте Западной Сибири в раннего средневековья // *Ab Origine*. Археолого-этнографический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 2019. С. 24–43.
43. Zimanyi I. A 9. századi magyarokra vonatkozó arab források. A Dzsajháni-hagyomány. In Kovács, L., Veszprémy, L. (szerk.) *A honfoglaláskor írott forrásai*. Budapest, 1996. P. 49–59.

Информация об авторе:

Тюрк Агтила А., PhD, старший научный сотрудник. Центр гуманитарных наук (г. Будапешт, Венгрия); turk.attila@abtk.hu ORCID: 0000-0001-9199-0019

Статья принята в номер 01.03.2024 г.

Список сокращений

- АВУР – Археология Волго-Уралья
 АЕС – Археология Евразийских степей
 АИУз – Археологические исследования в Узбекистане
 АН РТ – Академия Наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук Советского Союза
 АО – Археологические открытия
 Бг – Барсов городок
 БГ – Барсова Гора
 БМАК – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс
 ВДИ – Вестник древней истории, Москва
 ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт
 (ныне – ГАГУ)
 ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
 ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
 ГМВ – Государственный музей Востока
 ГМЗ – Государственный музей-заповедник
 ГосНИОРХ – Государственный научно-исследовательский институт озерно-
 го и речного рыбного хозяйства
 ГППП – Государственный природный национальный парк
 ГЭ – Государственный Эрмитаж.
 ДБ – Древности Боспора
 ДонНУ – Донецкий национальный университет
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Респу-
 блики Татарстан
 ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
 Российской академии наук
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской акаде-
 мии наук
 ИИЯЛ БФАН СССР – Институт истории, языка и литературы Башкирского
 филиала Академии наук СССР
 ИИЯЛ УФИЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского фе-
 дерального исследовательского центра Российской академии наук
 ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
 ИПЭП АН РТ – Институт проблем экологии и недропользования Академия
 Наук Республики Татарстан
 КарНЦ РАН – Карельский научный центр Российской академии наук
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
 МАР – Материалы по археологии России
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленин-
 град

- МИЦАИ – Международный институт Центральноазиатских исследований
(г. Самарканд, Узбекистан)
- МЮТАКЭ – Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
- НА ИА РАН – научный архив Института археологии РАН
- НГУ – Новосибирский государственный университет
- НИИ – научно-исследовательский институт
- НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований
Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
- РА – Российская археология (Москва)
- РАН – Российская академия наук
- РГБ – Российская государственная библиотека
- РГО – Русское географическое общество
- РИЦ – редакционно-издательский центр
- РНФ – Российский научный фонд
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
- СК – сапаллинская культура
- СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
- СПб – Санкт-Петербург
- СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
- СССР – Союз Советских Социалистических Республик
- СЭ – Советская этнография
- Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
- Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
- УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук
- УФИЦ – Уфимский федеральный исследовательский центр
- ХНМЦОКС – Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/>

Сроки приема материалов

№ 1 (март) – не позднее 1 декабря

№ 2 (июнь) – не позднее 1 марта текущего года

№ 3 (сентябрь) – не позднее 1 июня текущего года

№ 4 (декабрь) – не позднее 1 сентября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Першагина И.А.
Дата выхода в свет 29.03.2024 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20